

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 4 (59) 2021

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2021

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. И. Третьяков, начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

А. П. Анисимов, профессор кафедры гражданского и международного частного права Института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

П. В. Анисимов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Волгоградского института бизнеса, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры уголовного процесса Алматинской академии МВД Республики Казахстан, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминологии и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Бужор, директор Института уголовного права и прикладной криминологии (Республика Молдова), доктор права, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминологии Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

Н. И. Грачев, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

И. С. Дикарев, начальник института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминологической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминологической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминологии учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминологии учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Р. Г. Зорин, заведующий кафедрой гражданских и уголовно-правовых дисциплин факультета экономики и права Барановичского государственного университета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. М. Маркосян, первый заместитель начальника Образовательного комплекса Полиции Республики Армения, кандидат юридических наук, доцент.

Д. М. Мирзоев, начальник кафедры предварительного следствия и криминологии Академии МВД Республики Узбекистан, доктор юридических наук, доцент.

Подписной индекс на II полугодие 2021 г. в каталоге «Пресса России» – **Э22761**.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редакторы
Т. В. Рассказова,
М. В. Остертак

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции и издателя:
400075, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
15.12.2021.

Дата выхода в свет:
20.12.2021.

Формат 60X84/8.
Печать офсетная.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 24,0.
Усл. печ. л. 22,3.
Тираж 500. Заказ 54.

Цена по подписке на II полугодие 2021 г. по каталогу «Пресса России» 750 руб. 20 коп. (2 номера)

Отпечатано в ОПиОП РИО ВА МВД России. 400005, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская академия МВД России, 2021

С. Д. Назаров, председатель Волгоградского областного Совета ветеранов, кандидат юридических наук, профессор.

А. И. Овчинников, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, заместитель начальника Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. Я. Рыженков, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета имени В. В. Городовикова, доктор юридических наук, профессор.

К. К. Сейтенов, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. С. Чичерин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шкаплеров, первый заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Состав редакционной коллегии

С. М. Голятина, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России (ответственный секретарь).

Ю. П. Доронин, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

Н. В. Кальченко, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

С. В. Катков, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

О. С. Колосович, заместитель начальника кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Намнясева, начальник кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Попов, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Н. Л. Радаева, начальник отделения информации и общественных связей Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Т. В. Рассказова, редактор редакции журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России.

А. А. Редько, профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Г. М. Семененко, заместитель начальника кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Е. Н. Трофимов, доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

А. Г. Фастов, ученый секретарь ученого совета Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Issue 4 (59) 2021 : scientific and methodical journal. — Volgograd : VA MVD Rossii, 2021. — 192 p.

Founder and publisher — Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published

The journal is included into the system Russian index scientific citation. Full-text versions of articles and bibliographic lists are placed on the Scientific electronic library (www.elibrary.ru)

The Journal is registered at the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate number **PI № FS77-75804** as of May 23, 2019

Subscription index for the second half of 2021 at the catalogue "Pressa Rossii": **322761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

**ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA**

**№. 4 (59)
2021**

EDITOR-IN-CHIEF

V. I. Tretyakov, Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Academy for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

M. S. Kolosovich, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

The editorial council

A. P. Alekseeva, Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

A. P. Anisimov, Professor at the Department of Civil and International Private Law of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Professor.

P. V. Anisimov, Head of Theory and History of State and Law Department of the Volgograd Institute of Business, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Criminal Procedure of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Senior Researcher of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination of the South Ural State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Buzhor, Director of the Institute of Criminal Law and Applied Criminology (Republic of Moldova), Doctor of Law, Professor.

V. G. Glebov, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

N. I. Grachev, Professor at the Constitutional and Administrative Law Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

I. S. Dikarev, Head of the Law Institute of the Volgograd State University. Doctor of Juridical Sciences, Docent.

O. B. Dronova, Professor at the Department of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Preliminary Investigation Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

R. G. Zorin, Head of the Department of Civil and Criminal Law Disciplines of the Economics and Law Department of the Baranovichi State University of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Head of the Department of the Civil Service and Personnel of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the Interior Bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. M. Markosyan, the First Deputy Head of the Educational Complex of Police of the Republic of Armenia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Preliminary Investigation and Criminalistics of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

Editors
T. V. Rasskazova,
M. V. Ostertak

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
15.12.2021.

Date of publication:
20.12.2021.

Format 60X84/8.
Offset printing.
Font Arial.
Physical print sheets 24,0.
Conventional print sheets 22,3.
500 copies. Order 54.

Subscription price for the
second half of 2021
according by catalogue
"Pressa Rossii"
750 ruble 20 kopeek
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2021

S. D. Nazarov, Head of the Volgograd Regional Council of Veterans, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

A. I. Ovchinnikov, Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Deputy Head of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. Ya. Ryzhenkov, Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

K. K. Seitenov, the First Vice Rector of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Senior Researcher of Research Institute of Federal penitentiary service of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. S. Chicherin, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. P. Shkaplerov, First Deputy Chief of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

The editorial board

S. M. Golyatina, Post-Graduate Student at the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Executive Secretary).

Yu. P. Doronin, Senior Lecturer at the Philosophy Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Historical Sciences, Docent.

N. V. Kalchenko, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

S. V. Katkov, Associate Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

O. S. Kolosovich, Deputy Head of the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Namnyaseva, Head of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Popov, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

N. L. Radaeva, Head of Department of Information and Public Relations of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

T. V. Rasskazova, Editor of Editorial Board of the Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia of Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

A. A. Redko, Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

G. M. Semenenko, Deputy Head of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

E. N. Trofimov, Associate Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

A. G. Fastov, Scientific Secretary of the Scientific Council of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

Климова Я. А., Колосович М. С.
Медиативные процедуры
в уголовном судопроизводстве
Печников Г. А., Блинков А. П.
Может ли уголовный процесс быть формой
уголовного права: выводы из статьи К. Маркса
«Дебаты по поводу закона о краже леса»
Чаплыгина В. Н.
«Судебный следователь» и «следственный судья»:
соотношение и назначение понятий

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Мингес И. А., Попов В. В.
Противодействие коррупции:
поиск научно-методологической основы
в контексте государствоведения
(начало)
Рудковский В. А., Редько А. А.
О практическом значении юриспруденции

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Алафьев М. М.
Общественная опасность мелкого взяточничества
как основание и основной принцип установления
уголовно-правового запрета на его совершение
Варыгин А. Н., Касаев И. Х.
Неосторожная преступность в России:
криминологический аспект
Ильин И. С.
Этимология «протеста» и содержание
«права на протест»
Лобанова Л. В., Малимонова М. А.
Об уголовно-правовом значении судимости
иностранного происхождения:
постановка вопроса
Третьяков В. И., Стрилец О. В.
Проблемы законодательной регламентации
механизма исполнения наказаний, не связанных
с изоляцией осужденного от общества

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

10 *Klimova Ya. A., Kolosovich M. S.*
Mediative procedures
in criminal proceeding
16 *Pechnikov G. A., Blinkov A. P.*
Can the criminal procedure be a form
of criminal law: conclusions from the article by K. Marx
"Debate over the theft of the forest law"
25 *Chaplygina V. N.*
"Judicial investigator" and "investigative judge":
correlation and purpose of concepts

CURRENT PROBLEMS OF STATE AND LAW

32 *Minges I. A., Popov V. V.*
Anti-corruption measures: the search
for a scientific and methodological basis
in the context of state studies
(beginning)
39 *Rudkovsky V. A., Redko A. A.*
On practical meaning of jurisprudence

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

44 *Alafiev M. M.*
The public danger of petty bribery
as the basis and the main principle of establishing
a criminal law ban on its commission
52 *Varygin A. N., Kasayev I. Kh.*
Reckless crime in Russia:
criminological aspect
60 *Ilyin I. S.*
The etymology of "protest" and the meaning
of "the right to protest"
70 *Lobanova L. V., Malimonova M. A.*
On the criminal law value
of conviction of foreign origin:
formulation of the question
82 *Tretyakov V. I., Strilets O. V.*
Problems of legislative regulation of the mechanism
of punishment execution not related
to isolation of the convicted person from society

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС,
КРИМИНАЛИСТИКА
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Гаджимагомедов Г. К.
Документы-доказательства
как специфическое средство доказывания
по уголовным делам
Глебов В. Г.
Антагонизм установления истины
и вероятностных выводов
в назначении уголовного судопроизводства
Куликов В. В., Меженина Е. В.
Межотраслевое регулирование
при производстве по уголовным делам
о преступлениях в сфере экономической деятельности
и против интересов службы
в коммерческих организациях
Лыков Д. А.
Коллегиальное профессиональное рассмотрение
уголовных дел: сущность и особенности
Мелихов А. И.
Антропологические истоки
оперативно-разыскной деятельности полиции
как средства обеспечения безопасности в обществе
Попова О. А.
О целесообразности совершенствования
частных криминалистических методик
в связи с развитием информационных технологий
Решняк О. А., Алексеева А. П.
Использование IT-технологий
в раскрытии и расследовании
незаконного сбыта наркотических средств,
совершаемого современными способами
Свежинцев Е. И.
Информация в сфере уголовного судопроизводства:
сущность и классификация
Сидоренко О. В.
Оценка качественных характеристик
иллюстративного материала,
подготовленного по результатам осмотров
мест происшествий по фактам краж
Шашин Д. Г., Бондарев А. С., Катков С. В.
Проблемы реализации принципа законности
в части пенсионного обеспечения лиц,
содействующих органам, осуществляющим
оперативно-разыскную деятельность

**CRIMINAL PROCEDURE,
CRIMINALISTICS
AND OPERATIONAL-SEARCH
ACTIVITIES**

89 *Gadzhimagomedov G. K.*
Documents-evidence
as a specific means
of proof in criminal cases
96 *Glebov V. G.*
The antagonism of truth finding
and probabilistic inferences
in the appointment of criminal proceedings
102 *Kulikov V. V., Mezhenina E. V.*
Intersectoral regulation
in criminal proceedings
in the field of economic activity
and against the interests of service
in commercial organizations
107 *Lykov D. A.*
Collegial professional consideration
of criminal cases: essence and features
113 *Melikhov A. I.*
Anthropological origins
of the operational-search activity
of the police as a means of ensuring security in society
119 *Popova O. A.*
On the feasibility of improving
private forensic techniques in connection
with the development of information technologies
125 *Reshnyak O. A., Alexeeva A. P.*
Use of IT-technologies
in the disclosure and investigation
of illegal sale of narcotic drugs
committed by modern methods
131 *Svezhintsev Eu. I.*
Information in the context of criminal proceedings:
essence and classification
143 *Sidorenko O. V.*
Assessment of qualitative characteristics
of illustrative material
prepared on the basis of crime scene search
related to theft
149 *Shashin D. G., Bondarev A. S., Katkov S. V.*
Problems of implementing the principle
of legality in relation to pension provision
of persons assisting bodies in charge
of operational search activities

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Архипов С. В., Шкабин Г. С.
Организационно-правовые проблемы
штрафной колонизации Сибири
и Дальнего Востока в XIX веке
Басханов А. М.
Особенности регламентации ответственности
за прикосновенность к преступлению
в правовых памятниках Китая
Велиев А. Э.
Опыт Российской империи в области
уголовно-правового противодействия суициду
и его актуальность для современного законодательства

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Евстифеева Е. П., Жукова С. С.
Проблемы квалификации
незаконных организации и проведения
азартных игр, совершенных организованной группой

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ

Шувалов Н. В.
Призвание — учить профессии
(к 40-летию кафедры предварительного расследования
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел)

PAGES OF HISTORY

156 *Arkhipov S. V., Shkabin G. S.*
Organizational and legal problems
of the penalty colonization of Siberia
and the Far East in the XIX century
165 *Baskhanov A. M.*
Specifics of liability regulation
for inviolability in a crime
in the legal documents of China
170 *Veliev A. E.*
The Russian empire's experience
in the field of counter-suicide criminal policy
and its relevance for the modern law

SCIENTIFIC DISCUSSION

178 *Evstifeeva E. P., Zhukova S. S.*
Problems to qualify illegal organizations
and gambling business committed
by an organized group

20 лет назад был принят Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. За это время в него вносили многочисленные изменения, которые, с учетом традиций российского уголовного процесса и требований международных стандартов, были направлены на его адаптацию к современным реалиям и интересам общества с целью выработки более качественных уголовно-процессуальных норм, ориентированных на построение правового государства.

Совершенствование уголовно-процессуального законодательства — это длительный, динамичный и закономерный процесс реформирования отдельных институтов уголовного судопроизводства, во многом обусловленный модернизацией социальной, политической, экономической и духовной сфер жизни российского общества.

Сегодня пришло время осмыслить пройденный двадцатилетний путь, оценить накопленный за этот период опыт развития уголовно-процессуальных отношений и предложить новые пути повышения их эффективности.

Ориентированный на защиту прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации должен обеспечивать безупречное соблюдение процессуальных гарантий принятия справедливых, обоснованных и законных решений всеми уполномоченными на это субъектами, что является одной из важнейших задач государства.

Несовершенство правовых предписаний Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации негативно влияет на практику их правоприменения, создавая дополнительные трудности в их толковании и реализации. Качественное формирование его правовой материи является непременным условием дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства, которое должно осуществляться с учетом последних достижений юридической науки, только в этом случае оно будет отвечать как социальным запросам общества, так и идеалам современной правовой системы.

*Главный редактор
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
В. И. Третьяков*

УДК 343.132
ББК 67.410.212.2
doi: 10.25724/VAMVD.WXYZ

Я. А. Климова, М. С. Колосович

МЕДИАТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются актуальные проблемы и перспективы развития института медиации. Анализируются нормативные правовые акты, регламентирующие возможность применения компромиссных процедур, их закрепление в законодательстве зарубежных стран и государств — участников СНГ. Рассматриваются точки зрения различных авторов относительно дискуссионных вопросов, связанных с имплементацией процедуры медиации, в частности с определением места медиации в уголовном процессе, особенностей ее законодательной регламентации, оснований и порядка примирительной процедуры, круга лиц, участвующих в медиации, а также стадии уголовного судопроизводства, на которой она может быть востребована. Приводятся статистические данные, подтверждающие целесообразность внедрения в отечественное уголовно-процессуальное законодательство медиативных процедур. Подчеркивается перспективность разработки элементов криминалистической характеристики, позволяющих прийти к выводу о возможности достижения компромисса между участниками уголовного судопроизводства. Авторы делают заключение о перспективности и целесообразности применения института медиации в отечественном уголовном судопроизводстве, предлагают его нормативное закрепление в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: медиация, компромисс, медиативные процедуры, уголовное судопроизводство, восстановительное правосудие, компромиссные процедуры, альтернативные методы разрешения уголовно-правовых конфликтов, оптимизация уголовного процесса.

Ya. A. Klimova, M. S. Kolosovich

MEDIATIVE PROCEDURES IN CRIMINAL PROCEEDING

The article deals with acute application problems and prospects of the mediation institute. Statutory regulations, determining the possibility of compromise procedure, their presence in legislation of foreign countries and countries of CIS are analyzed. Reviewed are opinions of authors on issues under discussion, related to mediation procedures, in particular, to determining a place of mediation in criminal process, procedure of its legislative regulation, grounds for and procedure of applying dispute resolution, persons, involved in mediation, as well as the stage of criminal justice, when it can be applied. Given are statistical data, supporting the practicability of implementing the mediation in the Russian criminal procedure law. The authors also underline the viability of developing elements of forensic nature, making it possible to draw a conclusion on possible compromise between participants in the criminal justice. The authors make a conclusion about viability and practicability of applying the mediation institute in the Russian criminal justice, propose its legislative consolidation in the criminal procedure code of the Russian Federation.

Key words: mediation, compromise, mediation procedures, criminal justice, restorative justice, compromise procedures, alternative methods to resolve criminal conflicts, optimization of criminal process.

Одним из приоритетных направлений развития современных правовых систем мира является поиск альтернативных методов разрешения уголовно-правовых конфликтов с целью оптимизации уголовного процесса. Отечественное уголовное судопроизводство также пытается найти баланс между

существующими традиционными процессуальными производствами и новыми институтами, необходимость имплементации которых уже не вызывает сомнений. Особое внимание хотелось бы обратить на значимость внедрения в российский уголовный процесс института медиации.

Медиация как компромиссный способ разрешения уголовно-правового конфликта давно и успешно применяется во многих зарубежных государствах (Франция, США, Великобритания, Канада). Относительно недавно медиация получила нормативно-правовую регламентацию в уголовно-процессуальном законодательстве ряда государств — участников СНГ (Республика Казахстан, Республика Молдова, Республика Беларусь, Кыргызская Республика).

Так, в законодательстве Республики Казахстан возможность применения процедуры медиации закреплена в уголовно-процессуальном кодексе [1], в то время как сфера реализации медиации, условия и порядок достижения соглашения отражены в отдельном законе «О медиации». В частности, в законе закреплена дефиниция медиации, под которой следует понимать процедуру урегулирования спора или конфликта между сторонами при содействии медиатора в целях достижения взаимоприемлемого решения, реализуемую по добровольному согласию сторон [2].

19 июня 2021 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» от 26 мая 2021 г. № 112-3, который внес в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (УПК РБ) изменения и ввел институт медиации в уголовный процесс Беларуси. В соответствии с новой нормой медиация — это переговоры обвиняемого и потерпевшего с участием медиатора в целях содействия их примирению. Представляет интерес положение ст. 60 УПК РБ, согласно которой законодателем закрепляется свидетельский иммунитет для медиатора [3; 4].

В статье 287.1 УПК Республики Молдова начало процедуры медиации рассматривается как основание для приостановления уголовного процесса [5]. Порядок применения и условия медиации закреплены в Законе Республики Молдова «О медиации». Процесс медиации заключается в достижении сторонами взаимного соглашения с помощью третьего лица с целью разрешения конфликта [6].

Отдельные процедуры медиации закреплены в ст. 28 УПК Кыргызской Республики [7], а также в Законе Кыргызской Республики «О медиации» от 28 июля 2017 г. № 161. В статье 2 указанного закона медиация определена как процедура урегулирования спора при содействии медиатора (медиаторов) путем согласования интересов спорящих сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого соглашения [8].

В современной уголовно-процессуальной науке все дискуссионные вопросы, связанные с имплементацией процедуры медиации, условно можно сгруппировать следующим образом (рис. 1).

В современной уголовно-процессуальной науке все дискуссионные вопросы, связанные с имплементацией процедуры медиации, условно можно сгруппировать следующим образом (рис. 1).

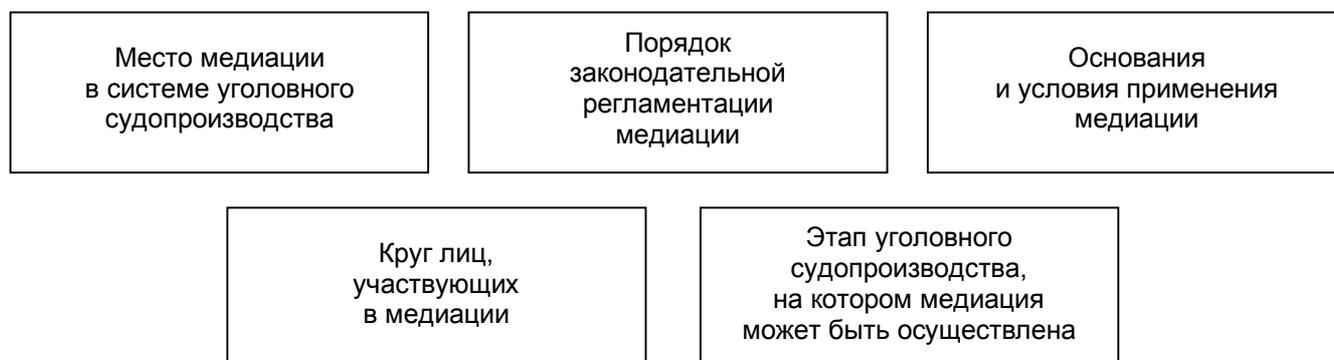

Рис. 1. Классификация дискуссионных вопросов в сфере применения уголовно-процессуальной медиации

Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Л. М. Карнозова в своем исследовании рассматривает процедуру медиации в зависимости от места в системе уголовного процесса:

— в качестве альтернативы уголовному судопроизводству — когда уголовно-правовой конфликт выводится из плоскости уголовного процесса и разрешается до вынесения решения о возбуждении уголовного дела;

— части уголовного процесса — когда медиация встроена в традиционное уголовное судопроизводство как его составляющая;

— дополнения — медиативная процедура проводится после вынесения судебного решения по уголовному делу [9].

Разнообразен и порядок законодательной регламентации медиативных процедур [10]:

— включена в уголовно-процессуальный кодекс (Франция, Республика Беларусь, Грузия);

— включена в уголовный кодекс (Германия, Польша);

— закреплена в отдельном законе о медиации (Республика Молдова, Республика Казахстан);

— регламентируется в рамках закона о ювенальной юстиции (Австрия, Финляндия);

— отражена в иных нормативных правовых актах (например, закон о службе пробации в Чехии и Латвии);

— отсутствует четкое законодательное закрепление процедуры, но медиация применяется на практике (например, в Италии медиацию применяют по усмотрению судьи или социальной службы в случаях, когда они считают ее полезной).

Основания применения медиации в различных странах многообразны, но определяются, как правило, категориями преступлений, относительно которых она может осуществляться, что диктует конкретные условия применения этой процедуры (например, совершение преступления впервые, полное возмещение вреда, причиненного преступлением).

В зависимости от этапа уголовного судопроизводства, на котором медиация может быть осуществлена, Л. В. Головкин выделяет полицейскую и судебную медиацию [11].

Отдельного внимания заслуживает вопрос об определении круга лиц, участвующих в медиации в качестве посредника. В зарубежных странах в качестве медиатора могут выступать сотрудники специализированных служб медиации, служб пробации, общественных организаций, полиции, а также судья, прокурор, волонтеры, традиционные общины и т. д. [12]

Указанные зарубежные нормативно-правовые положения представляют интерес с точки зрения рассмотрения возможности рецепции отдельных положений в уголовно-процессуальное законодательство России.

Считаем правильным присоединиться к мнению судьи И. Н. Фомкиной, согласно которому в российской уголовно-правовой системе рано говорить о применении модели медиации, выступающей процедурой, заменяющей собой уголовное преследование. На сегодняшнем этапе развития возможно успешно внедрять медиацию лишь как дополнение к уголовному процессу [13].

Следует отметить, что отечественное законодательство в сфере уголовного судопроизводства содержит потенциал для закрепления и развития медиативных процедур. К предпосылкам применения компромисса при разрешении уголовно-правовых конфликтов в УПК РФ можно отнести следующие нормы:

— прекращение уголовного дела за примирением сторон (ст. 25 УПК РФ);

— прекращение уголовного дела и уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ);

— особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ);

— смягчение наказания виновному в связи с добровольным возмещением имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, и иными действиями, направленными на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему (ст. 61 УК РФ);

— прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба (ст. 28.1 УПК РФ).

Полагаем, что указанные нормы ярко иллюстрируют необходимость нормативного закрепления медиативных процедур в качестве альтернативного способа разрешения уголовно-правового конфликта.

Для того чтобы процедура медиации в российском уголовном процессе была действительно эффективна, необходимо на законодательном уровне закрепить исчерпывающий перечень объективных критериев ее применимости (например: преступление относится к категории небольшой или средней тяжести; виновный совершил преступление впервые, полностью возместил потерпевшему причиненный ущерб; добровольность, обязательное согласие сторон на применение процедуры; и т. д.).

О необходимости нормативно-правовой регламентации медиации в УПК РФ свидетельствует правоприменительная практика. Так, в производстве мирового судьи судебного участка № 3 Ленинского района г. Саранска находилось уголовное дело, стороны которого при наличии возможности примириться еще больше уходили в конфликт. Однако после прохождения процедуры медиации проблема была решена. В качестве отдельного примера следует привести уголовное дело в отношении Н. Ю. Кабанова и А. С. Таболина, при рассмотрении которого судом была допущена ошибка. При принятии решения о прекращении производства по делу суд принял решение, не основанное на законе, а именно: в резолютивной части постановления указал на утверждение медиативного соглашения [14].

Следует обратить внимание и на статистику. Так, согласно данным Верховного Суда Российской Федерации в 2020 г. в связи с примирением сторон были прекращены дела 17 % лиц, обви-

няемых в преступлениях небольшой и средней тяжести. По словам председателя Верховного Суда России В. Лебедева, практически каждый шестой обвиняемый в нетяжком преступлении освобожден от ответственности, потому что помирился с потерпевшим [15]. Таким образом, можно прийти к выводу, что достижение положительного эффекта в результате применения медиации в таких случаях возможно на более ранних стадиях уголовного судопроизводства, что в свою очередь будет способствовать оптимизации работы судов, снижению стоимости уголовного процесса.

Отдельно остановимся на вопросе закрепления оснований медиации. Здесь считаем правильным согласиться с мнением Е. И. Поповой, считающей, что существует объективная необходимость в разработке системы криминалистических рекомендаций, позволяющих применять нормы, предполагающие достижение компромисса между участниками уголовного процесса [16, с. 111].

Так, при рассмотрении такого элемента криминалистической характеристики краж, совершенных несовершеннолетними, как сведения о личности преступника, можно прийти к выводу, что значительное количество краж совершается данной категорией лиц впервые, ранее не судимыми, без предварительной подготовки, чаще всего из-за побуждения утвердиться в роли «взрослого». В то же время 90 % таких несовершеннолетних характеризуется положительно и искренне раскаивается в совершении деяния. Указанные данные свидетельствуют о возможности применения в отношении таких несовершеннолетних процедуры медиации,

являющейся достижением компромисса между участниками уголовного судопроизводства.

Таким образом, полагаем, для успешной интеграции в отечественный уголовный процесс медиации как компромиссной процедуры целесообразно применять комплексный подход. Процедура медиации должна стать результатом синтеза криминалистических аспектов и положений уголовно-процессуального законодательства. Указанное направление считаем перспективным.

В связи с этим предлагаем внести следующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации:

— дополнить ст. 5 УПК РФ п. 14.2 следующего содержания: *«медиация — альтернативная процедура урегулирования уголовно-правового конфликта между лицом, впервые подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления небольшой или средней тяжести, и потерпевшим при участии медиатора в целях содействия их примирению;»;*

— дополнить ст. 25 УПК РФ ч. 2 следующего содержания: *«Примирение лица, впервые подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, с потерпевшим может осуществляться в порядке медиации на основе добровольного волеизъявления по урегулированию возникшего в связи с совершением преступления конфликта между ними путем заключения медиативного соглашения. Медиация может быть инициирована любой из сторон по собственной инициативе.».*

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. и доп. по сост. на 04.09.2021). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=3;-89 (дата обращения: 08.10.2021).

2. О медиации: закон Республики Казахстан от 28 января 2011 г. № 401-IV (с изм. и доп. по сост. на 01.07.2021). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376#pos=15;-48 (дата обращения: 08.10.2021).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (с изм. и доп. по сост. на 09.09.2021). URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295> (дата обращения: 09.10.2021).

4. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности: закон Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-3. URL: <https://pravo.by/>

1. Criminal procedure code No. 231-V on 4 July 2014 (with revisions and amendments as on 4 September 2021). Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=3;-89. Accessed: 8 October 2021 (in Russian).

2. Law of the Republic of Kazakhstan No. 401-IV on 28 January 2011. "On mediation" (with revisions and amendments as of 1 July 2021). Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376#pos=15;-48. Accessed: 8 October 2021 (in Russian).

3. Criminal procedure code of the Republic of Belarus No. 295-Z on 16 July 1999 (with revisions and amendments as on 9 September 2021). Available from: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295>. Accessed: 9 October 2021 (in Russian).

document/?guid=3961&p0=H12100112 (дата обращения: 09.10.2021).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (с изм. и доп. по сост. на 12.02.2021). URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729 (дата обращения: 09.10.2021).

6. О медиации: закон Республики Молдова от 3 июля 2015 г. № 137. URL: <https://mediation-eurasia.pro/zakonodatelstvo/zakon-respubliki-moldova-137-o-mediaci> (дата обращения: 10.10.2021).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20 (с изм. и доп. по сост. на 22.07.2021). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530> (дата обращения: 09.10.2021).

8. О медиации: закон Кыргызской Республики от 28 июля 2017 г. № 161. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111668> (дата обращения: 10.10.2021).

9. Карнозова Л. М. Медиация по уголовным делам в российской правовой системе // Восстановительная медиация в России: правовое обеспечение и стратегия развития: сб. материалов / сост. А. Ю. Коновалов. Москва: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2013. С. 31—71.

10. Ариети Д., Трамонте В. Медиация между потерпевшим и правонарушителем в рамках процедур восстановительного правосудия: опыт Центра медиации «Trento» // Интеграция несовершеннолетних правонарушителей в общество: роль судов и социальных служб (зарубежная практика и российский опыт): сб. докл. / под общ. ред. А. Л. Шиловской. Москва: Акварель, 2011. С. 172—190.

11. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 73—79.

12. Каминский Э. С. Прокурорская медиация в России: есть ли перспективы? // Российский судья. 2021. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Медиация в уголовном процессе: доклад судьи Фомкиной И. Н. // Офиц. сайт Октябрьского районного суда г. Саранска Республики Мордовия. URL: http://oktyabrsky.mor.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=12 (дата обращения: 10.10.2021).

14. Постановление президиума от 27.09.2018 по результатам обобщения практики рассмотрения судами области уголовных дел за 2017 г. // Офиц. сайт Липецкого областного суда. URL:

4. Law of the Republic of Belarus No. 112-Z on 26 May 2021. "On revision of codes related to criminal liability". Available from: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H12100112>. Accessed: 9 October 2021 (in Russian).

5. Criminal procedure code of the Republic of Moldova No. 122-XV on 14 March 2003 (with revisions and amendments as on 12 February 2021). Available from: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729. Accessed: 9 October 2021 (in Russian).

6. Law of the Republic of Moldova No. 137 on 3 July 2015. "On mediation". Available from: <https://mediation-eurasia.pro/zakonodatelstvo/zakon-respubliki-moldova-137-o-mediaci>. Accessed: 10 October 2021 (in Russian).

7. Criminal procedure code of the Kyrgyz Republic No. 20 on 2 February 2017 (with revisions and amendments as of 22 July 2021). Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530>. Accessed: 9 October 2021 (in Russian).

8. Law of the Kyrgyz Republic No. 161 on 28 July 2017. "On mediation". Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111668>. Accessed: 10 October 2021 (in Russian).

9. Karnozova L. M. Mediation on criminal cases in the Russian legal system. In: Restorative mediation in Russia: legal support and development strategy. Collection of materials. Made by A. Yu. Kononov. Moscow: MOO Center "Sudebno-pravovaya reforma"; 2013: 31—71 (in Russian).

10. Ariete D., Tramonte V. Mediation between the victim and criminal within the procedure of restorative justice: experience of Mediation centre "Trento". In: Integration of underage criminal in the society: role of courts and social services (foreign practice and Russian experience). Collection of reports. Ed. by A. L. Shilovskaya. Moscow: Watercolor; 2011: 172—190 (in Russian).

11. Golovko L. V. Alternatives to criminal prosecution in the modern law. Saint Petersburg: Juridical center Press; 2002: 73—79 (in Russian).

12. Kaminskiy E. S. Prosecutor mediation in Russia: any prospects? Russian judge, 2021. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

13. Mediation in criminal process: report by judge Fomkina I. N. In: Site of Oktyabrskiy district court of Saransk, Republic of Mordoviya. Available from: http://oktyabrsky.mor.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=12. Accessed: 10 October 2021 (in Russian).

http://oblsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=61 (дата обращения: 03.10.2021).

15. До 17 % дел о незначительных преступлениях прекращаются за примирением сторон: [интервью с В. Лебедевым] // Российская газета. 2021. 12 апр. URL: <https://rg.ru/2021/04/12/do-17-del-o-netiazhkih-prestupleniih-prekrashchaiutsia-za-primireniem-storon.html> (дата обращения: 10.10.2021).

16. Попова Е. И. Принцип компромисса — принцип реализации криминалистических рекомендаций // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3. С. 109—112.

© Климова Я. А., Колосович М. С., 2021

14. Ruling of the Presidium on 27 September 2018 on the results of summarized practice of investigation by regional courts of criminal cases in 2017. In: Site of the Lipetsk regional court. Available from: http://oblsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=61. Accessed: 3 October 2021 (in Russian).

15. Up to 17 % of minor crime cases are terminated by reconciliation of parties. [Interview with V. Lebedev]. Russian gazeta. 2021. 12 April. Available from: <https://rg.ru/2021/04/12/do-17-del-o-netiazhkih-prestupleniih-prekrashchaiutsia-za-primireniem-storon.html>. Accessed: 10 October 2021 (in Russian).

16. Popova Ye. I. Principle of compromise — principle of realizing forensic recommendations. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik*, 109—112, 2018 (in Russian).

© Klimova Ya. A., Kolosovich M. S., 2021

Климова Яна Александровна,

доцент кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: aya3008@yandex.ru

Колосович Марина Сергеевна,

профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: mkolosovich@mvd.ru

Klimova Yana Aleksandrovna,

associate professor at the forensics department
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
of the department of Internal Affairs
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
E-mail: aya3008@yandex.ru

Kolosovich Marina Sergeevna,

professor at the criminal law department
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the Interior Bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: mkolosovich@mvd.ru

УДК 343.13
ББК 67.410.2
doi: 10.25724/VAMVD.XABC

Г. А. Печников, А. П. Блинков

МОЖЕТ ЛИ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС БЫТЬ ФОРМОЙ УГОЛОВНОГО ПРАВА: ВЫВОДЫ ИЗ СТАТЬИ К. МАРКСА «ДЕБАТЫ ПО ПОВОДУ ЗАКОНА О КРАЖЕ ЛЕСА»

В своей известной статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» К. Маркс ставит вопрос по-научному, т. е. диалектически, о наличии формы и содержания и их диалектической неразрывной взаимосвязи у любых правоотношений.

Для Маркса «форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания», поэтому частный интерес лесовладельцев не вправе вторгаться в государственные правоотношения — уголовно-правовые и уголовно-процессуальные. В то же время и сами названные правоотношения, несмотря на их тесную взаимосвязь, являют собой самостоятельную ценность, у каждого из правоотношений своя форма и свое собственное содержание. Так, процессуальная форма должна соответствовать своему уголовно-процессуальному содержанию, а не быть формой частного интереса, или уголовного закона, формой уголовно-правовых отношений, иначе она «пустая формальность», поскольку тогда в рамках уголовного процесса на предварительном следствии происходит презюмирование виновности обвиняемого, отождествление обвиняемого с виновным (преступником), а меры процессуального принуждения отождествляются тогда с мерами уголовного наказания, что неизбежно порождает обвинительный уклон. Поэтому стирать различия между правоотношениями нельзя.

В статье подчеркивается, что в действующем состязательном Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации процессуальная форма имеет приоритет над задачей установления фактических обстоятельств уголовного дела, т. е. формально-юридическая истина имеет явный приоритет над объективной истиной. Все решается состязанием сторон — выявляется победитель, а кто сильнее — тот и прав.

По мнению авторов, ускоренные, упрощенные, согласительные процедуры судопроизводства, требующие для их реализации признания вины от подозреваемого, обвиняемого, неизбежно сокращают или устраняют вовсе объективно-исследовательское начало уголовного процесса, которое составляют подлинную содержательную суть уголовно-процессуальных правоотношений. С точки зрения авторов, при таких особых, ускоренных, упрощенных, договорных формах уголовного судопроизводства искомое уголовно-процессуальное правоотношение уступает место уголовно-правовым отношениям, которые, фактически, презюмируют виновность подозреваемого, обвиняемого, что ведет к обвинительному уклону, нарушению законных прав личности.

В статье проводится мысль о том, что объективно-истинная модель уголовного судопроизводства — это более высокий, более совершенный и, по-настоящему, научно-организованный тип процесса, в отличие от состязательного (выигрышно-проигрышного) вида уголовного процесса. Статья носит критический и полемический характер.

Ключевые слова: диалектика, частный интерес, дебаты, уголовно-процессуальные отношения, уголовно-правовые отношения, объективная истина, формально-юридическая истина, состязание сторон, привлечение к уголовной ответственности, презумпция невиновности, презумпция виновности, подозреваемый, обвиняемый, виновный, преступник, законные права личности, сокращенные, ускоренные процедуры судопроизводства, «сделка о признании вины», стирание противоположностей, состязательный тип уголовного процесса, объективно-истинная модель уголовного судопроизводства.

G. A. Pechnikov, A. P. Blinkov

**CAN THE CRIMINAL PROCEDURE BE A FORM
OF CRIMINAL LAW: CONCLUSIONS FROM THE ARTICLE BY K. MARX
"DEBATE OVER THE THEFT OF THE FOREST LAW"**

In his well-known article "The debate over the law on theft of the forest" K. Marx poses the question in a scientific way, i. e. dialectically, about the presence of the form and content of their dialectical inextricable relationship in any legal relationship.

For Marx "a form is devoid of any value if it is not a form of content", therefore the private interest of forest owners has no right to interfere with state legal relations — criminal law and criminal procedure. At the same time, the named legal relations themselves, despite their close interconnection, are an independent value, each of the legal relations has its own form and content. So, the procedural form must correspond to its criminal procedural content, and not be a form of private interest, or criminal law, a form of criminal law relations, otherwise it is an "empty formality", because then, within the framework of the criminal process, during the preliminary investigation, the guilt of the accused is presumed the identification of the accused with the guilty (criminal), and the measures of procedural coercion are then identified with the measures of criminal punishment, which gives rise to an accusatory bias. Therefore, it is impossible to erase the differences between legal relations.

The article emphasizes that in the current adversarial Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the procedural form takes precedence over the task of establishing the factual circumstances of the criminal case, that is, formal legal truth has a clear priority over objective truth. Everything is decided by the competition of the parties — the winner is revealed, and who is stronger is right.

According to the authors, accelerated, simplified, conciliatory procedures of legal proceedings, requiring for their implementation a plea of guilt from the suspect, the accused, inevitably reduce or eliminate altogether the objective research beginning of the criminal process, which constitutes the true substantive essence of criminal procedural legal relations. From the point of view of the authors, with such special, accelerated, simplified, contractual forms of criminal proceedings, the sought criminal procedural legal relationship gives way to criminal legal relations, which, in fact, presume the guilt of the suspect, the accused, which leads to an accusatory bias, violation of legal rights of the individual.

The article suggests that the objectively true model of criminal proceedings is a higher, more perfect and, truly, scientifically organized type of process, in contrast to the adversarial (winning-losing) type of criminal procedure. The article is critical and polemical.

Key words: dialectics, private interest, debate, criminal procedural relations, criminal law relations, objective truth, formal legal truth, competition of the parties, prosecution, presumption of innocence, presumption of guilt, suspect, accused, guilty, criminal, legal rights of the individual, shortened, accelerated procedures of court proceedings, "plea bargaining", erasure of opposites, adversarial type of criminal procedure, objectively true model of criminal proceedings.

В своей известной статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» диалектик К. Маркс, исходя из правовой природы вещей, четко ставит вопрос о существовании государственных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений и говорит о том, что частный интерес (свокорыстный интерес лесовладельцев) не вправе вмешиваться в эти отношения, не вправе указанные правоотношения подстраивать, приспособливать под свой личный интерес, выгоду и произвол. У государства должно быть свое государственное достоинство и твердость государственных устоев и правоотношений в интересах общего блага самого государства и его граждан. «Всякое право государства

по отношению к преступнику, — пишет Маркс, — есть вместе с тем и право преступника по отношению к государству. Никакое подсовывание промежуточных звеньев не может превратить отношение преступника к государству в отношение к частным лицам, если даже допустить, чтобы государство отказалось от своих прав, т. е. совершило самоубийство, то все же отказ государства от своих обязанностей был бы не только попустительством, но и преступлением» [1, с. 150] (далее при ссылке на этот источник в круглых скобках будут указываться номера страниц. — Г. П., А. Б.).

В статье К. Маркс показывает изощренные попытки частного интереса присвоить себе то, что из-

начально присуще исключительно государству. Так, частный интерес стремится стать законодателем, подменить государственного законодателя в своекорыстных целях. Все эти меркантильные побуждения частного интереса явно проявляются при обсуждении депутатами шестого Рейнского ландтага проекта «закона о краже леса». И Маркс дает этому свой научный комментарий и правовую оценку.

«Истинный законодатель, — отмечает Маркс, — ничего не должен бояться кроме беззакония, но частный интерес в качестве законодателя знает только страх перед последствиями права — страх перед злоумышленниками, против которых он издает законы» (с. 132—133).

Депутаты ландтага в своем большинстве защищают алчные интересы лесовладельца: и тогда, когда простой сбор валежника в лесу (то, что лежит на земле и дереву уже не принадлежит) стараются представить как хищение собственности лесовладельца, т. е. как преступление; и тогда, когда штраф, налагаемый на нарушителя лесных правил («штрафные деньги»), — идет «не в государственную кассу, а в частную кассу лесовладельца» (с. 148), и др. «В наше право протаскивают материальное содержание частного интереса...» (с. 158). В связи с этим К. Маркс делает вывод: «Все наше изложение показало, как ландтаг низводит до уровня материальных средств частного интереса исполнительную власть, административные учреждения, жизнь обвиняемого, идею государства, само преступление и наказание. Поэтому вполне последовательно, что судебный приговор рассматривается просто как средство, а законная сила приговора — как излишняя формальность» (с. 156).

К. Маркс обстоятельно доказывает, что материальное содержание частного интереса не должно стать содержанием любых государственных отношений, включая и уголовно-правовые, и уголовно-процессуальные, поскольку тогда искажается сама сущность этих правоотношений, т. е. их содержание и форма. Ведь и у уголовного права и уголовного процесса есть своя форма и свое содержание, неразрывно связанные. Причем диалектику содержания и формы в названных правоотношениях нарушать нельзя. Материальное содержание частного интереса чуждо данным государственным отношениям. Хотя частный интерес (в лице ландтага) и стремится, исходя из своей материальной выгоды, изменить не только содержание, но и форму уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, но при этом натывается на собственное содержание и форму названных правоотношений и их правовые принципы.

«Ландтаг поэтому подверг голосованию вопрос о том, следует ли правовые принципы принести в жертву интересу охраны леса, или же интерес охраны леса должен быть принесен в жертву правовым принципам, — и интерес одержал верх над правом» (с. 159).

Ландтаг «поправляя и дополняя законодателя, предоставляет частному интересу диктовать праву законы там, где право диктовало законы частному интересу» (с. 159).

«Ландтаг, — пишет Маркс, — придает несвободному содержанию несвободную форму» (с. 158).

Как видим, Маркс всегда ставит вопрос о содержании и форме у любых правоотношений и об их диалектической тесной взаимосвязи (нельзя изменить одно, не изменяя другого). Точно так же частный интерес является носителем определенных отношений, имеющих свое собственное содержание и форму, пронизанных алчным интересом.

Итак, с позиции К. Маркса недопустимо частный интерес внедрять в государственные правоотношения. Но тем самым Маркс дает нам ключ к разрешению более широкой проблемы: допустимо ли вообще одни правоотношения подменять другими (в частности, в такой редакции: может ли уголовный процесс быть формой уголовного права?).

Безусловно, уголовное право и уголовный процесс являются собой единое целое. «Уголовный процесс без уголовного права был бы беспредметен, так как только уголовное право определяет, что именно является преступлением, ради установления которого ведется уголовный процесс. Уголовное право без уголовного процесса было бы бессильным, так как только уголовный процесс определяет тот порядок, в котором производится установление совершенных преступлений и лиц, несущих за них ответственность» [2, с. 85].

Вместе с тем это разные правоотношения, а стирать различия между противоположностями с позиции диалектики недопустимо. «Вещь вещи рознь» — гласит французская пословица. Нельзя, чтобы уголовно-правовые отношения заняли место уголовно-процессуальных.

В работе К. Маркса содержится такое положение: «У государства есть определенное право по отношению к обвиняемому, так и государство по отношению к данному индивиду выступает как государство. Отсюда для него непосредственно вытекает обязанность относиться к преступнику именно как государство и соответственно с духом государства» (с. 137). Здесь Маркс говорит об уголовно-правовом отношении к преступнику (термин «обвиняемый» применен не в процессуальном смысле). Между

государством и лицом, совершившим преступления (преступником), существует правоотношение, в котором оба участника по отношению друг к другу располагают правами и несут обязанности.

Различие между уголовным процессом и уголовным правом заключается в том, что они регулируют различные правоотношения, а связь между ними — в том, что уголовно-процессуальное отношение служит средством установления уголовно-правового отношения. Через различные уголовно-процессуальные отношения, возникающие при производстве по делу между судом, прокурором, следователем и обвиняемым, свидетелями, экспертом и другими лицами, устанавливается уголовно-правовое отношение, т. е. отношение государства к совершившему преступление лицу [2, с. 93].

По справедливому утверждению М. С. Строговича, «неверным является мнение, что уголовно-правовое отношение возникает не в момент совершения преступления, а в момент вступления в законную силу судебного приговора, которым совершившее преступление лицо осуждено, признано виновным. Суд, вынесший обвинительный приговор, признавший подсудимого виновным, не создает уголовно-правового отношения — его создает само лицо, совершившее преступление. Суд же констатирует, устанавливает это правоотношение в соответствии с действительностью, на основе закона, действующего в момент совершения преступления...» [3, с. 52].

Нельзя при этом смешивать уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения. Это означает, что нельзя, чтобы в рамках уголовно-процессуальных отношений, предназначенных для установления наличия уголовно-правового отношения в конкретном уголовном деле, реализовывались бы уголовно-правовые отношения, т. е. уже наступала и применялась бы уголовно-правовая ответственность (уголовное наказание) за совершенное преступником деяние, запрещенное уголовным законом. Ведь уголовно-правовая ответственность наступает лишь после вступления приговора суда в законную силу. Это означает, что недопустимо при расследовании уголовных дел отождествлять обвиняемого с виновным (преступником); нельзя меры процессуального принуждения (например, заключение под стражу) отождествлять с мерами уголовного наказания, применяемого государством к преступнику; нельзя процессуальное содержание уголовного процесса подменять уголовно-правовым содержанием, так, словно бы у уголовного процесса нет *своего собственного*, только ему присущего уголовно-процессуального *содер-*

жания и своей процессуальной формы. Существует определенная неразрывная взаимосвязь между содержанием и формой у любых правоотношений. На данную диалектическую взаимосвязь указывает и К. Маркс: «Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания» (с. 159).

В соответствии с диалектикой «форма содержательна, содержание оформлено», или: «форма существенна, сущность формирована». Вот как в этом плане К. Маркс развивает свою диалектическую мысль: «Если судебный процесс сводится к одной только бессодержательной форме, то такая пустая формальность не имеет никакой самостоятельной ценности. С этой точки зрения китайское право стало бы французским, если бы его втиснули в форму французской процедуры; *материальное право* (по смыслу, речь идет о *содержании* уголовного процесса. — Г. П., А. Б.), однако, имеет свои *необходимые, присущие ему процессуальные формы*. Как в китайском праве обязательно фигурирует палка; как с содержанием средневекового уголовного уложения, в качестве процессуальной формы, неразрывно связана пытка, — подобно этому гласный, свободный судебный процесс составляет необходимую принадлежность гласного по своей природе содержания, продиктованного свободой, а не частным интересом. Судебный процесс и право (т. е. по смыслу, форма и содержание *уголовного процесса*. — Г. П., А. Б.) так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных — с мясом и кровью животных. *Один и тот же дух* должен одушевлять судебный процесс и законы (имеется в виду органическая взаимосвязь формы и содержания уголовного процесса. — Г. П., А. Б.), ибо процесс есть только *форма жизни закона*, следовательно, проявление его внутренней жизни» (с. 158).

Отсюда следует, что уголовно-процессуальная форма не пустая формальность, она уголовно-процессуально содержательна. Именно уголовно-процессуально, и какой-то иной содержательности уголовно-процессуальная форма не приемлет, не допускает, поскольку форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания. Поэтому мы не можем признать диалектически правильным утверждение, выраженное в самом названии одного диссертационного исследования: «Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона» [4].

Стало быть, исходя из наименования диссертации, видим, что в таком исследовании, несмотря на все его достоинства, так или иначе, будут про-

водиться положения и следовать выводы, свидетельствующие о вытеснении собственно уголовно-процессуальных отношений уголовно-правовыми правоотношениями, т. е. о подмене уголовно-процессуального содержания уголовного процесса уголовно-правовым содержанием в рамках уголовно-процессуальной формы, если «уголовный процесс — форма применения уголовного закона».

Под знаком оптимизации уголовного процесса в таком диссертационном исследовании, с нашей точки зрения, неминуемо будет проводиться идея об отождествлении уголовно-процессуальных и уголовно-правовых отношений, а следовательно, и о презюмировании виновности обвиняемого (подозреваемого), а также о стирании различий между мерами процессуального принуждения и мерами уголовно-правового наказания, а презумпция невиновности неизбежно будет уступать свое место презумпции виновности при внешнем, формальном соблюдении уголовно-процессуальной формы.

Так, К. В. Муравьев пишет: «Высокая вероятность назначения наказания в отношении лиц, которые обоснованно подозреваются, обвиняются в совершении преступления, позволяет уполномоченным органам в ходе уголовного процесса применять меры пресечения и иные принудительные меры, которые по характеру ограничений практически не отличаются от средств уголовно-правового воздействия, исполняемых по результатам производства» [4, с. 5].

И далее. По мнению К. В. Муравьева, «меры пресечения, а также отдельные иные меры процессуального принуждения должны рассматриваться в качестве особого средства государственного воздействия на лиц, обоснованно подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления, в связи с высокой вероятностью назначения наказания этому лицу по приговору суда. Принятие принудительных мер в ходе уголовного процесса вплоть до лишения его свободы можно оправдать лишь тем, что существует право на наказание действительного виновника преступления, которое составляет предмет дела, и имеется достаточное основание предполагать, что обвиняемый и есть преступник (курсив наш. — Г. П., А. Б.). Со времени обнаружения преступления право на наказание находится в динамическом состоянии, так как его сила отражено сказывается в уголовном процессе на отношениях, которые обусловлены не только уголовно-процессуальной, но и уголовно-правовой нормой» [4, с. 18—19].

Следует заметить, что данная теоретическая позиция К. В. Муравьева вполне логична как прямое следствие стирания грани между уголовно-процессуальными и уголовно-правовыми отношениями, когда уголовно-процессуальная форма наполняется уголовно-правовым содержанием. Иными словами, «уголовный процесс как форма применения уголовного закона» [4, с. 10, 11].

Как видится, этим виновность подозреваемого, обвиняемого уже предрешается, предопределяется еще до приговора суда, вступившего в законную силу, что, с нашей точки зрения, неизбежно ведет — и не может не вести — к обвинительному уклону во время предварительного расследования уголовных дел.

Конечно, следователь применяет конкретные статьи УК РФ, когда квалифицирует то или иное деяние как непосредственный результат собранных по делу доказательств. Вообще правовая сущность уголовного процесса исключительно *исследовательская*, доказательственно-познавательная, но никак не предваряющая, не презюмирующая виновность подозреваемого, обвиняемого.

Собирание, проверка и оценка доказательств, доказательственное объективное исследование фактических обстоятельств дела, чтобы установить то, что было на самом деле, т. е. обнаружить объективную истину — вот подлинное назначение уголовного процесса.

Следовательно, точная квалификация действующий обвиняемого по конкретной статье уголовного кодекса — это составная часть процесса познания объективной истины по делу с твердым соблюдением при этом всех уголовно-процессуальных гарантий законных прав и свобод личности, включая и презумпцию невиновности. Все решения следователя, дознавателя по делу — это уголовно-процессуальные решения, выносимые на основе собранных уголовно-процессуальных доказательств, в том числе и при избрании обвиняемому (подозреваемому) мер процессуального принуждения, но никак не решения уголовно-правового порядка, связанные с привлечением лица к уголовной ответственности в уголовно-правовом значении — в смысле обязанности подвергнуться уголовному наказанию за совершенное преступление. Обвиняемый в уголовном процессе является субъектом уголовно-процессуального, а не уголовно-правового отношения.

Теоретически, безусловно, прав М. С. Строгович, утверждающий, что трактовка обвиняемого как субъекта уголовно-правового отношения есть серьезное нарушение законности, практически выра-

жающееся в отождествлении понятий обвиняемого и виновного, в одностороннем, обвинительном уклоне при расследовании и разрешении уголовных дел, в отказе от объективности и непредвзятости при исследовании обстоятельств дела, в подмене презумпции невиновности презумпцией виновности [3, с. 56].

Путем использования в своей работе таких общих неопределенных понятий, как «юридический процесс» [4, с. 11], «правоприменительный процесс» [4, с. 17], «правоотношения» [4, с. 17] (без указания какие именно правоотношения) К. В. Муравьев, по сути, отождествляет уголовно-процессуальные и уголовно-правовые отношения, не приводит принципиального различия между ними.

Теоретическую позицию, направленную на стирание граней между уголовно-процессуальными и уголовно-правовыми отношениями, можно обнаружить и у В. З. Лукашевича в его монографии «Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе» [5].

Так, по мнению В. З. Лукашевича: «Если обратиться к основаниям избрания меры пресечения по отношению к обвиняемому, то также станет очевидным, что применение каждой меры пресечения оправданно и целесообразно при предусмотренных в законе условиях только тогда, когда в качестве обвиняемого привлечено виновное лицо» [5, с. 53].

Здесь налицо презюмирование виновности обвиняемого: обвиняемый и есть виновный. Что же такое презюмирование виновности обвиняемого? Ведь это не что иное, как подмена уголовно-процессуальных отношений уголовно-правовыми отношениями. С такой постановкой вопроса согласиться нельзя, так как презумпция невиновности, как атрибут и выразитель уголовно-процессуального отношения, запрещает отождествлять обвиняемого с виновным (ст. 49 Конституции Российской Федерации).

Стирание же различий между обвиняемым и виновным есть стирание, затушевывание грани между уголовно-процессуальными и уголовно-правовыми отношениями, что неизбежно ведет к обвинительному уклону, предвзятости в процессуальной деятельности следователя, дознавателя.

В. З. Лукашевич считает, что «...возникнув с момента совершения преступления как явление объективной реальности, уголовная ответственность *едина* (курсив наш. — Г. П., А. Б.) на протяжении всего хода расследования и судебного разбирательства конкретного уголовного дела. Однако

в силу различных процессуальных условий в предварительном следствии и в судебном разбирательстве, а также из-за наличия гораздо больших процессуальных гарантий, для установления истины в судебном разбирательстве закон наделяет только суд правом окончательно признавать обвиняемого виновным в приговоре и назначить ему справедливую меру уголовного наказания. Поэтому нет никаких оснований привлечение к уголовной ответственности в... уголовном процессе понимать двояко: как привлечение к уголовной ответственности в процессуальном смысле и привлечение к уголовной ответственности в материальном смысле» [5, с. 57].

Отсюда следует, что «установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе» (именно так названа монография В. З. Лукашевича) — это не только «установление», но в известной степени одновременно и реализация уголовной ответственности в уголовном процессе, если «устанавливается уголовная ответственность в материальном смысле» [5, с. 57], если «уголовная ответственность едина» [5, с. 57].

Не случайно В. З. Лукашевич пишет: «...Лицо, совершившее преступление, как правило, четко осознает, что именно с момента совершения им преступления на него может быть возложена уголовная ответственность и что оно обязано ей подчиниться, как и мере уголовного наказания, которая может быть назначена по приговору суда» [5, с. 24].

Фактически В. З. Лукашевич, как и К. В. Муравьев, как представляется, рассматривает уголовный процесс как форму уголовно-правового отношения, поскольку в своей теоретической концепции исходит из «единой уголовной ответственности».

Мы же полностью разделяем позицию М. С. Строговича, выражающуюся в том, что «уголовно-процессуальные отношения не могут рассматриваться как форма уголовно-правовых отношений по тем основаниям, что 1) уголовно-правовое отношение и уголовно-процессуальные отношения возникают в разное время и между разными лицами; 2) наличие уголовно-процессуальных отношений не предрешает существования уголовно-правового отношения; 3) уголовно-процессуальные отношения для того и возникают и развиваются, чтобы можно было с полной достоверностью установить, есть ли в данном случае уголовное правоотношение или его нет, а если есть — каково оно» [3, с. 57].

Мы всегда должны придерживаться вышеупомянутого диалектического постулата Маркса: «Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания» — в этом залог подлинно научного,

т. е. отвечающего требованиям диалектики уголовного процесса. Таким образом, с точки зрения недопустимости стирания различий между уголовно-процессуальными и уголовно-правовыми и иными другими отношениями следует подойти и к современному состязательному Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (УПК РФ).

В этом отношении, как представляется, действующий УПК РФ оставляет желать лучшего.

С нашей точки зрения, отечественный уголовный процесс умалывает, снижает исследовательскую сущность уголовного процесса, хотя именно объективно-исследовательская направленность должна, на наш взгляд, отличать содержательную сторону уголовно-процессуальных отношений по их подлинной природе.

Состязательный УПК РФ основан на «приоритетности установленной законом процедуры судопроизводства по сравнению с задачей установления фактических обстоятельств дела» [6, с. 8—9].

Следовательно, в УПК РФ произошел отрыв процессуальной состязательной формы от объективно-исследовательского содержания процесса, поскольку установить достоверно «фактические обстоятельства дела» возможно только *объективно-исследовательским* путем. Другого пути к объективной истине по делу нет и быть не может.

Но, как видим, процессуальная форма в состязательном УПК РФ приобретает самостоятельное, самодовлеющее значение; форма важна сама по себе; прежде всего процессуальная состязательная форма (процедура), а не объективно-исследовательское содержание процесса. Но если форма первенствует над фактическим содержанием, стало быть, неизбежно происходит формализация такого уголовного процесса и по делу устанавливается *формально-юридическая истина*, а объективная истина не приемлется, отрицается, поскольку все решается самим состязанием сторон обвинения и защиты (а не объективным исследованием фактических обстоятельств уголовного дела). Кто сильнее, искуснее, убедительнее в состязательном поединке (споре) сторон — тот и прав. В состязательном уголовном процессе торжествует «право сильного» (а не правого) и «справедливость сильного» (в отличие от объективной справедливости).

Действующий УПК РФ не является безупречным с точки зрения способности закрепленных им процедур обеспечивать получение объективных данных.

Если объективной истины в уголовном процессе нет, то неизбежно в нем будут закрепляться различные *формализмы*, неуклонно сокращающие, свертывающие объективное исследование — истинное содержание уголовного процесса. Так, формальное правило содержит уже сама классическая формула состязательного процесса: *judex ne eat ultra petita partium, ultra non cognoscitur* (в пер. с лат.: «суд не должен выходить за пределы требований сторон»).

Далее, отказ прокурора от обвинения в суде — формальное основание для прекращения судом дела (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Главы 32.1, 40 и 40.1 УПК РФ ввели процедуры разрешения уголовно-правового спора, применение которых напрямую зависит от позиции подозреваемого, обвиняемого, а не установления фактических обстоятельств дела. Согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением делает излишним судебное следствие. «Сделки о признании вины» — неотъемлемый атрибут уголовного процесса состязательного типа. Их рост свидетельствует об увеличении в нем различных согласительных, договорных процедур. Истина уступает место «сделке». Все упрощается. «...Закрепленный УПК РФ принцип состязательности низводит положение суда до органа, который лишь формально оценивает представленные в ходе судебного следствия доказательства и не отвечает за поиск истины по делу. В результате создаются условия для того, чтобы в суде господствовала не истина по делу, а умение государственного обвинителя и защитника преподнести суду добытые доказательства по делу» [7, с. 304].

Ведущий к объективной истине принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела, являющий собой подлинно содержательную сторону уголовного процесса, исключен из действующего УПК РФ, как и сама объективная истина.

Справедливо утверждение А. В. Победкина: «Любое упрощение процессуальной формы неизбежно предполагает изъятие из общего порядка судопроизводства каких-либо процессуальных гарантий: либо гарантий установления истины, либо гарантий защиты прав и законных интересов личности» [8, с. 124].

Возникает вопрос: что такое упрощенные, сокращенные, договорные, всегда формализованные процедуры уголовного судопроизводства, основу которых составляют «сделки о признании вины»? Это фактически процесс презюмирования виновности обвиняемого, подозреваемого. Раз признался,

значит виновен. В упрощенных процедурах собственное признание лица важно само по себе, без исследования на его достоверность. Но, как отмечалось, презюмирование виновности обвиняемого (подозреваемого) — это и есть подмена уголовно-процессуальных отношений уголовно-правовыми отношениями (т. е. когда к уголовному процессу относятся лишь как к форме применения уголовного закона). И такая замена процессуального содержания на уголовно-правовое в рамках уголовно-процессуальной формы, с нашей точки зрения, не может не сопровождаться обвинительным уклоном и другими нарушениями законных прав личности, а значит, и судебно-следственными ошибками.

Как представляется, подмена одних правоотношений другими правоотношениями, стирание различий между ними нельзя назвать подлинно

научным подходом, даже если такой прагматичный подход кому-то выгоден, удобен. К. Маркс всегда отстаивал диалектический научный подход. Для него форма и содержание в определенных правоотношениях всегда органически, диалектически взаимосвязаны. Форма должна быть содержательной, иначе она будет бессодержательной формой, пустой формальностью, которая не имеет никакой самостоятельной ценности.

В этом плане мы не сторонники состязательного (выигрышно-проигрышного) типа уголовного процесса, допускающего различные упрощения и формализацию уголовно-процессуальной формы, и считаем *объективно-истинную модель* уголовного судопроизводства более высоким, более совершенным, научно организованным типом уголовного судопроизводства, в отличие от современного состязательного УПК РФ.

1. Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. Москва, 1955: Гос. изд-во полит. лит. С. 119—160.

2. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Москва: Наука, 1968. 468 с.

3. Алексеева Л. Б., Ларин А. М., Строгович М. С. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / отв. ред. В. М. Савицкий. Москва: Наука, 1979. 319 с.

4. Муравьев К. В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017. 43 с.

5. Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 193 с.

6. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. Москва: ТК Велби: Проспект, 2006. 192 с.

7. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 3: Современное правопонимание. Москва: РАП, 2007. 512 с.

8. Победкин А. В. Уголовный процесс: состояние вне права: монография. Москва: Юрлитинформ, 2013. 248 с.

© Печников Г. А., Блинков А. П., 2021

1. Marx K. Debate about the law of theft of the forest. In: Marks K., Engels F. Essays. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: State publishing house of political literature; 1955: 119—160 (in Russian).

2. Strogovich M. S. Course of the Soviet criminal process. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1968: 468 (in Russian).

3. Alekseeva L. B., Larin A. M., Strogovich M. S. Soviet criminal procedure law and problems of its effectiveness. Executive ed. V. M. Savitsky. Moscow: Nauka; 1979: 319 (in Russian).

4. Muravyov K. V. Optimization of the criminal process as a form of application of the criminal law. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Omsk; 2017: 43 (in Russian).

5. Lukashevich V. Z. Establishment of criminal responsibility in the Soviet criminal process. Leningrad: Publishing house of Leningrad University; 1985: 193 (in Russian).

6. Mikhailovskaya I. B. Handbook of a judge on proof in criminal proceedings. Moscow: TK Welby: Prospect; 2006: 192 (in Russian).

7. Strykh V. M. Logical foundations of the general theory of law. Vol. 3: Modern legal thinking. Moscow: RAP; 2007: 512 (in Russian).

8. Pobedkin A. V. Criminal process: state outside the law. Monograph. Moscow: Yurлитinform; 2013: 248 (in Russian).

© Pechnikov G. A., Blinkov A. P., 2021

Печников Геннадий Алексеевич,
профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: pechnikov_ga@yandex.ru

Блинков Александр Павлович,
начальник кафедры
криминалистической техники
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: ablinkov3@mvd.ru

Pechnikov Gennady Alekseevich,
professor at the department of criminal procedure
of the educational and scientific complex
on the preliminary investigation
in the Interior Bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: pechnikov_ga@yandex.ru

Blinkov Alexander Pavlovich,
head of the forensic techniques department
of the forensic activities
of the educational and scientific complex
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: ablinkov3@mvd.ru

УДК 343.1(019)
ББК 67.410.212-1
doi: 10.25724/VAMVD.XBCD

В. Н. Чаплыгина

«СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ» И «СЛЕДСТВЕННЫЙ СУДЬЯ»: СООТНОШЕНИЕ И НАЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ

В статье уделяется внимание определению современных тенденций и перспектив развития института предварительного следствия, что невозможно без глубокого анализа исторического опыта путей становления и развития органов предварительного следствия. Исторический экскурс служит целям демонстрации преемственности и расширения функций и методов деятельности данного института и является базой для выявления закономерностей ее развития и современных направлений совершенствования их деятельности в свете современного российского уголовно-процессуального законодательства. В связи с этим в статье предпринят анализ возможности трансформации института «судебного следователя» в институт «следственного судьи» в отечественном современном уголовном судопроизводстве и поиска оптимальных путей его функционирования.

Кроме того, в статье затронута проблема реализации принципа состязательности в досудебном производстве и подвергнута критике в этом ключе идея внедрения в уголовный процесс новых субъектов, в частности следственного судьи, для создания дополнительных гарантий прав и свобод личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство.

Ключевые слова: судебный следователь, следственный судья, органы предварительного следствия, защитник, прокурор, обвинительный уклон, ведомственный контроль.

V. N. Chaplygina

"JUDICIAL INVESTIGATOR" AND "INVESTIGATIVE JUDGE": CORRELATION AND PURPOSE OF CONCEPTS

The article focuses on identifying current trends and prospects of development of the institution of preliminary investigation, which is impossible without an in-depth analysis of historical experience of the ways of formation and development of preliminary investigation bodies. Historical excursus serves to demonstrate the continuity and expansion of functions and methods of activity of this institution and it is the basis for identifying patterns of its development and modern directions of improving their activities in the light of modern Russian criminal procedural legislation. In this regard, the article analyzes the possibility of transformation of the institute of "judicial investigator" in the institute of "investigative judge" in the domestic modern criminal proceedings and the search of optimal ways of its functioning.

Besides, the article touches upon a problem of realization of the adversarial principle in pre-trial proceedings and criticizes in this connection the idea of introduction of new subjects into criminal proceedings, in particular, an investigating judge to create additional guarantees of rights and freedom of an individual involved in the criminal proceedings.

Key words: judicial investigator, investigative judge, preliminary investigation bodies, defense counsel, prosecutor, prosecutorial bias, departmental control.

Становление и развитие института предварительного следствия в Российской Федерации прошло достаточно длительный и сложный исторический путь, который продолжается и сейчас, основываясь как на достижениях прошлого, так и на требованиях и ожиданиях будущего.

Историю развития следственных органов следует рассматривать как неотъемлемую часть истории государства и права России в целом, это обусловлено тем, что во все времена первостепенной задачей и функцией нашего государства была борьба с преступностью, независимо от политической,

социальной, экономической обстановки, а менялись только формы и методы этой борьбы. Профессионализм достигался упорной работой всех органов, занимавшихся расследованием преступлений, и в период «судебной модели» отмечается отделение следствия от административной системы и переход в органы судебной власти.

Судебные следователи девятнадцатого столетия по своему процессуальному статусу были отнесены к судебному ведомству, что дает право говорить о них как о судебных деятелях. Именно в тот исторический промежуток законодатель того времени обеспечил им такую же процессуальную независимость и самостоятельность, как и судьям, что свидетельствует о том, что следственная власть являлась производной и тождественной власти судебной. Следователи при этом выполняли функции, отнесенные к юстиции через призму представления следователем данной функции при судебных органах.

Так, 160 лет назад Н. И. Стояновскому удалось сформировать прочную доктрину организации предварительного следствия, явившуюся основой института судебных следователей, которая реализовывалась в отечественном уголовном процессе более 50 лет, несмотря на некоторые функционально-организационные «процессуальные» огрехи.

Бесспорно, в процессе современного реформирования организационно-правовых основ деятельности следственных подразделений правоохранительных органов не вызывает сомнений целесообразность историко-правового анализа становления и развития предварительного следствия в России, потребность в котором имеет место на всех стадиях осуществления реформы для обеспечения успешного достижения ее целей и выполнения задач.

В настоящее время в юридической литературе не утихают споры о том, какой же именно должна быть концептуальная модель предварительного следствия, чтобы ни у кого не возникало сомнений в ее эффективности? Вновь, как никогда, обострились научные дискуссии о целесообразности укрепления процессуальной самостоятельности следователя путем корректировки границ между ней, с одной стороны, и ведомственным и судебным контролем и прокурорским надзором — с другой. Действительно, на наш взгляд, следователь достаточно долго находится в «приниженном» состоянии, при котором такие понятия, как его процессуальная самостоятельность, и независимость, и внутреннее убеждение превращаются в миф.

Принцип состязательности в уголовном судопроизводстве, как известно, предполагает такое построение взаимоотношений между участниками, при котором стороны обвинения и защиты имеют равные права и обязанности. Суд же в такой модели взаимоотношений выступает в качестве «процессуального арбитра», осуществляя объективную и независимую оценку представленных доказательств при разрешении уголовного дела. Однако в настоящее время активно муссируется идея смещения акцента досудебного доказывания в сторону состязательной модели путем введения в уголовный процесс следственного судьи, который должен реализовывать в своей деятельности функцию юрисдикционного судебного контроля. Данные преобразования авторы считают прогрессивными и направленными лишь на необходимость дифференциации функций правосудия и судебного контроля, которые, по их мнению, необоснованно «взвалены» на плечи судьи. Однако, забегаая вперед, отметим, что мы не поддерживаем обозначенную позицию в связи с тем, что данная «прослойка» между следователем и судом будет излишней, еще более ущемляющей процессуальную самостоятельность следователя и будет вести к затягиванию сроков предварительного расследования.

Н. Н. Ковтун, уделяя внимание в своих исследованиях вопросу о «жизнеспособности» состязательности в современном уголовном судопроизводстве, отмечает, что она, к сожалению, является малоэффективной, ввиду того, что согласно статистическим данным, суд почти в 95 % случаев удовлетворяет ходатайства следователей о применении отдельных мер принуждения, при этом в 45 % случаев при обжаловании данные меры отменяются [1, с. 31]. Таким образом, мы согласимся с мнением Н. Н. Ковтуна, указывающего на существование обвинительного уклона со стороны органов предварительного расследования, хотя именно на него прямо указывал законодатель, на наш взгляд, относя следователя и дознавателя к стороне обвинения. Кроме того, стоит указать на несовершенство судебного контроля и неравенство сторон, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2020 г. в районных судах было рассмотрено всего 469,9 тыс. уголовных дел, в результате было осуждено 401,1 тыс. лиц, оправдано — 0,6 тыс. лиц; в 2019 г. в районных судах было рассмотрено всего 442,5 тыс. уголовных дел: осуждено

397,4 тыс. лиц, оправдано — 0,8 тыс. лиц [2]. Таким образом, на основе представленных статистических данных можно сделать вывод о том, что в российской правовой системе число оправданных лиц составляет менее 1 % от всего числа приговоров суда.

Одним из обстоятельств, влияющих на формирование тенденции по вынесению органами правосудия обвинительных приговоров, усматривается обвинительный уклон на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Так, органы предварительного расследования и прокуратура, отнесенные законодателем к стороне обвинения, имеют возможность реализовывать свои властные полномочия путем возбуждения уголовного дела и дальнейшего его расследования в полном объеме для формирования доказательственной базы.

Однако, опираясь на нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), приходим к выводу, что сторона обвинения при производстве отдельных следственных действий и мер процессуального принуждения обязана осуществлять их исключительно только по решению суда (например, ст. 108 УПК РФ; ст. 182 УПК РФ; ст. 183 УПК РФ). Законодателем также предусмотрено право стороны защиты на обращение в суд с жалобой на действия (бездействия) или решения должностных лиц при нарушении ими конституционных прав и свобод граждан.

Вместе с тем А. А. Трефилов отмечает, что «защитник с целью затянуть производство по делу направляет в суд большое количество жалоб на действия органов предварительного расследования. Это можно рассматривать через призму отсутствия должного судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, а законодатель может это рассмотреть как основание для преобразования уголовного судопроизводства путем создания института следственных судей» [3, с. 154].

Кроме того, этот сторонник новации «института следственного судьи», обобщая ее проектируемые полномочия, отмечает, что данный субъект является «арбитром» между стороной обвинения и стороной защиты, тем самым обозначая его беспристрастность в процессе расследования уголовного дела. Хотя, на наш взгляд, произойдет «раздувание» штата следственных органов, так как органы, надзирающие за деятельностью органов предварительного следствия, уже существуют в виде прокуратуры, суда и ведомственного контроля в лице их непосредственных руководителей. В связи с этим полагаем, что еще один «незави-

симый арбитр» современной модели уголовного судопроизводства не нужен.

Говоря о генезисе института следственного судьи в рамках современного уголовного судопроизводства России, необходимо понять, будет ли данная фигура по процессуальному статусу схожа с институтом судебных следователей XIX в. или будет ближе к современным судебным органам, занимающимся судебным санкционированием.

Обращаясь к генезису института судебных следователей, необходимо вспомнить о судебной реформе 1864 г., согласно которой функция по раскрытию и расследованию преступлений была возложена на судебных следователей. Согласно Уставу уголовного судопроизводства (далее — УУС) 1864 г. судебные следователи, защитники («присяжные поверенные»), а также прокуроры имели подобные судейскому корпусу полномочия и привилегии, так как находились «при судебном ведомстве».

Судебные следователи могли привлекать для производства следственных и иных процессуальных действий «полицейские чины». Однако сбор и оценку всех доказательств, собранных по уголовному делу, должен был осуществлять только судебный следователь единолично, при этом выполняя функции предварительного расследования.

Необходимо отметить, что, пользуясь правами членов окружных судов, судебные следователи принимали участие в рассмотрении уголовных дел, за исключением тех, по которым они проводили предварительное расследование. Однако руководство предварительным следствием осуществлял прокурор путем дачи обязательных указаний для исполнения следственным судьей. Необходимо отметить, что до 1918 г. в целях беспристрастного ведения предварительного следствия «присяжные поверенные» не были допущены к этому этапу.

Между тем, несмотря на прогрессивные изменения законодательства того времени в сфере правосудия, в целом проблема реорганизации следственной власти носила половинчатый характер, так как, хотя УУС и способствовал созданию независимого института судебных следователей, все-таки их деятельность до конца в уголовном процессе воплощена не была. Это проявлялось в определенной зависимости судебного следователя от губернаторов, поскольку он назначался на должность и увольнялся с нее императором по представлению министра юстиции.

Декретом Совета народных комиссаров от 24 ноября 1917 г. институт судебных следователей был упразднен, а производство предварительного следствия было передано особым следственным

комиссиям, созданным при суде. По УПК РСФСР 1922—1923 г. следователи участвовали в рамках уголовного судопроизводства. В 1928 г. следственный аппарат был передан под контроль органа прокуратуры. Следователь стал иметь статус помощника прокурора по производству следственных действий. С этого момента институт судебных следователей в системе судебных органов в России не создавался [4, с. 465].

Исследуя в статье такие понятия, как «судебный следователь» и «следственный судья», думаем, ни в коем случае нельзя их отождествлять. Безусловно, общим их признаком является то, что каждое из этих понятий имеет прямое отношение к судебной власти, однако надо учитывать, что следственный судья предположительно не выступает субъектом, осуществляющим предварительное расследование по уголовному делу. Он должен осуществлять судебный контроль на стадиях досудебного судопроизводства путем рассмотрения жалоб на действия участников уголовного судопроизводства, давать разрешение на законность производства процессуальных мер принуждения и т. д. [5, с. 145]

По большому счету в настоящий момент не существует единой точки зрения относительно терминов «судебный следователь» и «следственный судья». Многие авторы отождествляют данные понятия либо указывают на их отличительные особенности.

Анализируя научные исследования по данной проблеме, возникает вопрос: кто же может являться следственным судьей в уголовном судопроизводстве и какими полномочиями он должен обладать?

О возможности появления института следственных судей в современном уголовном судопроизводстве России (по его мнению — путем «возрождения» или даже трансформации из института «судебного следователя») впервые заговорил А. В. Смирнов, указывая на необходимость существования данного участника уголовного судопроизводства. А. В. Смирнов даже создал собственную Концепцию, целью которой является возвращение российской судебной системе тех преимуществ, которыми она обладала в результате судебной реформы 1864 г. В Концепции действительно содержатся положения, пропагандирующие возможность равного доступа каждого гражданина к правосудию, реализацию гарантий грамотной и непредвзятой судебной защиты, устанавливающие ответственность судебной власти по формированию судебных доказательств исключительно под собственной эгидой. Однако автор с сожалением

отметил, что указанные преимущества судебной реформы 1864 г. не были «впитаны» и реализованы последующей исторической эпохой.

На наш взгляд, обращаясь в своих исследованиях к институту судебного следователя «дореволюционного образца», А. В. Смирнов производит явную подмену понятий, выражающуюся в том, что под «следственным судьей» он понимает судью первой инстанции, реализующего свои полномочия в установленном законом порядке в досудебном производстве, однако при этом не участвующего в последующем рассмотрении уголовных дел по существу, а также в пересмотре судебных решений в апелляционном, кассационном, надзорном порядке или ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств [6, с. 10].

А. В. Смирнов полагает, что создание института «следственного судьи» имеет своей целью обеспечение равенства сторон по собиранию и оценке доказательств; защиту прав и интересов граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство; установление независимого субъекта («фильтра») на всех этапах досудебного производства в целях предотвращения направления в суд незаконных и необоснованных обвинений со стороны участников уголовного процесса.

Укажем на несколько проблем, которые, по мнению ученого, можно решить путем введения института следственных судей. К этим проблемам он относит: отсутствие гарантий досудебного контроля за законностью деятельности органов предварительного расследования, в том числе в ходе осуществления уголовного преследования; медлительность института «оперативного» судебного контроля; отсутствие в уголовном судопроизводстве юрисдикционного равенства стороны обвинения и стороны защиты.

Аргументация автора проекта и его сторонников строится на том, что прокурор, являясь контрольно-надзорным органом, ограничен в своих полномочиях при осуществлении контроля за законной деятельностью органов предварительного следствия, что выражается в отсутствии права прекращать уголовное преследование и давать обязательные письменные указания вплоть до поступления к нему материалов уголовного дела с обвинительным заключением. Это дает нам право утверждать, что основной контроль за органами предварительного следствия «ложится на их же плечи», что не может способствовать своевременному и качественному расследованию уголовных дел.

Проблема судебного контроля также рассматривается через призму его роли и полномочий,

а именно: указывается, что основной задачей суда является рассмотрение уголовного дела по существу и принятие по нему законного и справедливого решения, но большую часть своего рабочего времени судьям приходится рассматривать всевозможные жалобы участников уголовного процесса, давать разрешение на производство следственных и оперативно-разыскных мероприятий. Поэтому судьи из-за нехватки времени не успевают подробно вникнуть в эти вопросы и осуществляют проверку документов формально; также из-за загруженности судей появляется вероятность снижения качества рассмотрения основных уголовных дел.

Особое значение в предлагаемой Концепции автор придает судебным следственным действиям и судебным доказательствам. В рамках введения предполагаемого института следственного судьи данная процессуальная фигура может осуществлять некоторые процессуальные действия, не теряя при этом права на осуществление следственных действий с целью сбора доказательств по уголовному делу. В то же время необходимо учитывать то, что собранные следователем в рамках досудебного уголовного судопроизводства доказательства, не прошедшие предварительной состязательной проверки в судебных заседаниях под руководством следственного судьи, не могут использоваться в дальнейшем в уголовном процессе в качестве доказательств. Вопрос о состязательной проверке в данном случае должен быть решен либо путем проведения судебных допросов лиц, ранее допрошенных следователем на стадии предварительного расследования, либо путем рассмотрения по требованиям сторон иного вида доказательств.

Противники концепции введения института следственных судей выдвигают иное суждение относительно процесса производства судебных следственных действий. Они считают, что в предлагаемом А. В. Смирновым порядке производства данных действий уже заранее заложен результат, явно противоречащий принципу объективности и беспристрастности при оценке доказательств, собранных в рамках уголовного дела.

Сторонники данной концепции, в свою очередь, опровергают такое положение, утверждая, что в функционал следственного судьи должны входить обязанности по созданию условий для исполнения сторонами своих прав и обязанностей. По их мнению, сам процесс доказывания в рамках досудебного производства должен осуществляться лишь двумя сторонами, на которые законодатель и возложил эти обязанности, — сторонами обвинения и защиты. Вместе с тем они полагают, что следст-

венный судья не вправе отказать сторонам в производстве судебных следственных действий, за исключением производства незаконных и необоснованных следственных действий.

Кроме того, стоит задуматься и над тем, что следственный судья не вправе собирать все доказательства, на которых будут основываться доводы сторон в рамках судебного разбирательства, так как выбор тактики производства следственных действий является исключительной прерогативой органов предварительного расследования, что выступает дополнительным гарантом обеспечения равенства сторон при состязательности.

Целесообразно в данном контексте рассмотреть вопрос о критериях достаточности доказательств, которые ложатся в основу решения следственного судьи о передаче уголовного дела в суд для дальнейшего его рассмотрения в рамках судебного заседания. Развивая данную мысль, отметим, что такое судебское решение будет носить лишь предварительный характер, причем полагаем, что данное решение должно быть основано на том, что следственный судья не вправе делать выводы о достоверности доказательств, устанавливающих виновность обвиняемого, так как это является лишь судебной прерогативой при решении вопроса о доказанности виновности.

По мнению сторонников данной концепции, институт следственного судьи позволит полностью обеспечить принцип состязательности на протяжении всего уголовного судопроизводства, будет способствовать установлению полноценного судебного контроля на стадиях досудебного судопроизводства. Это будет осуществляться через призму рассмотрения и разрешения судом контрольно-властных вопросов, связанных с производством предварительного следствия, в частности: создания гарантий достоверности судебных доказательств, появления реальной возможности производства параллельного «адвокатского» расследования, сокращения излишнего документооборота в деятельности органов предварительного расследования.

Таким образом, по мнению сторонников введения в российский уголовный процесс фигуры следственного судьи, предполагаются следующие преимущества.

Во-первых, у районных судов будут изъяты полномочия по разрешению вопросов в порядке чч. 2—3 ст. 29, ст. 125 и 165 УПК РФ.

Во-вторых, протоколы допросов, составленные в досудебном производстве следственным судьей, будут иметь статус судебных доказательств, что

повлечет за собой облегчение их использования в процессе судебного уголовного судопроизводства, ввиду отсутствия необходимости их оглашения с согласия всех сторон (ч. 1 ст. 281 УПК РФ).

В-третьих, будет решен вопрос с невозможностью признания показаний подозреваемых и обвиняемых, полученных без участия защитника и не подтвержденных ими в последующем на стадиях судебного судопроизводства, в качестве недопустимых, в связи с тем что на стадии предварительного расследования они уже будут рассматриваться следственным судьей (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

В-четвертых, у суда в рамках судебного уголовного судопроизводства будет исключено полномочие по возвращению уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения, так как в рамках досудебного уголовного судопроизводства следственный судья будет проверять все имеющиеся доказательства по уголовному делу (ст. 237 УПК РФ).

Сторонники введения института следственных судей полагают, что обозначенные нововведения позволят снизить нагрузку на органы правосудия при рассмотрении уголовных дел как в судах первой инстанции, так и в вышестоящих инстанциях.

Не подвергая глубокому анализу представленную точку зрения сторонников введения института следственных судей, отметим, что этот шаг вызван трудностями, с которыми повсеместно сталкивается сторона защиты в ходе приобщения к материалам уголовного дела доказательств, собранных ими в процессе проведения собственного расследования.

В правоприменительной практике данная норма является не в полной мере «жизнеспособной» в силу удовлетворения лишь малой части таких ходатайств. Это вызвано отсутствием желания и заинтересованности органов предварительного расследования, являющихся стороной обвинения, укреплять позиции своего оппонента в рамках уголовного судопроизводства. Практика показывает, что представленные доказательства стороны защиты рассматриваются органами предварительного расследования в качестве помехи для даль-

нейшего расследования и продвижения уголовного дела к следующим стадиям уголовного судопроизводства. Сторонники Концепции считают, что решить данную проблему возможно путем создания независимого субъекта между противоборствующими сторонами — следственного судьи.

Сторонники создания института следственного судьи полагают, что введение его в той форме, которую они пропагандируют в настоящее время, позволит создать более справедливое и объективное уголовное судопроизводство в России, обеспечив состязательность сторон в рамках предварительного расследования путем устранения обвинительного уклона, поспособствовав установлению баланса между сторонами защиты и обвинения. Однако необходимо помнить, что любые концептуальные изменения должны осуществляться постепенно, имея под собой прочный законодательный фундамент.

Тем не менее, несмотря на предполагаемый положительный эффект от внедрения в современное отечественное уголовное судопроизводство института следственного судьи, его процессуальный статус остается противоречивым в связи с недолжным образом проработанными некоторыми вопросами его деятельности, как то: документальное оформление роли следственного судьи в ходе принятия участия в производстве следственных действий; рассмотрение вопроса, касающегося тайны предварительного расследования в деятельности данной процессуальной фигуры; разработка квалификационных требований, предъявляемых к лицам, претендующим на должность следственного судьи.

Резюмируя сказанное, отметим, что введение института следственного судьи в уголовное судопроизводство современной России влечет за собой ряд проблем, обусловленных значительными материальными затратами из-за введения нового субъекта в уголовный процесс, а также опасностью появления у суда на стадии предварительного расследования одновременно полномочий по осуществлению судебного контроля и полномочий стороны обвинения, связанных с уголовным преследованием, сбором доказательств в целях подтверждения или опровержения версий обвинения.

1. Ковтун Н. Н., Бухранова Т. С. Институт судебного следователя и специализированного судьи в контексте опыта стран континентальной системы права // Российский следователь. 2011. № 17. С. 30—34.

2. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Феде-

1. Kovtun N. N., Bukhranova T. S. Institute of judicial investigator and specialized judge in the context of experience of the countries of the continental system of law. Russian investigator, 30—34, 2011 (in Russian).

2. Official site of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial

рации. Судебная статистика. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 10.09.2021).

3. Трефилов А. А. Судебный следователь в дореволюционной России: сравнительно-правовой аспект // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 4. С. 150—156.

4. Чаплыгина В. Н. Концепция создания института следственных судей в Российской Федерации: основные недостатки и преимущества // Эволюция государства и права: история и современность: сб. науч. ст. II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию юрид. фак. Юго-Зап. гос. ун-та (г. Курск, 25—27 мая 2017 года). Курск: Университетская книга, 2017. С. 465—469.

5. Кони В. В. Судебный следователь в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. С. 145—149.

6. Смирнов А. В. Институт следственных судей — путь к состязательности в уголовном процессе // Евразийская адвокатура. 2015. № 1 (14). С. 10—14.

© Чаплыгина В. Н., 2021

Чаплыгина Виктория Николаевна,
начальник кафедры криминалистики
и предварительного расследования
в ОВД Орловского юридического института
МВД России
имени В. В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент;
8 (910) 305-67-00

statistics. Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5>. Accessed: 10 September 2021 (in Russian).

3. Trefilov A. A. Judicial investigator in pre-revolutionary Russia: comparative-legal aspect. Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 150—156, 2015 (in Russian).

4. Chaplygina V. N. The concept of creating the institute of investigative judges in the Russian Federation: the main drawbacks and advantages. In: The evolution of the state and law: history and modernity. Collection of scientific articles of the II International scientific-practical conference dedicated to the 25th anniversary of the Southwestern State University Faculty of Law, 25—27 May 2017, Kursk. Kursk: University book; 2017: 465—469 (in Russian).

5. Koni V. V. Judicial investigator in the criminal process. Actual problems of Russian law, 145—149, 2016 (in Russian).

6. Smirnov A. V. Institute of investigative judges — the way to the adversarial system in the criminal process. Eurasian Advocacy, 10—14, 2015 (in Russian).

© Chaplygina V. N., 2021

Chaplygina Victoria Nikolayevna,
head of the department of criminalistics
and preliminary investigations
in Internal Affairs Bodies
of Orel Law Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation
named after V. V. Lukyanov,
candidate of juridical sciences, docent;
8 (910) 305-67-00

УДК 343.9
ББК 67.51
doi: 10.25724/VAMVD.XCDE

И. А. Мингес, В. В. Попов

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ: ПОИСК НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЯ (начало)

Анализ противодействия коррупции позволяет выявить целый ряд проблем, не позволяющих трансформировать имитацию борьбы с коррупцией в реальную борьбу. В качестве новой научно-методологической основы противодействия коррупции предлагается трактовка коррупции через призму теории управления как основы государственного управления. Включение в научно-методологическую основу такого подхода представлений о связи целеполагания с сущностью государства, о декларативном и реальном целеполагании в государственном управлении, о наличии наряду со структурным также неструктурного и виртуально-структурного управления социальными процессами в государстве, о различии субъекта-управленца и субъекта — инструмента управления, о наличии множества иных средств управления, нежели силовое воздействие в ходе государственно-правового управления, позволяет выявить как реальную сущность коррупции, так и ее реальные истоки. Представление о реальной роли идеологических предпосылок толпо-«элитаризма» и фаворитизма как основных генераторов коррупции позволит сформировать как эффективную научно-методологическую основу борьбы с коррупцией, так и инструмент, позволяющий выявлять имитацию такой борьбы.

Ключевые слова: коррупция, предпосылки коррупции, фаворитизм, толпо-«элитаризм», противодействие коррупции, борьба с коррупцией, имитация борьбы с коррупцией, идеология, неструктурное управление, мягкая сила.

I. A. Minges, V. V. Popov

ANTI-CORRUPTION MEASURES: THE SEARCH FOR A SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL BASIS IN THE CONTEXT OF STATE STUDIES (beginning)

The analysis of the fight against corruption allows us to identify a number of problems that do not allow us to transform the imitation of the fight against corruption into a real fight. Interpretation of corruption through the prism of management theory as the basis of state studies is proposed as a new scientific and methodological basis for combating corruption. The inclusion in the scientific and methodological basis of such an approach ideas about the relation of goal-setting with the essence of the state, about declarative and real goal-setting in public administration, about the presence, along with structural, of non-structural and virtually structural management of social processes in the state, about the difference between the subject-manager and the subject-management tool, about the presence of many other means of management along with force influence in the course of state-legal management, allows us to identify both the real essence of corruption and its real origins. The idea of the real role of the ideological prerequisites of crowd-"elitism" and favoritism as the main generators of corruption will allow us to form both an effective scientific and methodological basis for the fight against corruption, and a tool that allows us to identify an imitation of such a struggle.

Key words: corruption, prerequisites of corruption, favoritism, crowd-"elitism", anti-corruption measures, fight against corruption, imitation of the fight against corruption, ideology, non-structural management, soft power.

Актуальность темы противодействия коррупции обусловлена, главным образом, двумя факторами. Первый фактор — это опасность коррупции. Второй — несоответствие мер борьбы с коррупцией ее реальной опасности.

Говоря подробнее о первом факторе (как минимум применительно к нашей стране), отметим, что, несмотря на обилие научных разработок, определение коррупции в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г.

№ 273-ФЗ (ред. от 26.05.2021) вряд ли можно признать удовлетворительным, поскольку там коррупция толкуется с недостаточной акцентуацией ее реальной общественной опасности, притом что данное определение достаточно благосклонно оценивается российской научной общественностью.

Конечно, сам факт наличия легальной дефиниции коррупции в отечественном законодательстве можно было бы приветствовать, если соотносить данный факт с отсутствием подобной дефиниции в законодательстве многих стран, таких как Австрия, Великобритания, Дания, Индия, Китай, США, Швейцария, Финляндия и др. [1] Однако в названном законе термин «коррупция» есть не более чем обобщающий термин, причем обобщает он те деяния, которые были криминализованы довольно давно, т. е. задолго до введения в широкий оборот термина «коррупция» — взяточничество (с оговоркой относительно коммерческого подкупа) и злоупотребление властью (в широком смысле). Совершенно очевидно при этом, что, например, получение взятки за разрешение на ввоз в страну радиоактивных отходов, за продажу потенциальному противнику материалов для производства ядерного оружия и т. п. существенно отличается по своей общественной опасности от, например, получения взятки сотрудником ГИБДД за непривлечение лица к административной ответственности за нарушение ПДД.

И хотя в ходе классификации коррупционных проявлений различают как так называемую бытовую коррупцию, так и коррупцию в сфере государственного управления, парламентскую и т. д., все же легальная дефиниция коррупции в отечественном законодательстве не дает инструментария для выявления различий в общественной опасности названных деяний. Более того, можно согласиться с тем, что отечественная легальная дефиниция коррупции провоцирует направленность борьбы с коррупцией в сторону низовых и средних бюрократических звеньев [2, с. 55], а значит, и не дает эффективного инструментария для выявления имитации борьбы с коррупцией.

Кроме того, заметим, что если и соглашаться с тем, что «коррупцию повсеместно (и в России, и в мире) принято считать одной из глобальных угроз основам цивилизации, подразумевая под ними политическую демократию, правовое государство, права и свободы человека и т. п.» [2, с. 53], то лишь особо подчеркнув оговорку «принято считать», поскольку это позволит нам обойти весьма непростой вопрос о том, насколько верно относить «политическую демократию, правовое государство,

права и свободы человека» к основам цивилизации. По меньшей мере к основам цивилизации следует относить само государство, в связи с чем коррупцию следует относить к угрозе общественной (национальной) безопасности через утрату государственного суверенитета. Однако и здесь следует сделать оговорку, поскольку в контексте настоящей работы речь идет не об, условно говоря, тактическом аспекте подрыва государственного суверенитета, когда «делегитимация государственного строя» [2, с. 54] ведет к государственному перевороту [3], но в аспекте стратегическом, т. е. о такой утрате суверенитета, когда государство *de facto* исчезает, превращается в фактическую колонию, несмотря на сохранение внешних атрибутов государственности. Иными словами, коррупцию следует относить к своего рода порче, деградации той деятельности, которая имеет очень важную общественную значимость.

Говоря подробнее о втором факторе, обуславливающем исключительную актуальность научных исследований противодействия коррупции, отметим: несмотря на то что еще Данте поместил взяточников в восьмой круг ада, слова Д. С. Львова и Ю. В. Овсиенко о тотальности коррупции в России [4] вполне актуальны и сегодня, а идея о некой тупиковости сегодняшней стратегии борьбы с коррупцией [2, с. 54] не кажется преувеличением.

В качестве одной из ключевых предпосылок весьма слабой эффективности противодействия и искоренения коррупции является недостаточная разработанность научно-теоретической основы такого противодействия, притом что данная проблема привлекает достаточно много внимания не только юристов, но и социологов, политологов, экономистов, философов. В частности, подобная недостаточность проявляется в слабом сопряжении проблем коррупции с теорией управления. Предпосылкой этого является фактическое вытеснение теории управления из науки вообще и из юриспруденции в частности [5], в то время как теорию государства и права — и, в особенности, теорию государства — следует рассматривать как частный случай теории управления.

В связи с этим особо отметим, что поскольку коррупция по своей сути представляет собой деградацию государственного управления, постольку и формировать научно-методологические основы противодействия ей следует именно в социально-управленческом контексте, например в контексте государственного управления в рамках теории государства и права. В силу этого обратим особое внимание на такие теоретические изъяны

в государствоведении, которые обусловлены фактическим изгнанием из него теории управления.

Прежде всего сделаем акцент на том, что общепринятыми являются выраженные в той или иной форме представления о государстве как о некой организации власти. Да, в науке существует довольно много теоретических моделей, формирующих смысл понятия «власть», но в целом их объединяет то, что власть теснейшим образом связана с управлением. Управление же в наиболее общем виде есть сознательно-волевая деятельность по изменению параметров (статистических характеристик) объекта управления. Если говорить о власти государственной, то, учитывая, например, общепризнанную проблему в определении того, сколько в мире государств (что является следствием проблемы определения того, относится ли к государствам, например, Палестина, Израиль, Абхазия, Косово, Донецкая Народная Республика и т. д.), наиболее общим образом эту власть следует определять как практически реализуемую способность управлять (статистическими характеристиками протекания социальных процессов).

Вместе с тем нужно учитывать, что какое-либо управление без целей невозможно. Из этого следует, что целеполагание является обязательным этапом управления, притом что сами цели бывают не только реальными, но и декларируемыми. Кроме того, цели могут быть выстроены иерархически, когда место в иерархии определяется порядком вынужденного отказа от достижения соответствующих целей при нехватке ресурсов для достижения всех реальных целей. В то же время следует различать иерархически выстроенные цели и этапы достижения отдельных целей, а также средства достижения каждой из целей в их иерархии.

Необходимо также учесть, что управление не начинается с целеполагания. Поскольку цель ставится субъектом управления, постольку целеполагание субъективно, т. е. реальное управление осуществляется только в отношении объективно достижимых, но субъективно поставленных целей. Субъективность целеполагания неизбежно выводит нас на идею о том, что постановка цели генерируется желанием изменить статистические характеристики объекта управления. Само же это желание предопределяется соответствующими (социальными, биологическими, природно-климатическими и др.) факторами среды, которые воздействуют (или могут воздействовать в будущем) на субъект управления, и это воздей-

ствие воспринимается субъектом управления как негативно ценное, т. е. как проблема («незадача»). Таким образом, управление начинается с осознания фактора негативно воздействия среды (в широком смысле), причем осознание данного фактора предопределяет сознательность управления, а желание данный фактор изменить является предпосылкой волевого характера управления.

Если объективные преимущества, которые государство может дать людям, проанализировать в совокупности с идеей о том, что базовой, фундаментальной ценностью является жизнь человека, то можно прийти к выводу, что (например, потенциальной) целью объединения людей в государство является максимальное увеличение шансов на выживание соответствующей общности людей через повышение устойчивости данной общности к различным негативным факторам (природные условия, враждебные действия иных людей и т. п.).

Речь при этом идет о таком выживании общности людей, когда они сохраняют свою национально-культурную идентичность, т. е. о выживании народа, а не просто некоего населения, поскольку сохранение национального своеобразия необходимо для развития человеческой цивилизации в целом. Эту цель следует рассматривать как своего рода универсальную «программу минимум», как цель, предопределяющую смысл бытия любого государства. В качестве же цели как своего рода «программы максимум» можно назвать не просто выживание, но развитие народа, в ходе которого раскрывается тот потенциал каждого человека, который в него заложен на генетическом уровне. Когда мы говорим, что такие цели предопределяют смысл бытия любого государства, то это предполагает, что достичь таких целей без объединения в государство, т. е. поодиночке либо при объединении в относительно малочисленные группы (по крайней мере на определенном этапе времени) люди либо не могут вообще либо не могут достичь данных целей с удовлетворительным качеством, т. е. с приемлемой для них ошибкой управления (как логической разницей между желаемым и достигнутым).

Указанные цели необходимо включать в общетеоретическое определение государства в рамках теории государства и права, что позволит данной науке не только реализовать собственную политико-прагматическую функцию, но и играть роль реального научно-методологического фундамента, позволяющего и другим наукам осуществлять подобные функции в теоретических реконструкциях

государственно-правовых явлений. Общепринятые же определения государства являются управленчески выхолощенными, а потому таким фундаментом не являются.

В контексте описания и объяснения коррупции такой подход позволит, например, выявить реальную опасность коррупции, которая касается деятельности, имеющей значимость для всего общества, а потому и является угрозой государственному суверенитету, т. е. угрозу разрушения государства в том числе посредством превращения его в фактическую колонию при сохранении внешних атрибутов государственности. Сущность коррупции в данном случае проявится в том, что изначально и выражал данный термин, происходящий от двух слов — «cor» (сердце, душа) и «ruptum» (портить, разрушать, развращать), т. е. разрушение целостности объекта, а не в продажности должностных лиц и злоупотреблении властью [6]. Разрушение же целостности государства происходит через утрату им изначально цели своего существования.

В частности, подобный подход к объяснению опасности коррупции положит начало строгому обоснованию корректности, например, заявления о том, что у влиятельных кланов нет никаких «серьезных причин... повышать уровень жизни и снижать уровень безработицы и смертности, повышать рождаемость и т. п.» [2, с. 58].

«Положит начало» означает, что только лишь описание цели для такого фундамента недостаточно, поскольку из приведенных слов профессора В. Г. Ершова не вполне ясно, почему у влиятельных кланов нет такой цели. Ведь благополучие этих кланов напрямую зависит от жизнеспособности того государства, которое они и разрушают коррупционной деятельностью, так как препятствуют развитию или хотя бы выживанию народа (без потери национально-культурной идентичности под воздействием факторов давления среды).

Для адекватного понимания данной проблемы потребуются осознание того факта, что каждый поведенческий акт состоит из огромного множества отдельных операций, из своего рода «квантов деятельности», которые можно мысленно объединить в некие кластеры, объем которых определяется субъектом осмысления исходя из контекста каждой конкретной социальной ситуации. Из этого следует, что для осознания реальных результатов любой деятельности требуется учитывать:

а) общую длину алгоритма (преемственной последовательности шагов) некой деятельности,

когда последний квант деятельности (множество таких квантов) не будет (с точки зрения соответствующего субъекта) порождать иных значимых для данного субъекта результатов, кроме тех, которые он осознает;

б) факт того, что каждый «квант деятельности» далеко не всегда является элементом линейного алгоритма некой деятельности, т. е. в ходе некой деятельности возникают «ветвления алгоритма», побочные эффекты вместе — либо даже вместо — желаемого результата («хотели как лучше, а получилось как всегда»).

В целом это можно охарактеризовать как глубину осознания последствий и, соответственно, как глубину осознания целей. В свою очередь осознание данного обстоятельства позволит понять, что далеко не все управленческие действия быстро порождают осознаваемые всеми последствия. В силу этого можно говорить о быстрых и медленных управленческих маневрах. Медленный маневр осуществляется, например, крупногабаритным морским судном, которое выполняет поворот столь медленно, что никто на борту не может ни ощутить, ни увидеть этого. Однако в итоге направление движения может быть изменено на 180 градусов. В данном случае эффективность маневра требует лишь увеличенного временного интервала (по сравнению с быстрым маневром), что требует лишь *заблаговременно* начать медленный маневр. Медленный управленческий маневр применительно к управлению государствами, когда происходит медленное изменение статистических характеристик протекания социальных процессов в таких государствах, обычно *воспринимается* как неуправляемый процесс.

Совмещение идей о подобном осознании поведения с пониманием того, что управление начинается не с создания управленческих структур, а с выявления проблем и с последующего целеполагания по их преодолению, поможет осознать, что некое должностное лицо даже самого высокого ранга или высший орган государственной власти может лишь казаться субъектом управления, но в реальности быть не более чем исполнительным модулем, т. е. неким инструментом управления в руках реального субъекта управления. И именно реальный субъект управления:

а) осуществляет выявление проблем. Причем следует подчеркнуть, что некая существующая сейчас или возможная в будущем статистическая характеристика функционирования некоего социального процесса (например, численность людей определенной национальности, возраста и т. д.)

оценивается негативно (т. е. как проблема) именно субъектом реального управления. Тот, кто является инструментом управления, может вообще не видеть данной проблемы или же не воспринимать данный параметр как негативно ценный (как проблему);

б) осуществляет постановку управленческих целей. Целеполагание инструмента управления при этом может быть подчинено целеполаганию субъекта управления. Например, субъект управления имеет ближайшую цель (как результат некоей деятельности «А» — некоего кластера квантов поведения) ввезти в страну радиоактивные отходы, а инструмент управления (например, глава правительства) имеет цель (как результат той же деятельности «А») заработать деньги.

Следует учесть, что цели реального субъекта социального управления довольно часто не декларируются публично. Однако они вполне могут быть выводимы из анализа, например, неких устойчивых во времени изменений статистических характеристик функционирования социальных процессов, вызываемых определенным поведением соответствующих субъектов. Иными словами, каждый в меру своего понимания работает на себя, а в меру своего непонимания — на того, кто знает и понимает больше, а потому реальный управленец существенно отличается от субъекта-инструмента. Осознание данного обстоятельства позволит:

а) понять, что цели субъекта управления могут конфликтовать с целями субъекта — инструмента управления, однако данное обстоятельство может до определенного момента, т. е. заблаговременно не сознаваться субъектом-инструментом. В свою очередь это поможет понять истоки фактической самоубийственности деятельности некоторых чиновников самого высокого ранга, когда их коррупционная деятельность:

— разрушает то самое государство, которое обеспечивает высочайший уровень потребления этих чиновников. В данном случае коррупционеры фактически используют модель поведения раковой клетки в том аспекте, когда ее развитие разрушает источник ресурсов этого развития; причем если разрушение государства произошло в ходе так называемого медленного управленческого маневра, то эта ситуация описывается словами «самые большие потери приходят незаметно»;

— создает реальную угрозу жизни и здоровья самих этих чиновников, а также членов их семьи и иных приближенных к ним лиц. Например, когда в ходе «народных волнений» насилию подвергаются эти чиновники, члены их семьи и иные при-

ближенные к ним лица. В данном случае коррупционеры фактически используют модель поведения раковой клетки в несколько ином аспекте: раковая клетка погибает вместе с убитым ею организмом;

б) осознать тот факт, что для субъекта реального управления существует потребность в подобных субъектах-инструментах, которыми и будут являться государственные служащие сколь угодно высокого ранга. Вместе с тем нужно понимать, что если реальный управленец хочет максимально долго и стабильно управлять через субъекта-инструмента, то ему следует оставаться «незаметным» в своем статусе реального управленца, а значит, использовать мотивационно-опосредованное воздействие, когда решение реального управленца передается инструменту не с помощью команды, а через формирование так называемого контекстного поля, которое будет программировать поведение субъекта-инструмента, в силу чего этот субъект будет воспринимать решения управленца как свой собственный выбор [7, с. 11] даже в том случае, если они объективно вредны и даже губительны для субъекта-инструмента.

В то же время можно заметить, что наиболее простым и эффективным в рамках данной концепции будет:

а) формирование у субъекта-инструмента стремления к высоким стандартам потребления как основы смысла жизни. Анализ истории человечества позволяет сделать вывод о том, что такая мотивация присуща весьма большому количеству людей практически во всех странах и на протяжении многих веков. Но особенно эффективно такая мотивация формируется через выращивание «общества потребления»;

б) формирование у субъекта-инструмента так называемых образовательных компетенций с *приоритетом навыков и умений перед знаниями*, т. е., образно говоря, когда наиболее востребованы люди не думающие, а делающие, поскольку принципом современного образования предлагается считать переход «от школы знаний к школе навыков» [8]. Отчасти это формировалось в периоды наличия проблем с реализацией принципа всеобщей доступности образования высокого качества. Но особенно эффективно выращивание субъектов-инструментов осуществляется через *современное реформирование образования*, причем основные направления этого реформирования приобретают схожие черты во всех странах мира.

Как теперь несложно понять, мировоззренческо-образовательные факторы относятся к одному из начальных генераторов коррупции, поскольку продажность субъекта-инструмента, не обремененного знаниями (позволяющими ему различить субъекта-управленца, а также увидеть самоубийственность своего поведения), но обладающего (нужными субъекту-управленцу) профессиональными навыками и умениями, и будет своего рода ключом к его использованию субъектом-управленцем.

Однако следует понимать, что одной фактической готовности субъекта-инструмента реализовать цели субъекта-управленца недостаточно для возникновения коррупции. И потому такая готовность есть лишь один из начальных генераторов коррупции, которая будет вероятностно предопределенно возникать только при наличии еще одного фактора, генерирующего коррупцию. Это цели субъекта-управленца, причем такие цели, достижение которых будет иметь значимость (негативную) для всего общества, т. е. они будут относиться к препятствиям развития или хотя бы выживания народа без потери его национально-культурной идентичности. Соединение этих двух факторов и будет генерировать коррупцию как явление в уже упоминавшемся изначальном смысле, т. е. как разрушение («gruptum» — портить, разрушать, развращать) основы («cor» — сердце, душа) государства, иными словами, разрушение его сути — объединения людей, алгоритмически необходимого для их развития или хотя бы выживания как народа.

Подобные цели субъекта-управленца довольно легко укладываются в управленческую трактовку войны как комплекса мер, предпринимаемых (например) государством (группой государств) для захвата чужих (т. е. принадлежащих (например)

другому государству (группе государств)) энергетических, природных и человеческих ресурсов. Как видно, такое определение позволяет трактовать войну как управление (поведение врага является объектом управления) и включать в него те войны, которые в современный период принято именовать холодными, ментальными [9], гибридными, сетевыми [10] и т. д., а также позволяет выявлять субъекта-управленца.

Из этого следует, что для субъекта-управленца коррупция фактически является необходимым средством управления (войны), но не неким маргинальным явлением, для реального вытеснения которого из сферы государственного управления данный субъект-управленец — и, тем более, субъект-инструмент — прилагает какие-либо усилия. Этим и объясняется тенденция к тому, что представление о ненормальности коррупции относится, скорее, лишь к публичному дискурсу, а не реальному мировоззрению большинства членов общества.

Данное обстоятельство, однако, не исключает допустимости реальным управленцем определенного противодействия отдельным коррупционным проявлениям, поскольку такая война является скрытым разрушением чужого государства, и скрытность есть фактор, обеспечивающий безопасность субъекта-управленца от возможного противодействия населения враждебного ему государства как объекта управления. Иными словами, для обеспечения стабильности своего управления субъект-управленец может допускать некоторое противодействие коррупции, в силу своей стратегической ограниченности фактически являющееся имитацией борьбы с коррупцией. Именно преобладанием имитации борьбы с коррупцией над реальной борьбой с ней и объясняется стабильный рост так называемого рынка коррупции [11, с. 79].

1. Ноздрачев А. Ф. Коррупция как правовая проблема в вопросах и ответах // Адвокат. 2007. № 10. С. 34—49.

2. Ершов Ю. Г. Коррупция в России: перспективы противодействия // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред. В. Н. Руденко; ред. К. В. Киселев, Е. А. Степанова, В. В. Эмих; Ин-т философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург, 2014. 468 с.

3. Борьба с коррупцией может быть опасна для национального суверенитета // Ведомости.

1. Nozdrachev A. F. Corruption as a legal problem in questions and answers. Lawyer, 34—49, 2007 (in Russian).

2. Yershov Yu. G. Corruption in Russia: prospects of counteraction. In: Actual problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of combating corruption. Collection of works according to the results of the All-Russian scientific conference. Ed. V. N. Rudenko; ed. K. V. Kiselev, E. A. Stepanova, V. V. Emikh; Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg; 2014: 468 (in Russian).

3. The fight against corruption may be dangerous for national sovereignty. Vedomosti, 27 March

2015. 27 марта. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/03/27/borbas-korrupsiiei-mozhet-bit-opasna-dlya-natsionalnogo-suvereniteta> (дата обращения: 15.08.2021).

4. Львов Д. С., Овсиенко Ю. В. Об основных направлениях социально-экономических преобразований // Экономическая наука современной России. 1999. № 3. С. 99—114.

5. Костюченко Н. И. Проблемы государственного управления, связанные с отсутствием в Российской Федерации специальности «наука управления» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 1. С. 182—187.

6. Мишин Г. К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения. Лекция. Москва: Акад. МВД СССР, 1991. 34 с.

7. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С., Якунин В. И. Новые технологии борьбы с российской государственностью: монография. Москва: Научный эксперт, 2009. 422 с.

8. Греф назвал пять принципов современного образования. URL: <https://ria.ru/20210114/obrazovanie-1593065352.html> (дата обращения: 15.08.2021).

9. Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. 2020. № 8. С. 19—32.

10. Чимаров С. Ю. К вопросу о сетевом формате гибридной войны XXI века // Управленческое консультирование. 2016. № 2. С. 97—102.

11. Балог М. М. Измерение коррупции: проблемы и основные подходы // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Экономика. Право. Управление». 2015. № 2. С. 75—80.

© Мингес И. А., Попов В. В., 2021

Мингес Изабелла Александровна,
начальник кафедры теории
и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: lkj5@mail.ru

Попов Виктор Викторович,
доцент кафедры теории
и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: lkj5@mail.ru

2015. Available from: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/03/27/borbas-korrupsiiei-mozhet-bit-opasna-dlya-natsionalnogo-suvereniteta>. Accessed: 15 August 2021 (in Russian).

4. Lvov D. S., Ovsienko Yu. V. On the main directions of socio-economic transformations. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii*, 99—114, 1999 (in Russian).

5. Kostuchenko N. I. Problems of public management associated with the absence in the Russian Federation speciality «management science». *Journal of the Volgograd academy of MIA of Russia*, 182—187, 2019 (in Russian).

6. Mishin G. K. Corruption: concept, essence, measures of restriction. Lecture. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1991: 34 (in Russian).

7. Bagdasaryan V. E., Sulakshin S. S., Yakunin V. I. New technologies for combating Russian statehood. Monograph. Moscow: Scientific expert; 2009: 422 (in Russian).

8. Gref named five principles of modern education. Available from: <https://ria.ru/20210114/obrazovanie-1593065352.html>. Accessed: 15 August 2021 (in Russian).

9. Ilitsky A. M. Mental Warfare in Russia. *Military Thought*, 19—32, 2020 (in Russian).

10. Chimarov S. Yu. On the issue of the network-centric format of the hybrid war of the XXI century. *Administrative Consulting*, 97—102, 2016 (in Russian).

11. Balog M. M. Measuring corruption: problems and main approaches. *Bulletin of the Pskov State University. Series: Economics. Law. Management*, 75—80, 2015 (in Russian).

© Minges I. A., Popov V. V., 2021

Minges Isabella Aleksandrovna,
head of the department of theory and history
of law and state of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: lkj5@mail.ru

Popov Victor Victorovich,
associate professor at the department of theory
and history of law and state
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: lkj5@mail.ru

* * *

УДК 340
ББК 67.0
doi: 10.25724/VAMVD.XDEF

В. А. Рудковский, А. А. Редько

О ПРАКТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Статья посвящена теоретическому осмыслению места и роли правовой науки (доктринального правосознания) в правовой жизни современного российского общества и государства. Обращается внимание на тот факт, что правовая доктрина органично включена в процессы воспроизводства и развития правовой культуры и через систему правового просвещения, образования, подготовки юридических кадров формирует тот или иной образ права, правового регулирования, юридической практики. Подчеркивается значение мировоззренческой функции юриспруденции в преодолении различного рода правовых деформаций (правовой нигилизм и пр.) и формировании позитивного отношения к праву (правам личности, правопорядку) как социальной ценности. Делается вывод о том, что влияние юридической науки на практику правового регулирования и правового развития общества является гораздо более основательным, чем это порой представляется. Оно проявляется не только в решении конкретных практических задач, но и в воспроизводстве фундаментальных правовых идеалов, ценностей, институтов и отношений. И эта сторона практического назначения юриспруденции в настоящее время приобретает особую социальную значимость.

Научная новизна статьи определяется ее предметом, характером поставленных задач и полученными результатами. Работа является одним из первых общетеоретических исследований, посвященных малоизученным связям правовой доктрины с процессами реализации применения права, определению места и роли юриспруденции в механизме действия современного российского права.

Ключевые слова: юридическая наука, научное правосознание, правовое регулирование, правовое развитие, юридическое мировоззрение, правовое просвещение, юридическое образование.

V. A. Rudkovsky, A. A. Redko

ON PRACTICAL MEANING OF JURISPRUDENCE

The article is dedicated to the theoretical overview of place and role of legal science (dogmatic legal consciousness) in legal life of the modern Russian society and state. Attention is paid to the fact that legal doctrine is organically integrated into the processes of reproduction and development of legal culture and that through the system of legal enlightenment, education, preparation of juridical specialists it forms this or that image of law, legal regulation, juridical practice. The meaning of world-view forming function of jurisprudence in the overcoming of various legal deformations (legal nihilism etc.) and formation of positive attitude to law (human rights, legal order) as social value is stressed. The conclusion is made that the influence of legal science on the practice of legal regulation and legal development is far more fundamental than it is sometimes considered. It is revealed not only in solving exact practical tasks but also in reproduction of fundamental legal ideals, values, institutions and relationships. And this side of practical role of jurisprudence gets special social meaning at the present moment.

The scientific novelty of an article is determined by its subject matter, the nature of the tasks set and the results obtained. The work is one of the first general theoretical studies devoted to the little-studied connections of legal doctrine with the processes of implementing the application of law, determining the place and role of jurisprudence in the mechanism of action of modern Russian law.

Key words: legal science, scientific legal consciousness, legal regulation, legal development, legal world-view, legal enlightenment, legal education.

Характерной чертой юридической науки является ее ярко выраженная связь с практикой правового регулирования общественных отношений. Речь идет не только о том, что юриспруденция

ориентируется на потребности практики, «обслуживает» ее интересы и пр. Юридическое знание органично включено в саму «ткань» правовой жизни общества, деятельность субъектов право-

вых отношений, процессы воспроизводства и развития действующего права. Научное правосознание не просто познает право (правовую систему) как некую противостоящую ему объективную действительность; в известном смысле оно является атрибутивным свойством самой этой действительности, способом ее исторического бытия. По замечанию Г. Дж. Бермана, право «включает в себя не только правовые учреждения, правовые требования, правовые решения и тому подобное, но и то, что правоведы (включая иногда и законодателей, судей, других официальных лиц, когда они выступают как правоведы) говорят об этих правовых учреждениях, требованиях и решениях. Право содержит в себе и науку о праве — правоведение, то метаправо, с помощью которого его можно и анализировать, и оценивать» [1, с. 25].

Г. Дж. Берман формулирует указанный вывод применительно к западной традиции права. Но, по сути дела, он относится к любой традиции (западной или не западной), культивирующей правовые ценности. Вопрос о том, что говорят о праве (законодательстве, правосудии, правах личности и пр.), как его оценивают, интерпретируют, как к нему относятся — это фундаментальная проблема любой правовой системы. И в ее решении ведущая роль принадлежит правовой доктрине, т. е. доминирующим научным представлениям, взглядам, оценкам. Именно юриспруденция формирует тот или иной «научный» образ права, составляющий основу юридического образования, просвещения, воспитания. Из правовой доктрины (учебники, монографии и пр.) мы узнаем о праве Древнего Рима, о законах царя Хаммурапи, о советском и любом другом историческом праве. Правовая доктрина дает нам «ключи» для адекватного понимания действующего права. С одной стороны, само это право является «плодом» определенной доктрины (законодатели всегда стремятся подчеркнуть научный характер принимаемых актов); с другой — мы воспринимаем и оцениваем его сквозь призму усвоенных научных понятий, конструкций и пр. Ни одна сфера юридической практики, особенно профессиональной (судебной, нотариальной, следственной и пр.), сегодня не может успешно функционировать и развиваться в отрыве от научного юридического знания.

Правовая доктрина оказывает серьезное влияние и на перспективы развития права. Если она (доктрина), к примеру, исповедует образ права как «орудия классового насилия», «воли экономически господствующего класса» и т. п., то рано или

поздно в обществе, разделяющем эти воззрения, будет реализована именно такая модель правового регулирования. Если правоведы говорят о правовом государстве как о некоем далеком идеале политико-правового устройства, которого якобы ни одна страна не достигла, то, разумеется, никто не будет серьезно заниматься строительством такого государства, пока не изменится доктрина. «История правового развития свидетельствует о том, что существуют довольно тесные корреляции между состоянием правовой доктрины и состоянием правопорядка. Правопорядок традиционно трактуется в теории права как итоговая категория, закрепляющая результаты правового регулирования в реальных общественных процессах, и это совершенно верно. Однако в современной правовой доктрине высказывается утверждение и о том, что природа правопорядка связана не только с результатами, но и с механизмом действия права в целом» [2, с. 54]. В связи с этим получил развитие новый подход ко всем юридическим явлениям и процессам, в том числе и к правопорядку, который определяется не просто как состояние урегулированности нормами права наиболее значимых для данного социума общественных отношений, но и как механизм конструирования и реализации правовой системы, существующий посредством деятельности акторов (носителей статуса субъектов права) и включающий в себя юридически значимую деятельность [3].

Периоды упадка или разрушения правопорядка практически всегда сопровождаются деградацией и дискредитацией доктринальных представлений о праве и его социальной ценности. Известно, в частности, каким нападкам, в том числе со стороны отдельных правоведов, подвергалось юридическое мировоззрение в период становления Советского государства. «Меня весьма страшат наши новые правовые увлечения, — писал М. А. Рейснер, — и я склонен возвысить свой голос в тех целях, чтобы предостеречь от безмерной юридизации наших порядков, даже на основе пролетарской диктатуры. Если право не “опиум для народа”, то во всяком случае довольно опасное снадобье» (цит. по: [4, с. 188]).

Нигилистические представления о праве как «опиуме», «опасном снадобье», «буржуазном пережитке» и т. п. не прошли бесследно. Советское право, позиционировавшееся в качестве права «высшего исторического типа», на самом деле оставалось малозначительным придатком партийно-государственной политики.

Вполне очевидна и противоположная тенденция: возвышение социального авторитета права (прав личности, законности и т. д.) непременно предполагает формирование авторитетной правовой доктрины как интеллектуально-нравственной основы правового просвещения, образования, подготовки профессиональных юридических кадров.

Отечественная история знает немало примеров, когда юридическая наука в лице ее выдающихся представителей становилась источником подлинного обновления правосознания, преодоления различного рода правовых деформаций.

Показательна, в частности, история так называемого «Письма студенту о праве». Суть ее в следующем: некий студент И. Крутик, хорошо знакомый с мнением Л. Н. Толстого о праве (выдающийся русский писатель, как известно, был убежденным правовым нигилистом) и какое-то время разделявший его взгляды, после прослушивания лекций профессора Л. И. Петражицкого усомнился в справедливости позиции Л. Н. Толстого. Он писал: «Я стою на краю бездны, ибо если профессор Петражицкий прав, то я должен порвать все узы, связывающие меня с учением Толстого» (цит. по: [5, с. LI]).

В своем ответе писатель пытался раскрыть глаза студенту на истинное значение права как явления глубоко безнравственного и на те опасности, которые несет с собой правовая наука. «Когда какой-нибудь шах персидский, Иоанн Грозный, Чингисхан, Нерон режут, бьют людей тысячами, это ужасно, но все-таки не так ужасно, как то, что делают г-да Петражицкие и им подобные. Эти убивают не людей, а все то святое, что есть в них» [6].

Приведенная история, во-первых, говорит о том, что в правовом развитии нельзя недооценивать мировоззренческий (ценностный, аксиологический) аспект. Никакие законодательные новации сами по себе не способны кардинально повлиять на правовое состояние общества, если в сознании его членов доминирует негативное отношение к праву и его институтам. Во-вторых, переписка показывает, что правовая наука через систему просвещения и образования способна оказывать существенное влияние на формирование позитивного образа права.

Последний аспект заслуживает особого внимания. Дело в том, что практическая функция юридической науки довольно часто интерпретируется в сугубо утилитарном плане: как проблема применимости научных знаний в профессиональной юридической деятельности, их полезности для суда, адвокатуры, следствия и т. д. Такой утили-

таризм, конечно, имеет определенные основания. Разработка научных основ законодательной, правоприменительной и иной юридической деятельности, выработка соответствующих правил и рекомендаций — один из важных и несомненных аспектов практического назначения юриспруденции. Вместе с тем очевидно, что влияние юридической науки на различные стороны правовой жизни общества, включая профессиональную юридическую деятельность, является более масштабным и основательным. Юридическая наука продуцирует определенные стандарты мышления и поведения, актуализирует правовые ценности, формирует позитивное отношение к праву и его институтам. И этот аспект практического назначения юриспруденции отнюдь не является второстепенным. Напротив, именно он в конечном счете определяет социальный эффект тех или иных правовых преобразований. Н. Н. Тарасов обоснованно отмечает, что практическое назначение юриспруденции выражается «не столько в служении задачам конкретной практической деятельности, сколько в обеспечении профессионального и культурного уровня юридической сферы общества и развития юридической практики в соответствии с целями и ценностями общественного развития» [7, с. 181].

Другой важной особенностью юридической доктрины выступает наличие особой формы проявления. Представляется, что помимо традиционных правовоспитательных, прогностических, аналитических и др. форм необходимо говорить еще и об осознании субъектами наличия доктрины или особой, свойственной только Российской Федерации юриспруденции (психологическая сторона). Указанная сфера практически не изучена, но ее присутствие осязаемо всеми гражданами Российской Федерации, она находится на «стыке» механизма действия прав и реализации права. Так, после осознания подотрасли отдельных гражданско-правовых норм человек может отказаться от мысли стать индивидуальным предпринимателем, после осмысления законодательства отдельно взятой страны — отказаться от гражданства и принять решение о переезде. Аналогичная ситуация и в сфере саморегуляции: многие из граждан просто перестают заниматься той или иной деятельностью в момент, когда задействуется механизм права, когда ранее не урегулированную сферу «затягивают» в правовую среду. «Действие права начинает свой путь уже в правообразовательных процессах, в ходе возникновения фактического права» [8, с. 51] — в этом и проявляется его психологическая сторона.

Влияние юридической науки на практику правового регулирования и правового развития общества, таким образом, является гораздо более основательным, чем это порой представляется. Оно проявляется не только в решении конкретных, как правило, технико-юридических задач, но и в воспроизводстве фундаментальных правовых идеалов, ценностей, институтов и отношений. И эта сторона практического назначения юриспруденции в настоящее время, как представляется, приобретает ведущее значение. Так называемый «планово-рациональный способ правообразования» [9, с. 60], доминирующий в современном государстве, сталкивается с целым рядом серьезных проблем. Одна из наиболее злободневных — обеспечение должного уровня легитимности принимаемых законов и других правовых актов. Одними технико-юридическими новациями здесь не обойтись. Автоматизация, цифровизация и пр. правотворчества — это, конечно, хорошо. Но главное все-таки не в этом. Если в современном парламенте депутаты голосуют не поднятием руки, а нажатием соответствующей кнопки пульта для голосования, то это ведь совсем не значит, что законы стали лучше, а уровень доверия к ним граждан выше. Принципиальная задача состоит в том, чтобы вернуть современному законодательству (позитивному праву) ту степень социальной легитимности, которая была присуща обычно-правовому способу регулирования общественных отношений. И здесь возникает целый ряд сложных теоретических и практических проблем, касающихся закономерностей протекания правообразовательного процесса, возможностей сочетания централизованного и децентрализованного регулирования и др. Но прежде всего правовая наука должна реанимировать восприимчивость современного общественного и государственного правосознания к идеалам справедливости, свободы, равноправия, гуманности и ответственности как подлинным началам права и правообразования.

Происходящий во всем мире переход от привычной материальной действительности в цифровую среду, в том числе в правовой и политической системах, не может естественным образом не сказаться на необходимости реагирования на современные вызовы в России путем осознания новых концептуально обоснованных связей между явлениями и процессами.

Из наиболее важных задач современной правовой доктрины можно озвучить следующие: корректировка и универсализация действующего законодательства, создание благоприятных правовых условий для развития личности и государства,

оперативное реагирование на вновь возникшие общественные отношения, обеспечение прав и законных интересов граждан, выявление потребностей гражданского общества и многие другие.

Если верить современной парадигме права, мы ежеминутно приближаемся к построению правового государства, которое подразумевает высокий уровень правовой культуры и правового воспитания, с этой точки зрения количество законов должно планомерно сокращаться как рудимент прогресса. Государство создано на отдельно взятой территории, в самом общем смысле, лишь для того, чтобы выполнять функции обслуживания населения в различных сферах жизнедеятельности, от безопасности до социального обеспечения. На поверку нормативные правовые акты принимаются не в интересах населения, а в интересах отдельных социальных групп, о чем в открытую говорят уже и субъекты нормотворчества на самом высоком уровне.

В таких обстоятельствах нужен инструмент реального оперативного влияния институтов гражданского общества и отдельных правоактивных граждан на процессы нормотворчества. Правовая доктрина может задать необходимый вектор в указанном направлении, запустить механизмы общественного контроля принимаемого и разрабатываемого позитивного права в стране, позволит выстроить такое правовое поле в Российской Федерации, при котором у человека и гражданина возникает постоянное желание проявлять и открыто высказывать свою гражданскую позицию, не оставаться в стороне от происходящих в стране политических, правовых или культурных процессов, осознавая доверие к власти от ощущения возможности влиять на них.

Не стоит забывать, что с развитием телекоммуникационной сети Интернет стали появляться сообщества, в которые лавинообразно вовлекаются все больше и больше людей различного социального статуса, они формируют свое видение правового и политического будущего страны, иницируя различного рода петиции. Игнорирование такого проявления народной воли сегодня означало бы опрометчивую или ошибочную правовую политику в будущем. Исследование всего комплекса вопросов, связанных с протеканием и проявлением юриспруденции в политическом и правовом пространствах, будет способствовать более эффективному решению стоящих перед современным Российским государством задач в сфере обеспечения и защиты основополагающих ценностей и интересов личности, общества и государства.

1. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования: пер. с англ. Москва: Изд-во МГУ, 1994. 592 с.

2. Анисимова А. П. Актуальные проблемы теории земельного права России: монография. Москва: Юстицинформ, 2020. 374 с.

3. Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография. Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.

4. Правовая система социализма: понятие, структура, социальные связи. Кн. 1 / под ред. А. М. Васильева. Москва: Юрид. лит., 1986. 368 с.

5. Койдер А. Жизнь и творчество Леона Петражицкого // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е. В. Тимошина. Санкт-Петербург: Юрид. кн., 2010. 1104 (LXXII + 1032) с.

6. Толстовский Листок / Запрещенный Толстой: журнал. Вып. 5. Москва: Пресс-Соло, 1994. OCR: Габриел Мумжиев (gabrielmv@yahoo.com).

7. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. 264 с.

8. Гойман В. И. Действие права: методологический анализ. Москва: Академия МВД России, 1992. 182 с.

9. Придворов Н. А., Трофимов В. В. Правообразование и правообразующие факторы в праве: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2012. 400 с.

© Рудковский В. А., Редько А. А., 2021

Рудковский Виктор Анатольевич,
профессор кафедры теории
и истории права и государства
Волгоградского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: rudkovskly@volsu.ru

Редько Александр Александрович,
профессор кафедры теории
и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: aredko3@mvd.ru

1. Berman G. J. Western tradition of law: the epoch of formation. Transl. from English. Moscow: MSU publishing; 1994: 592 (in Russian).

2. Anisimova A. P. Actual problems of the theory of land law in Russia. Monograph. Moscow: Yustitsinform; 2020: 374 (in Russian).

3. Chestnov I. L. Postclassical theory of law. Monograph. Saint Petersburg: Alef-Press; 2012: 650 (in Russian).

4. Legal system of socialism: notion, structure, social connections. Book 1. Ed. by A. M. Vasylyev. Moscow: Juridical literature; 1986: 368 (in Russian).

5. Coider A. Life and works of Leon Petrazhitsky. In: Petrazhitsky L. I. Theory and policy of law. Selected works. Scientific ed. E. V. Timoshina. Saint Petersburg: Juridical book; 2010: 1104 (LXXII + 1032) (in Russian).

6. Tolstovsky Listok / Forbidden Tolstoy. Magazine. Vol. 5. Moscow: Press-Solo; 1994. OCR: Gabriel Mumzhiev (gabrielmv@yahoo.com) (in Russian).

7. Tarasov N. N. Methodological problems of legal science. Yekaterinburg: Humanities university publishing; 2001: 264 (in Russian).

8. Goyman V. I. Action of law: methodological analysis. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 1992: 182 (in Russian).

9. Pridvorov N. A., Trophimov V. V. Law formation and law forming factors in law. Monography. Moscow: Norma: INFRA-M; 2012: 400 (in Russian).

© Rudkovsky V. A., Redko A. A., 2021

Rudkovsky Victor Anatolyevich,
professor at the department of theory
and history of law and state
of the Volgograd State University,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: rudkovskly@volsu.ru

Redko Aleksandr Aleksandrovich,
professor at the department of theory
and history of law and state
of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: aredko3@mvd.ru

* * *

УДК 343.352
ББК 67.408.142
doi: 10.25724/VAMVD.XEFG

М. М. Алафьев

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ МЕЛКОГО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА
КАК ОСНОВАНИЕ И ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП УСТАНОВЛЕНИЯ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА НА ЕГО СОВЕРШЕНИЕ**

Задаваясь вопросом о социальной обусловленности установления уголовной ответственности за мелкое взяточничество и обоснованности отдельного уголовно-правового запрета за данное преступление, автор исследует его общественную опасность. В результате делает вывод о том, что общественная опасность мелкого взяточничества интегративна — проявляется не только в нарушении общественного отношения, реализующего принцип публично-правовой оплаты служебной деятельности должностных лиц, но и в причинении иных существенных общественно опасных последствий (препятствует нормальной деятельности государственных, муниципальных органов и учреждений и других мест службы должностных лиц, подрывает их авторитет, в том числе и на международной арене; выступает необходимым элементом коррупции, вызывающей негативные последствия во всех значимых сферах общественной жизни; является условием совершения иных преступлений). Автор также доказывает обоснованность придания законодателем мелкому размеру взятки статуса составообразующего признака, позволяющего качественно отличать мелкое взяточничество по характеру его общественной опасности от основных составов получения и дачи взятки.

Ключевые слова: общественная опасность, мелкое взяточничество, установление самостоятельного уголовно-правового запрета, социальная обусловленность, бытовая коррупция.

М. М. Alafiev

**THE PUBLIC DANGER OF PETTY BRIBERY
AS THE BASIS AND THE MAIN PRINCIPLE OF ESTABLISHING
A CRIMINAL LAW BAN ON ITS COMMISSION**

Asking the question about the social conditionality of establishing criminal liability for petty bribery and the validity of a separate criminal law ban for this crime, the author examines its social danger. As a result, it is concluded that the public danger of petty bribery is integrative — it manifests itself in the violation of not only the public attitude that implements the principle of public-legal payment for the official activities of officials, but also in causing other significant socially dangerous consequences (interferes with the normal activities of state, municipal bodies and institutions and other places of service of officials, undermines their authority, including in the international arena; it is a necessary element of corruption that causes negative consequences in all significant spheres of public life; it is a condition for committing other crimes). The author also proves the validity of giving the legislator the status of a composite sign to a small size of a bribe, which makes it possible to qualitatively distinguish small bribery by the nature of its public danger from the main components of receiving and giving a bribe.

Key words: public danger, petty bribery, establishment of an independent criminal law ban, social conditionality, domestic corruption.

Вопрос об обоснованности установления уголовно-правовых запретов является одним из ключевых в науке уголовного права. В настоящее время, когда уголовное законодательство довольно часто подвержено процессам криминализации и декриминализации, его решение приобретает особую актуальность.

Федеральным законом № 324-ФЗ от 3 июля 2016 г. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) дополнен новой статьей, устанавливающей ответственность за мелкое взяточничество (ст. 291² УК РФ) [1]. Исследуя социальную обусловленность ответственности за данное деяние, надо иметь в виду, что указанная новелла

не является результатом криминализации в полном смысле этого слова, поскольку получение и дача взятки на сумму, не превышающую десяти тысяч рублей, являлись преступлениями и ранее. Законодатель лишь выделил их в самостоятельный состав, объединив единым термином – мелкое взяточничество. В связи с этим, на наш взгляд, требуют отдельного рассмотрения социальная обусловленность установления уголовной ответственности за мелкое взяточничество и обоснованность отдельного уголовно-правового запрета за данное преступление.

В теории уголовного права основанием установления уголовно-правового запрета и, соответственно, главным принципом криминализации называют общественную опасность деяния [2, с. 215; 3, с. 100].

Термин «общественная опасность» широко используется в уголовном законе, но при этом не имеет легального определения. В теории уголовного права категория «общественная опасность» активно разрабатывалась советскими учеными в 60—80-е гг. прошлого века [4, с. 167; 5, с. 428—429]) и, в основном, связывалась с причинением существенного вреда. Следовательно, для характеристики общественной опасности мелкого взяточничества важно определить, какое общественное отношение является его объектом.

Б. В. Волженкин определял объект взяточничества как нормальную деятельность публичного аппарата управления [6, с. 166]. Поскольку состав взяточничества формальный и не содержит указание на конкретные преступные последствия, на первый взгляд может показаться, что общественная опасность состоит именно в существенности нарушения указанного общественного отношения: чем больше размер взятки, тем больше опасность преступления (и это отчасти так — не случайно признак размера взятки положен в основу дифференциации уголовной ответственности). Однако если принять во внимание, что последствия как признак состава преступления и последствия как преступный вред, причиняемый любым преступлением, — не одно и то же, то общественная опасность взяточничества, в том числе и мелкого, не ограничится вышеназванным нарушением [7, с. 75].

«В преступлениях должностных лиц, — пишет В. Н. Борков, — нарушение долга службы всегда выражается в причинении вреда интересам личности и общества... Ограничение объекта интересами власти и службы оставляет за его пределами благополучие личности и общества, не в полной

мере учитывает содержание механизма государства» [8, с. 36, 39].

Эффективное функционирование государства возможно, если должностные лица осуществляют свою деятельность в соответствии с теми задачами и целями, которые перед ними ставятся. Получая взятку, должностное лицо начинает руководствоваться своими корыстными побуждениями и интересами взяткодателя. Таким образом, взяточничество «тормозит» функционирование государства, и самые прогрессивные идеи и программы развития различных сфер общества реализуются не в полном объеме, в искаженном виде или остаются нереализованными. В результате нарушаются права и интересы конкретных граждан и общества в целом, падает авторитет власти, растет недоверие к принимаемым государственным решениям, складывается убежденность, что «все можно купить за деньги» и что «реализация законных прав интересов затруднена без соответствующего вознаграждения должностных лиц».

Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ), оценив взяточничество как наиболее опасное коррупционное преступление, отметил, что «оно посягает на основы государственной власти, нарушает нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, подрывает их авторитет, деформирует правосознание граждан, создавая у них представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие» [9]. Указанные вредные последствия являются существенными, что, на наш взгляд, объясняет отсутствие законодательного ограничения нижнего предела размера взятки, признавая взяточничество даже в мелком размере общественно опасным, т. е. преступным деянием.

Приведем несколько примеров.

Участковый уполномоченный систематически получал взятки в размере 1 000 рублей ежемесячно от индивидуального предпринимателя за несоставление протоколов об административном правонарушении, предусмотренном ст. 14.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) (Нарушение правил продажи этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции) [10]. Младший инспектор группы надзора отдела безопасности ФКУ ИК-9 УФСИН России получил 10 000 рублей за доставку наркотического средства и сильнодействующего вещества на территорию исправительной колонии [11]. Врач-терапевт осужден

за 12 фактов мелкого взяточничества и служебного подлога (выдавал больничные листы без необходимых для того оснований) [12]. Доцент кафедры одного из вузов осуждена за несколько фактов получения взятки в мелком размере — за то, что выставляла положительные оценки во время экзаменационной сессии без проверки знаний [13]. Должностное лицо, в полномочия которого входит регистрационный учет граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, получила 5 000 рублей за фиктивную регистрацию гражданина Российской Федерации [14]. Данные примеры иллюстрируют то, что мелкое взяточничество связано с нарушением и угрозой нарушения общественных отношений различных сфер (правосудия, порядка управления, воинской службы, здоровья населения и др.).

Именно связь передаваемых (получаемых) имущественных благ с деятельностью должностного лица позволяет различить подарок и взятку и, соответственно, должностной проступок и преступление [15, с. 62]. В тех случаях, когда взятка дается и принимается за незаконные действия (злоупотребление должностными полномочиями, служебный подлог, хищение и др.), причиняется соответствующий вред конкретным общественным отношениям. Данный вред является последствием указанных преступлений (они квалифицируются дополнительно) и обуславливает их общественную опасность. Вместе с тем взяточничество создает условия для совершения указанных преступлений. Уголовно-правовой запрет взяточничества, таким образом, обладает двойной превенцией, предупреждая также и совершение преступных деяний с использованием должностного (служебного) положения.

Взяточничество, в том числе и мелкое, является преступлением коррупционной направленности [16]. Коррупция же названа одной из основных угроз экономической безопасности [17]. Отмечается потребность общества в усилении борьбы с коррупцией [18]. Коррупция оказывает разлагающее влияние на все сферы жизни общества: экономическую, социальную, политическую и др. Негативные последствия в указанных сферах, порождаемые этим явлением и препятствующие прогрессивному, поступательному развитию, описаны в научной литературе [19, с. 235—236]. Масштабность и количество данных последствий не позволяют их все перечислить (учитывая ограниченность объема проводимого исследования). Однако уже сама констатация существования негативного влияния

на общество подтверждает общественную опасность рассматриваемого преступления. Как верно заметил А. И. Марцев, общественная опасность — есть «свойство каждого преступления в отдельности и всех преступлений, вместе взятых, производить в обществе существенные отрицательные социальные изменения» [20, с. 10].

Представляется, что отрицательные социальные изменения, вызываемые преступлением, могут быть ближайшими и отдаленными. Как камень, брошенный в воду, рождает на ней круги (чем он тяжелее, тем кругов больше, и они заметнее), так и преступление влечет не одно негативное последствие (чем выше его общественная опасность, тем больше и существеннее его негативные последствия).

Считаем удачным интегративное определение общественной опасности взяточничества. В частности, С. С. Лут утверждает: «Общественная опасность данного преступления является интегративной: во-первых, она нарушает нормальную деятельность властных и управленческих структур, умаляет их престиж; во-вторых, выступает необходимым элементом проявления коррумпированности государственного аппарата; в-третьих, в случае передачи материальных ценностей или оказания услуг, в том числе нематериального характера, за явно незаконные действия должностного лица — причиняет существенный вред соответствующим общественным отношениям; в-четвертых, подрывает авторитет государства на международной арене, так как Россией приняты обязательства перед международным сообществом по борьбе с дачей взятки и иными коррупционными преступлениями» [21, с. 4].

Сказанное, на наш взгляд, можно отнести и к мелкому взяточничеству. С той лишь оговоркой, что первым (ближайшим) негативным последствием взяточничества является нарушение общественного отношения, реализующего принцип публично-правовой оплаты служебной деятельности должностных лиц. Через его нарушение наступают иные описанные выше негативные последствия. Однако есть ли специфика в общественной опасности данного преступления?

Существует две характеристики общественной опасности (качественная и количественная) — ее характер и степень. Данные понятия широко используются в уголовном законодательстве (ст. 6, 15, 60 и др. УК РФ), но не имеют легальных определений. В теории уголовного права их содержание описывается по-разному, да и позиция ВС РФ по данному вопросу неоднократно менялась [22,

с. 33—36]. Согласно действующей позиции Пленума ВС РФ характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла либо неосторожности, обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание (ст. 61 и 63 УК РФ) и относящихся к совершенному преступлению [23]. Из данного разъяснения следует, что характер общественной опасности преступного деяния определяется законодателем. Преступления, имеющие разные составы, различаются именно характером опасности. Таким образом, мелкое взяточничество от получения и дачи взятки отличается именно характером опасности [15, с. 64]. Иными словами, степень общественной опасности мелкого взяточничества может определяться в зависимости от размера взятки (но в пределах 10 тысяч); совершения преступления в группе или единолично; количества тождественных действий (если преступление было продолжаемым); наличия вымогательства взятки; характера действий, за которые дается взятка (законные или незаконные), и других, в том числе характеризующих деяние, смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств. В связи со сказанным возникает вопрос: обоснованно ли придание законодателем признаку размера взятки статуса составообразующего признака, позволяющего качественно отличать преступления по характеру их общественной опасности? Данный вопрос является ключевым в дискуссии об обоснованности самостоятельного уголовно-правового запрета за мелкое взяточничество.

Многие авторы высказались против этого законодательного шага.

М. О. Лепихин не видит в этом необходимости, так как дифференциация ответственности по признаку размера взятки уже имела место в ст. 290, 291 УК РФ [24, с. 114]. По мнению А. Е. Федорова, общественная опасность взятки заключается вовсе не в том, сколько именно «заработал» недобросовестный чиновник, а в том, какие негативные последствия наступили для интересов государственной власти и государственной службы [25, с. 40]. «Дифференциация ответственности за мелкое и „немелкое“ взяточничество, — пишут Л. М. Прокументов, Д. В. Карелин, — не только не отражает

характер общественной опасности этого явления, напротив, может формировать неверное представление о сущности и содержании общественных отношений, взятых под уголовно-правовую охрану, деформировать представления о коррупции (и формах ее проявления) в сознании участников общественных отношений» [26, с. 218—219].

Как можно заметить, основным довод против выделения мелкого взяточничества в самостоятельный состав сводится к несоответствию объекту уголовно-правовой охраны и пониманию сущности общественной опасности взяточничества.

Говоря о несоответствии размера взятки как криминообразующего признака объекту взяточничества, авторы рассматривают в качестве последнего установленный порядок деятельности органов государственной власти и видят общественную опасность в причинении существенного вреда интересам государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Но ведь это не единственное понимание указанных правовых явлений. Согласно обосновываемой ранее позиции нарушение установленного порядка деятельности органов государственной власти — не единственная составляющая общественной опасности взяточничества. Формальная конструкция состава взяточничества, момент его окончания свидетельствуют о том, что в первую очередь нарушается общественное отношение, реализующее принцип публично-правовой оплаты служебной деятельности должностных лиц, а потому размер взятки может служить криминообразующим признаком, возможно не единственным, но это уже вопрос совершенствования нормы, а не ее обоснованности. Ведь никто из указанных критиков не оспаривал справедливость дифференциации уголовной ответственности в зависимости от размера взятки в рамках общих норм. Отметим, что крупный размер взятки, по мнению законодателя, свидетельствует о большей общественной опасности деяния, чем незаконность действия (бездействие), обуславливающего ее получение и дачу.

Кроме того, в подавляющем большинстве случаев размер взятки и существенность нарушения установленного порядка деятельности должностного лица взаимосвязаны. Как справедливо заметил В. Н. Борков, «сумма взятки и статус взяткополучателя пропорциональны значимости принимаемых им управленческих решений, масштабы торговли интересами государства и мере умаления его авторитета» [15, с. 63].

Показателен в этом смысле следующий пример. Н. В. Стоян осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 291.2

УК РФ, ч. 3 ст. 291 УК РФ. Первое из совершенных им преступлений заключалось в покушении на мелкое взяточничество: в целях избежания составления протокола об административном правонарушении (выезд на сторону дороги, предназначенную для встречного движения) он попытался передать сотруднику ГИБДД взятку в размере, не превышающем 10 тысяч рублей, однако сотрудник ГИБДД деньги не взял. Второй эпизод был связан с дачей взятки за незаконные действия. Н. В. Стоян, не желая быть привлеченным к уголовной ответственности за покушение на мелкое взяточничество, передал оперуполномоченному отделения экономической безопасности и противодействия коррупции деньги в размере более 10 тысяч рублей (в приговоре сумма не указана) [27]. Таким образом, освобождение от уголовной ответственности «стоит» дороже, чем от административной.

Опровергнув аргументы противников выделения самостоятельного уголовно-правового запрета мелкого взяточничества на основе размера его предмета, мы приходим к выводу об обоснованности данного законодательного решения. Обособление мелкого взяточничества как самостоятельного преступления к тому же акцентирует внимание на нем как на одном из проявлений самостоятельного социально-правового явления, именуемого бытовой коррупцией [28, с. 46—50], включающей коррупционные нарушения, с которыми граждане встречаются наиболее часто [29]. Отметим, что мелкое взяточничество как основное проявление бытовой коррупции касается тех сфер, с которыми каждый человек соприкасается в его повседневной жизни.

Анализ судебной практики показал, что наиболее пораженными мелким взяточничеством являются следующие сферы:

- сфера, связанная с деятельностью ОВД и других органов, обеспечивающих общественный порядок и безопасность (29 %);
- образование (27 %);
- здравоохранение (26 %);
- юстиция и правосудие (6 %);
- система исполнения наказаний (6 %);
- сфера государственных услуг и государственного управления (4 %);
- иное (2 %).

Бытовая коррупция имеет свои характеристики, особенности, тенденции развития [30, с. 154—167], что обуславливает необходимость особых походов к противодействию ей.

На наш взгляд, выделение мелкого взяточничества в самостоятельный состав преступления — важный шаг на пути к их разработке и реализации, что вместе с тем не исключает возможности совершенствования уголовно-правовой нормы о мелком взяточничестве.

Резюмируя сказанное, сделаем выводы.

1. Мелкое взяточничество — общественно опасное деяние. Общественная опасность мелкого взяточничества интегративна: она проявляется в том, что данное преступление нарушает общественное отношение, реализующее принцип публично-правовой оплаты служебной деятельности должностных лиц; нарушает нормальную деятельность государственных, муниципальных органов и учреждений и других мест службы должностных лиц, подрывает их авторитет, в том числе и на международной арене; выступает необходимым элементом коррупции, вызывающей негативные последствия во всех значимых сферах общественной жизни; является условием совершения иных преступлений.

2. Придание законодателем мелкому размеру взятки статуса составообразующего признака, позволяющего качественно отличать мелкое взяточничество по характеру его общественной опасности, является обоснованным ввиду следующих причин:

— первичное общественно опасное последствие мелкого взяточничества, характеризующее его общественную опасность, состоит в нарушении общественного отношения, реализующего принцип публично-правовой оплаты служебной деятельности должностных лиц;

— размер взятки положен в основу дифференциации уголовной ответственности и в рамках общих составов взяточничества;

— в подавляющем большинстве случаев размер взятки и существенность нарушения установленного порядка деятельности должностного лица взаимосвязаны (размер взятки обуславливает серьезность нарушения и наоборот);

— мелкое взяточничество — основное проявление самостоятельного социально-правового феномена, именуемого бытовой коррупцией, включающей коррупционные нарушения, с которыми граждане встречаются наиболее часто, имеющей свои характеристики, особенности, тенденции развития, что обуславливает необходимость особых походов к противодействию ей, в том числе путем установления самостоятельного уголовно-правового запрета на мелкое взяточничество.

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / П. С. Дегель, Г. А. Злобин, С. Г. Келина, Г. Л. Кригер [и др.]; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. Москва: Наука, 1982.

3. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. Москва, 2009.

4. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Москва, 2002.

5. Кузнецова Н. Ф. Избранные труды. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2003.

6. Волженкин Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2005.

7. Яни П. С. Взятничество: понятие и объект // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 2016. № 1. С. 67—78.

8. Борков В. Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015.

9. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Приговор Ленинского районного суда г. Челябинска № 1-553/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 1-553/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/gC6pbG3cBrQb/> (дата обращения: 07.09.2021).

11. Приговор Заволжского районного суда г. Ульяновска № 1-307/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-307/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/LsgQ6gZ4ngJJ/> (дата обращения: 07.09.2021).

12. Приговор Армавирского городского суда (Краснодарский край) № 1-395/2020 от 27 июля 2020 г. по делу № 1-395/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/1xKIRAOJSAoJ/> (дата обращения: 07.09.2021).

13. Приговор Альметьевского городского суда (Республика Татарстан) № 1-193/2020 от 7 июля 2020 г. по делу № 1-193/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/GksqYcRwiEgV/> (дата обращения: 07.09.2021).

1. Federal Law No. 324-FZ on 3 July 2016. "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

2. Dagal P. S., Zlobin G. A., Kelina S. G., Krieger G. L. (et al.) Grounds for a criminal law ban. Criminalization and decriminalization. Ed. by V. N. Kudryavtsev, A. M. Yakovlev. Moscow: Nauka; 1982 (in Russian).

3. Lopashenko N. A. Criminal policy. Moscow; 2009 (in Russian).

4. Course of criminal law. The general part. Vol. 1: The doctrine of crime. Ed. by N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova. Moscow; 2002 (in Russian).

5. Kuznetsova N. F. Selected works. Saint Petersburg: Juridical Center Press; 2003 (in Russian).

6. Volzhenkin B. V. Official crimes: a commentary on legislation and judicial practice. Saint Petersburg: Juridical Center Press; 2005 (in Russian).

7. Yani P. S. Bribery: concept and object. Bulletin of the Moscow University. Series 11 "Pravo", 67—78, 2016 (in Russian).

8. Borkov V. N. Crimes against the implementation of state functions committed by officials. Dissertation of doctor of juridical sciences. Omsk; 2015 (in Russian).

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 on 9 July 2013. "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

10. The verdict of the Leninsky district court of Chelyabinsk No. 1-553/2020 on 30 July 2020 in case No. 1-553/2020. Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/gC6pbG3cBrQb/>. Accessed: 7 September 2021 (in Russian).

11. The verdict of the Zavolzhsy district court of Ulyanovsk No. 1-307/2020 on 29 July 2020 in case No. 1-307/2020. Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/LsgQ6gZ4ngJJ/>. Accessed: 7 September 2021 (in Russian).

12. The verdict of the court of the city of Armavir (Krasnodar Krai) No. 1-395/2020 on 27 July 2020, case No. 1-395/2020. Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/1xKIRAOJSAoJ/>. Accessed: 7 September 2021 (in Russian).

13. The verdict of the Almet'yevsk city court (Republic of Tatarstan) No. 1-193/2020 on 7 July 2020 in case No. 1-193/2020. Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/GksqYcRwiEgV/>. Accessed: 7 September 2021 (in Russian).

14. Приговор Яркового районного суда (Тюменская область) № 1-77/2020 от 19 ноября 2020 г. по делу № 1-77/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/F0nJUHnT8W6G/> (дата обращения: 07.09.2021).

15. Борков В. Н. Взятничество: объект и причиняемый вред // Вестник Сургутского государственного университета. 2019. № 2. С. 60—64.

16. Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности // О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 25.12.2020 № 738/11/3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. П. 45 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 05.07.2021).

19. Федоров А. Ю., Алимпиев С. А. Коррупция в России: общественная опасность, проблемы противодействия // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1. С. 235—236.

20. Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении: монография. Омск, 2000.

21. Лут С. С. Дача взятки: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011.

22. Пудовочкин Ю. Е. Оценка судом общественно-опасного деяния: науч.-практ. пособие. Москва: РГУП, 2019.

23. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

24. Лепихин М. О. Посредничество во взяточничестве в свете дополнений, внесенных в Уголовный кодекс РФ // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 110—116.

25. Федоров А. Е. Мелкое взяточничество: Особенности квалификации // Вестник МИУ. 2018. № 2. С. 39—42.

14. The verdict of Yarkovskiy district court (Tyumen oblast) No. 1-77/2020 on 19 November 2020, case No. 1-77/2020. Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/F0nJUHnT8W6G/>. Accessed: 7 September 2021 (in Russian).

15. Borkov V. N. Bribery: the object and the harm caused. Bulletin of the Surgut State University, 60—64, 2019 (in Russian).

16. List No. 23 of corruption-related crimes. In: The order of the General Prosecutor's office and Ministry of internal Affairs of Russia No. 65/11/1 on 1 February 2016. "On the enactment of lists of the articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

17. The decree of the President of the Russian Federation No. 208 on 13 May 2017. "Strategy of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

18. The National Security Strategy of the Russian Federation, approved by the Decree of the President of the Russian Federation No. 400 on 2 July 2021. P. 45. In: Official Internet portal of legal information. Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=1&rangeSize=1>. Accessed: 5 July 2021 (in Russian).

19. Fedorov A. Yu., Alimpiev S. A. Corruption in Russia: public danger, problems of counteraction. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 235—236, 2010 (in Russian).

20. Martsev A. I. General questions of the doctrine of crime. Monograph. Omsk; 2000 (in Russian).

21. Lut S. S. Giving a bribe: criminal law and criminological research. Abstract of the dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2011 (in Russian).

22. Pudovochkin Yu. E. Assessment by the court of a socially dangerous act. A scientific and practical guide. Moscow: RSUP; 2019 (in Russian).

23. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 on 22 December 2015. "On the practice of appointing criminal punishment by the courts of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

24. Lepikhin M. O. Mediation in bribery in the light of additions made to the Criminal Code of the Russian Federation. Actual problems of Russian law, 110—116, 2017 (in Russian).

26. Прокументов Л. М., Карелин Д. В. О некоторых изменениях уголовного антикоррупционного законодательства // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 218—219.

27. Приговор Петровского районного суда (Ставропольский край) от 26 ноября 2020 г. № 1-237/2020 по делу № 1-237/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/oJMWDwj2XK6C/> (дата обращения: 07.07. 2021).

28. Михайлов В. И. Коммерческий подкуп и взяточничество: направления развития законодательства // Lex russica. 2017. № 6. С. 85—98.

29. Гончаров Д. Ю., Зырянова Ж. Е. Мелкое взяточничество как одно из проявлений бытовой коррупции // Виктимология. 2016. № 4. С. 46—50.

30. Сидоренко Э. Л. Состояние и динамика бытовой коррупции в Российской Федерации // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 154—167.

© Алафьев М. М., 2021

Алафьев Михаил Михайлович,
аспирант кафедры уголовного права
Сибирского юридического университета;
e-mail: alafevmikhail@mail.ru

25. Fedorov A. E. Petty bribery: Features of qualification. Vestnik MIU, 39—42, 2018 (in Russian).

26. Prozumentov L. M., Karelin D. V. About some changes in the criminal anti-corruption legislation. Bulletin of the Tomsk State University. 218—219, 2018 (in Russian).

27. Verdict of the Petrovsky District Court (Stavropol Territory) No. 1-237/2020 on 26 November 2020 in case No. 1-237/2020. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/oJMWDwj2XK6C/>. Accessed: 7 July 2021 (in Russian).

28. Mikhailov V. I. Commercial bribery and bribery: trends in the development of legislation. Lex russica, 85—98, 2017 (in Russian).

29. Goncharov D. Yu., Zyryanova Zh. E. Petty bribery as one of the manifestations of everyday corruption. Victimology, 46—50, 2016 (in Russian).

30. Sidorenko E. L. The state and dynamics of everyday corruption in the Russian Federation. Journal of Russian Law, 154—167, 2017 (in Russian).

© Alafiev M. M., 2021

Alafiev Mikhail Mikhailovich,
postgraduate student
of the criminal law department
of the Siberian Law University;
e-mail: alafevmikhail@mail.ru

УДК 343.91
ББК 67.518.6
doi: 10.25724/VAMVD.XFGH

А. Н. Варыгин, И. Х. Касаев

НЕОСТОРОЖНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В Российской Федерации неосторожные деяния вполне обоснованно считались менее опасными, чем умышленная преступность, однако с учетом научно-технического прогресса, обусловленного широким внедрением современных технологий в жизнедеятельность общества и государства, роль преступных деяний, совершаемых по неосторожности, значительно возросла. Анализ данных официальной статистики МВД России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации показывает устойчивую тенденцию снижения количества зарегистрированных преступлений и лиц, их совершивших, при этом основная масса квалифицируемых деяний предусмотрена ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств». В целях противодействия рассматриваемым преступлениям Федеральным законом № 146-ФЗ от 17 июня 2019 г. были внесены изменения в уголовное законодательство России, что, на наш взгляд, вряд ли является достаточной мерой. Авторы акцентируют внимание на необходимости детальной научной проработки данной проблемы для формирования эффективной превентивной стратегии, которая позволит в будущем удержать на «социально-терпимом» уровне рассматриваемый вид преступности.

Ключевые слова: неосторожная преступность, личность неосторожного преступника, дорожно-транспортные происшествия.

A. N. Varygin, I. Kh. Kasayev

RECKLESS CRIME IN RUSSIA: CRIMINOLOGICAL ASPECT

In the Russian Federation reckless criminal acts were reasonably considered to be less dangerous ones than intentional crime. However, taking into account scientific and technological progress caused with widespread introduction of the modern technologies in life both of the society and the state, a role of reckless criminal acts has increased significantly. Analysis of the data of the official statistics of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the General Prosecutor's Office of the Russian Federation proves a strong downward trend in number of the registered crimes and the persons to commit them while the basic amount of the mentioned criminal acts is provided for by Art. 264 — «Violating traffic rules and maintaining vehicles» — of the Criminal Code of the Russian Federation. In order to counteract such crimes Federal Law № 146-FZ dated 17 June 2019 amended the criminal legislation of Russia, but authors of the article consider this fact to be hardly a sufficient measure. The authors also pay attention to the necessity to make detailed scientific research related to this problem to form an effective preventive strategy that will allow keeping the mentioned crime at a «socially tolerant» level in future.

Key words: reckless crime, an identity of a reckless offender, road-traffic accidents.

Преступность как социальное, правовое, негативное явление — это одна из основных проблем любого государства. Правоохранительные органы России, как правило, акцентируют внимание

на противодействии умышленным преступлениям, несмотря на то что за последние десять лет на фоне снижения их количества (см. рис. 1) преступность существенно видоизменилась.

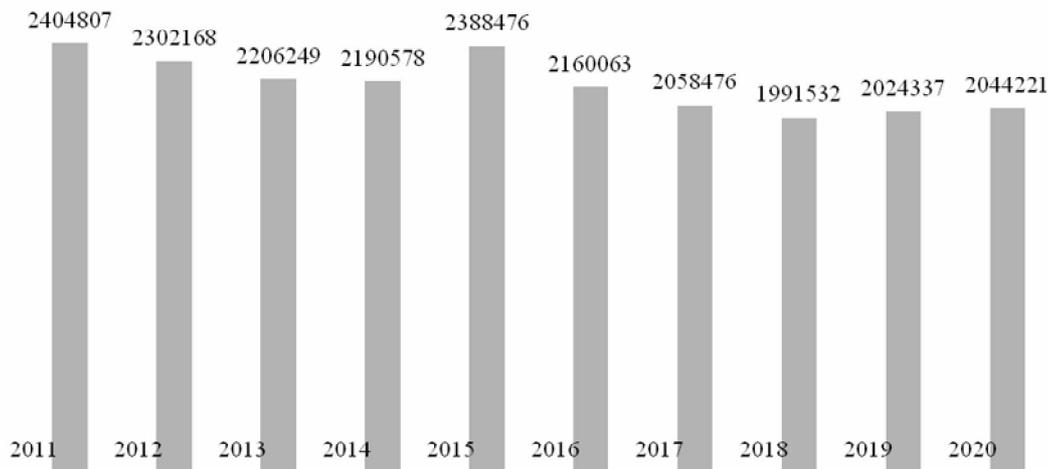

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений в Российской Федерации [1]

Неосторожная преступность — весьма специфический элемент общей структуры преступности, и в силу целого ряда причин точное определение ее фактических параметров представляет значительные трудности. В связи с этим различные источники оперируют самыми разнообразными количественными показателями, которые хотя и не раскрывают полностью истинного положения дел, но взятые вместе позволяют в самых общих чертах представить уровень и распространенность преступной неосторожности [2, с. 424].

В современном мире, в том числе в Российской Федерации, неосторожные деяния вполне обоснованно считались менее опасными, чем умышленная преступность, с учетом того, что степень общественной опасности отдельных неосторожных

преступлений значительно ниже умышленных, совершаемых при прочих равных условиях и повлекших одинаково вредные последствия (материальный и физический ущерб). Однако если брать преступную небрежность во всех ее аспектах и легкомыслие как социальное явление, их роль и значение в жизни российского общества, то станет ясно, что ни в коем случае нельзя недооценивать их опасность [2, с. 424].

Неосторожная преступность занимает значительное место в структуре преступности нашего государства. Анализ данных официальной статистики ГИАЦ МВД России показывает тенденцию к снижению количества зарегистрированных неосторожных преступлений (см. рис. 2).

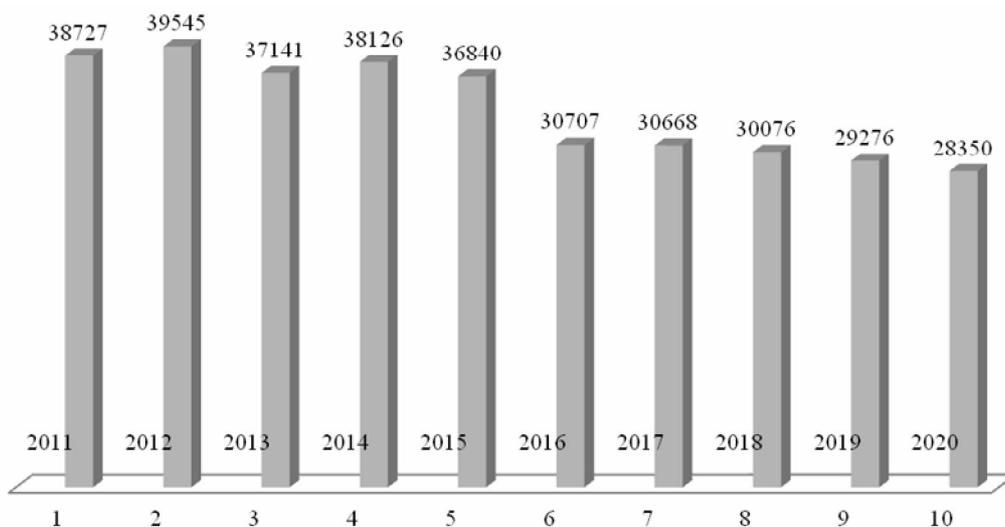

Рис. 2. Неосторожная преступность в Российской Федерации (количество зарегистрированных преступлений) в 2011—2020 гг. [3]

Отдельно отметим преступления с двойной формой вины (на примере ч. 4 ст. 111 УК РФ, рис. 3) —

по данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации¹ [4].

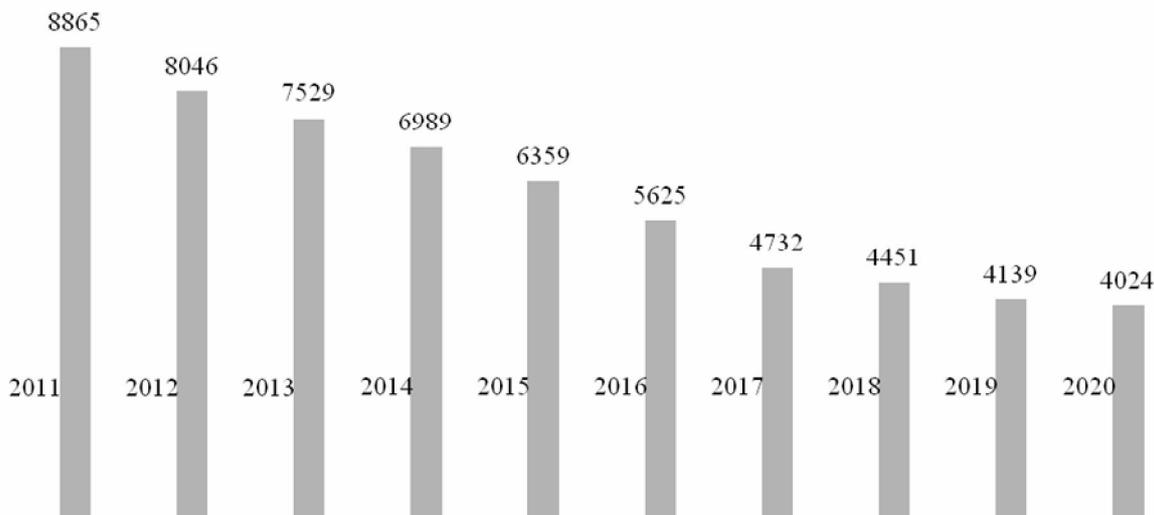

Рис. 3. Количество зарегистрированных преступлений по ч. 4 ст. 111 УК РФ в 2011—2020 гг.

Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ, показывает устойчивое снижение, что на фоне аналогичных показателей преступности в целом является вполне закономерным явлением.

Необходимо отметить, что при подготовке статьи учитывались ст. 109, 118, 124, 124.1, 143, 168, 207.2, 215.1, 216, 217, 217.1, 218, 219, 224, 225, 235, 236, 243.1, 249, 261, 263, 263.1, 264, 266, 267, 268, 271.1, 284, 293 УК РФ и отдельно учитывались деяния, предусмотренные ч. 4 ст. 111 УК РФ за период с 2011 по 2020 г. Не рассматривались преступления, где в квалифицированных составах последствия наступали по неосторожности, соответственно, имеющие двойную форму вины, а именно: ч. 3 ст. 123, п. «в» ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127, п. «а» ч. 3 ст. 127.1, ч. 3 ст. 127.2, ч. 2 ст. 128, п. «б» ч. 3 и п. «а» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 3 и п. «а» ч. 4 ст. 132, ч. 2 ст. 167, ч. 2 и ч. 3 ст. 200.6, п. «б» ч. 2 ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 4 ст. 207, ч. 3 ст. 211, ч. 2 и ч. 3 ст. 215, ч. 3 ст. 215.2, ч. 5 ст. 215.3, ч. 2 и ч. 3 ст. 217.2, ч. 2 и ч. 3 ст. 220, ч. 3 ст. 227, ч. 2 ст. 228.2, п. «б» ч. 3 ст. 230, ч. 3 ст. 230.1, ч. 2 ст. 230.2, ч. 4 ст. 234, ч. 2 и ч. 3 ст. 234.1, п. «в» ч. 2 и ч. 3 ст. 238, п. «б» ч. 2 и ч. 3 ст. 238.1, ч. 3 ст. 247, ч. 2 ст. 248, ч. 3 ст. 250, ч. 2 и ч. 3 ст. 251, ч. 3 ст. 252, ч. 3 ст. 254, ч. 2 ст. 283 УК РФ (отсутствуют данные, разграничивающие умысел и неосторожность) и статьи гл. 33 УК РФ (ст. 347, 348, 349, 350, 351, 352 УК РФ) (не отображены в открытых источниках), несмотря на то что их количество существенно.

Более подробный анализ за 2020 г. показал, что основная масса неосторожных преступлений квалифицируется по ст. 264 УК РФ — 18 629 деяний, которые были совершены 17 723 лицами.

По данным научного центра безопасности дорожного движения МВД России, в 2020 г. зарегистрировано 145 073 дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП), в результате которых погибло более 16 тысяч человек и получило вред различной степени тяжести свыше 183 тысяч лиц [5]. Следует отметить, что в связи с распространением коронавирусной инфекции в анализируемый период количество участников дорожного движения в течение двух месяцев было существенно ниже с учетом введенных ограничительных мер, связанных, в том числе, с передвижением на транспорте.

На коллегии МВД России Министр внутренних дел В. А. Колокольцев отметил, что за последние десять лет в ДТП погибло более 220 тысяч человек и свыше 2 миллионов получило вред различной степени тяжести. По данным руководителя ведомства, «каждый день жертвами аварий становятся десятки человек, сотни получают ранения или остаются инвалидами» [6].

Для удержания рассматриваемых преступлений на «социально-терпимом» уровне Федеральным законом № 146-ФЗ от 17 июня 2019 г. [7] были внесены изменения в чч. 2² и 4³ ст. 15 УК РФ. Данным законом также ужесточена уголовная ответственность в ст. 264 УК РФ [8]: чч. 2 (наказание в виде лишения свободы от трех до семи лет),

4 (наказание в виде лишения свободы от пяти до двенадцати лет), 6 (наказание в виде лишения свободы от восьми до пятнадцати лет). Однако с учетом неосторожной формы вины рассматриваемых преступлений введенными новеллами уголовного законодательства преломить ситуацию в полной мере, на наш взгляд, вряд ли удастся. Авторы солидарны с исследователями [9, с. 401], которые предлагают в качестве направления предупреждения неосторожной преступности расширить круг лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Безусловно, с учетом развития науки

и техники перед человечеством открылись и открываются колоссальные возможности для роста благосостояния общества, однако шаги, предпринимаемые в рамках технического прогресса, предполагают новые риски в результате их использования с вовлечением десятков, сотен и тысяч людей.

Следует отметить, что не во всех случаях выявления неосторожных преступлений удастся установить лиц, подлежащих уголовной ответственности (см. рис. 4), о чем свидетельствует сравнительный анализ данных (см. рис. 2 и 4).

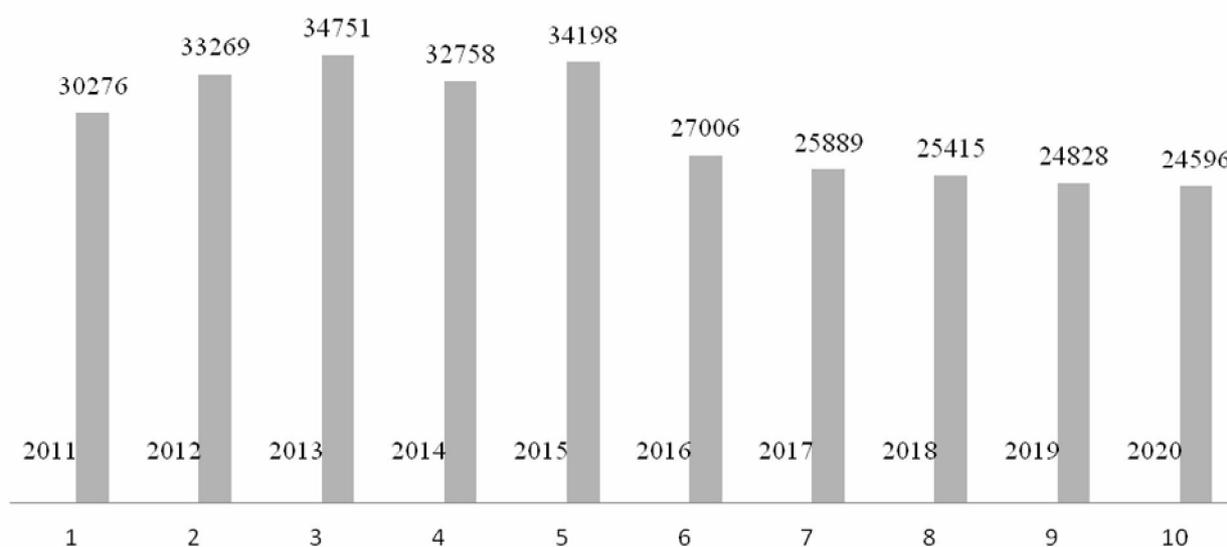

Рис. 4. Количество выявленных лиц, совершивших неосторожные преступления, в 2011—2020 гг. [3]

На наш взгляд, не все ответственные лица — виновники неосторожных преступлений в виде крупных аварий, пожаров, техногенных катастроф привлекаются к уголовной ответственности. Обусловлено это, возможно, тем, что правоприменительная практика акцентирует внимание на непосредственном причинителе вреда или на нескольких

лицах по принципу «кто крайний» в стремлении снизить уровень социального запроса резонансного преступления.

Остальные показатели по анализируемым 28 составам УК РФ (см. рис. 5) и выявленным лицам (см. рис. 6) распределились следующим образом.

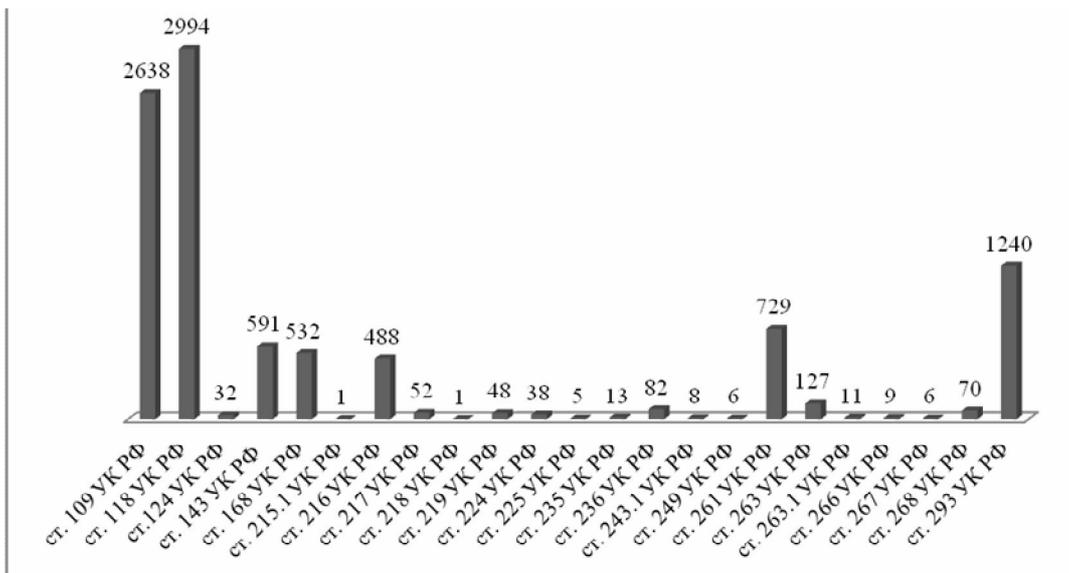

Рис. 5. Количество зарегистрированных неосторожных преступлений в 2020 г. [3]

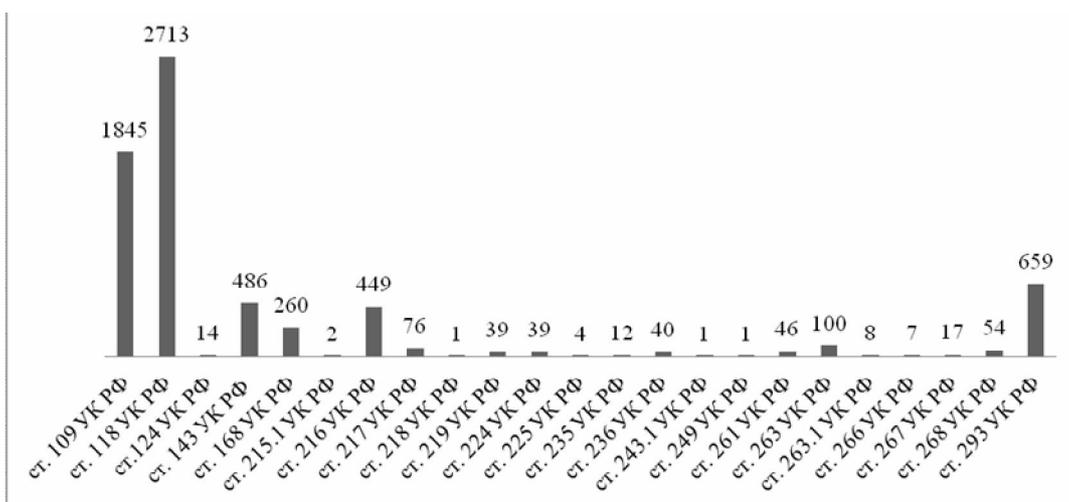

Рис. 6. Количество выявленных лиц, совершивших неосторожные преступления, в 2020 г. [3]

По статьям 124.1, 207.2, 217.1, 271.1, 284 УК РФ преступления (и лица, их совершившие) в рассматриваемый период не зарегистрированы, а такие составы, как ст. 271.1 УК РФ и ст. 284 УК РФ в правоприменительной практике встречались лишь единожды в 2015 г., и это за последние десять лет, что, возможно, обусловлено проблемами квалификации рассматриваемых преступлений либо неэффективностью правоохранительных органов в их выявлении.

В современной России — да и во всем мире — в связи с научно-техническим прогрессом, обусловленным широким внедрением современных технологий в жизнедеятельность общества и государства, роль преступных деяний, совершаемых по неосторожности, значительно возросла. Так, в 2020 г. было

возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 293 УК РФ (халатность) из-за несвоевременного информирования о чрезвычайной ситуации в Норильске, где 29 мая на территории ТЭЦ-3 АО «Норильско-Таймырская энергетическая компания» в результате просадки бетонной площадки и разрушения резервуара разлилось около 20 тысяч тонн нефтепродуктов. Они попали в грунт и ближайшие реки, причинив большой вред окружающей среде [10] на сумму 147,78 млрд руб. [11] К сожалению, чрезвычайные ситуации такого рода в истории нашего государства не редкость — начиная с Чернобыльской АЭС, Саяно-Шушенской ГЭС и т. д. и заканчивая авариями на воздушном, железнодорожном, морском и речном транспорте.

Отдельного внимания требуют трагедии в результате пожаров в местах скопления людей с массовыми человеческими жертвами. Так, 25 марта 2018 г. в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня» в г. Кемерово в результате пожара погибли 60 человек, 37 из которых дети, и 78 человек пострадали [12]. По данному факту к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 219 УК РФ, ч. 3 ст. 238 УК РФ, ч. 3 ст. 293 УК РФ был привлечен ряд должностных лиц [13]. Аналогичные ситуации: пожар 5 декабря 2009 г. в клубе «Хромая лошадь» в г. Перми, в результате которого погибли 156 человек и более 100 пострадали [14], пожар в многоквартирном доме в г. Красноярске в ночь с 15 на 16 сентября 2019 г. — погибло 8 человек, 4 из которых дети [15], и т. д. Приведенные примеры свидетельствуют о том,

что нередко неосторожная преступность причиняет более значительный вред, чем умышленные преступления, не говоря уже о том, что уровень ее латентности выше. Существенный ущерб обществу и государству причиняется бесхозяйственностью, «очковтирательством», расточительством, халатностью [2, с. 425].

Подводя итог нашему исследованию, отметим, что неосторожная преступность в Российской Федерации пока недостаточно изучена и осмыслена. В связи с этим чрезвычайно важна детальная научная проработка данной проблемы для формирования эффективной превентивной стратегии, которая позволит в будущем удерживать на «социально-терпимом» уровне рассматриваемый вид преступности.

Примечания

¹ На момент получения данных портал работал в режиме опытной эксплуатации.

² Преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы.

³ Тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пятнадцати лет лишения свободы.

1. Состояние преступности в России // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/> (дата обращения: 07.10.2021).

2. Противодействие преступности. Особенная часть. Т. 2: Учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф. М. А. Кириллова, д-ра юрид. наук, проф. В. И. Омигова. 2-е изд., перераб. и доп. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2015. Т. 2. 616 с.

3. Единый отчет о преступности: сводный отчет по России за 2011—2020 гг.

4. Открытые данные. Портал правовой статистики // Официальный сайт Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/opendata> (дата обращения: 07.10.2021).

5. В МВД назвали число погибших и пострадавших в ДТП за 2020 год. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/853565-rossiya-dtp-pogibshie> (дата обращения: 07.10.2021).

6. В МВД назвали число погибших и пострадавших в ДТП за десять лет. URL: <https://ria.ru/20211004/dtp-1752994803.html> (дата обращения: 07.10.2021).

7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации от 17 июня 2019 г.

1. The state of crime in Russia. In: Official site of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/>. Accessed: 7 October 2021 (in Russian).

2. Counteracting crime. The special part. Vol. 2. Textbook for universities. Eds. doctor of juridical sciences, professor M. A. Kirillova, doctor of juridical sciences, professor V. I. Omigova. 2nd ed., rev. and add. Cheboksary: CHKI RUK; 2015: 616 (in Russian).

3. Unified crime report: summary report for Russia for 2011—2020 (in Russian).

4. Open data. Legal statistics portal. In: Official website of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Available from: <http://crimestat.ru/opendata>. Accessed: 7 October 2021 (in Russian).

5. The Ministry of Internal Affairs named the number of people killed and injured in road accidents for 2020. Available from: <https://russian.rt.com/russia/news/853565-rossiya-dtp-pogibshie>. Accessed: 7 October 2021 (in Russian).

6. The Ministry of Internal Affairs named the number of people killed and injured in road acci-

№ 146-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44362> (дата обращения: 07.10.2021).

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9555> (дата обращения: 07.10.2021).

9. Курсаев А. В. О необходимости корректировки уголовно-правового инструментария в целях оптимизации уголовной политики в сфере борьбы с неосторожной преступностью // Вестник ТГУ. 2009. Вып. 9 (77). С. 396—402.

10. СК завел дело о халатности из-за позднего сообщения о ЧП в Норильске. URL: <https://rg.ru/2020/06/04/reg-sibfo/iz-za-nesvoevremennogo-informirovaniia-o-chp-v-norilске-zaveli-delo.html> (дата обращения: 07.10.2020).

11. Росприроднадзор оценил ущерб от аварии в Норильске в рекордные \$2 млрд. URL: <https://www.rbc.ru/business/06/07/2020/5ef9e42a9a7947264d24cc19> (дата обращения: 07.10.2020).

12. От 5 до 14,5 лет: какие сроки могут получить фигуранты дела «Зимней вишни». URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/09/30/14036833.shtml> (дата обращения: 20.10.2021).

13. Прокудина А. Дело «Зимней вишни»: на скамье подсудимых — 8 человек. Какой срок их ждет? URL: <https://www.nn.ru/text/criminal/2021/10/12/70187450/> (дата обращения: 20.10.2021).

14. Пожар в клубе «Хромая лошадь»: хронология трагедии. URL: <https://ria.ru/20141204/1035393980.html> (дата обращения: 20.10.2021).

15. Восемь погибших: в многоквартирном доме в Красноярске произошел пожар. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/668588-pozhar-krasnoyarsk-vosem-pogibshih> (дата обращения: 20.10.2021).

© Варыгин А. Н., Касаев И. Х., 2021

dents for ten years. Available from: <https://ria.ru/20211004/dtp-1752994803.html>. Accessed: 7 October 2021 (in Russian).

7. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation No. 146-FZ on 17 June 2019. Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44362>. Accessed: 7 October 2021 (in Russian).

8. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ on 13 June 1996 (as amended on 1 July 2021) (as amended and supplemented, entered into force on 22 August 2021). Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9555>. Accessed: 7 October 2021 (in Russian).

9. Kursaev A. V. On the need to adjust the criminal law toolkit in order to optimize criminal policy in the field of combating reckless crime. Vestnik TSU, 396—402, 2009 (in Russian).

10. The Investigative Committee opened a negligence case due to the late report of the state of emergency in Norilsk. Available from: <https://rg.ru/2020/06/04/reg-sibfo/iz-za-nesvoevremennogo-informirovaniia-o-chp-v-norilске-zaveli-delo.html>. Accessed: 7 October 2020 (in Russian).

11. Rosprirodnadzor estimated the damage from the accident in Norilsk at a record \$ 2 billion. Available from: <https://www.rbc.ru/business/06/07/2020/5ef9e42a9a7947264d24cc19>. Accessed: 7 October 2020 (in Russian).

12. From 5 to 14.5 years: what terms the defendants in the "Winter Cherry" case can receive. Available from: <https://www.gazeta.ru/social/2021/09/30/14036833.shtml>. Accessed: 20 October 2021 (in Russian).

13. Prokudina A. Case "Winter cherry": in the dock — 8 people. How long does it take for them? Available from: <https://www.nn.ru/text/criminal/2021/10/12/70187450/>. Accessed: 20 October 2021 (in Russian).

14. Fire in the Lame Horse club: the chronology of the tragedy. Available from: <https://ria.ru/20141204/1035393980.html>. Accessed: 20 October 2021 (in Russian).

15. Eight dead: a fire broke out in an apartment building in Krasnoyarsk. Available from: <https://russian.rt.com/russia/article/668588-pozhar-krasnoyarsk-vosem-pogibshih>. Accessed: 20 October 2021 (in Russian).

© Varygin A. N., Kasayev I. Kh., 2021

Варыгин Александр Николаевич,
заведующий кафедрой
прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной
юридической академии,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: van808@yandex.ru

Касаев Ильяс Хамзатович,
доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: ilyas.kasaev@yandex.ru

Varygin Alexander Nilolaevich,
head of the department
of prosecutor's supervision and criminology
of the Saratov State Law Academy,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: van808@yandex.ru

Kasaev Ilias Khamzatovich,
associate professor
at the department of criminal law
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: ilyas.kasaev@yandex.ru

УДК 343.97
ББК 67.511
doi: 10.25724/VAMVD.XGHI

И. С. Ильин

ЭТИМОЛОГИЯ «ПРОТЕСТА» И СОДЕРЖАНИЕ «ПРАВА НА ПРОТЕСТ»

Феномен протеста рассматривается в статье на индивидуальном и социальном уровнях. На первом проводится дифференциация протеста на внутренний и внешний. Внутренний состоит в субъективном неприятии ценностей, правил, проводимой в государстве политики и т. д., но при этом не объективируется в протестные формы поведения. Внешний воплощается в активном поведении человека. В зависимости от отношения протестующего к принятым в обществе нормам, целесообразно выделять «инструментальный протест» как достижение одобряемых обществом целей неинституциональными средствами и «культурный протест» как выступление против господствующих в обществе идей и ценностей. Индивидуальный протест может быть выражен в непроступных или проступных формах. Исходя из содержания связи преступления и протеста, в работе дифференцируются инструментально-протестные преступления, которые выступают способом разрешения проблемы; демонстративно-протестные, являющиеся способом не разрешения, а лишь демонстрации протеста; культурно-протестные, представляющие собой противоправное утверждение противоправной культурной нормы.

При исследовании протеста на социальном уровне утверждается, что он не может исчерпываться лишь противоправными формами поведения. Протестные движения, напротив, требуют обращения к праву и закону для обоснования и содержания протеста и самой возможности протестовать. В этом отношении протест может рассматриваться как реализация человеком или группой лиц «права на протест», а противоправное протестное поведение как проявление злоупотребления правом.

В статье поддерживается идея рассматривать протест в качестве коллективного поведения, сочетающего конвенциональные и неконвенциональные формы участия граждан в политической и общественной жизни страны. Доказывается объективность институционализации протеста в социальной системе общества в качестве условия его демократического развития. Таким институтом традиционно выступает оппозиция (парламентская и непарламентская).

Ключевые слова: протест, уровни протеста, протестные формы, протестное поведение, преступление, право, закон, общество, оппозиция.

I. S. Ilyin

THE ETYMOLOGY OF "PROTEST" AND THE MEANING OF "THE RIGHT TO PROTEST"

In this article the phenomenon of protest is dealt with at individual and social levels. The distinction between internal and external protest is made on individual level. The first protest lies in subjective aversion to values, rules and regulations, government policy, etc., and yet does not take the shape of protesting behavior. External protest objectifies into active behavior. Depending on the protestors' attitude to social norms, it makes sense to identify the "instrumental protest" as the pursuing of socially approved goals using non-formal means, and "cultural protest" as opposing the prevailing social values. Individual protest can take criminal and non-criminal forms. Depending on the connection between crime and protest, there can be identified such types of crimes as instrumental-protest crimes, which are a way of solving the problem; demonstrative-protest crimes, which just express the protest not being the way of tackling the problem; cultural-protest crimes, which are an illegal promotion of irregular cultural norms.

Examining the protest on the social level it can be suggested that it is not confined only by illegal behavior. On the contrary, protest movements require reference to the law in order to justify both — the essence of the protest and the opportunity to protest. In that regard, the protest can be considered as the realization of "the right to protest" by one individual as well as by a group of people, and the illegal protest behavior — as the abuse of rights.

The work supports the idea to consider the protest as group behavior, combining conventional and non-conventional forms of political participation of citizens. The article proves the objectivity of the protest institutionalizing in the social structure of the community as the prerequisite to its democratic development. Opposition (parliamentary and extra-parliamentary) traditionally acts as such an institution.

Key words: protest, levels of protest, forms of protest, protest behavior, crime, law, society, opposition.

В рамках комплексного исследования теоретических основ криминологического анализа протестных движений представляется целесообразным рассмотреть ряд наиболее заметных работ современных ученых по данной тематике, которые могут служить основой для дальнейших изысканий автора.

Термин «протестное движение» содержит указание на два принципиальных момента: протест и движение, — понимание которых важно для определения границ криминологического анализа.

Протест в самом общем и прямом значении есть несогласие с чем-либо. Если это понимание переносить в область характеристики поведения человека, *возникает необходимость в строгой дифференциации, прежде всего, внутреннего и внешнего протеста*. Первый состоит в субъективном неприятии тех или иных норм, ценностей, правил, проводимой в государстве политики и т. д., но не объективируется в протестные формы поведения. По типологии форм индивидуального приспособления Р. Мертон его можно описать как ритуализм [1, с. 254—255]. Очевидно, что данная область внутреннего протеста элементарно недоступна для криминологического анализа и не может составлять его предмет; ее исследование по большей части есть задача социальной психологии и психологии личности. Вместе с тем этот «латентный протест» несет опасные последствия для отдельной личности (в виде внутриличностного конфликта, дезадаптации, нарастания внутренней напряженности и т. д.), угрожая ее психологическому статусу и благополучию. В совокупности масса внутренне протестующих лиц создает социальный слой, готовый в определенный (а часто в любой) момент трансформировать свое внутреннее недовольство в реальные, внешние формы поведения. Это особый потенциал протеста, который может быть мобилизован заинтересованными акторами и существование которого всегда необходимо учитывать.

Показательны результаты одного из опросов, проведенного сотрудниками Левада-центра (опрос 1 600 человек 20—26 февраля 2020 г.) [2]. Согласно имеющимся данным удельный вес лиц, готовых принять участие в акциях протеста против

падения уровня жизни и в защиту своих прав, за последние два года возрос с 8 % в марте 2018 г. до 24 % в феврале 2020 г., удельный вес лиц, готовых принять участие в акциях с политическими требованиями, за этот же период увеличился с 6 % до 19 %. Таким образом, каждый пятый опрошенный внутренне готов к участию в массовых протестных акциях. Исследование не позволяет установить, имели ли респонденты опыт реального участия в протестных акциях и каков образ их поведения в настоящий момент. Но полагаем, что в любом случае доля потенциальных протестующих намного превосходит удельный вес протестующих реально. Это значимое обстоятельство, не замечать которое криминолог не вправе. Единственное, что он в данном случае компетентен сделать, — указать на наличие весьма высоких рисков перерастания внутренней напряженности во внешний протест, соответственно, на необходимость учета приведенного обстоятельства в прогностических и профилактических решениях органов власти.

Второй вид протеста является внешним, т. е. воплощаемся в определенном поведении человека. Поведение это, как и любое другое, может выражаться либо в форме действия (например, участие в избирательных кампаниях, творчество и т. д.), либо в форме бездействия (отказ от участия в голосовании или протестное голосование «против всех»). Однако последнее не представляет интереса для криминологии по той простой причине, что не может составить преступного деяния, поскольку на граждан не возлагается обязанность действовать непротестным способом или воздерживаться от протестов. В связи с этим согласимся с мнением М. В. Мархгейм, которая указывает, что «бездействие вообще не соотносится с протестом», в анализе протеста «делается акцент не просто на действиях, а на активных действиях» [3, с. 30]. Именно в данной области криминология, если понимать ее в одной из допустимых интерпретаций как науку о поведении, должна найти свой предмет исследования.

Активное поведение отдельного человека, нарушающее и не нарушающее уголовный закон, может быть описано в категориях протеста, осо-

бенно тогда, когда к этому предрасполагает анализ мотивации поведения субъекта. Вместе с тем опять же по типологии Р. Мертонa необходимо различать индивидуальные протестные акты в зависимости от того, каково отношение «протестующего» к принятым или провозглашенным в обществе культурным, правовым нормам и целям. Здесь стоит выделять «инструментальный протест» как достижение одобряемых обществом целей неинституциональными средствами (по нашему мнению, типичными уголовно-правовыми примерами таких реакций можно считать преступления, связанные с незаконным предпринимательством, хищения и др., которые в данном случае выражают протестное отношение к допустимым средствам получения материальной выгоды и накопления богатства); и «культурный протест» как выступление против господствующих в обществе, поддерживаемых или навязываемых официальной властью идей и ценностей (в уголовном праве характерным типом подобного поведения можно считать, например, распространение экстремистских идей). В логике Р. Мертонa описать эти типы поведения достаточно сложно. Не случайно развитие его идей приводит специалистов к мысли о необходимости более глубокой дифференциации форм индивидуального приспособления и теоретического обособления таких из них, как аномичность (нарушение норм права и морали ради достижения принятой культурной цели), радикализм (изменение культурных норм и средств их достижения в рамках требований правовых норм), экстремизм (изменение норм и средств их достижения исключительно противоправным поведением) и реформизм (неприятие культурных норм и средств с допущением противоправного поведения) [4, с. 32—33].

Представляется, что названные типы индивидуального приспособления более удачно описывают исследуемый нами феномен. Однако нужно понимать, что будучи общими формами поведения, они охватывают крайне широкий спектр конкретных его видов. Криминологам в данном случае необходимо, прежде всего, различать уголовно-противоправные и иные виды поведения, а также преступные деяния, которые направлены или не направлены против культурных норм и ценностей.

Есть еще один важный момент: индивидуальное выражение несогласия с культурными нормами и институциональными средствами их достижения для того, чтобы считаться протестом в подлинном смысле данного слова, должно быть

самим действующим субъектом осознано в качестве протеста. Однако эта осознанная связь преступления и протеста может быть различной. *В некоторых случаях преступление-протест выступает в качестве способа разрешения проблемы, мотивирующей протест* (условно назовем такие деяния инструментально-протестными). Классические примеры дают нам литературные и киногерои прошлого — от Родиона Раскольникова до Юрия Деточкина, а равно некоторые современные «активисты», утверждающие свои представления о границах свободы посредством хулиганских действий и нарушения прав и свобод иных лиц [5]. *В других ситуациях преступление выступает не способом разрешения проблемы, а всего лишь способом демонстрации самого протеста*, оно содержательно, объективно никак не связано с протестной идеей (опять же условно эти деяния можно назвать демонстративно-протестными). Поджоги чужой собственности и применение насилия в отношении представителей правоохранительных органов во время массовых публичных мероприятий — тому свидетельства. В третьих ситуациях протестное преступление состоит в противоправном утверждении противоправной культурной нормы, что происходит при совершении, например, экстремистских действий (назовем эти преступления «культурно-протестными»).

Таким образом, протестные преступления — неоднородный криминологический феномен. Они включают как минимум три группы деяний. Насколько мы можем судить, «инструментально-протестная преступность» в современной науке в качестве самостоятельного явления не признана и не исследована. Для этого есть объективные причины. «Инструментально-протестные преступления», предполагающие с идеологической точки зрения наличие одобряемой или как минимум нейтральной мотивации, представляют собой с позиции уголовного права крайне разнородный, а с позиции социологии — дискретный и несистемный феномен, что затрудняет их оценку в качестве массовидного социального явления. Элемент протеста и позитивной мотивации здесь оценивается исключительно в рамках судебного разбирательства по конкретному делу в качестве обстоятельства, влияющего на представление об общественной опасности преступления и мере наказания, которую заслуживает виновный, или в рамках криминологического учения о мотивации преступного поведения. Преступления «культурно-протестные» в этом отношении принципиально отличаются от них. Однако объединенные об-

щей мотивацией они имеют столь опасные формы, что сам элемент «протеста» уходит на второй план, становится крайне незначительной характеристикой преступлений, трансформируя предполагаемый культурный протест в опасные явления экстремизма, терроризма, преступлений ненависти и преступлений, обусловленных культурой. «Демонстративно-протестные преступления» не сводимы к этим двум группам, будучи связанными с протестом по меньшей степени во времени, пространстве и субъектным составом, они сами по себе не утверждают новых культурных норм, а всего лишь демонстрируют разрушительную силу несогласия с существующим порядком. Значимые криминологические различия между этими видами преступлений создают препятствия для их исследования в качестве единого криминологического феномена.

Отмеченные объективные препятствия усугубляются влиянием факторов субъективного порядка. Российская криминология и уголовное право советского периода имеют специфический опыт осмысления связи преступности и протеста. Речь в данном случае идет об известной концепции объяснения преступности как формы классовой борьбы, которая к тому же имеет свойство нарастать по мере укрепления нового идеологического и социального порядка. В рамках этой концепции, напомним, ряд преступлений (прежде всего, антигосударственных) представлялся как прямое проявление протеста свергнутых классов, причем действующих и внутри страны, и из-за рубежа, тогда как иные (общеуголовные преступления) — как результат влияния классовых врагов на сознательно неустойчивых граждан, психология которых наполнена «пережитками прошлого» [6, с. 188—192]. Такое понимание преступности в целом или хотя бы ее части как антигосударственного протеста несло в себе значимые политико-правовые следствия в виде ставки на тотальное уничтожение этого социального явления, в том числе путем применения максимально репрессивных мер, что не только дезориентировало правоохранительную практику, смещая акценты и определяя ошибочный тренд, но и препятствовало надлежащему научному осмыслению феномена преступности, так как концепт «протест» в данном случае применялся уже не столько для важного, но относительно узкого исследования мотивации отдельных видов преступлений, сколько для оценки всего массива объективных проявлений преступности.

Таким образом, «протестная преступность», как бы ни были велики соблазны говорить о ней,

не может позиционироваться в качестве отдельного вида преступности, имеющего отличительные черты и свойства, что не означает в принципе отсутствия связи между протестом и преступлением, но связь эта остается исключительно на уровне мотивации отдельных преступлений и не трансформирует массив протестных преступлений в социальное явление — сознательное нарушение массами уголовного закона в целях опровержения существующих культурных норм и практик и замены их иными.

Не образуя самостоятельного криминологического феномена, *масса мотивированных протестом преступлений, тем не менее, может составить элемент (часть) социального протеста. Но социальный протест никогда не выражается исключительно в «протестной преступности».* Когда или если такое происходит, мы имеем дело с полной деградацией государства, тотальным общественным кризисом, в рамках которого рассуждения о преступлении как об уголовно-противоправном деянии теряют свой смысл ввиду кризиса вплоть до отсутствия права как такового.

Социальный протест (в том числе протест, сопровождаемый протестно мотивированными преступлениями) может быть обособлен в качестве самостоятельного предмета исследования только в том случае, когда государство и общество сохраняют рамки правового управления. Суть протеста — выступление против «чего-то», что реально существует и вызывает недовольство. Протест — это всегда противопоставление чему-то вполне конкретному. Если объекта, определяющего направленность протеста, не существует, то и сам протест перерождается в качественно иное явление, содержательно более близкое к анархии или революции.

Более того, протестные движения, о которых мы рассуждаем, напротив, требуют обращения к праву и закону, причем обычно для обоснования и содержания протеста, и самой возможности протестовать. Такое обращение выступает условием легитимации протестного движения, укрепления его престижа и позиционирования признаваемых им целей и ценностей в качестве общезначимой альтернативы существующему порядку. В этом отношении безусловный интерес представляет научная дискуссия о существовании и содержании «права на протест». Некоторые специалисты утверждают, что, хотя формально термин «право на протест» не закреплен ни в международных, ни в национальных правовых документах, такое право,

тем не менее, логично вытекает из конституционных норм о праве собираться мирно, без оружия, о свободе слова и мнений, праве обращения к государственным органам и др. [7, с. 47; 8, с. 37; 9, с. 274—277; 10] и в самом общем виде представляет собой возможность публично, в том числе массово, выразить свое несогласие с определенными действиями или решениями.

В подобном подходе к пониманию права на протест заложено важное начало. Во-первых, если право на протест относится к разряду прав человека, то оно, следуя общей логике реализации прав, должно возлагать на государство некоторые позитивные обязательства по его обеспечению и гарантированию, а потому неоправданное ограничение и тем более лишение человека данного права является недопустимой акцией со стороны государства. Во-вторых, поскольку право на протест очевидно не относится к разряду абсолютных прав и может быть реализовано лишь в тех формах, которые легитимно устанавливаются государством, граждане в процессе осуществления своего права могут действовать различным образом: оставаясь в пределах, заданных формальными правовыми нормами, либо выходя за пределы этих норм. В последнем случае их неправомерное поведение может быть охарактеризовано в категориях «правонарушение» или «злоупотребление правом». Такая *двойственность протеста, сочетание в нем гуманистического потенциала и потенциала неправомерности, закономерно отражается на общих оценках и подходах к исследованию протестов.*

Некоторые авторы акцентируют внимание на позитивных характеристиках протеста, усматривая в нем проявление одной из граней свободы. «В демократическом обществе, — полагают они, — должны иметься равные возможности для реализации права собираться вместе как для людей, идущих в разрез с действующей властью, так и поддерживающих сложившийся политический строй. А для того чтобы обеспечить это равенство, необходимы законодательно закрепленные процедуры проведения таких собраний, чтобы избежать расширительного толкования в ущерб реализации свобод граждан» [11, с. 20]. Протест, — отмечается в науке, — непосредственно связан с критикой, а иногда и полным отрицанием существующих в обществе норм и ценностей, доминирующих идеалов. Он «создает комплекс условий, необходимых для становления альтернативных ценностных систем, а также норм и моделей политического поведения» [12, с. 9].

Другие исследователи, напротив, указывают, что само протестное поведение с точки зрения нормативного подхода нужно рассматривать как вид разрушительной активности, нарушение общественного порядка, возникающее в условиях недостаточно развитой нормативной системы и практики применения законных каналов взаимодействия граждан с представителями власти [13, с. 219]. Протестное поведение, отмечают авторы, есть форма участия, включающая совокупность публичных негативных реакций социальных субъектов на деятельность политического режима в целях влияния на принятие решений [14, с. 13].

Наконец, третья группа специалистов признает, что протест как «форма участия политических акторов» может включать в себя весь спектр активного протестного и аполитичного поведения, явления, весьма «различные по своей массовой базе, социально-классовому облику, силе, интенсивности, специфике возбуждающих их факторов» [15, с. 8].

Обобщая имеющиеся подходы к характеристике протестных движений, А. А. Керимов и М. М. Луговцов различают три основных научных позиции [16, с. 47—59; 17]. Первая, по их мнению, наиболее распространенная, состоит в определении политического протеста как исключительно коллективной формы политического поведения, выражающейся неконвенциональным образом и несущей для государства только негативные и даже разрушительные последствия (Д. Дженкинс Б. Кландерманс) [18]. Вторая, прямо противоположная, рассматривает политический протест как конструктивное явление, позволяющее изменить и улучшить политическую систему, решить проблему несправедливости, согласовать интересы государства и общества (В. В. Сафронов) [19]. Третья предполагает интерпретацию протеста как сочетания различных вариантов конструктивного и негативного поведения (В. В. Костюшев и В. В. Горьковенко) [20].

О трех типах позиционирования протеста в политической системе пишет и А. С. Мотайло, выделяя: а) констатацию наличия протеста в политике без его оценивания; б) признание протеста в качестве деструктивной силы, угрожающей целостности социально-политической системы; в) признание протеста в роли механизма оздоровления политики [21, с. 14].

Представляется, что подходы к анализу и оценкам протестных движений во многом связаны с неразличением или неоправданным смешением протеста как такового и тех форм, в которых он проявляется.

Сам по себе протест как массовое (или индивидуальное) выражение несогласия с существующим порядком — объективный и неизбежный спутник истории любого человеческого общества. Нет и не может быть в принципе сообществ, настолько монолитных и идейно сплоченных, что в них не остается места для несогласия. Можно даже сказать, чем больше усилий (в том числе правовых и репрессивных) предпринимает государство для обеспечения единства и сплоченности общества, тем сильнее потенциал протеста, который накапливается и в любой удобный момент, связанный, прежде всего, с ослаблением государства, может «вырваться наружу», неся за собой губительные последствия не только для государства, но иногда и для самих участников протеста. Поэтому не будет большим открытием сегодня считать, что протестные настроения, поскольку они объективны и неизбежны, должны быть институционализированы в социальной структуре общества, облечены в такие формы, которые, с одной стороны, позволяют выразить протест против существующего порядка, а с другой — не разрушают основ самого порядка. Данный формы протеста являются (в настоящее время особенно) необходимым условием развития демократии, поиска компромисса между различными социальными силами и баланса между разными социальными ценностями. Единственное обстоятельство, которое здесь нужно принять во внимание, состоит в том, что идейная основа протеста не должна выходить за пределы права и базироваться на неправовых нормах и ценностях. Подчеркнем — «права», а не закона, а в ряде случаев и не Конституции (протесты советских времен против предписаний ст. 6 Конституции СССР 1978 г. — явное подтверждение исключительно правового характера формально неконституционных требований). Как только и если протест утрачивает связь с правом, он, как было уже отмечено, перерождается в неправовое и по этой причине недостойное защиты движение. Протест демонстрирует, пусть и не разделяемые теми или иными слоями общества ценности и идеи, которые, тем не менее, основаны на праве граждан на самоопределение и выражение собственного мнения. С данной точки зрения идейно-детерминационная база протестов может быть весьма различной. В науке была высказана мысль о том, что социальные протесты могут быть классифицированы на два типа в зависимости от особенностей генезиса: а) протесты, имеющие экономические причины, инспирированными политическими элитами и пред-

стающие в качестве не экономических, но политических; б) протесты, имеющие экономические причины, инспирированные организациями гражданского общества и представляющие как собственно экономические [14, с. 9].

Признавая значимость экономической подоплеку в любом протесте, полагаем, что было бы вполне правильным сводить все генетические факторы протеста к экономическим отношениям, борьбе за собственность, участию в распределении и потреблении материальных благ. Более того, современный социальный протест принципиально отличается от протестных акций, например, рубежа XIX—XX вв. именно тем, что в нем участвуют лица, не испытывающие депривации в экономическом, материальном отношении, напротив, они субъективно позиционируют себя и объективно выступают в качестве представителей так называемого «среднего класса». В основе протестов все чаще лежат не экономические соображения, а социальные, политические, культурные, идейные факторы. Разумеется, дать их исчерпывающий список невозможно. Ограничимся лишь общим замечанием о том, что *«идеи» для протестов содержательно могут быть крайне разнообразными. Но еще раз подчеркнем, данные идеи должны быть расположены в правовом поле, пусть и в любой части его спектра.*

Демократические принципы и механизмы управления обществом предполагают необходимость учета альтернативного мнения в рамках тех процедур и форм, которые установлены законом. Это в первую очередь система легальных оппозиционных институтов — партий, движений и т. д. Оппозиция как парламентская, так и непарламентская имеет принципиальное значение во взаимодействии общества и власти, обеспечивая «обратную связь», позволяющую власти отвечать на запросы общества и принимать во внимание его интересы, а обществу, оказывая поддержку законодательной системе и институтам, легитимизировать власть; оппозиция выступает обязательным условием легитимизации и демократизации власти [22, с. 3]. Большую важность здесь имеет конструктивность оппозиции, ее способность разделить с властью ответственность за судьбу государства, а также заинтересованность самой власти в повышении уровня политической культуры населения, что в значительной степени снизит вероятность появления деструктивной оппозиции и возврата к авторитаризму [23, с. 8].

В нашу задачу, разумеется, не входит детальное исследование феномена оппозиции и особен-

ностей его проявления в России [24; 25; 26; 27; 28]. Вместе с тем считаем необходимым отметить несколько обстоятельств, выявленных на основе анализа специальных научных разработок. Во-первых, внутри парламентских партий все более сглаживаются идейные противоречия, поэтому они во многом утрачивают свойство представлять в парламенте противоположные политические взгляды и программы развития страны. Во-вторых, на таком фоне гораздо больший протестный потенциал содержит в себе оппозиция непарламентская (или, как ее иногда называют, «несистемная»). В-третьих, сложился вполне устойчивый тренд восприятия непарламентской оппозиции в качестве явления, имеющего откровенно негативный подтекст, связанного с незаконными и радикальными действиями. Именно эта оппозиция получает эпитеты «неответственная», «радикальная», «деструктивная», преследующая целью провоцирование беспорядков, подрыв стабильности в обществе, создание ситуации напряженности, благоприятной для мятежей и цветных революций, шантаж власти и срыв государственных мероприятий [29, с. 9]. Подобное восприятие непарламентской оппозиции не совсем верно, оно служит существенным препятствием для развития подлинной демократии в стране. Отождествление непарламентской оппозиции и деструктивной социальной силы принципиально неправильно, поскольку основано на неприемлемом смещении институционального статуса и методов действия оппозиционных сил. В криминологическом отношении важно обратить внимание на то, что недопустимые методы и действия могут быть элементом коллективного поведения не только оппозиционных, но и проправительственных сил. В социологии протест всегда связывается с выступлением против той или иной господствующей, доминирующей точки зрения, поддерживаемой официальной властью. Однако объективно протест возможен и против самих оппозиционных движений. Это тоже выражение общественного несогласия, в процессе которого могут наблюдаться те же самые неправомерные эксцессы, что и в протестных действиях оппозиции. Специфика оппозиции в подлинном смысле этого слова, по нашему мнению, состоит в том, что она представляет собой институционализированную социальную силу, имеет

объективные формы своего выражения в виде партий, общественных организаций, движений и т. д. В данном случае радикальной или деструктивной может быть признана как парламентская, так и непарламентская оппозиция, если они прибегают к недопустимым, неправовым формам и методам отстаивания и продвижения своих программ.

Признавая большую роль оппозиции в демонстрации протеста, отметим, что классическая, оформленная оппозиция в социологическом отношении всегда является примером так называемых «вертикальных» организаций, вполне иерархичных и управляемых, основанных, как правило, на фиксированном членстве и масштабной программе, содержательно охватывающей представления обо всех или о большей части аспектов функционирования общества и государства. Партия как форма выражения оппозиционных сил воспринимается едва ли не как штамп. Вместе с тем сегодня такие весомые вертикальные и иерархичные организации утрачивают свое значение в качестве оппозиционных структур. Современное общество демассифицировано и полицентрично, мультикультурно и мултиполитично [30, с. 53; 31, с. 12]. З. Бауман называет его «индивидуализированным обществом» [32]. В подобных условиях возможности системно устроенных организаций для системного протеста становятся затруднительными, если реальными в принципе. По этой причине в настоящее время протест выражается: а) не иерархичными организациями, а отдельными активистами, которые мобилизуют вокруг себя или своих взглядов массу лиц в первую очередь посредством использования сетевых технологий [33, с. 14], в результате чего протест становится одновременно более масштабным, непредсказуемым и часто анонимным; б) не по поводу реализуемой в государстве политики как таковой, а по поводу отдельных действий и решений власти, официально действующих лиц, что позволяет собрать под знамена протестной акции граждан, взгляды которых на существо иных властных решений и лиц могут кардинально не совпадать. Таким образом, этот «новый тип» протеста в «новом» обществе кардинально меняет представления о связи протеста и оппозиции, не позволяя их уравнивать, что привносит свои особенности в направления криминологического анализа протестных движений.

Примечание

* Теме экстремистских преступлений и преступлений ненависти посвящен сегодня внушительный объем криминологической и правовой литературы.

1. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Москва: АСТ: Хранитель, 2006. 873 с.
2. Протестный потенциал. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/12/protestnyj-potentsial-11/> (дата обращения: 22.03.2021).
3. Мархгейм М. В. Право на протест: конституционный абрис собирательного образа // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 3 (70). С. 29—31.
4. Черданцева И. В., Метелев А. В. Развитие концепции типов индивидуального приспособления Р. Мертона, дифференциация понятия «социальная девиация» и направление переосмысления классической теории аномии // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 9 (419). Философские науки. Вып. 49. С. 28—37.
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 10 октября 2012 г. по делу № 22-13222. URL: https://sudact.ru/regular/doc/МТрханYN715c/...1616397505542&snippet_pos=126#snippet (дата обращения: 24.03.2021).
6. Курс советской криминологии. Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / под ред. В. Н. Кудрявцева, И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова. Москва: Юрид. лит., 1985. 416 с.
7. Зейналбдыева А. В. Дефинирование права на протест в юридической науке // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 5 (72). С. 44—47.
8. Троицкая А. А. Право на протест: содержание и эффективность реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 5 (90). С. 34—42.
9. McGlone, D. The Right to Protest // Alternative Law Journal. 2005. Vol. 30 (6). P. 274—277.
10. The Right to Protest: Principles on the protection of human rights in protests. URL: https://www.article19.org/data/files/medialibrary/38581/Right_to_protest_principles_final.pdf (дата обращения: 23.03.2021).
11. Джагарян А. А., Джагарян Н. В. Диалог и язык невыслушанных: ценность и пределы свободы собраний // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 4 (107). С. 13—31.
12. Кутыгина Е. Н. Культура политического протеста: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 24 с.
1. Merton R. Social theory and social structure. Moscow: ACT: Chranitel; 2006: 873 (in Russian).
2. Protest potential. Available from: <https://www.levada.ru/2020/03/12/protestnyj-potentsial-11/>. Accessed: 22 March 2021 (in Russian).
3. Markhgeim M. V. Right to protest: constitutional outline of a collective image. Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and governance, 29—31, 2016 (in Russian).
4. Cherdantseva I. V., Metelev A. V. Development of the concept of types of individual adaptation by R. Merton, differentiation of the concept of "social deviation" and the direction of rethinking the classical theory of anomie. Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philosophical Sciences, 28—37, 2018 (in Russian).
5. The cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Moscow City Court on 10 October 2012 in case No. 22-13222. Available from: https://sudact.ru/regular/doc/МТрханYN715c/...1616397505542&snippet_pos=126#snippet. Accessed: 24 March 2021 (in Russian).
6. The course of Soviet criminology. Thing. Methodology. Crime and its causes. The criminal. Ed. by V. N. Kudryavtsev, I. I. Karpets, B. V. Korobeynikov. Moscow: Juridicheskaya literatura; 1985: 416 (in Russian).
7. Zeynalbdyeva A. V. Defining the right to protest in legal science. Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and governance, 44—47, 2016 (in Russian).
8. Troitskaya A. A. The right to protest: content and effectiveness of implementation. Comparative constitutional review, 34—42, 2012 (in Russian).
9. McGlone, D. The Right to Protest. Alternative Law Journal, 274—277, 2005 (in English).
10. The Right to Protest: Principles on the protection of human rights in protests. Available from: https://www.article19.org/data/files/medialibrary/38581/Right_to_protest_principles_final.pdf. Accessed: 23 March 2021 (in Russian).
11. Dzhagaryan A. A., Dzhagaryan N. V. Dialogue and language of the unheard: the value and limits of freedom of assembly. Comparative constitutional review, 13—31, 2015 (in Russian).
12. Kutygina E. N. Culture of political protest. Abstract of dissertation of the candidate of political sciences. Rostov-on-Don; 2005: 24 (in Russian).
13. Kuchenkova A. V. Attitude towards the right to protest in different countries: the experience of secondary analysis. Bulletin of the Russian State University for the Humanities, 218—232, 2013 (in Russian).

13. Кученкова А. В. Отношение к праву на протест в разных странах: опыт вторичного анализа // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2013. № 2. С. 218—232.
14. Челипанова Д. Д. Характер и динамика протестной активности на Юге России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2011. 22 с.
15. Соина Е. С. Политическое протестное движение в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2008. 23 с.
16. Вайнштейн Г. И. Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма. Москва: Наука, 1990. 167 с.
17. Назаров М. М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 47—59.
18. Jenkins J. C., Klandermans B. The politics of social protest. Comparative perspectives on states and social movements. USA: University of Minnesota Press; UCL Press, 1995. 392 p.
19. Сафронов В. В. Потенциал протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 4. С. 116—130.
20. Костюшев В. В., Горьковенко В. В. Социологическое описание коллективных протестных действий: информационная база данных акций протеста (PRODATSPb) // Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию / отв. ред. В. В. Костюшев. Москва: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999. 171 с.
21. Мотайло А. С. Эволюция политического протеста в современном Китае: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2013. 24 с.
22. Татаркова Д. Ю. Формирование политической оппозиции в России (2011—2012 гг.): конфликтный дискурс: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2015. 25 с.
23. Борисенко А. В. Становление и развитие политической оппозиции в современной России: общенациональные черты и региональные особенности: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2008. 21 с.
24. Исаков А. И. Политическая оппозиция в современной России: дис. ... канд. соц. наук. Кострома, 2000. 232 с.
25. Змановский Г. Р. Политическая оппозиция в современной России: теоретический анализ: дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2003. 158 с.
14. Chelipanova D. D. The nature and dynamics of protest activity in the South of Russia. Abstract of dissertation of the candidate of sociological sciences. Novocherkassk; 2011: 22 (in Russian).
15. Soina E. S. Political protest movement in modern Russia. Abstract of dissertation of the candidate of political sciences. Stavropol; 2008: 23 (in Russian).
16. Weinstein G. I. Mass consciousness and social protest in the conditions of modern capitalism. Moscow: Nauka; 1990: 167 (in Russian).
17. Nazarov M. M. Political protest: the experience of empirical analysis. Sociological studies, 47—59, 1995 (in Russian).
18. Jenkins J. C., Klandermans B. The politics of social protest. Comparative perspectives on states and social movements. USA: University of Minnesota Press; UCL Press: 1995: 392 (in English).
19. Safronov V. V. Protest potential and democratic perspective. Journal of Sociology and Social Anthropology, 116—130, 1998 (in Russian).
20. Kostyushev V. V., Gorkovenko V. V. Sociological description of collective protest actions: information database of protest actions (PRODATSPb) // Social movements in modern Russia: from a social problem to collective action. Ed. By V. V. Kostyushev. Moscow: Publishing house of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 1999: 171 (in Russian).
21. Motailo A. S. Evolution of political protest in modern China. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2013: 24 (in Russian).
22. Tatarikova D. Yu. Formation of political opposition in Russia (2011—2012): conflict discourse. Abstract of dissertation of the candidate of political sciences. Moscow; 2015: 25 (in Russian).
23. Borisenko A. V. Formation and development of political opposition in modern Russia: federal features and regional features. Abstract of dissertation of the candidate of political sciences. Stavropol; 2008: 21 (in Russian).
24. Isakov A. I. Political opposition in modern Russia. Dissertation of the candidate of sociological sciences. Kostroma; 2000: 232 (in Russian).
25. Zmanovsky G. R. Political opposition in modern Russia: theoretical analysis. Dissertation of the candidate of political sciences. Ekaterinburg; 2003: 158 (in Russian).
26. Musina L. M. Political opposition in post-Soviet Russia: stages and features of formation.

26. Мусина Л. М. Политическая оппозиция в постсоветской России: этапы и особенности становления: дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2005. 179 с.

27. Бигазилова С. С. Особенности парламентской оппозиции в политическом процессе современной России: дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2013. 184 с.

28. Ильичев А. Б. Трансформация идеологических позиций парламентских партий современной России: дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2015. 170 с.

29. Кривчук И. А. Политические оппозиции и контрэлиты в условиях российской демократической реформации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 26 с.

30. Пудовочкин Ю. Е. Криминологические проблемы в современной социально-политической и философской литературе. Москва: Юрлитинформ, 2011. 142 с.

31. Гилинский Я. И. Девиантность в обществе постмодерна. Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. 280 с.

32. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. Л. В. Иноземцева. Москва: Логос, 2002. 324 с.

33. Соколов А. В. Сетевой политический протест в России: субъекты, тенденции и технологии: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Москва, 2018. 32 с.

Dissertation of the candidate of political sciences. Ufa; 2005: 179 (in Russian).

27. Bigazieva S. S. Features of the parliamentary opposition in the political process of modern Russia. Dissertation of the candidate of political sciences. Saratov; 2013: 184 (in Russian).

28. Ilyichev A. B. Transformation of ideological positions of parliamentary parties in modern Russia. Dissertation of the candidate of political sciences. Saratov; 2015: 170 (in Russian).

29. Krivchuk I. A. Political oppositions and counter-elites in the conditions of the Russian democratic reformation. Abstract of dissertation of the candidate of political sciences. Rostov-on-Don; 2009: 26 (in Russian).

30. Pudovochkin Yu. E. Criminological problems in modern socio-political and philosophical literature. Moscow: YurLitinform; 2011: 142 (in Russian).

31. Gilinsky Ya. I. Deviance in postmodern society. Saint Petersburg: Aleteya; 2017: 280 (in Russian).

32. Bauman Z. Individualized society. Translation from English and edition by L. V. Inozemtsev. Moscow: Logos; 2002: 324 (in Russian).

33. Sokolov A. V. Network political protest in Russia: subjects, trends and technologies. Abstract of dissertation of the doctor of political sciences. Moscow; 2018: 32 (in Russian).

© Ilyin I. S., 2021

© Ильин И. С., 2021

Ильин Илья Сергеевич,

начальник Управления МВД России
по Красногвардейскому району
г. Санкт-Петербурга,
доцент кафедры правоведения
Северо-западного института управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: isilyin@yandex.ru

Ilyin Ilya Sergeevich,

head of the Department
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
in Krasnogvardeisky district of Saint Petersburg,
associate professor at the department
of jurisprudence of the North-West Institute
of Management
of the Russian Presidential academy
of the national economy and public administration,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: isilyin@yandex.ru

УДК 343.288
ББК 67.408.033
doi: 10.25724/VAMVD.XHIJ

Л. В. Лобанова, М. А. Малимонова

ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ЗНАЧЕНИИ СУДИМОСТИ ИНОСТРАННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

В статье исследуется возможность учета судимости иностранного происхождения наравне с национальной при решении уголовно-правовых вопросов. Проведен анализ действующего Уголовного кодекса Российской Федерации, иных федеральных законов, уголовного законодательства зарубежных стран, международных договоров Российской Федерации, а также решений, принятых судами Российской Федерации. Констатируется отсутствие единого и концептуального подхода к освещению уголовно-правового значения иностранной судимости в России. Отмечаются особенности правовой регламентации данного вопроса в зарубежном уголовном законодательстве. Охарактеризованы различные варианты законодательного оформления и закрепления соответствующих норм в уголовных законах стран СНГ и некоторых стран ЕС.

На основе проведенного исследования авторами формулируется вывод о недопустимости распространения на иностранную судимость положений ст. 86 Уголовного кодекса Российской Федерации и о необходимости закрепления в отечественном уголовном законе специальной нормы, позволяющей правоприменителю производить учет такого рода правового состояния и определяющей пределы подобного учета. Предлагается конкретная формулировка статьи уголовного закона, посредством которой могла бы быть выражена данная норма.

Ключевые слова: судимость, уголовно-правовое значение судимости, уголовный закон, последствия осуждения за рубежом, зарубежное уголовное законодательство, международный договор Российской Федерации, приговор иностранного суда, специальная норма, предупреждение преступности.

L. V. Lobanova, M. A. Malimonova

ON THE CRIMINAL LAW VALUE OF CONVICTION OF FOREIGN ORIGIN: FORMULATION OF THE QUESTION

This article examines the possibility of taking into account a conviction of foreign origin on a par with the national one when dealing with criminal law matters. The current Criminal Code of the Russian Federation, other federal laws, criminal legislation of foreign countries, international treaties of the Russian Federation, as well as decisions taken by the courts of the Russian Federation were analyzed. The absence of a unified and conceptual approach to the coverage of the criminal law significance of foreign convictions in Russia is stated. The features of the legal regulation of this issue in foreign criminal legislation are noted. Various options for legislative design and consolidation of relevant norms in the criminal laws of the CIS countries and some EU countries are characterized.

On the basis of the study, the authors formulate a conclusion about the inadmissibility of extending the provisions of Art. 86 of the Criminal Code of the Russian Federation to foreign convictions and the need to consolidate in the domestic criminal law a special rule that allows the law enforcement officer to take into account this kind of legal status and determines the limits of such accounting. The authors propose specific wording of the criminal law article whereby this norm could be expressed.

Key words: conviction, criminal law value of conviction, criminal law, consequences of conviction abroad, foreign criminal legislation, international treaty of the Russian Federation, sentence of a foreign court, special norm, crime prevention.

Судимость, возникнув вследствие осуждения лица за совершение преступления и назначения ему наказания, на протяжении всего его существования способна порождать и приводить в действие комплекс негативных для данного лица последствий уголовно-правового и общеправового характера. «Судимость, — провозглашает ответственный законодатель в ч. 1 ст. 86 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), — в соответствии с настоящим Кодексом учитывается при рецидиве преступлений, назначении наказания и влечет за собой иные правовые последствия в случаях и порядке, которые установлены федеральными законами» [1]. Российский уголовный закон, позволяя делать вывод о многоплановом влиянии неснятой и непогашенной судимости на уголовно-правовой статус лица, вместе с тем не содержит ответа на вопрос, имеет ли уголовно-правовое значение судимость, возникшая в результате осуждения лица за пределами Российской Федерации по уголовному закону иного государства. Следовательно, остается неясным, охватывает ли термин «судимость», употребляемый в тексте УК РФ, в том числе и судимость иностранного происхождения. Между тем обозначенная проблема, судя по всему, волнует не только юристов, но и обычных граждан. Об этом, в частности, свидетельствует количество обращений за разъяснениями и задаваемых вопросов, звучащих на различных правозащитных форумах [2].

Приходится констатировать, что изучение нами теоретических источников в целях обнаружения соответствующих ответов оказалось не вполне результативным.

Во-первых, к данной теме обращаются лишь немногие. Во-вторых, мнения ученых по одним и тем же принципиальным позициям оказываются противоположными. Так, при освещении вопросов рецидива преступлений одни исследователи пришли к выводу, что при его признании нельзя учитывать судимости, «возникшие у лица в связи с осуждением за пределами России (в том числе в странах Содружества Независимых Государств)» [3, с. 657; 4, с. 95—96]. Например, Н. В. Артеменко и Н. Г. Шимбарева, обосновывая подобную точку зрения, подчеркивают, что учет судимости иностранного происхождения при определении рецидива нарушает принцип недопустимости поворота к худшему и поэтому производиться не должен [5, с. 10]. В свою очередь Ф. В. Габдрахманов допускает возможность учета судимости, образованной при осуждении в странах СНГ, как при установлении рецидива преступлений, так и при назначении наказания [6, с. 67].

В науке также были предприняты попытки обосновать возможность и целесообразность учета судимости при квалификации некоторых преступлений. С. Ю. Богомолов, например, выступает за дополнение конструкции составов преступлений, входящих в систему преступлений террористической направленности, квалифицирующим признаком «совершение преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление террористической направленности», в содержание которого, по его мнению, следует включать и иностранные судимости [7, с. 97—99]. На обязательном учете судимости лица, полученной в результате осуждения за совершение им преступлений экстремистской направленности на территории государств — участников международных соглашений по борьбе с экстремизмом, при квалификации аналогичных по характеру преступных деяний на территории Российской Федерации настаивает и А. В. Петрянин [8, с. 25]. Автор при этом акцентирует внимание на повышенной общественной опасности и универсальном характере данных преступлений, наличии обязанности цивилизованных государств бороться и пресекать распространение данного вида преступлений [8, с. 25].

В то же время многие аспекты влияния судимости иностранного происхождения на уголовно-правовые отношения и вовсе не получили какого-либо научного освещения (например, вопросы об учете такой судимости в качестве обстоятельства, характеризующего личность виновного, либо в качестве препятствия для признания нового преступления, осуществленного уже на территории Российской Федерации, впервые совершенным, и др.). Практически не исследованы и проблемы прекращения судимости иностранного происхождения на территории Российской Федерации (правила исчисления сроков погашения судимости, основания и порядок ее снятия и т. п.). Все это позволяет сделать вывод об отсутствии на данный момент концептуального подхода к определению уголовно-правового значения судимости иностранного происхождения.

Не претендуя на то, чтобы полностью ликвидировать подобный пробел в уголовно-правовой теории, попытаемся, однако, высказать по указанной проблеме ряд соображений, которые могли бы в дальнейшем послужить отправной точкой для серьезных исследований в данном направлении.

Для начала согласимся с В. Ф. Щепельковым в том, что «вопрос учета или неучета иностранной судимости должен быть урегулирован на законодательном уровне» [9, с. 427]. Потребность в этом

действительно существует, ведь на иностранную судимость не могут быть автоматически распространены положения ст. 86 УК РФ, равно как и некоторые иные положения данного нормативного акта. Как бы то ни было, суть судимости составляет специфическое юридическое состояние лица, т. е. особый юридический факт, определяющий правовую связь осужденного к наказанию субъекта с государством, от имени которого вынесен обвинительный приговор. Сообразно с этим российский законодатель, давая в упомянутой статье УК РФ характеристику судимости, имеет в виду лишь такое юридическое состояние лица, которое создано приговором, вынесенным именем России. Вместе с тем никто не может ограничить суверена в его праве придавать либо, напротив, не придавать значения тем или иным связям, которые образуются у человека с другим государством. Лишь сам суверен, если он действует в правовом поле и ограничивает сам себя, должен четко определить те самые рамки, в которых будет осуществляться учет такого рода зависимостей. Но вряд ли можно сказать, что в отношении иностранных судимостей Российская Федерация однозначно выразила свою государственную волю, хотя в данном направлении и были предприняты некоторые шаги, о которых, безусловно, необходимо упомянуть в настоящей работе.

Прежде всего речь идет о подписании и ратификации Россией Международного соглашения о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (Минская конвенция 1993 г.). Статья 76-1 указанного документа гласит: «При решении вопросов признания лица особо опасным рецидивистом, об установлении фактов совершения преступления повторно и нарушения обязанностей, связанных с условным осуждением, отсрочкой исполнения приговора или условно-досрочным освобождением, учреждения юстиции Договаривающихся Сторон могут признавать и учитывать приговоры, вынесенные судами (трибуналами) бывшего Союза ССР и входивших в его состав союзных республик, а также судами Договаривающихся Сторон» [10]. Минскую конвенцию, кроме России, подписали и ратифицировали Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Таджикистан, Республика Кыргызстан, Украина, Узбекистан, Туркменистан, Республика Молдова.

Казалось бы, подписав и ратифицировав Минскую конвенцию, Россия приняла на себя определенные обязательства в части предоставления правоприменителю принципиальной возможности учета судимости иностранного происхождения как

одного из последствий обвинительного приговора, вынесенного за пределами Российской Федерации. Однако это не сыграло решающей роли в преодолении правовой неопределенности в решении рассматриваемой проблемы. Во-первых, данные обязательства распространяются на судимость, возникшие на территории тех государств, с которыми Россия объединена названным соглашением, и касаются лишь решения тех вопросов, которые оговорены в названной статье Конвенции (установление фактов совершения преступления повторно и нарушения обязанностей, связанных с условным осуждением, отсрочкой исполнения приговора или условно-досрочным освобождением). Во-вторых, грамматический анализ формулировки изучаемого международно-правового документа позволяет считать заключенную в его ст. 76-1 норму диспозитивной. Именно об этом свидетельствует фраза «могут признаваться и учитываться...». А следовательно, учет приговоров, вынесенных иностранными судами, для отечественного правоприменителя — право, а не обязанность. Во избежание произвольного применения приведенной нормы законодатель, видимо, после ее ратификации должен был разработать механизм имплементации соответствующих положений в российский уголовный закон. Однако ничего подобного не последовало.

Попытки пролить свет на интересующий нас вопрос предпринимались неоднократно в процессе интерпретационной деятельности Верховного Суда Российской Федерации. Так, последний, восприняв положения Минской конвенции 1993 г., разработал ряд рекомендаций для российских судов и отразил их в своих постановлениях. В частности, в постановлении своего Пленума от 12 ноября 2001 г. № 14 «О практике назначения судами видов исправительных учреждений» он рекомендовал судам при избрании вида исправительного учреждения учитывать не любую иностранную судимость, а судимость по приговорам стран — участниц Содружества Независимых Государств, а равно возникшую на их территории до распада СССР [11]. Еще в одном из своих постановлений Пленум указывал судам, что «судимости в других странах СНГ после прекращения существования СССР не должны приниматься во внимание при квалификации преступлений, но могут учитываться при назначении наказания какотягчающее обстоятельство в соответствии со ст. 76-1 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам стран — участниц СНГ от 22 января 1993 г.» [12]. К сожалению, эти рекомендации уже неактуальны, ввиду утраты силы вышеназванными поста-

новлениями. Что же касается принятого в порядке замены первого из них действующего и по сей день постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами вида исправительных учреждений», то в нем, собственно говоря, уже и не дается каких-либо рекомендаций об учете иностранных судимостей. И вряд ли такой рекомендацией может быть признано обращенное к судам разъяснение (подп. «е» п. 11) считать ранее отбывавшим наказание «лицо, осужденное к лишению свободы по приговору суда другого государства, которое в связи с последующей передачей его в Россию для дальнейшего отбывания наказания отбывало лишение свободы в исправительном учреждении Российской Федерации в соответствии с судебным решением о признании и об исполнении приговора иностранного государства» [13]. Из приведенного текста видно, что определяющим при признании лица отбывавшим лишение свободы ранее является не само по себе осуждение лица за рубежом, а факт отбывания им назначенного по приговору иностранного суда этого наказания на территории Российской Федерации.

В подобных условиях необходимо признать, что российское государство до сих пор не обеспечило должным образом реализацию Международного соглашения о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. Однако считаем важным обратить внимание читателя на то, что в массиве действующих законодательных актов все же существует один федеральный закон, подтверждающий небезразличное отношение отечественного правотворца к обсуждаемой проблеме. Речь идет о Федеральном законе от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя», где можно обнаружить некоторые положения, затрагивающие рассматриваемый нами вопрос. Так, ст. 8 данного закона содержит такое указание: «Вступившие в законную силу судебные решения, принятые на территориях Республики Крым и города Севастополя до 18 марта 2014 года, имеют ту же юридическую силу (в том числе для целей исполнения уголовного наказания), что и судебные решения, принятые на территории Российской Федерации» [14]. Используя особое средство законодательной техники — юридическую фикцию, законодатель России тем самым уравнивает между собой юридиче-

ские последствия осуждения по приговорам украинских судов, постановленных до определенной даты, и российских судов. Однако вряд ли существование подобного документа принципиально меняет ситуацию, поскольку он применим к весьма ограниченному кругу уголовно-правовых отношений.

Правоприменителю же в обстановке фактического отсутствия законодательной регламентации соответствующих вопросов тем не менее приходится с ними сталкиваться. К примеру, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в одном из своих решений не стала учитывать судимость гражданина А. М. Ю. по УК Республики Беларусь в качестве признака неоднократности разбоя, поскольку таковая возникла уже после распада СССР [15]. В данном случае эта судимость не повлияла ни на квалификацию деяний, ни на назначение наказания. В том же духе выдержано кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2011 г. № 48-О11-85. Этим определением высшая судебная инстанция признала без какой-либо мотивации законным и обоснованным тот факт, что Челябинским областным судом «судимость Каракузовой в Республике Казахстан и ее нахождение в розыске не учитывались при назначении наказания», и приговором окончательное наказание ей было назначено по совокупности преступлений по правилам ч. 3 ст. 69 УК РФ, а не по совокупности приговоров [16]. В другом же правоприменительном акте Верховного Суда Российской Федерации, где учет судимости гражданина Рожкова, возникшей из-за осуждения за преступление белорусским судом, был признан судом ошибочным, уделено внимание и обоснованию принятия подобного решения. В описательной части последнего, в частности, сделан акцент на том, что «вопросов о выдаче Рожкова для исполнения приговора Пушкинского городского суда Московской области от 25 октября 2000 г., либо отмене условно-досрочного освобождения от наказания по указанному приговору в запросах Генеральной прокуратуры Российской Федерации не ставилось, и Рожков, как следует из ответов Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, выдан для привлечения к уголовной ответственности за указанные в запросе преступления... <...> При этом Генеральная прокуратура Российской Федерации не ставила в известность Генеральную прокуратуру Республики Беларусь о том, что в случае осуждения Рожкова за указанные преступления окончательное наказание ему может быть назначено на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров —

по настоящему делу и от 25 октября 2000 г., а Генеральная прокуратура Республики Беларусь свое мнение по этому вопросу не высказала» [17]. В результате суд пришел к выводу, что «при таких обстоятельствах из приговора подлежит исключению указание о назначении наказания на основании ст. 70 УК РФ» [17].

При освещении рассматриваемой проблемы уместно указать и на наличие противоположных решений Верховного Суда Российской Федерации. Так, возвращая одно из дел суду для нового судебного рассмотрения, названный судебный орган счел необходимым учесть судимость украинского происхождения при признании рецидива преступлений. В обосновании же соответствующего документа указано: «Как следует из судебного материала, Калашников С. Г. ранее был осужден по приговору Сакского горрайонного суда Автономной Республики Крым от 14 ноября 2005 г. по ч. 1 ст. 187 УК Украины к 3 годам 3 месяцам лишения свободы, наказание по которому отбыто 17 ноября 2008 г. Диспозиция ч. 1 ст. 187 УК Украины соответствует ч. 1 ст. 162 УК РФ. При этом как ч. 4 ст. 12 УК Украины, так и ч. 4 ст. 15 УК РФ относят указанное преступление к категории тяжких. Срок погашения судимости за совершение тяжких преступлений в соответствии с п. 8 ст. 89 УК Украины и п. „г“ ч. 3 ст. 86 УК РФ (в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, действовавшего на момент совершения преступления) составляет 6 лет со дня отбытия осужденным наказания. Новое преступление Калашниковым С. Г. совершено 17 сентября 2012 г., т. е. спустя менее 4 лет со дня отбытия наказания по приговору от 14 ноября 2005 г. Таким образом, Калашников С. Г., ранее судимый за тяжкое преступление, вновь совершил тяжкое преступление, за которое осужден по приговору от 1 августа 2013 г., и в его действиях в соответствии со ст. 34 УК Украины имеется рецидив преступлений (согласно п. „б“ ч. 2 ст. 18 УК РФ — опасный рецидив). В связи с этим решение Президиума Верховного Суда Республики Крым об исключении указания на наличие в действиях Калашникова С. Г. рецидива преступлений как обстоятельства, отягчающего наказание, и изменение вида исправительного учреждения для отбывания наказания на исправительную колонию общего режима вызывает сомнение в своей законности» [18]. Так же поступил Верховный Суд Российской Федерации по уголовному делу в отношении Н. Н. Данильченко, признав в его действиях рецидив преступлений как раз благодаря тому, что учел его непогашенную судимость за совершение убийства (ч. 1 ст. 115

УК Украины по приговору, вынесенному 5 мая 2007 г. Евпаторийским городским судом Автономной Республики Крым) [19].

Приведенные примеры указывают на то, что учет судимости зарубежного происхождения в практике Верховного Суда Российской Федерации является скорее исключительным явлением, чем правилом. В то же время исключения касаются лишь двух ситуаций. Во-первых, это случаи учета такого рода судимости на основании прямого указания закона (т. е., по сути, актуальных судимостей, возникших у лица вследствие осуждения его на территории Крыма и Севастополя до вхождения их в состав территории Российской Федерации). Во-вторых, это ситуации учета судимости, вытекающей из приговора, вынесенного государством, с которым у России имеется договор о правовой помощи, осуществляемого в процессе исполнения данного приговора и требующего к тому же соблюдения специальных процедур. Вместе с тем следует иметь в виду, что обязательства по исполнению приговоров иностранных судов возложены на Россию многочисленными многосторонними и двусторонними международными договорами [20].

Возможно, в сложившихся условиях такой и должна быть правовая позиция высшего судебного органа России, не имеющего в своем распоряжении прочной нормативной основы для более разнообразного принятия во внимание фактов осуждения за пределами российского государства. В противном случае очевидным было бы нарушение принципа законности, предписывающего определять наказание и иные правовые последствия лицу лишь за совершение тех общественно опасных деяний, которые указаны в качестве преступлений в действующем УК РФ, и лишь в тех пределах, которые также им очерчены (ст. 3 УК РФ). Однако такая практика является все же следствием некоего обесценивания Россией Минской конвенции 1993 г., а возможно, и недопонимания отечественным законодателем того обстоятельства, что судимость, даже иностранная, во многих случаях является важнейшей характеристикой осужденного лица, которую вряд ли допустимо игнорировать без каких-либо веских оснований.

Примечательно, что в отличие от отечественного УК в уголовных законах почти всех государств — участников Минской конвенции 1993 г. возможность учета непогашенной (неснятой) судимости, возникшей в результате осуждения на территории иностранного государства, прямо предусмотрена. Кроме того, нормы о правовом значении приговоров, постановленных иностранным судом, содер-

жаты в УК Испании, Норвегии и Чехии. В связи с этим целесообразно провести анализ соответствующих норм, при этом технико-юридические особенности их формулирования и закрепления важно оценить со следующих позиций: место их закрепления в тексте уголовного закона, использование языковых средств, юридических средств и приемов.

Так, в одних случаях зарубежный законодатель размещает соответствующие нормы о правовом значении иностранной судимости в Общей части УК, в других — они оказываются включенными в статьи Особенной части. Поместив норму в статью Общей части УК, законодатель, по идее, тем самым очерчивает максимально широкие границы ее действия применительно ко всем случаям учета судимости в качестве юридического признака. К такому приему прибегнул законодатель Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Молдова, Украины, Республики Таджикистан, Узбекистана, Норвегии, Чешской Республики. Однако и здесь не все однообразно. Проведя анализ текста уголовных законов, можно выделить четыре варианта закрепления нормы о правовом значении последствий осуждения на территории иностранного государства в Общей части УК:

— в виде специальной статьи Общей части, раскрывающей правовое значение осуждения лица вне пределов данного государства (ст. 17 УК Армении, ст. 8 УК Беларуси, ст. 9 УК Украины, § 11 УК Чехии);

— в статье, регламентирующей принцип действия уголовного закона по кругу лиц (ст. 8 УК Казахстана, ст. 15 УК Таджикистана) или в пространстве (ст. 11 УК Молдовы);

— в статье о рецидиве преступлений (ст. 34 УК Узбекистана);

— в параграфе о правилах назначения более строгого наказания (§ 61 УК Норвегии).

Несмотря на то что эти нормы расположены в Общей части, они при этом по-разному воплощены в ее статьях. Так, ст. 9 УК Украины называется «Правовые последствия осуждения лица за пределами Украины», и согласно ч. 2 этой статьи «рецидив преступлений, неотбытое наказание или иные правовые последствия приговора суда иностранного государства учитываются при квалификации нового преступления, назначении наказания, освобождении от уголовной ответственности или наказания» [21]. Статья 17 УК Армении имеет схожее название, а также близкую по смыслу норму [22]. Белорусский законодатель предпочел назвать ст. 8 УК, в которой речь идет о правовых последствиях экстерриториального осуждения, «Пре-

юдициальное значение совершения преступления на территории иностранного государства». Согласно ей «судимость и иные уголовно-правовые последствия совершения лицом преступления на территории иностранного государства имеют уголовно-правовое значение для решения вопроса об уголовной ответственности этого лица за преступление, совершенное на территории Республики Беларусь, в соответствии с международными договорами Республики Беларусь» [23].

Законодатель таких государств, как Республика Казахстан, Республика Таджикистан подобную возможность учета судимости и иных уголовно-правовых последствий осуждения лица вне пределов их границ оформили в виде части статьи, регламентирующей действие уголовного закона по кругу лиц. Например, в ч. 2 ст. 8 УК Казахстана говорится, что «судимость и иные уголовно-правовые последствия совершения лицом уголовно наказуемого деяния на территории другого государства не имеют уголовно-правового значения для решения вопроса об уголовной ответственности этого лица за уголовное правонарушение, совершенное на территории Республики Казахстан, если иное не предусмотрено международным договором Республики Казахстан или если совершенное на территории другого государства уголовно наказуемое деяние не затрагивало национальных интересов Республики Казахстан» [24]. А согласно ч. 7 ст. 11 УК Молдовы «уголовные наказания и судимости за преступления, совершенные за пределами Республики Молдова, учитываются в соответствии с настоящим кодексом при индивидуализации наказания за новое преступление, совершенное одним и тем же лицом на территории Республики Молдова, а также при разрешении вопросов об амнистии на условиях взаимности по решению судебной инстанции» [25].

С учетом грамматического и структурного анализа норм уголовных законов данных государств можно утверждать, что судимость иностранного происхождения может быть учтена в каждом из этих государств наравне с национальной судимостью и спектр их уголовно-правовых последствий будет относительно широким.

Но в некоторых государствах границы учета судимости иностранного происхождения значительно сужены. Так, согласно ст. 34 УК Узбекистана учет судимости по приговорам других государств допустим лишь при признании лица особо опасным рецидивистом [26]. В § 61 УК Норвегии, в котором речь идет об усилении наказания при повторном осуждении, указано, что «суд может позволить,

чтобы предыдущие приговоры, вынесенные в других странах, были основой для более строгого наказания так же, как и приговоры, вынесенные в Норвегии» [27]. И хотя местом закрепления данных норм служит Общая часть уголовного закона, они, тем не менее, являются специальными и применяются при решении отдельных уголовно-правовых вопросов.

Специальные правила учета иностранной судимости сформулированы в УК Испании, а именно в его Особой части. Это значит, что действие такой судимости распространяется на решение вопросов об уголовной ответственности и мере наказания лишь в отношении определенного круга преступлений, и обязательным условием здесь выступает установление тождества между ранее совершенным вне пределов Испании преступлением и повторным преступлением. Так, согласно ст. 190 главы IV «Действия, связанные с занятием проституцией» «приговор, вынесенный Судом или Трибуналом иностранного государства за преступления, указанные в этой главе, является соразмерным приговорам, вынесенным испанскими Судами или Трибуналами, что позволяет в соответствующих случаях применить правило о рецидиве преступлений» [28]. Похожее правило закреплено в статьях 375 (о незаконном производстве и обороте наркотических, психотропных веществ), 388 (о фальшивомонетчестве), 580 (о бандитизме, терроризме). Такой подход испанского законодателя к оценке значения факта предшествующего осуждения за преступление за рубежом объясняется тем, что в уголовном праве Испании отсутствует понятие общего рецидива преступлений, и таковой рассматривается исключительно как специальный.

Следующее, на что стоит обратить внимание при сравнительном анализе текстов уголовных законов этих зарубежных стран, — это то, каким образом законодатель сформулировал в диспозиции статьи конкретное правило учета судимости — как право или как обязанность субъекта, а также зависит ли его применение от каких-либо условий или нет.

Так, нормы УК Украины и Армении, предусматривающие возможность учета подобной судимости, являются безусловными нормами прямого действия. Применяются они тогда, когда лицо, имеющее судимость (разумеется, речь идет об актуальной судимости) за преступление, совершенное на территории другого государства, вновь совершает преступление, но уже в пределах территории этого государства. И, как видно, слово «учитывается», употребляемое в тексте ч. 2 ст. 9 УК Украины и ч. 2 ст. 17

УК Армении, указывает на то, что для правоприменителя учет такой судимости обязателен.

Уголовные кодексы таких стран, как Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Чехия, Молдова содержат отсылочные нормы о юридическом значении приговоров иностранных государств, так как законодатель посчитал, что этот вопрос должен решаться изначально в международных договорах. Некоторые нормы допускают при этом учет иностранной судимости, как и других последствий осуждения за рубежом, только при соблюдении ряда условий. Эти условия имеют различный характер. Основным, конечно же, в таком случае является предусмотренность такой возможности в международном договоре. В качестве основного и единственного условия такая предусмотренность имеет значение по УК Таджикистана (ч. 5 ст. 15) [29] и Беларуси (ст. 8) [23]. Вторым условием в УК ряда зарубежных государств является установление тождества между предыдущим преступлением, в результате осуждения за которое судом иного государства лицо получило судимость, и новым, совершенным уже на территории этого государства. К тому же, согласно п. 2 §11 УК Чехии, например, это дополнительное обязательное условие, поскольку там указано, что окончательное осуждение судом другого государства — члена Европейского Союза в уголовном судопроизводстве по уголовному делу рассматривается как осуждение судом Чешской Республики, если совершенное деяние признается преступлением по закону Чешской Республики [30], а по УК Испании это вообще единственное и необходимое условие [28]. Также иногда способность совершенного ранее вне пределов государства деяния, за которое лицо получило судимость, причинить вред национальным интересам данного государства признается альтернативным условием для подобного учета, как, например, по УК Казахстана.

На этом фоне выделяется подход молдавского законодателя, разработавшего целый механизм по признанию обвинительных приговоров иностранного суда и их последствий на территории Молдовы. Так, с одной стороны, возможность учета его последствий закреплена в Уголовном кодексе, а процедура признания с перечислением обязательных условий — в Уголовно-процессуальном кодексе (УПК). Например, согласно ч. 1 ст. 558 УПК этого государства «окончательные решения по уголовным делам, вынесенные иностранными судебными инстанциями, а также решения, которые по своему характеру согласно уголовному закону Республики Молдова могут иметь правовые послед-

ствия, могут быть признаны национальной судебной инстанцией по ходатайству министра юстиции или Генерального прокурора на основании международного договора или соглашения о взаимности» [31]. Ее же ч. 2 закрепляет перечень условий, соблюдение которых обязательно: «решение было вынесено компетентной судебной инстанцией; решение не противоречит общественному порядку в Республике Молдова; решение может иметь правовые последствия в стране согласно национальному уголовному закону» [31]. Как видно, признание последствий осуждения за преступление, осуществленное за пределами территории Молдовы, является обязанностью для правоприменителей Молдовы в случае, если об этом прямо сказано в международном договоре. Однако подобный вариант поведения одновременно является правом для национальной судебной инстанции, поскольку в статье сказано «могут быть признаны». Реализация же данного права предполагает наличие дополнительного повода — ходатайства, заявленного министром юстиции или Генпрокурором; при этом в любом случае обязательно соблюдение названных условий.

Как видим, зарубежное уголовное законодательство предоставляет немало образцов более обстоятельного, чем в отечественном уголовном законе, отношения к регламентации вопросов, касающихся влияния судимости иностранного происхождения на уголовно-правовые отношения, складывающиеся у лица с российским государством. И этот правотворческий опыт нуждается в тщательном осмыслении. В какой мере он может быть внедрен в отечественное уголовное законодательство, будет зависеть от всесторонней оценки возможных благ и рисков для действующего механизма уголовно-правового регулирования, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, с одной стороны, и обеспечения безопасности общества и государства через предупреждение преступлений — с другой. В то же время абсолютно неприемлемым представляется вариант сохранения того правового вакуума относительно решения рассматриваемого вопроса, который имеется сейчас в действующем УК РФ. Это было бы неверно как с позиции необходимости обеспечения законности и правопорядка в стране, так и с точки зрения важности наращивания международного сотрудничества в противодействии преступности, в которой все больше и больше разрастается транснациональный сегмент.

На наш взгляд, в целях реализации принципиальных положений уголовного закона в УК РФ следует не только предусмотреть как таковую

возможность учета судимости зарубежного происхождения при реализации и обосновании уголовной ответственности лица за новое преступление, совершенное им на территории России, но и определить пределы такого учета. Установление последних должно как минимум обеспечить соблюдение следующих условий. Во-первых, учитываться могут только судимости за те деяния, которые также признаны преступными российским уголовным законом. Во-вторых, в государстве, от имени которого вынесен обвинительный приговор, образующий судимость, должно иметь место понимание данного феномена, сходное тому, которое существует в Российской Федерации. А это значит, что она [судимость] должна и там трактоваться как срочное правовое состояние субъекта, порожденное фактом его осуждения за преступление с назначением наказания, и влекущее определенные предусмотренные законом последствия. Соответственно и приниматься во внимание могут лишь те иностранные судимости, которые не были прекращены. В-третьих, выполнение названных требований содержательного характера должно быть подкреплено соблюдением такого формального условия, как наличие у России с государством, на территории которого состоялось осуждение лица, в результате чего у последнего появилась судимость, международного соглашения о признании уголовно-правовых последствий приговора на своей территории. Именно такого рода соглашениями целесообразно определять конкретные направления влияния судимости, возникшей за пределами Российской Федерации, на правовое положение субъекта в России.

Что касается российского уголовного закона, то в его Общей части следует разместить норму бланкетного характера примерно со следующим содержанием: «Правовое значение судимости и иных последствий осуждения лица иностранным судом за преступление против интересов, охраняемых настоящим Кодексом, определяется международными договорами Российской Федерации». Мы полагаем, что целесообразно расположить подобную норму в отдельной статье, примыкающей к положениям ст. 86 УК РФ.

Обобщим наши рассуждения и сформулируем следующие выводы.

1. Поскольку судимость представляет собою особый юридический факт, определяющий правовую связь осужденного к наказанию субъекта с государством, от имени которого вынесен обвинительный приговор, на иностранную судимость не могут быть механически распространены поло-

жения ст. 86 УК РФ. Норма же, позволяющая российскому правоприменителю давать уголовно-правовую оценку содеянному лицом на территории России и ему самому с учетом судимости зарубежного происхождения, в УК РФ отсутствует. В подобных условиях принятие во внимание таких судимостей на практике становится исключительным явлением, что следует признать соответствующим принципу законности, предписывающему среди прочего определять правовые последствия преступления в пределах, очерченных уголовным законом.

2. Отсутствие прочной правовой основы для учета судимости иностранного происхождения в отечественной судебной практике, однако, небезобидно. Оно является существенным препятствием для реализации Россией принятых ею на себя международных обязательств, в частности вытекающих из Минской конвенции 1993 г., а также для наращивания международного сотрудничества в сфере противодействия преступности, транснациональная составляющая которой приобретает

все более и более угрожающие масштабы, и всесторонней оценки личности виновного. В связи с этим, а равно принимая во внимание правотворческий опыт тех государств, которые проявили более обстоятельное, чем Российской Федерации, отношение к регламентации вопросов, которые касаются влияния судимости иностранного происхождения на уголовно-правовые отношения, складывающиеся у лица с данными государствами, считаем закрепление в Уголовном кодексе России соответствующей специальной нормы настоятельной потребностью. Мы при этом полагаем, что указанная норма должна быть расположена в отдельной статье, примыкающей к ст. 86 УК РФ. А ее содержание может быть, например, сформулировано таким образом: «Правовое значение судимости и иных последствий осуждения лица судом другого государства за преступления против интересов, охраняемых настоящим Кодексом, определяется международными договорами Российской Федерации».

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Ответ адвоката Анатолия Антонова // Адвокатское бюро «Антонов и партнеры»: офиц. сайт. URL: <https://pravo163.ru/mozhet-li-sudimost-v-stranax-sodruzhestva-nezavisimyx-gosudarstv-byt-uchtena-v-rossijskoj-federacii> (дата обращения: 03.09.2021).

3. Преступление и наказание. Т. 1 / [Голик Ю. В. и др.] // Полный курс уголовного права: в 5 т. / [Бойцов А. И. и др.]; под ред. А. И. Коробеева. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2008. 1133 с.

4. Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань: Таглитат ИЭУП, 2006. 140 с.

5. Артеменко Н. В., Шимбарева, Н. Г. Назначение наказания по уголовному законодательству России и Украины: сравнительный анализ и практические рекомендации // Уголовное право. 2014. № 4. С. 4—10.

6. Габдрахманов Ф. В. Может ли судимость в странах Содружества Независимых Государств быть учтена в Российской Федерации? // Евразийский юридический журнал. 2014. № 8 (75). С. 66—67.

7. Богомолов С. Ю. Ответственность за финан-

1. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ on 13 June 1996 (as amended on 1 July 2021). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

2. Answer of attorney Anatoly Antonov. In: Antonov & Partners Law Office. Official website. Available from: <https://pravo163.ru/mozhet-li-sudimost-v-stranax-sodruzhestva-nezavisimyx-gosudarstv-byt-uchtena-v-rossijskoj-federacii>. Accessed: 3 September 2021 (in Russian).

3. Golik Yu. V. (et al.) Crime and Punishment. Vol. 1. In: Boytsov A. I. (et al.) Full course of criminal law. In 5 vol. Ed. A. I. Korobeeva. Saint Petersburg: Juridical Center Press; 2008: 1133 (in Russian).

4. Malkov V. P. The plurality of crimes: essence, types, legal significance. Kazan: Taglimat IEUP; 2006: 140 (in Russian).

5. Artemenko N. V., Shimbareva N. G. Imposition of punishment under the criminal legislation of Russia and Ukraine: comparative analysis and practical recommendations. Criminal law, 4—10, 2014 (in Russian).

6. Gabdrakhmanov F. V. Can conviction in the countries of the Commonwealth of Independent States be taken into account in the Russian Federation? Eurasian Law Journal, 66—67, 2014 (in Russian).

7. Bogomolov S. Yu. Responsibility for the financing of terrorism: criminal law and criminological

сирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование: монография / под ред. А. В. Петрянина. Москва: Проспект, 2018. 256 с.

8. Петрянин А. В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Нижний Новгород, 2015. 54 с.

9. Щепельков В. Ф. Уголовный закон как формально-логическая система: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Санкт-Петербург, 2003. 484 с.

10. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, от 22 января 1993 г.) (с изм. от 28.03.1997). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О практике назначения судами видов исправительных учреждений: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2001 г. № 14 (утратило силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 1995 г. № 5 (с изм. и доп.) (утратило силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя: федер. закон от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 марта 2002 г. № 30-О01-10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2011 г. № 48-О11-85. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2016 г. № 4-АПУ16-51СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

research. Monograph. Ed. A. V. Petryanin. Moscow: Prospect; 2018: 256 (in Russian).

8. Petryanin A. V. Conceptual foundations of countering extremist crimes: theoretical and applied research. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences: 12.00.08. Nizhny Novgorod; 2015: 54 (in Russian).

9. Shchepelkov V. F. Criminal law as a formal logical system. Dissertation of doctor of juridical sciences: 12.00.08. Saint Petersburg; 2003: 484 (in Russian).

10. Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (Minsk, 22 January 1993) (as amended on 28 March 1997). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 14 on 12 November 2001 (invalidated). "On the practice of appointing the types of correctional institutions by the courts". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5 on 25 April 1995 (with amendments and additions) (invalidated). "On some issues of the application by courts of legislation on liability for crimes against property". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 9 on 29 May 2014. "On the practice of appointing and changing the types of correctional institutions by the courts". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

14. Federal Law No. 91-FZ on 5 May 2014. "On the application of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the territories of the Republic of Crimea and Sevastopol city with federal status". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

15. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 30-O01-10 on 27 March 2002. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

16. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48-O11-85 on 13 September 2011. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

17. Appellate ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4-APU16-51SP on 16 November 2016. Available from: reference and legal

18. Определение суда кассационной инстанции Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября 2016 г. № 127-УДп16-13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 января 2019 г. № 127-АПУ18-13сп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. Перечень Международных договоров Российской Федерации по вопросам правовой помощи и правовых отношений по гражданским, семейным, уголовным и иным делам // Министерство юстиции Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://minjust.ru/ru/perechen-mezhdunarodnyh-dogovorov-rossiyskoj-federacii-po-voprosam-pravovoy-pomoshchi-i-pravovyh-28> (дата обращения: 04.09.2021).

21. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III (с изм. и доп. по сост. на 21.07.2021) // ПАРАГРАФ-WWW: информ. система. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109#pos=8;-155 (дата обращения: 05.09.2021).

22. Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 г. № 3Р-528 (с изм. и доп. по сост. 20.08.2021) // ПАРАГРАФ-WWW: информ. система. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7472 (дата обращения: 05.09.2021).

23. Уголовный Кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (с изм. и доп. по сост. на 26.05.2021) // ПАРАГРАФ-WWW: информ. система. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 19.09.2021).

24. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изм. и доп. по сост. на 02.07.2021) // ПАРАГРАФ-WWW: информ. система. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=627;-24 (дата обращения: 19.09.2021).

25. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изм. и доп. по сост. на 23.04.2021) // ПАРАГРАФ-WWW: информ. система. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923#pos=3;-47 (дата обращения: 19.09.2021).

26. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII) (с изм. и доп. по сост. на 02.09.2021) // ПАРАГРАФ-WWW: информ. система. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110#pos=6;-155 (дата обращения: 19.09.2021).

27. Общегражданский уголовный кодекс Норвегии: принят 22 мая 1902 г. (с изм. от 12.02.2018) //

system "ConsultantPlus" (in Russian).

18. Ruling of the cassation court of the Supreme Court of the Russian Federation No. 127-UDp16-13 on 25 October 2016. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

19. Appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 127-APU18-13sp on 15 January 2019. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

20. The list of international treaties of the Russian Federation on legal assistance and legal relations in civil, family, criminal and other matters. In: Ministry of Justice of the Russian Federation. Official website. Available from: <https://minjust.ru/ru/perechen-mezhdunarodnyh-dogovorov-rossiyskoj-federacii-po-voprosam-pravovoy-pomoshchi-i-pravovyh-28>. Accessed: 4 September 2021 (in Russian).

21. Criminal Code of Ukraine No. 2341-III on 5 April 2001 (with amendments and additions as of 21.07.2021). In: PARAGRAPH-WWW. Information system. Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109#pos=8;-155 Accessed: 5 September 2021 (in Russian).

22. Criminal Code of the Republic of Armenia No. 3P-528 on 29 April 2003 (with amendments and additions on 20 August 2021). In: PARAGRAPH-WWW. Information system. Available from: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7472. Accessed: 5 September 2021 (in Russian).

23. Criminal Code of the Republic of Belarus No. 275-3 on 9 July 1999 (with amendments and additions on 26 May 2021). In: PARAGRAPH-WWW. Information system. Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984. Accessed: 19 September 2021 (in Russian).

24. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan No. 226-V on 3 July 2014 (with amendments and additions on 2 July 2021). In: PARAGRAPH-WWW. Information system. Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=627;-24. Accessed: 19.09.2021 (in Russian).

25. Criminal Code of the Republic of Moldova No. 985-XV on 18 April 2002 (with amendments and additions on 23 April 2021). In: PARAGRAPH-WWW. Information system. Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923#pos=3;-47. Accessed: 19 September 2021 (in Russian).

26. Criminal Code of the Republic of Uzbekistan (approved by the Law of the Republic of Uzbekistan No. 2012-XII on 22 September 1994) (with amendments and additions on 2 September 2021). In: PARAGRAPH-WWW. Information system.

NORGE.RU: интернет-сайт. URL: <http://www.norge.ru/streffelov/> (дата обращения: 19.09.2021).

28. Уголовный кодекс Испании. Установлен Органическим законом 10/1995 от 23 ноября 1995 г. (с изм. от 10.03.2019) // Narod.ru: интернет-сайт. URL: http://artlibrary2019.narod.ru/kodeks/ispanii_uk.doc (дата обращения: 20.09.2021).

29. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изм. и доп. по сост. на 20.04.2021) // ПАРАГРАФ-WWW: информ. система. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&doc_id2=30397325#activate_doc=2&pos=14;-108&pos2=181;-108 (дата обращения: 20.09.2021).

30. Уголовный кодекс Чешской Республики № 140 от 28.11.1961 г. (с изм., внесенными в соответствии с Законом № 114/2020) // WIPO: информ. портал. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/492128> (дата обращения: 20.09.2021).

31. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV (с изм. и доп. по сост. на 12.02.2021) // ПАРАГРАФ-WWW: информ. система. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729&doc_id2=30397729#pos=8;-108&pos2=5613;-98 (дата обращения: 20.09.2021).

© Лобанова Л. В., Малимонова М. А., 2021

Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110#pos=6;-155. Accessed: 19 September 2021 (in Russian).

27. General civil penal code of Norway. Adopted on 22 May 1902 (as amended on 12 February 2018). In: NORGE.RU. Website. Available from: <http://www.norge.ru/streffelov/>. Accessed: 19 September 2021 (in Russian).

28. Criminal Code of Spain. Established by Organic Law 10/1995 on 23 November 1995 (as amended on 10 March 2019). In: Narod.ru. Website. Available from: http://artlibrary2019.narod.ru/kodeks/ispanii_uk.doc. Accessed: 20 September 2021 (in Russian).

29. Criminal Code of the Republic of Tajikistan No. 574 on 21 May 1998 (with amendments and additions on 20 April 2021). In: PARAGRAPH-WWW. Information system. Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325&doc_id2=30397325#activate_doc=2&pos=14;-108&pos2=181;-108. Accessed: 20 September 2021 (in Russian).

30. Criminal Code of the Czech Republic No. 140 on 28 November 1961 (as amended in accordance with Law No. 114/2020). In: WIPO. Information portal. Available from: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/492128>. Accessed: 20 September 2021 (in Czech).

31. Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova No. 122-XV on 14 March 2003 (with amendments and additions on 12 February 2021). In: PARAGRAPH-WWW. Information system. Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729&doc_id2=30397729#pos=8;-108&pos2=5613;-98. Accessed: 20 September 2021 (in Russian).

© Lobanova L. V., Malimonova M. A., 2021

Лобанова Любовь Валентиновна,
заведующая кафедрой уголовного права
Волгоградского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: lobanova@volsu.ru

Малимонова Мария Андреевна,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
Волгоградского государственного университета;
e-mail: malimonova@volsu.ru

Lobanova Lyubov Valentinovna,
head of the department of criminal law
of the Volgograd State University,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: lobanova@volsu.ru

Malimonova Maria Andreevna,
senior lecturer at the department of criminal law
of the Volgograd State University;
e-mail: malimonova@volsu.ru

УДК 343.8
ББК 67.409.11
doi: 10.25724/VAMVD.XIJK

В. И. Третьяков, О. В. Стрилец

**ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
МЕХАНИЗМА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ,
НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОСУЖДЕННОГО ОТ ОБЩЕСТВА**

В статье рассматриваются отдельные вопросы механизма исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

Процесс совершенствования российской государственности неизменно связан с реформированием законодательства. Трансформация закона, как правило, затрагивает вопросы регламентации наказания — неотъемлемого элемента уголовного права и основного инструмента борьбы с преступностью. В связи с этим особое внимание уделяется проблемам законодательного закрепления порядка исполнения и условий отбывания отдельных видов наказания.

Приоритетным направлением современной уголовной политики является ее гуманизация. Реализация данного направления, прежде всего, предусматривает сокращение применения наказаний, связанных с изоляцией от общества, и увеличение объема назначения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Авторы статьи решают вопрос о действенности современного механизма исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества; обосновывают, что данный механизм должен быть обусловлен общей схемой; высказывают соображение о месте норм, регулирующих исполнение наказания в виде принудительных работ, в системе уголовно-исполнительного законодательства.

Целью статьи является исследование теоретических и практических проблем механизма исполнения и отбывания отдельных видов наказаний, а также определение путей их решения.

Ключевые слова: наказание, законодательство, осужденные, система, механизм, изоляция, порядок, условия, исполнение, отбывание, ответственность.

V. I. Tretyakov, O. V. Strilets

**PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION
OF THE MECHANISM OF PUNISHMENT EXECUTION
NOT RELATED TO ISOLATION OF THE CONVICTED PERSON
FROM SOCIETY**

This article deals with certain issues of the punishment execution mechanism that are not related to isolation of the convicted person from society.

The process of improving the Russian statehood is invariably associated with the legislation reforming. The transformation of the law, as a rule, touches upon the issues of punishment regulation — an integral element of criminal law and the main tool in the fight against crime. In this regard, special attention is paid to the problems of legislative consolidation of the order of execution and conditions for serving certain types of punishment.

The priority direction of modern criminal policy is its humanization. The implementation of this direction, first of all, provides for a reduction in the use of punishments associated with isolation from society and an increase in the scope of sentencing not related to isolation from society. The authors of the article address the issue of the effectiveness of the modern mechanism for the execution of punishments that are not related to the isolation of the convicted person from society. The position stating that this mechanism should be subject to the general scheme is substantiated. An idea is expressed about the place of the norms regulating the execution of punishment in the form of penal labor in the system of criminal and executive legislation.

The purpose of the article is to study theoretical and practical problems of the mechanism of execution and serving of certain types of punishment, as well as to determine ways to solve them.

Key words: punishment, legislation, convicts, system, mechanism, isolation, order, conditions, execution, serving, responsibility.

Важной вехой в развитии российской правовой доктрины является факт принятия в 1996 г. Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ). Возникновение этого нормативного акта предопределили обстоятельства реформирования в начале 90-х гг. прошлого столетия всей пенитенциарной системы нашего государства. В отличие от своих предшественников данный правовой акт регламентирует, наряду с общими вопросами уголовно-исполнительного законодательства, механизм исполнения всех видов наказания, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ).

Учитывая структурное содержание УИК РФ, отметим, что современное пенитенциарное законодательство разделяет систему наказаний, получившую закрепление в ст. 44 УК РФ, на наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, и наказания, связанные с изоляцией осужденного от общества.

Первой группе наказаний законодатель, используя своеобразный подход, посвятил раздел второй УИК РФ — раздел начинается с вопросов исполнения наказания в виде обязательных работ, между тем систему наказаний в соответствии с уголовным законодательством открывает наказание в виде штрафа. Особенностью этих наказаний является отсутствие полной изоляции от общества при их исполнении и отбывании.

При всех плюсах современного российского пенитенциарного права и по истечении почти двадцатипятилетнего периода существования УИК РФ наблюдается картина постоянного внесения изменений в его содержание. Как справедливо отмечает А. Я. Гришко, «конкретные предложения по совершенствованию тех или иных его норм приводят к выводу, что требуется не его „латание“, а создание совершенно нового кодекса» [1].

Незавершенность кодификации уголовно-исполнительного законодательства, прежде всего, связана с отсутствием единого подхода к регулированию сходных общественных отношений [2, с. 26—27], что наглядно проиллюстрировано в положениях, регулирующих механизм исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

В нормы гл. 2 УИК РФ было внесено свыше 100 поправок, обусловленных как изменениями уголовного законодательства, так и социально-экономическими факторами развития государства.

Вместе с тем в современных реалиях проблемы, связанные с порядком и условиями исполнения исследуемых наказаний, не нашли своего решения.

Во-первых, отсутствует единый механизм исполнения и отбывания отдельных видов наказаний.

Во-вторых, обнаруживается несогласованность норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства [3].

Наличие указанных негативных факторов, присутствующих нашему законодательству, подтверждает и системный анализ норм УК РФ и УИК РФ, регламентирующих отдельные виды наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

Рассматривая штраф как вид наказания за преступление и решая вопрос о предоставлении осужденному рассрочки по его уплате, законодатель в уголовном законе обращает внимание правоприменителя на тяжесть совершенного общественно опасного деяния, имущественное и материальное положение осужденного и членов его семьи (ч. 3 ст. 46 УК РФ), а в УИК РФ во главу угла ставится возможность уплаты штрафа единовременно (ч. 2 ст. 31 УИК РФ).

Так, в приговоре Шимановского районного суда Амурской области установлено: принимая во внимание обстоятельства настоящего дела, данные о личности М., материальное положение последнего, наличие у него постоянного места работы, отсутствие иждивенцев, суд считает необходимым назначить М. предусмотренный санкцией ч. 2 ст. 228 УК РФ дополнительный вид наказания в виде штрафа, при этом, учитывая размер заработной платы, суд не находит оснований для рассрочки выплаты штрафа [4].

Исполнению штрафа посвящена гл. 5 УИК РФ, которая содержит две статьи, определяющие порядок его исполнения и злостность уклонения от уплаты. Между тем нормы ст. 32 УИК РФ, определяющие порядок замены штрафа при злостном уклонении, носят ссылочный и бланкетный характер, что затрудняет процесс их применения.

Как отмечалось ранее, раздел второй УИК РФ открывают нормы, посвященные процедуре исполнения обязательных работ. На первоначальном этапе применения данного наказания возникали сложности, носящие как правовой, так и экономический характер. В нашей стране наказание начало назначаться судами только с 2005 г. Одновременно с этим положения ч. 1 ст. 25 УИК РФ, до внесения в нее изменений в 2006 г. Федеральным законом

№ 273-ФЗ, затрудняли процесс исполнения обязательных работ, и это обстоятельство было связано с определением их вида и объектов, на которых они должны отбываться.

Регламентируя это наказание, законодатель также не обошелся без использования разной терминологии при освещении единых вопросов. Так, при определении времени отбывания в УК РФ закреплено «не свыше четырех часов в день» (ч. 2 ст. 49 УК РФ), а в УИК РФ — «не может превышать четырех часов» (ч. 2 ст. 27 УИК РФ).

По логике, законодатель, открывая Особенную часть УИК РФ обязательными работами, должен был четко предоставить правоприменителю единую схему исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. В. И. Селиверстов вполне оправданно считает, что в эту схему должны входить: «порядок и условия исполнения конкретного вида наказания; обязанности и права осужденных, обязанности и права администрации учреждений и органов, исполняющих наказания; применение средств исправления осужденных и меры обеспечения их реализации» [5, с. 129].

В главе четвертой УИК РФ в целом нашли отражение основные позиции представленной схемы, в ней получили закрепление нормы, регулирующие порядок и условия исполнения и отбывания наказания (ст. 25, 26 УИК РФ); исчисление срока наказания (ст. 27 УИК РФ); обязанности организации, где отбывается наказание (ст. 28 УИК РФ); ответственность осужденных (ст. 29 УИК РФ); злостность их уклонения от отбывания (ст. 30 УИК РФ). Не вдаваясь в подробный анализ нормы гл. 4 УИК РФ (безусловно, это предмет другого исследования), отметим, что представленный законодателем механизм исполнения обязательных работ вызывает определенные трудности у правоприменителя при реализации основной цели уголовно-исполнительного законодательства — исправление осужденных.

В главе шестой УИК РФ, регулирующей исполнение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, законодатель при всей специфике этого наказания, в основном, придерживается схемы, представленной в обязательных работах. Однако вопрос об обязанностях осужденного к указанному наказанию регламентируется отдельной статьей (ст. 37 УИК РФ), в отличие от обязательных работ, в которых обязанности осужденного вошли в условия исполнения и отбывания наказания (ч. 1 ст. 26 УИК РФ).

В пенитенциарном законодательстве России институт исправительных работ имеет глубокие исторические корни. Первые упоминания о сущности наказания и порядке его исполнения получили закрепление еще в правовых актах XVI—XVII вв. (к примеру, ст. 266 гл. X Соборного уложения 1649 г.). Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1970 г. также содержал нормы, которые определяли порядок исполнения исправительных работ.

Современное уголовное и уголовно-исполнительное законодательство в исходной редакции предусматривало классическое отбывание исправительных работ по месту работы осужденных. В 2003 г. произошло коренное преобразование, и данное наказание назначалось только лицам, которые не имели основного места работы. Такой подход существенно нарушал требования принципа равенства. Назначение наказания ставилось в прямую зависимость от трудоустройства осужденного, была изменена историческая сущность наказания.

В действующих редакциях ст. 50 УК РФ и 39 УИК РФ исправительные работы назначаются как трудоустроенным осужденным, так и не имеющим основного места работы. При этом для последней категории законом установлено обязательное требование, чтобы место этой работы находилось в районе его места жительства. Отметим, что такое условие законодателя также не вполне соответствует принципу равенства перед законом (ст. 4 УК РФ и ст. 8 УИК РФ). В условиях пандемического кризиса уровень безработицы в стране существенно вырос и нередко выполнить это требование просто невозможно.

Кроме того, вызывает сомнения вопрос об указании в приговоре суда конкретного места отбывания наказания. В частности, суд апелляционной инстанции находит приговор подлежащим изменению в связи с необоснованным указанием суда при назначении наказания по ч. 2 ст. 69 УК РФ на отбывание исправительных работ в местах, определяемых органом местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией (далее — УИИ), но в районе места жительства осужденного. По смыслу закона указание в приговоре места отбывания осужденным исправительных работ (по основному месту работы либо в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с УИИ, но в районе места жительства осужденного) не требуется, место отбывания определяется УИИ при исполнении приговора в зависимости от наличия или отсутствия у лица основного места работы [6].

Вместе с тем, если осужденный уволен с основного места работы после вступления приговора в законную силу, но до явки в УИИ и постановления на учет, тогда он, по мнению законодателя, обязан вновь устроиться в данную организацию, или отбывание наказания будет противоречить требованиям приговора суда. Сложности также возникают и при исполнении исправительных работ, когда осужденный не может осуществлять трудовую деятельность по основному месту работы в связи с особенностями профессиональной деятельности (в связи с осуждением сотрудника органов внутренних дел за преступление) или утраты права на занятие такой деятельностью (наличие судимости).

Закрепление территориального принципа при назначении исправительных работ существенно снижает эффективность такого вида наказания.

Глава седьмая УИК РФ после ряда изменений и исключения норм об обязанностях (запретах) осужденных, а также мерах поощрения, применяемых к ним, закрепила следующие положения: порядок и условия отбывания наказания (ст. 39, 40 УИК РФ); исчисление срока (ст. 42 УИК РФ); обязанности администрации организаций, где работают осужденные (ст. 34 УИК РФ); порядок производства удержаний из их заработка (ст. 44 УИК РФ); ответственность за нарушение порядка и за злостное уклонение от отбывания наказания (ст. 46 УИК РФ).

При сравнении представленной схемы исполнения исправительных работ, к примеру, с обязательными работами видно их несовпадение при регулировке сходных вопросов. Так, в гл. 7 УИК РФ вопросы ответственности осужденных и злостного уклонения от отбывания объединены в одну статью (ст. 46 УИК РФ).

Обязанности осужденных так же, как и в обязательных работах, находят свое отражение в условиях отбывания (ст. 40 УК РФ). Между тем обязанности, закрепленные в ч. 1 ст. 40 УИК РФ, полностью дублируют положения об основных обязанностях осужденных (ст. 11 УИК РФ) без учета специфики этого наказания.

В 2009 г. Федеральный закон № 377-ФЗ, сохранив ранее существовавшее название — ограничение свободы, наполнил его новой содержательной составляющей. В соответствии со ст. 53 УК РФ сущность ограничения свободы как вида наказания заключается в наложении на лицо, признанное по приговору суда виновным, комплекса ограничений. Одновременно с этим ряд ограничений, которые устанавливаются судом, носят обязательный характер, к ним относятся: запрет на изме-

нение места жительства или пребывания без согласия УИИ и запрет на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования. Обязательным для осужденного также является требование суда о явке в УИИ от одного до четырех раз в месяц.

Суд вправе самостоятельно определять объем ограничений, за исключением тех, которые носят обязательный характер. Так, в апелляционном постановлении Ярославского областного суда установлено: при назначении М. наказания в виде ограничения свободы за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 166 УК РФ, суд не возложил на осужденного обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, для регистрации, что является обязательным. Постановил: приговор Тутавского городского суда Ярославской области от 9 февраля 2021 г. в отношении М. изменить при назначении наказания по ч. 1 ст. 166 УК РФ возложить обязанность являться один раз в месяц для регистрации в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы [7].

Особенности исполнения наказания в виде ограничения свободы реализуются законодателем в гл. 8 УИК РФ. Впервые в самостоятельных статьях закрепляются нормы, регулирующие меры поощрения (ст. 57 УИК РФ); порядок применения этих мер и взысканий (ст. 59 УИК РФ); надзор за осужденными к данному виду наказания (ст. 60 УИК РФ). Однако в указанной главе отсутствует статья, имеющая название «Условия отбывания наказания». Нормы, регулирующие условия отбывания наказания, бесспорно, присутствуют, законодателем они сведены в ст. 50 УИК РФ, которая, судя по названию, определяет порядок отбывания. Меры взыскания, применяемые к осужденным, как и в наказании в виде исправительных работ, сведены в статью об ответственности за нарушение порядка и условий отбывания наказания (ст. 58 УИК РФ). В нормах гл. 8 УИК РФ также не нашел отражения вопрос о замене ограничения свободы принудительными работами, что напрямую противоречит требованиям ч. 5 ст. 53 УК РФ.

Безусловно, этот вид наказания в системе наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, занимает особое место, вместе с тем механизм его исполнения должен быть подчинен общей схеме.

Российский законодатель относит принудительные работы к основным видам наказаний. Кроме того, в ст. 53.1 УК РФ, где раскрывается содержание наказания, устанавливается альтернативный характер их применения. Часть вторая данной статьи регламентирует процедуру назначения наказания, в которой и обуславливается отсутствие самостоятельности принудительных работ как вида наказания. В соответствии с конструкцией этой нормы суд приходит к выводу, что за виновно совершенное общественно опасное деяние преступник заслуживает назначения наказания в виде лишения свободы с учетом требований ст. 60 УК РФ, т. е. цели наказания могут быть достигнуты. В то же время, определяя приоритетной целью только исправление осужденного, суд сразу же отказывается от вывода о лишении свободы как наказания за совершенное преступление и заменяет его принудительными работами.

Механизм исполнения принудительных работ существенно отличается от ранее рассмотренных наказаний, причина этого — в самой сущности принудительных работ. В главе 8.1 УИК РФ закреплены нормы о местах отбывания; о регулировании порядка направления к месту отбывания; о исчислении сроков; о порядке отбывания; о материально-бытовом и медико-санитарном обеспечении; о труде осужденных; об обязанностях администрации организаций, где они работают; о воспитательной работе; и иные нормы, регулирующие исполнения наказания. Даже этот неполный перечень обнаруживает разность подхода законодателя к определению схемы исполнения наказания в виде принудительных работ и других видов наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

Вполне справедлив вопрос о месте данного наказания в системе наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества [8]. Элементы механизма исполнения, а также содержание норм, регулирующих порядок и условия отбывания наказания, подчеркивают обособленность принудительных работ в этой системе.

Не оспариваем мнение о том, что содержание обусловленного вида наказания, порядок и условия его отбывания не предусматривает требование об изоляции осужденных от общества. Отметим, что его исполнение связано с определенными ограничениями прав личности. Во-первых, права на свободу передвижения, права выбирать место пребывания и жительства (ст. 27 Конституции Рос-

сийской Федерации), при отбывании наказания в соответствии с требованиями п. «в» ч. 2. ст. 60.4 УИК РФ осужденные обязаны находиться в пределах территории исправительного центра (далее — ИЦ). Во-вторых, права на свободный труд (ст. 37 Конституции Российской Федерации), труд — это обязанность осужденных, при этом они могут осуществлять трудовую деятельность только в местах, которые им определит администрация ИЦ (ч. 1. ст. 60.7 УИК РФ). В-третьих, права на образование (ст. 43 Конституции Российской Федерации), осужденным разрешается получать образование в пределах территории муниципального образования, где находится ИЦ. Бесспорно, процесс исполнения этого наказания характеризуется индивидуальными свойствами, присущими только данному наказанию.

Таким образом, принудительные работы занимают особое место в системе наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, со своей спецификой регламентации порядка и условий отбывания. В связи с этим целесообразно закрепить нормы, регулирующие исполнение наказания в виде принудительных работ, в самостоятельном разделе УИК РФ.

При всех особенностях исследуемых видов наказания законодательный механизм их исполнения должен быть обусловлен общей схемой, которая должна в полной мере отвечать целям и задачам уголовно-исполнительного законодательства. К основным составляющим этой схемы можно отнести: порядок исполнения наказания; условия отбывания наказания; исчисление срока наказания; обязанности осужденных к конкретному виду наказания; обязанности администрации учреждений и органов, исполняющих наказание; воспитательная работа с осужденными; меры поощрения, применяемые к осужденным; меры взыскания, применяемые к осужденным; порядок применения мер поощрения и взыскания к осужденным; ответственность осужденных; злостное уклонение от отбывания наказания; надзор за отбыванием осужденными наказания. Объем норм, регулирующих механизм законодательной регламентации исполнения наказания, должен зависеть от его вида.

В заключение отметим, что такой подход позволит в полной мере назначать все наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, и добиться эффективности их исполнения и отбывания.

1. Гришко А. Я. Уголовно-исполнительный закон: декларации и реалии, необходимость в обновлении // Омбудсмен. 2014. № 2. С. 4—9.

2. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Селиверстова. Москва: Юриспруденция, 2016. 80 с.

3. Третьяков В. И., Стрилец О. В. Пенитенциарное законодательство России: история и современность // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4. С. 80—85.

4. Приговор № 1-59/2021 от 22 марта 2021 г. по делу № 1-59/2021 Шимановского районного суда (Амурская область) // База данных судебных решений «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ZorJpZzdVH6n/> (дата обращения: 02.10.2021).

5. Российское уголовно-исполнительное право. В 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник / Ю. А. Кашуба, В. Б. Малинин, В. Н. Орлов [и др.]; под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. Москва: МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2010. 344 с.

6. Апелляционное постановление № 22-5654/2020 от 5 ноября 2020 г. по делу № 1-548/2020 Ставропольского краевого суда (Ставропольский край) // База данных судебных решений «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/L7XFQxh14vx/> (дата обращения: 03.10.2021).

7. Апелляционное постановление № 22-590/2021 от 13 апреля 2021 г. по делу № 1-42/2021 Ярославского областного суда (Ярославская область) // База данных судебных решений «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/s7eHWgo072mq/> (дата обращения: 03.10.2021).

8. Лапшин В. Ф. Принудительные работы как вид «внесистемного» уголовного наказания // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 55—67.

© Третьяков В. И., Стрилец О. В., 2021

Третьяков Владимир Иванович,
начальник Волгоградской академии
МВД России,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

1. Grishko A. Ya. Criminal executive law: declarations and realities, renovation needs. Ombudsman, 4—9, 2014 (in Russian).

2. General part of the new Criminal executive code of the Russian Federation: the results of theoretical modeling. Ed. by doctor of juridical sciences, professor V. I. Seliverstov. Moscow: Jurisprudence; 2016: 80 (in Russian).

3. Tretyakov V. I., Strilets O. V. Penitentiary legislation of Russia: history and modernity. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 80—85, 2020 (in Russian).

4. Verdict No. 1-59/2021 on 22 March 2021, case No. 1-59/2021 of Shimanovsky District Court (Amur Region). In: Database of court decisions "Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation". Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/ZorJpZzdVH6n/>. Accessed: 2 October 2021 (in Russian).

5. Kashuba Yu. A., Malinin V. B., Orlov V. N. (et al.) Russian criminal and penal law. In 2 vol. Vol. 1 General part. Textbook. Ed. by V. E. Eminova, V. N. Orlova. Moscow: Moscow State Law Academy named after O. E. Kutafin; 2010: 344 (in Russian).

6. Appellate ruling No. 22-5654/2020 on 5 November 2020 in case No. 1-548/2020 of Stavropol Regional Court (Stavropol Territory). In: Database of court decisions "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation". Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/L7XFQxh14vx/>. Accessed: 3 October 2021 (in Russian).

7. Appellate ruling No. 22-590/2021 on 13 April 2021 in case No. 1-42/2021 of Yaroslavl Regional Court (Yaroslavl Region). In: Database of court decisions "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation". Available from: <http://sudact.ru/regular/doc/s7eHWgo072mq/>. Accessed: 3 October 2021 (in Russian).

8. Lapshin V. F. Forced labor as a type of "out-of-system" criminal punishment. Journal of Russian law, 55—67, 2021 (in Russian).

© Tretyakov V. I., Strilets O. V., 2021

Tretyakov Vladimir Ivanovich,
head of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
honored lawyer of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Стрилец Олег Валентинович,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: oleg-strilez@rambler.ru

Strilets Oleg Valentinovich,
professor at the department of criminal law
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: oleg-strilez@rambler.ru

УДК 343.14
ББК 67.410.204
doi: 10.25724/VAMVD.XJKL

Г. К. Гаджимагомедов

**ДОКУМЕНТЫ-ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

Статья посвящена теоретическим проблемам понимания документальных доказательств в уголовном процессе. Автор считает, что формула «документы-доказательства» наиболее полно отражает сущность этого вида доказательств и отвечает нормативному подходу, используемому в отечественном и зарубежном праве. Изучение нормативного подхода к документам-доказательствам показало, что в нем выражена идея, свойственная общему понятию документа. Это идея «двойной свободы» документа — свободы формальной и содержательной. Законодательная техника воплощения этой идеи в уголовно-процессуальном законодательстве разных стран отличается незначительными нюансами. Нормативная регламентация документов-доказательств везде содержит два обязательных элемента: первый — закрепление относимости, второй — определение формы, создающей предпосылки для допустимости этого вида доказательств. Документы-доказательства и вещественные доказательства имеют схожую информационную природу. Общность заключается в том, что предметы и документы есть особые средства передачи информации. Первые запечатлевают в себе следы материи, а вторые — следы духа. На предметах хранятся следы физических действий, а документы сохраняют следы действий психических, т. е. запечатлевают человеческую мысль. Но при этом человек (автор) в документе отделяется от информации так же, как и человек, оставивший предметные следы, отделяется от вещи. Личная принадлежность вещи и документа важны, но значение личности для содержательной оценки информации не столь критично, чтобы привести к недопустимости данного вида доказательства.

Ключевые слова: документ, документы-доказательства, вещественные доказательства, письменные доказательства, информационный продукт.

G. K. Gadzhimagomedov

DOCUMENTS-EVIDENCE AS A SPECIFIC MEANS OF PROOF IN CRIMINAL CASES

The article is devoted to theoretical problems of understanding documentary evidence in criminal proceedings. The author believes that the formula "documents-evidences" most fully reflects the essence of this type of evidence and meets the normative approach used in domestic and foreign law. The study of the normative approach to documents and evidence has shown that it expresses the idea inherent in the General concept of a document. This is the idea of "double freedom" of the document — freedom of form and content. The legislative technique of implementing this idea in the criminal procedure codes of different countries differs only in small nuances. The style of normative description of documents-evidence everywhere includes two indispensable elements: the first element is fixing the relevance, the second-defining the form that creates prerequisites for the admissibility of this type of evidence. Evidence documents and physical evidence have a similar informational nature. The commonality is that objects and documents are special means of transmitting information. The first imprints traces of matter, and the second-traces of spirit. Objects contain traces of physical actions, and documents retain traces of mental actions, that is, they capture human thought. But at the same time, the person (author) in the document is separated from the information in the same way as the person who left object traces is separated from the thing. The personal identity of the item and document is important, but the value of the person for a meaningful assessment of information is not so critical as to lead to the inadmissibility of this type of evidence.

Key words: document, evidence documents, physical evidences, written evidences, information product.

Понятие «документов-доказательств» (именно в такой формулировке) в уголовно-процессуальной науке не относится к числу устоявшихся и общепринятых. Указанной формуле приходится отстаивать свое право на научную жизнь и статус в теории доказательств. Поддержкой и продвижением данной формулировки понятия документальных доказательств активно занимается научная школа, к которой принадлежит автор статьи.

Не все представители уголовно-процессуальной науки разделяют наш подход. Так, в одной из недавно защищенных диссертаций по поводу термина «документы-доказательства» был высказан прямой упрек нашему научному руководителю — профессору Е. А. Зайцевой. В. В. Долгаев, ссылаясь на учебник по уголовному процессу [1, с. 153], пишет: «Е. А. Зайцева называет „иные документы“ „документом-доказательством“, что не позволяет отличить его от других документов, являющихся доказательствами» [2, с. 93].

В силу понятных причин мы не можем оставить указанное заявление без внимания и комментариев. Начнем с того, что подобные упреки, по этике научной дискуссии, должны сопровождаться хотя бы минимальными аргументами. Однако конкретных доводов в поддержку своего критического заявления В. В. Долгаев не приводит, он просто констатирует (причем в подстрочнике) это обстоятельство. Впрочем, «терминологический скепсис» присущ указанному автору и в отношении других понятий, связанных с документами, вовлекаемыми в сферу доказывания. Недоволен он, в частности, и законодательной формулировкой «иные документы». Прочитав его соображения: «Отсутствие единства мнений о сущности иного документа как доказательства в уголовном судопроизводстве вызвано, как нам представляется, ущербностью самой формулировки „иной документ“ в п. 6 ч. 2 ст. 74 и ст. 84 УПК РФ» [2, с. 82].

Заметим, что В. В. Долгаев и в этом случае не приводит собственных обстоятельных претензий к термину «иные документы», да и заимствованных аргументов в его работе тоже не обнаруживается. Поэтому приходится только догадываться, в чем же, собственно, эта «ущербность», по невысказанному мнению автора, может выражаться. Одна из наших гипотез на сей счет заключается в том, что указанный критик термина «иные документы» констатировал ущербность на том основании, что не увидел соответствующей (буквально совпадающей) формулы в законодательстве близких нам по уголовно-процессуальной технологии стран (речь идет о некоторых бывших

советских республиках). К этому предположению нас подталкивает структура изложения, а именно абзацы диссертации, следующие за констатацией «ущербности» формулировок отечественного законодательства. В «топографическом» смысле вся аргументация В. В. Долгаева сводится к тому, что он перечисляет нормативные подходы к формулировкам, номинально обозначающим документальные доказательства в уголовно-процессуальных кодексах некоторых государств, образовавшихся на базе бывших республик СССР. Таким образом, читателю демонстрируется аргумент в стиле: «смотрите, у других не так, как у нас», причем это самое «не так» презентуется как бесспорный факт «ущербности» отечественного нормативного подхода.

Но в чем суть и, главное, сила этого «не так»? Вот это и есть основной вопрос, который опять же остается без ответа. Аргументы В. В. Долгаева (во всяком случае, отдельные из них) оказываются далеко не безупречными с точки зрения логики. Так, он пишет: «Если обратиться к УПК других государств, то, например, в УПК Республики Казахстан этот вид доказательства сформулирован просто как „документ“ (ст. 120 УПК РК), что значительно облегчает понимание этого вида доказательства» [2, с. 82].

Мягко говоря, перед нами очень странный довод. Метод сравнительного правоведения, успешность применения которого здесь пытается продемонстрировать В. В. Долгаев в плане упрека отечественному законодателю, в данном сюжете был бы полезен для констатации иного вывода. Дело в том, что подход казахстанского законодателя к документам-доказательствам ничем не отличается от установки отечественного законодателя, в том числе терминологически. Подчеркнем — ничем! Если бы В. В. Долгаев был более внимателен и корректен в анализе норм УПК Республики Казахстан (УПК РК), то он бы наверняка заметил, что в ст. 111 УПК РК, перечисляющей виды доказательств, этот вид доказательств называется не иначе, как «иные документы», а в ст. 120 УПК РК он именуется «документы». Точно такая же терминологическая схема применена и в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ): в ст. 74 УПК РФ законодатель использует термин «иные документы», а в ст. 84 УПК РФ — «документы». Так каким же образом, позвольте спросить В. В. Долгаева, нормативный подход к терминологическому обозначению документов-доказательств, примененный в Казахстане, облегчает ему понимание документальных доказательств,

а абсолютно идентичный подход, имеющийся в России, наоборот, затрудняет это понимание своей, используя опять же терминологию В. В. Долгаева, «ущербностью»?

Полагаем, что голословность и легковесность суждений, проявленные в данной ситуации, имели место и в случае неаргументированной критики понятия документов-доказательств, адресованной профессору Е. А. Зайцевой. Указанное понятие, на наш взгляд, не только имеет право на жизнь, но теоретически и практически очень актуально. По сути, именно это понятие — «документы-доказательства» — и закреплено в законе в заголовке ст. 84 УПК РФ. Волгоградская научная школа уголовного процесса просто интегрировала нормативный подход в систему понятий, задействованных для изучения сущности отдельных видов доказательств.

Однако, упрекая В. В. Долгаева в отсутствии доводов против применения в качестве эквивалента понятию «иные документы» понятия «документы-доказательства», мы должны тем самым взять на себя обязательство привести противоположные аргументы — в пользу понятия, используемого нашей научной школой.

И здесь мы опять вспомним В. В. Долгаева, но уже добрым словом. Критикуя исследователя, мы не можем отрицать того, что в целом его диссертация вносит свой научный вклад в осмысление документальных доказательств. Заметим также, что само предложение В. В. Долгаева по поводу того, что для понимания сущности этого доказательственного феномена следует обратить внимание на зарубежное законодательство, является методологически правильным. Компаративистский метод для решения этой задачи применять действительно стоит, ибо анализ нормативных подходов, сложившихся в странах, уголовно-процессуальное законодательство которых было долгие годы во многом схожим, указывает на наличие отдельных понятийных и терминологических нюансов, присутствующих в нормативных формулировках.

Впрочем, при оценке этих нюансов следует быть очень осторожными, поскольку доступные информационные базы не всегда снабжены официальными переводами, а в Интернете циркулируют разные варианты. Так, на разных сайтах мы можем обнаружить различающиеся версии перевода нормативного текста УПК Республики Армения (УПК РА). В одном варианте переводчик для обозначения документальных доказательств использует знакомый и привычный нам термин «иные документы» (ст. 104, 122) [3], а в другой

версии перевода появляются нюансы — в ст. 104 УПК РА указаны «прочие документы», а в ст. 122 УПК РА — «другие документы» [4]. С одной стороны, это как бы полноценные синонимы, но с другой — нельзя отрицать появление новых смысловых оттенков, дающих пищу для размышлений.

Впрочем, эта «пища для размышлений» неизбежно приводит к вопросу: а что нам, собственно, могут дать эти оттенки нормативных имен документальных доказательств? Смогут ли они сами по себе приблизить нас к сущности самого понятия документов-доказательств? К примеру, в УПК Азербайджана при перечислении видов доказательств, принимаемых в уголовном процессе, действительно используется словосочетание «другие документы» (ст. 124 п. 2.5 УПК), а в названии ст. 135 используется слово «документы». Но этот факт не доказывает никаких достижений законодательства этого государства, он лишь иллюстрирует сходство законодательной техники, применяемой в законодательстве России и Азербайджанской Республики, а также в уже упоминаемых ранее УПК республик Казахстана и Армении.

Обдумывая приведенные особенности законодательной техники, мы посчитали, что поиск нормативных оттенков имени мало что может дать для понимания сущности документальных доказательств, поскольку ключевой методологический элемент всех вариантов этого имени в большинстве нормативных актов, регламентирующих уголовное судопроизводство в странах, расположенных на постсоветском пространстве, является неизменным. Этот элемент и есть сам термин «документы». Несмотря на всю банальность и очевидность этого факта, нужно признать, что он крайне важен. Он демонстрирует и подчеркивает сложившееся концептуальное единство в понимании документальных доказательств, суть которого выражается в том, что документ-доказательство является неотъемлемым и важным элементом современной системы доказательств. И каким бы образом законодательство ни экспериментировало с этим видом доказательства, оно оставляло неприкосновенной его квинтэссенцию, вытекающую из сути понятия документа.

Об экспериментах, к слову, мы вспомнили совсем не случайно. Уголовно-процессуальное законодательство на постсоветском пространстве действительно сегодня становится полигоном для экспериментирования. Причем эксперименты проводятся не столько национальными научными школами, сколько школами иноземными. В ка-

честве примера можно привести два уголовно-процессуальных кодекса — Грузии и Украины, в которых нашли отражение западные концептуальные проекты. Однако при всей своей инновационности и эти кодексы не посягают на концептуальное ядро понятия документа. Сохраняется и терминология, и общий подход. Нюансы носят по большей части технический характер. Хотя они, несомненно, любопытны.

В УПК Грузии понятие документа-доказательства можно обнаружить в ст. 4, раскрывающей значение основных понятий, используемых в указанном УПК. Примечательно, что анализируемая дефиниция появляется не сама по себе, а в качестве составной части нормативной дефиниции самих доказательств. Чтобы не быть голословными, приведем этот пункт (п. 23) целиком:

«Доказательства — информация, представленная в суд в установленном законом порядке, содержащая эту информацию предметы, документы, вещества или иные объекты, на основе которых стороны в суде подтверждают или отрицают факты, дают им правовую оценку, выполняют обязанности, защищают свои права и законные интересы, а суд устанавливает наличие или отсутствие факта или деяния, ввиду которого осуществляется уголовный процесс, совершение или несовершение этого деяния определенным лицом, его виновность либо невиновность, а также обстоятельства, влияющие на характер и степень ответственности обвиняемого, характеризующие его личность. Документ — доказательство, если он содержит сведения, необходимые для установления фактических и правовых обстоятельств уголовного дела. Документом считается любой источник, в котором информация запечатлена в словесно-знаковой форме или (и) в виде фото-, кино-, видео-, звуко- или иной записи либо с применением других технических средств».

Это очень примечательное определение документа. Во-первых, здесь в буквальном смысле закрепляется формула «документ — доказательство, если...». То есть это, по сути, и есть нормативное подтверждение обоснованности формулы «документ-доказательство». Примечательно определение еще и тем, что весьма лаконично фиксирует важный концептуальный момент. При первоначальном осмыслении мы сформулировали этот концепт как приоритет содержания документа над его формой. Получалось, что главное свойство документального вида доказательства — относимость, т. е. способность содержания документа устанав-

ливать важные для дела обстоятельства. Форма же при этом должна быть свободная — «любой источник информации».

Однако изучение нормативного подхода к документам-доказательствам в более широком ключе показало, что здесь, скорее всего, сокрыта другая идея, свойственная и общему понятию документа. О ней мы говорили ранее. Это идея «двойной свободы» документа — свободы формальной и содержательной. Идея эта в полной мере проявляется себя и в сфере нормативного понимания документов-доказательств. Правда, законодательная техника воплощения этой идеи, будучи единой в идеологии «двойной свободы» документа и идентичной по двухзвенной структуре, все же заметно отличается по нормотворческим нюансам.

Под структурой здесь мы подразумеваем стиль нормативного описания документов-доказательств, включающий в себя два неизменных элемента: первый — закрепление относимости, второй — определение формы, создающей предпосылку для допустимости этого вида доказательств.

В УПК Грузии, как мы показали, это делается достаточно кратко. Не столь многословно и наше отечественное законодательство, а также кодексы многих иных постсоветских государств. И на этом фоне очень заметно выделяется УПК Украины с его ст. 99 «Документы».

Приведем первые две части этой статьи:

«1. Документом является специально созданный с целью сохранения информации материальный объект, содержащий зафиксированные с помощью письменных знаков, звука, изображения и т. п. сведения, которые могут быть использованы как доказательство факта или обстоятельств, которые устанавливаются в ходе уголовного производства».

2. К документам, при наличии в них сведений, предусмотренных частью первой настоящей статьи, могут относиться:

1) материалы фотосъемки, звукозаписи, видеозаписи и другие носители информации (в том числе электронные);

2) материалы, полученные в результате осуществления в ходе уголовного производства мероприятий, предусмотренных действующими международными договорами, согласие на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины;

3) составленные в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, протоколы процессуальных действий и приложения к ним, а также носители

информации, на которых с помощью технических средств зафиксированы процессуальные действия;

4) выводы ревизий и акты проверок.

Материалы, в которых зафиксированы фактические данные о противоправных деяниях отдельных лиц и групп лиц, собранные оперативными подразделениями с соблюдением требований Закона Украины „Об оперативно-розыскной деятельности“, при условии соответствия требованиям настоящей статьи, являются документами и могут использоваться в уголовном производстве в качестве доказательств».

Прокомментируем эти нормы. Что касается описания относимости, то при всех сложных «узлах» описания этого свойства документов-доказательств можно говорить о том, что оно в целом ничем не отличается от общего нормативного подхода. Чего нельзя сказать о законодательной технике формулирования формальных моментов доказательности документа.

Весьма любопытно, что законодатель Украины, прежде чем перейти к конкретизации форм документов-доказательств, снова делает кивок в сторону относимости (тем самым косвенно подтверждается, что содержание документа все же ставится выше формы). Что касается самой формы, то здесь мы тоже видим достаточно эклектичный подход, который можно условно назвать «конкретно-свободным».

В первом пункте еще раз подчеркивается свобода формы документа. Этот пункт объединяет «украинскую трактовку» с трактовками, имеющимися в УПК иных стран на постсоветском пространстве. Но далее мы видим оригинальный подход, выражающийся в конкретизации некоторых видов документов.

Во-первых, мы обнаруживаем, что протоколы следственных и судебных действий здесь присутствуют в общем списке, как ничем не примечательные в процессуальном смысле документы-доказательства, не отличающиеся, скажем, от актов ревизий, которые упоминаются пунктом ниже. С другой стороны, здесь же происходит открытая доказательственная легитимация результатов оперативно-розыскной деятельности, облеченных в документальную форму. Признавая положительным последний факт, можно поставить его в пример отечественному законодателю, который очень настороженно (фактически запретительно) относится к использованию оперативно-розыскной информации в качестве доказательств.

УПК Украины заслуживает внимания и по другим обстоятельствам. В структуре УПК используются

не только разделы, главы и статьи, но и параграфы. Так вот, документы оказываются в одном параграфе с вещественными доказательствами. Такая группировка совсем не случайна. Вещественные доказательства и документы имеют схожую информационную природу. И в этой природе на первое место как раз выдвигается не содержание, а вещественная форма. Не удивительно, что в работах дореволюционных процессуалистов информацию о документах мы находим в разделах о вещественных доказательствах. Здесь «вещество» и «документ» объединяет то обстоятельство, что они выступают не в качестве личных носителей информации, а в виде особой предметной субстанции, которая в науке порой образно обозначается, как «немые свидетели». С этими свидетелями нельзя вступить в диалог, можно лишь интерпретировать те информационные сигналы, которые они в себе содержат.

Обратим еще раз внимание на определение доказательств, имеющееся в УПК Грузии. «Доказательства — информация, представленная в суд в установленном законом порядке, содержащие эту информацию предметы, документы, вещества или иные объекты...». Как видим, материальными источниками доказательств здесь называются, в том числе, предметы и документы. Таким образом, предметы и документы предстают в двух значениях: как информация и как материальный объект. Эти значения определенным образом связаны.

Но что общего может быть между предметами и документами в информационно-доказательственном смысле? А общность эта, на наш взгляд, заключается в том, что эти предметы и документы есть особые средства передачи информации. Первые, образно говоря, запечатлевают в себе следы материи, а вторые — следы духа. На предметах хранятся следы физических действий, а документы сохраняют следы действий психических, т. е. запечатлевают человеческую мысль. Но при этом человек-автор в документе отделяется от информации так же, как и человек, контактировавший с предметом, попавшим в криминальный оборот, отделяется от вещи. Личная принадлежность вещи и документа, конечно же, важны, но значение актуализации личности для содержательной оценки информации не столь критично, чтобы привести к недопустимости данного вида доказательства.

По сути, суд и органы расследования в случае с вещественными доказательствами должны «допрашивать» вещи, а в случаях с документами-доказательствами — работать со «слепами» мысли. Есть мнение, что Сократ не любил письмен-

ность. Спрашивается, за что он ее не жаловал? А за то, что письменный текст не позволяет вести диалог с автором. Текст — это всегда монолог, в некотором смысле «умерщвленная», застывшая мысль. Так вот, и вещественные доказательства, и документы — это своеобразные «монологи», застывшие слепки действий или мысли. В то время как показания — это продукт диалога, активной творческой работы следователя-исследователя. А диалог в плане формирования истины, как можно предположить из позиции того же Сократа, выше монолога.

Но, как известно, всякое явление имеет и обратную сторону. Пластичность показаний, их «творческая» податливость под мастерством вопросов допрашивающего может рассматриваться и как определенный изъян. На показаниях нет «гербовой печати», фиксирующей их подлинность; и следы психического свойства не могут быть предъявлены как следы материальные; они всегда скрыты, что отчасти лишает их той наглядной убедительности, которая присуща вещественным доказательствам. Последние убеждают «потребителя» этих доказательств самой материей. А для людей материалистического мировоззрения, которое сегодня доминирует, это очень значимый элемент.

Есть еще одно интересное обстоятельство. В системе доказательств есть элементы, которые уже в буквальном смысле называются доказательствами, будучи в уголовно-процессуальном смысле еще только источниками доказательств. В уголовно-процессуальном праве это вещественные доказательства. Казалось бы, что иных готовых доказательств в уголовном процессе больше нет. Но мы ведь помним, что в общем смысле, в смысле историческом (мы иногда называем его «римским» смыслом), документ есть тоже уже «как бы готовое» доказательство, обретшее свою доказательственную силу в сфере своего предшествующего формирования, находящегося за гранью уголовного судопроизводства.

Таким образом, вещественные доказательства и документы-доказательства образуют общность именно потому, что они уже за рамками процесса сформировались как доказательства (в смысле материально-информационного потенциала констатации фактов и событий), т. е. как результат определенных процессов, как некий информационный продукт, который не нужно формировать, а нужно лишь должным образом интерпретиро-

вать. Этим доказательствам уже «не страшны» наводящие вопросы. Они имеют крепкую информационную устойчивость, что и делает их доказательствами в широком смысле фиксации и сохранения информации.

Мы понимаем, что наша мысль, касающаяся «готовых доказательств» в системе доказательств, звучит достаточно обтекаемо. Для прояснения этого тезиса целесообразно обратиться к юридическому эквиваленту понятия документов-доказательств — к понятию «письменные доказательства».

Понятие это в широком правовом поле более распространено и гораздо сильнее юридически адаптировано, чем понятие «документы-доказательства». Оно присуще всем (кроме уголовного процесса) отраслям российского права. Вместе с тем сам процесс развития и умножения этих отраслей показывает устойчивость постулатов доказательственного права, в том числе подтверждает, что понятие письменных доказательств вовсе не является данью древности. Оно вполне современно и актуально, несмотря на то, что само понятие письменности в контексте нормативного понимания «письменных доказательств» используется крайне широко — не в сугубо графическом, а в развернуто информационном смысле — как способ фиксации человеческой мысли и запечатления всякой прочей информации, которая в конечном итоге может также уложиться в рамки целенаправленной деятельности человека по производству информации.

Письменность здесь отражает не столько технологию, сколько саму идею, заключающуюся в способности человека производить, сохранять и передавать информацию. Письменность, по нашим ощущениям, в некотором смысле есть идея трансформации духа в материю. Именно эта идея и отражена в названии «письменные доказательства». Не информационная технология, а информационная идеология и составляет существо понятия «письменное доказательство». По сути, эта же идеология закодирована и в понятии документов-доказательств.

Таковы некоторые наши мысли, раскрывающие понятие документов-доказательств в качестве специфического средства доказывания по уголовным делам. Они не исчерпывают всей сложности указанного понятия, но, по нашим оценкам, позволяют посмотреть на него с новой стороны.

1. Уголовный процесс: учебник / под ред. С. А. Колосовича, Е. А. Зайцевой. Волгоград: ВА МВД России, 2002.

2. Долгаев В. В. Протоколы следственных действий и иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2018.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=82645> (дата обращения: 28.08.2021).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения. URL: https://www.legislationline.org/download/id/4261/file/Armenia_CPC_am2006_ru.pdf (дата обращения: 31.08.2021).

© Гаджимагомедов Г. К., 2021

Гаджимагомедов Гаджи Камилевич,
следователь следственного отделения
отдела МВД России
по Кумторкалинскому району
Республики Дагестан;
e-mail: gadgi05@icloud.com

1. The criminal procedure. Textbook. Ed. by S. A. Kolosovich, E. A. Zaitseva. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia; 2002 (in Russian).

2. Dolgaev V. V. Protocols of investigative actions and other documents as sources of evidence in criminal proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saint Petersburg, 2018.

3. Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia. Available from: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=82645>. Accessed: 28 August 2021 (in Russian).

4. Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia. Available from: https://www.legislationline.org/download/id/4261/file/Armenia_CPC_am2006_ru.pdf. Accessed: 31 August 2021 (in Russian).

© G. K. Gadzhimagomedov, 2021

Gadzhimagomedov Gadzhi Kamilovich,
investigator of the investigation department
of the department of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
for the Kumtorkalinsky district
of the Republic of Dagestan;
e-mail: gadgi05@icloud.com

* * *

УДК 343.1
ББК 67.410.2
doi: 10.25724/VAMVD.XKLM

В. Г. Глебов

**АНТАГОНИЗМ УСТАНОВЛЕНИЯ ИСТИНЫ
И ВЕРОЯТНОСТНЫХ ВЫВОДОВ
В НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Статья посвящена исследованию проблем доказывания обстоятельств, имеющих правовое значение и необходимых для принятия решений при производстве по уголовному делу. Следует при этом учитывать, что закон предъявляет ряд принципиальных требований как к доказательствам в уголовном процессе (относимость, допустимость, достоверность и достаточность), так и к уголовно-процессуальным решениям (законность, обоснованность, мотивированность и справедливость). Обеспечить реализацию указанных требований правоприменителю не всегда просто. Доказывание обстоятельств по уголовному делу представляет собой урегулированный законом процесс, особый вид познания, целью которого является достижение необходимого уровня убежденности в объективности формируемых на основе полученных сведений выводов. Причина такого явления видится среди прочего и в отсутствии единого подхода законодателя к понятию истины и необходимости ее установления при производстве по уголовному делу. В таком случае и возникают определенные противоречия между средствами и целью доказывания, когда в основу принимаемых решений кладутся не только прямые, но и косвенные доказательства, а соответственно, и принимаемые решения носят вероятностный характер, что приводит к ограничению или нарушению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательства, доказывание, решения, приговор.

V. G. Glebov

**THE ANTAGONISM OF TRUTH FINDING
AND PROBABILISTIC INFERENCES
IN THE APPOINTMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS**

This article is devoted to the study of the problems of proving circumstances of legal significance that are necessary for decision-making in criminal proceedings. At the same time, it should be taken into account that the law imposes a number of fundamental requirements both for evidence in criminal proceedings (relevancy, admissibility, credibility and sufficiency) and for criminal procedural decisions (legality, validity, motivation and fairness). It is not always easy for a law enforcement officer to ensure the implementation of these requirements. Proving the circumstances in a criminal case is a special type of cognition process regulated by law, the purpose of which is to achieve the necessary level of conviction in the objectivity of inferences formed on the basis of the received information. The reason for this phenomenon lies, among other things, in the absence of a unified approach of the legislator to the concept of truth and the need to establish it in criminal proceedings. In this case, certain contradictions arise between the means and the purpose of proof, when decisions are based not only on direct but also indirect evidence, and, as a consequence, the decisions taken are probabilistic in nature, which leads to restriction or violation of the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings.

Key words: criminal proceedings, evidence, proof, decisions, sentence.

Уголовное судопроизводство является специфической сферой правоприменительной деятельности, ключевым и доминирующим элементом которой выступает уголовно-процессуальное доказывание. По своей сущности доказывание это

особый вид познания, целью которого является установление юридически значимых обстоятельств дела, включаемых в предмет доказывания (ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)) и необходимых для приня-

тия законных и обоснованных решений по уголовному делу [1, с. 233—238; 2, с. 62; 3, с. 6—17]. В то же время кроме внешнего противодействия процессу доказывания, вытекающего из антагонистических интересов сторон уголовного судопроизводства, в том числе связанных со злоупотреблением прав участниками уголовного судопроизводства [4, с. 17], можно говорить и о внутреннем антагонизме, заключающемся в противоречиях правового регулирования некоторых положений, в первую очередь связанных с его общими целями.

Автор ранее обращался к исследованию некоторых аспектов рассматриваемой проблемы, однако прошедшие годы кроме довольно бурных дискуссий к законодательному результату так и не привели. По большому счету остается неизменным подход к обоснованию процессуальных решений, закрепленный еще в УПК РСФСР 1923 г., в соответствии со ст. 319 которого «оценка имеющихся в деле доказательств производится судьей по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности» [5]. Современный УПК РФ в ст. 17, характеризуя свободу оценки доказательств, по существу дублирует данное положение, расширив это требование и на других участников процесса, ведущих производство по уголовному делу.

Основной отличительной чертой уголовно-процессуального познания является то, что в процессе его осуществления выясняются и исследуются факты совершенного преступления, т. е. события, имевшего место в прошлом. Кроме того, доказывание осуществляется только теми субъектами уголовного судопроизводства, которые наделены в соответствии с действующим законодательством надлежащими полномочиями. Процедура доказывания при этом происходит в особой процессуальной форме и протекает в строгом соответствии с предписанными в законе правилами.

Указанные требования по замыслу законодателя должны способствовать в равной мере двум целям: установлению истины по делу и обеспечению охраны прав и законных интересов участников, в основном с помощью состязательности уголовного судопроизводства. Но возникает вопрос: действительно ли такая правовая конструкция способствует поставленным высоким целям и насколько она эффективна в современных условиях по действующему уголовно-процессуальному законодательству?

Сразу уточним, что многие ученые процессуалисты критически оценивают положения принято-

го в 2001 г. УПК РФ, которые фактически устраняют необходимость установления объективной истины по уголовным делам. Так, Г. А. Печников считает, что современный уголовный процесс «по сути, обесцелен, поскольку в нем, помимо узкопрагматического интереса, своекорыстных личных целей сторон... добиться успеха, победить в судебном поединке, должна непременно быть и общая цель, не сводимая к индивидуальным, частным целям, интересам, притязаниям сторон» [6, с. 89]. Такой общей целью автору видится объективная истина.

Возможно, подтверждением использования в качестве цели доказывания достижения истины является то, что присяжные заседатели, пусть и не вникая в суть юридических критериев оценки доказательств, руководствуются общим пониманием доказанности тех или иных обстоятельств по уголовному делу. Особенно явно это стало проявляться после расширения сферы участия присяжных в уголовном судопроизводстве за счет судов районного звена. Так, по данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, за 6 месяцев 2021 г. присяжные оправдали 196 человек (больше 30 % подсудимых по рассмотренным делам), что является абсолютным рекордом за последние годы [7].

Соглашаясь в целом с подобными рассуждениями, считаем важным посмотреть на эту проблему с позиций эффективности определения соотношения цели уголовно-процессуального познания и назначения уголовного судопроизводства. Анализ содержания этих категорий позволяет увидеть взаимообусловленное наличие двух антагонистических элементов в формировании знаний об обстоятельствах расследуемого преступления, в качестве которых выступают истинные или вероятные сведения (данные, информация). Это объясняется тем, что достижение назначения уголовного судопроизводства, заключенного в формуле «защита прав и законных интересов лиц превыше цели раскрытия и расследования преступления», безусловно, ведет к ограничению возможностей получения и проверки получаемых доказательств, а соответственно, к использованию вероятных знаний для принятия решений по уголовному делу. В такой ситуации гносеологический мотив в деятельности лиц, ведущих производство по уголовному делу, отодвигается на второй план. Им важна не столько объективная истина обо всем многообразии обстоятельств расследуемого события преступления (как, например, это важно было для Шерлока Холмса в произведениях

А. Конан Дойля), сколько выполнение стоящей перед ними должностной обязанности по проведению возможных действий и принятию решений, ведущих к завершению их работы.

В связи с этим важно найти так называемую золотую середину с максимально эффективным соотношением целей и допустимых для их достижения средств, когда можно будет утверждать, что результатом уголовно-процессуальной деятельности являются принимаемые решения, основанные не на вероятностных, а на истинных знаниях об обстоятельствах уголовного дела. В то же время раскрыть преступление и изобличить виновных в его совершении лиц с учетом назначения уголовного судопроизводства можно будет с минимальными издержками в виде ограничения прав и законных интересов различных лиц.

Именно в этом видится роль предусмотренного ст. 6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства, которому законодатель в данном случае придал статус уголовно-процессуального принципа и определил его содержанием защиту прав и законных интересов всех участников процесса (однако следует отметить, что не все ученые-юристы включают назначение уголовного судопроизводства в число его основных принципов [8, с. 15]).

Это принципиальное положение по своему познавательному смыслу должно быть связано с установлением истины по уголовному делу или, другими словами, достижением истинного знания о его юридически значимых обстоятельствах, необходимых для формирования обоснованных, мотивированных выводов и принятия в итоге законных решений.

Достижение такого результата осуществляется в процессе уголовно-процессуального доказывания, в основе которого лежит практическая и умственная (интеллектуальная) деятельность. Отсюда следует, что доказывание видится как единство двух познавательных элементов — практического и интеллектуального, которые тесно взаимосвязаны и являются едиными неразрывными компонентами сложного информационно-познавательного комплекса, обусловленного установленными законом процессуальными правилами. Поэтому и сам процесс познания в уголовном судопроизводстве юридически значимых обстоятельств, включаемых в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ), характеризуется переходом от вероятного знания к достоверному. В этом смысле можно согласиться с мнением о том, что целью уголовно-процессуального познания является достижение такого уровня знаний, при котором в убеждении субъектов доказы-

вания не остается никаких сомнений в истинности принимаемых ими решений [9, с. 14].

Однако производство по уголовному делу, особенно в начале предварительного расследования, характеризуется, как правило, довольно незначительным объемом сведений, основываясь на которых нельзя сделать достоверный вывод даже о наличии или отсутствии признаков того или иного преступления в конкретном деянии, не говоря уже о других обстоятельствах, подлежащих доказыванию по делу. Соответственно, в таких случаях большое значение в уголовно-процессуальном познании приобретает вероятность, роль которой, как представляется, проявляется в самых различных правоприменительных аспектах, т. е. направлениях использования. В связи с этим можно выделить три основных процессуальных функции вероятности [10, с. 88]: ориентирующую (выдвижение версий, по которым может идти процесс расследования), констатирующую (установление достаточности доказательств для принятия некоторых процессуальных решений) и оценочную (определение значения доказательств или их совокупности при решении вопроса о доказанности либо недоказанности обстоятельств уголовного дела).

Наиболее важными для уголовно-процессуального доказывания представляются констатирующая и оценочная функции вероятности. Это обусловлено приданием Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации 2001 г. приоритетного внимания защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, что напрямую связано с необходимостью соблюдения принципа законности, предполагающего принятие обоснованных и мотивированных процессуальных решений по уголовному делу (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). В свою очередь выполнение этого требования находится в прямой зависимости от различных свойств доказательств, которые кладутся в основу принимаемых решений. Среди таких качеств доказательств ключевую роль играют допустимость и достаточность.

Требование допустимости является первостепенным и заключается в том, что в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением предусмотренного законом порядка, признаются недопустимыми. Однако эта же норма далее уточняет, что недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут использоваться для принятия процессуальных решений. Данная формулировка закона вызывает вопросы: как соотносятся применяемые в законе термины «допустимость» и «юридическая сила» доказа-

тельств и нет ли в них смыслового дублирования? Такая ситуация явно не способствует эффективности правоприменения, хотя в целом она, возможно, и не вызывает серьезных проблем на практике. Однако в научном плане есть необходимость подвергнуть анализу соотношение этих понятий, причем в первую очередь именно в контексте их связи с вероятностью в процессе доказывания, а как следствие — в соотношении с косвенными доказательствами, так как именно они главным образом создают предпосылку для вероятностных суждений, выводов и решений.

В самом приемлемом виде юридическую силу доказательств по смыслу закона понимают как возможность ссылаться на них в процессе доказывания, т. е. использовать для установления обстоятельств, имеющих значение для дела и вынесения по нему различных решений [11, с. 34]. Но в таком случае речь может идти только о тех доказательствах, которые получены с нарушением закона и являются поэтому недопустимыми. Однако, как представляется, могут иметь место ситуации, когда доказательства отвечают требованию допустимости, но в основу принятия процессуального решения положены быть не могут. Это зависит во многом от того, как законодатель формулирует основания для принятия конкретного решения. В одних случаях для этого достаточно вероятных выводов, а в других необходимы только четко определенные, достоверные сведения. Естественно, что в первой ситуации в основу решений кладутся обычно косвенные доказательства, которые традиционно рассматриваются как подтверждающие промежуточные факты, в отличие от прямых доказательств, которые указывают непосредственно на обстоятельства, подлежащие доказыванию [12, с. 271].

Вместе с тем представляется, что косвенные доказательства не следует рассматривать только сквозь призму их роли в доказывании как средства установления исключительно обстоятельств, непосредственно включаемых в предмет доказывания и перечисленных в ст. 73 УПК РФ. Так, для принятия некоторых процессуальных решений достаточно таких оснований, которые допускают определенную степень вероятности, предположения. Например, подобный подход законодателя усматривается при нормативном определении оснований для применения некоторых мер принуждения и пресечения, а также проведения ряда следственных действий. Кроме того, в других случаях закон допускает принятие установленных решений в условиях наличия ограниченных сведений о тех или иных обстоятельствах. Это, в частности, характерно для возбуждения уголовного дела.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что косвенные доказательства в таких случаях обладают юридической силой в процессе производства по уголовному делу, так как на их основе закон допускает принятие конкретных решений, а соответственно, они создают основу для возникновения или прекращения тех или иных уголовно-процессуальных отношений.

Так, законодатель, характеризуя полномочия следователя (дознателя) на производство некоторых следственных действий (например, осмотра, выемки), использует глаголы «проводит», «производится», имеющие в целом императивный характер (хоть и с некоторыми оговорками на наличие оснований или целей этих действий). В других случаях используются выражения «вправе провести» (очная ставка), «может быть проведено» (освидетельствование, предъявление для опознания), т. е. решение вопроса о производстве данных следственных действий ставится на усмотрение следователя, но также с учетом определенных законом условий.

Представляется, что во всех подобных случаях должен быть одинаковый подход к использованию применяемых в законе терминов: как с учетом смысловых, лексических правил русского языка, так и с учетом юридической лексики. Это в конечном итоге будет способствовать максимальному устранению неоднозначного толкования и применения некоторых положений закона в сфере уголовно-процессуального доказывания, которые связаны в первую очередь с оценкой достаточности оснований (сведений для достоверных или вероятных выводов) в целях принятия различных решений по уголовному делу.

С другой стороны, видится необходимым в законе дать понятие прямых и косвенных доказательств, например в ст. 5 УПК РФ, а в последующем в конкретных нормах, определяющих основания для принятия того или иного процессуального решения, ссылаться или указывать на то, какие доказательства могут быть положены в их основу.

Конечно, нельзя забывать и о констатирующей функции вероятности, когда предполагается, т. е. презюмируется (презюпция — «предположение, основанное на вероятности, или признание факта юридически достоверным» [13, с. 486]) обязательное наступление какого-либо юридического последствия в виде принятия процессуального решения при наличии установленного законом формального факта без учета характера и содержания сведений, которыми располагает лицо, принимающее это решение.

Наиболее наглядным примером такой ситуации являются положения закона, устанавливающие обязанность компетентных органов принимать и проверять сообщения о любом совершенном или готовящемся преступлении (ст. 144 УПК), хотя в последующем факт их совершения может быть и не подтвержден полученными в результате проверки сведениями. Соответственно, далее по смыслу закона могут приниматься решения о возбуждении уголовного дела (даже на основе вероятных выводов, сформировавшихся в результате полученных проверочных сведений) или об отказе в возбуждении уголовного дела (но здесь уже требуется достоверность соответствующих оснований).

Как видим, законодатель применяет в правовом регулировании и допускает принятие тех или иных процессуальных решений с учетом различной степени соотношения достоверности и вероятности доказательств, лежащих в их основе. Такой дифференцированный подход видится предпочтительным и в совокупности с высказанным выше предложением об определении косвенных и прямых доказательств будет способствовать устранению антагонизма в достижении истины по уголовному делу и соответствовать назначению уголовного судопроизводства.

Так, для вынесения постановления о возбуждении уголовного дела необходимо установить

наличие определенного основания, под которым понимаются конкретные фактические данные, указывающие на признаки преступления. Закон не устанавливает, какие именно сведения можно считать достаточными, поскольку круг их довольно обширен и решение вопроса о достаточности зависит от конкретных обстоятельств. Оценка фактических данных с точки зрения того, могут ли они быть основанием для возбуждения уголовного дела или нет, производится каждый раз по внутреннему убеждению следователем, лицом, производящим дознание, прокурором или судьей.

В результате оценки достаточными признаются данные, позволяющие сделать с той или иной степенью вероятности вывод о том, что преступление действительно имело место. Здесь появление вероятности означает наличие достаточного основания для вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Вероятность — это не догадка. Она является объективной категорией, отражающей общие закономерности природы, причинно-следственные и иные связи. Вероятность всегда обоснована, в противном случае о ней нельзя вообще говорить. Но и само основание неотделимо от вероятности, иначе нет «основания» как такового.

1. Глебов В. Г. Доказывание // Уголовный процесс: учебник / под ред. В. Г. Глебова, Е. А. Зайцевой. Волгоград: ВА МВД России, 2017.

2. Громов Н. А., Зайцева С. А., Гуцин А. Н. Доказательства, их виды и доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. Москва: Приор-издат, 2005.

3. Соловьев А. Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу РФ (досудебные стадии). Москва: Юрлитинформ, 2003.

4. Даровских О. И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: монография. Челябинск: Цицеро, 2013.

5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Москва: НКЮ СССР, 1937.

6. Печников Г. А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе. Волгоград: ВА МВД России, 2007.

7. Верховный суд: Присяжные оправдали рекордное число подсудимых // Российская газета. Федер. вып. 2021. 20 окт.

1. Glebov V. G. Proof. In: Criminal process. Textbook. Ed. by V. G. Glebov, E. A. Zaitseva. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2017 (in Russian).

2. Gromov N. A., Zaitseva S. A., Gushchin A. N. Evidence, their types and proof in the criminal process. Study guide. Moscow: Prior-Publishing House; 2005 (in Russian).

3. Soloviev A. B. Proof according to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (pre-trial stages). Moscow: Yurliinform; 2003 (in Russian).

4. Darovskikh O. I. Abuse of law in criminal proceedings in Russia. Monograph. Chelyabinsk: Tsitsero; 2013 (in Russian).

5. Criminal Procedure Code of the RSFSR. Moscow: People's Commissariat of Justice of the USSR; 1937 (in Russian).

6. Pechnikov G. A. Dialectical problems of truth in criminal proceedings. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2007 (in Russian).

8. Кругликов А. П., Дикарев И. С., Бирюкова И. А. Принципы уголовного процесса Российской Федерации. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007.

9. Бурданова В. С. Поиски истины в уголовном процессе. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2003.

10. Серов В. А. Функции вероятности в уголовном процессе // Правоведение. 1984. № 2. 88—91.

11. Некрасов С. В. Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве. Москва: Экзамен, 2004.

12. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. Москва: Юрид. лит., 1973.

13. Современный словарь иностранных слов. Санкт-Петербург: Дует, 1994.

© Глебов В. Г., 2021

7. Supreme Court: The jury acquitted a record number of defendants. Rossiyskaya Gazeta. Federal Issue; 20 October 2021 (in Russian).

8. Kruglikov A. P., Dikarev I. S., Biryukova I. A. Principles of the criminal procedure of the Russian Federation. Volgograd: Publishing house of Volgograd State University; 2007 (in Russian).

9. Burdanova V. S. The search for truth in the criminal process. Saint Petersburg: Legal Center Press; 2003 (in Russian).

10. Serov V. A. Probability functions in the criminal process. Jurisprudence, 88—91, 1984 (in Russian).

11. Nekrasov S. V. Legal force of evidence in criminal proceedings. Moscow: Exam; 2004 (in Russian).

12. The theory of evidence in the Soviet criminal process. Executive ed. N. V. Zhogin. Moscow: Juridical literature; 1973 (in Russian).

13. Modern dictionary of foreign words. Saint Petersburg: Duet; 1994 (in Russian).

© Glebov V. G., 2021

Глебов Василий Герасимович,
заведующий кафедрой уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления —
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, профессор;
e-mail: vasilygleb@yandex.ru

Glebov Vasily Gerasimovich,
head of the department of criminal law,
criminal procedure and criminalistics
of the Volgograd institute of management —
branch of the Russian Presidential academy
of the national economy
and public administration,
candidate of juridical sciences, professor;
e-mail: vasilygleb@yandex.ru

* * *

УДК 343.1
ББК 67.410.21
doi: 10.25724/VAMVD.XLMN

В. В. Куликов, Е. В. Меженина

**МЕЖОТРАСЛЕВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ В КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ**

Сопоставляются понятия незаконной сделки и экономического преступления с точки зрения уголовного процесса. Интерес как категория разграничения, определяющая порядок уголовного преследования, раскрывается во взаимосвязи с особенностями объекта преступления. В связи с этим на стыке смежных отраслей права рассматривается специфический повод к возбуждению уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих организациях. Приводятся противоречивые примеры из практики, когда одни и те же обстоятельства оценивались судьями различно: в отношении одних подсудимых выносилось реабилитирующее их решение, в отношении других — обвинительный приговор, предусматривающий наказание в виде лишения свободы. В ходе анализа различных подходов в правоприменении отмечается проблема отсутствия единообразного понимания норм различных отраслей права в их взаимодействии при производстве по уголовным делам об экономических преступлениях. Критикуется чрезмерная дифференциация порядка возбуждения уголовных дел о преступлениях со схожим родовым объектом, предлагается системный подход к правоприменению в случаях межотраслевого регулирования при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих организациях.

Ключевые слова: межотраслевое регулирование, возбуждение уголовного дела, интерес, экономические преступления, сделка, судебное решение, приговор.

V. V. Kulikov, E. V. Mezhenina

**INTERSECTORAL REGULATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS
IN THE FIELD OF ECONOMIC ACTIVITY
AND AGAINST THE INTERESTS OF SERVICE IN COMMERCIAL ORGANIZATIONS**

The concepts of an illegal transaction and an economic crime are compared from the point of view of the criminal process. Interest as a category of differentiation that determines the procedure for criminal prosecution is revealed in relation to the characteristics of the object of the crime. In this regard, a specific reason for initiating criminal cases on crimes in the field of economic activity and against the interests of service in commercial organizations is also considered at the junction of related branches of law. Contradictory examples from practice are given, when one and the same developments were evaluated differently by judges: a rehabilitating decision was made against some defendants, and a guilty verdict providing for a penalty of imprisonment was passed against others. During the analysis of various approaches to law enforcement, the issue regarding lack of a uniform legal understanding of the norms in various law branches in their interaction during economic crimes proceedings is noted. Excessive differentiation initiation procedure of cases with similar generic object of crime is criticized, a comprehensive approach to law enforcement applied to intersectoral regulation in criminal proceedings in the field of economic activity and against the interests of service in commercial organizations is suggested.

Key words: intersectoral regulation, initiation of a criminal case, interest, economic crimes, transaction, court decision, sentence.

Довольно часто экономические преступления совершаются посредством заключения сделки, что предполагает наличие устного соглашения

или даже формально заключенного договора, правомерность которого может находиться в сфере и уголовного, и гражданского судопроизводства

ва. В то же время уголовно-процессуальное право допускает широкое усмотрение в определении преступности сделки при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, признавая некоторые составы преступлений в сфере экономики и коммерции делами частного-публичного обвинения, что позволяет выделить категорию интереса как признак разграничения сделки и преступления. Оставляя споры о сути этого многогранного понятия, обусловливающего развитие правоотношений [1, с. 15], рамках его законности [2, с. 63], отметим значение его корректного отражения в действующем законодательстве.

Очевидно влияние охраняемого интереса на особенности возбуждения уголовных дел в соответствии с ч. 3 ст. 20 или ст. 23 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ): и в том, и в другом случае возможность начала уголовного преследования зависит от волеизъявления потерпевшего. Согласно ст. 23 УПК РФ это руководитель организации, а исходя из ч. 3 ст. 20 УПК РФ, единственным законным поводом будет заявление любого пострадавшего от преступления лица [3, с. 47]. Даже если деяние формально имеет признаки преступления, оно может быть трактовано как сделка самим лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческом предприятии, либо его коллегиальным органом управления. Таким образом, большое значение придается статусу лица, чье заявление служит поводом для возбуждения уголовного дела. Перечисляя его носителей, Пленум Верховного Суда Российской Федерации отметил, что статус должен определяться уставом организации [4].

Чкаловским районным судом г. Екатеринбурга М. и З. были признаны виновными в присвоении вверенных им денежных средств, принадлежащих ООО «НТЦ», в особо крупном размере с использованием служебного положения, а также в совершении финансовых операций и сделок с этими денежными средствами в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению ими, т. е. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 160 и пп. «а», «б» ч. 3 ст. 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [5]. Представителем потерпевшего ООО «НТЦ» приговор обжалован в суд апелляционной инстанции за мягкостью наказания. Кроме того, прокурором было подано апелляционное представление, в котором он настаивал на освобождении подсудимых от наказания по пп. «а», «б» ч. 3 ст. 174.1 УК РФ в соответствии

с п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ — в связи с истечением срока давности уголовного преследования. Осужденные в апелляционных жалобах просили их оправдать, указывали на законность своих действий и незаконное возбуждение уголовного дела по ст. 160 УК РФ по заявлению лица, не имеющего на это полномочий. Суд апелляционной инстанции выяснил, что лицо, подавшее заявление о привлечении к уголовной ответственности М. и З., нарушило устав организации, исходя из которого данное решение должно было приниматься по согласованию с высшим органом управления ООО «НТЦ» и с его одобрения, что не было им сделано. Кроме того, оспаривались обстоятельства назначения заявителя генеральным директором общества: был выявлен факт возбуждения в отношении него уголовного дела по ч. 1 ст. 303 УК РФ (представление сфальсифицированного протокола общего собрания участников ООО «НТЦ» в Арбитражный суд по иску о признании его назначения незаконным). В результате приговор суда первой инстанции был отменен, а уголовное дело в отношении М. и З. прекращено по п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, поскольку преступление, предусмотренное ст. 160 УК РФ, должно преследоваться в частно-публичном порядке (ч. 3 ст. 20 УПК РФ). Полагаем, заявление о злоупотреблении полномочиями и присвоении М. и З. денежных средств организации возникло как результат корпоративного спора и попытка изменить условия заключенных договоров, но это уже вопрос содержания сделки и предмет гражданского судопроизводства.

В приведенном случае логика законодателя и правоприменителя понятна. Отправной точкой здесь является наличие в гражданском законодательстве юридической фикции — понятия «юридическое лицо» (ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)), которое охватывает как коммерческие, так и некоммерческие организации. Неотъемлемым признаком юридического лица служит наличие у него в собственности *обособленного* имущества.

Порядок уголовного преследования за совершение преступлений в сфере экономической деятельности, перечисленных в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, оправдывается особенностью их видового объекта. Прежде всего, это общественные отношения по охране имущества юридических лиц, в связи с чем исключительным поводом для принятия решения о возбуждении уголовного дела будет заявление потерпевшего, т. е. самого юридического лица.

В статье 23 УПК РФ (со ссылкой на составы, предусмотренные в гл. 23 УК РФ) речь идет о пре-

ступлениях, объекты которых — общественные отношения по охране интересов службы в коммерческих и иных организациях. С тем фактом, что порядок исполнения уполномоченными лицами своих обязанностей регламентируется в первую очередь локальными нормативными актами, а оценка их действий производится, прежде всего, руководителями данных организаций, представляется разумным закрепить в уголовно-процессуальном законе особого порядка возбуждения уголовных дел рассматриваемой категории. Однако необходимо отметить значение формы коммерческого предприятия при определении факта как сделки или преступления, а также круга затронутых интересов. Уголовно-процессуальный закон специально ее не учитывает, поскольку это сфера гражданско-правового регулирования. В то же время коммерческие правоотношения формируются на основе владения, пользования и распоряжения имуществом (ст. 209 ГК РФ), которое может принадлежать не только организации — участнику уголовного судопроизводства, что свидетельствует, в том числе, о проникновении в область иных (некоммерческих) экономических интересов.

М., являясь директором МУП «Жизнеобеспечение и благоустройство города», заключил договоры уступки права требования с ООО «Сибирские недра» и ООО «Чистый город», причинив при этом вред предприятию. Поводом для возбуждения уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, стало постановление прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Адвокат М. обратилась в Мысковский городской суд Кемеровской области с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ, в которой просила об отмене постановления о возбуждении уголовного дела как незаконного. Адвокат указала на отсутствие законного повода для возбуждения уголовного дела о преступлении, причинившего вред коммерческой организации, поскольку в материалах дела нет ни заявления, ни согласия этой организации. Однако суд из постановления прокурора усмотрел, что в результате совершения преступления вред был причинен не только самой организации, но и интересам работников, а также Мысковского городского округа [6]. В данном случае возможность возбуждения уголовного дела по ст. 201 УК РФ в связи с постановлением прокурора допускается формой организации предприятия. Согласно ст. 2 Федерального закона «О государственных и муници-

пальных унитарных предприятиях» МУП — коммерческая организация, однако правом собственности на имущество, закрепленного за ней, она не наделена [7]. Очевидно, что в приведенном примере в результате злоупотребления полномочиями пострадали экономические интересы муниципального образования, соответственно, событие должно быть определено как преступление, а не сделка.

Сложнее установить, затронуты ли деянием интересы отдельных физических лиц. Статьей 23 УПК РФ особый порядок возбуждения уголовного дела предусматривается только тогда, когда вред причинен исключительно коммерческой организации, но интересы юридического лица неотделимы от интересов граждан — его акционеров. При этом они попадают в зависимость от решения руководителя: без его согласия не начнется уголовное преследование. Диспозиция статьи не видит данной взаимосвязи, оставляя возможность разрешить конфликт без уголовного преследования. В то же время, если лицо, подавшее заявление о совершении преступления, предусмотренного, например, ст. 201 УК РФ, окажется акционером, не входящим в орган управления предприятием, в возбуждении уголовного дела может быть отказано по причине отсутствия согласия его руководителя. Более того, такой результат не будет гарантировать разрешения возникшего конфликта в порядке гражданского судопроизводства.

По факту реализации контрафактной продукции одним из предприятий г. Сургута было вынесено решение об отказе в возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 180 УК РФ в соответствии с ч. 3 ст. 20 УПК РФ и в порядке п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (в связи с отсутствием заявления потерпевшего). После этого Сургутской транспортной прокуратурой возбуждено дело об административном правонарушении по ч. 2 ст. 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) (реализация товара, содержащего незаконное воспроизведение чужого товарного знака), которая предусматривает в качестве санкции наложение на юридическое лицо административного штрафа до 40 тыс. руб. с возможной конфискацией предметов административного правонарушения [8]. Примененное административное наказание повлияло на благосостояние участников предприятия.

Важно подчеркнуть, что в случае изначального определения деяния как административного правонарушения последующее поступление заявления потерпевшего о привлечении к уголовной

ответственности лица, причинившего ему вред (ч. 3 ст. 20 УПК РФ), должно восприниматься в качестве открытия новых обстоятельств, криминализирующих деяние [9, с. 37]. При их подтверждении в ходе проверки уголовное дело должно быть возбуждено, а административное производство прекращено, либо решение по нему отменено в соответствии с требованиями ст. 24.5 КоАП РФ. Так или иначе, незаконные действия руководителя организации могут нанести ущерб интересам всех ее участников. Это позволяет отметить неоправданность искусственного разграничения порядка возбуждения уголовных дел об экономических преступлениях, указанных в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, и о коммерческих, приведенных в ст. 23 УПК РФ. Разумнее было бы включить некоторые деяния, установленные гл. 23 УК РФ, в перечень преследуемых в частно-публичном порядке, тогда заявления лиц, которым деянием причинен вред, рассматривались бы без оглядки на их отношение к организации и не возникала путаница с их статусом. Порядок возбуждения уголовного преследования по делам о преступлении, описанном в ч. 1 ст. 201 УК РФ, регламентирован как ч. 3 ст. 20 УПК РФ, так и ст. 23 УПК РФ. Данное обстоятельство косвенно подтверждает целесообразность внесения и иных преступлений гл. 23 УК РФ в перечень дел частно-публичного обвинения, во всяком случае, дел о преступлениях, предусмотренных ст. 204, 204.1, 204.2 УК РФ (поскольку в преступлениях, указанных в ст. 202, 203 УК РФ, присутствует специальный субъект — частный нотариус, аудитор, частный детектив, работник частного охранного предприятия). Очевидно, что некоторые составы (например, приведенный в ст. 201.1 УК РФ), в этот перечень не попадут:

1. Александрова Л. А. Публичность как основание уголовно-процессуального права. Москва: Юрлитинформ, 2007. 138 с.

2. Конопченко Ю. П. Понятие законного интереса в праве // Научно-технические ведомости СПбГУ. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 1. С. 61—64.

3. Комова Ю. В. Преступления против интересов частных организаций. Как доказать незаконность возбуждения дела // Уголовный процесс. 2020. № 6. С. 46—50.

4. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической

на него будет распространяться исключение, рассматривающее государственное и муниципальное имущество как сферу публичного интереса. Дополнительным объектом здесь фактически являются общественные отношения, регламентирующие установленный порядок исполнения государственного оборонного заказа. Соответственно, уголовные дела данной категории возбуждаются в общем порядке, а не по заявлению руководителя организации или с его согласия.

Дублирование правил ч. 3 ст. 20 и ст. 23 УПК РФ видится и в содержании законопроекта (№ 1184268–7), поступившего в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в июне 2021 г. [10]. Согласно этому документу перечисленные в ч. 3 ст. 20 УПК РФ экономические преступления, связанные с национальными проектами, государственными закупками или гособоронзаказом, будут преследоваться только в публичном порядке. Идентичные поправки предлагается внести и в ст. 23 УПК РФ, однако они представляются лишь уточнением предусмотренных действующими нормами исключений.

Проблемы производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности и против интересов коммерческих организаций не могут быть решены без норм гражданского и административного права. Но в первую очередь необходимо обращение к практике применения положений смежных отраслей — уголовного и уголовно-процессуального права. Учет межотраслевых взаимосвязей именно в такой последовательности позволит избежать противоречий правоприменения в уголовном судопроизводстве.

1. Aleksandrova L. A. Publicity as the basis of criminal procedure law. Moscow: Yurlitinform; 2007: 138 (in Russian).

2. Konopchenko Yu. P. The concept of a legitimate interest in law. Scientific and technical statements of Saint Petersburg State University. Humanities and social sciences, 61—64, 2012 (in Russian).

3. Komova Yu. V. Crimes against the interests of private organizations. How to prove the illegality of initiating a case. Criminal Procedure, 46—50, 2020 (in Russian).

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 on 15 November 2016 (as amended 06/11/2020). "On the practice

деятельности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 (ред. от 11.06.2020) // Российская газета. 2016. 24 ноября.

5. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда по делу № 22-2410/2020. URL: <http://oblsud.svd.sudrf.ru/> (дата обращения: 26.07.2020).

6. Апелляционное постановление Кемеровского областного суда по делу № 22К-1105/2014 от 14 марта 2014 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BsPMV9I1JH6d/> (дата обращения: 27.07.2020).

7. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.

8. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 19 сентября 2016 г. № 08АП-9533/16. URL: <https://base.garant.ru/61530091/#friends> (дата обращения: 06.08.2020).

9. Дронова О. Б. Концептуальные основы использования специальных знаний в ходе противодействия противоправной деятельности в сфере потребительского рынка: моногр. / под ред. Б. П. Смагоринского. Москва: Юрлитинформ, 2019. 256 с.

10. Следователям станет легче возбуждать дела о хищениях денег госкомпаний // Уголовный процесс. 2021. № 7. URL: <https://e.ugpr.ru/> (дата обращения: 24.07.2021).

© Куликов В. В., Меженина Е. В., 2021

Куликов Владимир Витальевич,
адвокат Коллегии адвокатов
Ханты-Мансийского автономного округа;
e-mail: kulikov86@bk.ru

Меженина Елизавета Владимировна,
преподаватель кафедры
судебной деятельности
и уголовного процесса
Уральского государственного
юридического университета;
e-mail: ml1970@yandex.ru

of the courts' application of legislation governing the specifics of criminal liability for crimes in the field of entrepreneurial and other economic activity". Rossiyskaya Gazeta; 24 November 2016 (in Russian).

5. Appeal ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Sverdlovsk Regional Court in case No. 22-2410/2020. Available from: <http://oblsud.svd.sudrf.ru/>. Accessed: 26 July 2020 (in Russian).

6. The appeal decision of the Kemerovo Regional Court in case No. 22K-1105/2014 on 14 March 2014. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/BsPMV9I1JH6d/>. Accessed: 27 July 2020 (in Russian).

7. Federal Law No. 161-FZ on 14 November 2002 (as amended on 27/12/2019). "On state and municipal unitary enterprises". Collection of legislation of the Russian Federation; 2002; No. 48; Art. 4746.

8. Resolution of the Eighth Arbitration Court of Appeal No. 08AP-9533/16 on 19 September 2016. Available from: <https://base.garant.ru/61530091/#friends>. Accessed: August 2020 (in Russian).

9. Dronova O. B. Conceptual framework for the use of special knowledge in the course of countering illegal activities in the consumer market. Monograph. Ed. by B. P. Smagorinsky. Moscow: YurLitinform; 2019: 256 (in Russian).

10. It will become easier for investigators to initiate cases of embezzlement of money from state-owned companies. Criminal Procedure, 2021. Available from: <https://e.ugpr.ru/>. Accessed: 24 July 2021 (in Russian).

© Kulikov V. V., Mezhenina E. V., 2021

Kulikov Vladimir Vitalyevich,
lawyer of the Khanty-Mansiysk autonomous okrug
bar association;
e-mail: kulikov86@bk.ru

Mezhenina Elizaveta Vladimirovna
lecturer at the department
of judicial activity and criminal procedure
of the Ural State Law University;
e-mail: ml1970@yandex.ru

* * *

УДК 343.112
ББК 67.410.213
doi: 10.25724/VAMVD.XMNO

Д. А. Лыков

**КОЛЛЕГИАЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАССМОТРЕНИЕ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ**

Статья посвящена теоретико-правовому исследованию профессионального коллегиального начала в рассмотрении уголовных дел. Анализируя сущность коллегиального начала в отправлении уголовного правосудия, автор приходит к выводу о том, что правоотношения внутри профессиональной коллегии судей имеют горизонтальный характер, в отличие от такого состава суда с участием народного элемента, как коллегия присяжных заседателей, где коллегиальность представляется в смешанном виде, как горизонтальном (внутри коллегии присяжных), так и вертикальном (между самой коллегией и председательствующим судьей). Раскрыты особенности правоотношений внутри коллегии присяжных заседателей, а также между этой коллегией и председательствующим судьей. Автором обобщены, приведены и проанализированы данные судебной статистики деятельности федеральных судов общей юрисдикции за 2017—2019 гг., которые позволили заключить, что число уголовных дел, рассмотренных коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции, совсем невелико. Кроме того, в статье выделены и рассмотрены материально-правовой и процессуально-правовые критерии, в соответствии с которыми законодатель распределяет уголовные дела между коллегией из трех профессиональных судей и судьей единолично.

Ключевые слова: состав суда, коллегиальность, судебная коллегия, суд присяжных.

D. A. Lykov

**COLLEGIAL PROFESSIONAL CONSIDERATION
OF CRIMINAL CASES: ESSENCE AND FEATURES**

The article is devoted to the theoretical and legal research of the professional collegial principle in the consideration of criminal cases. Analyzing the essence of the collegial principle in the administration of criminal justice, the author comes to the conclusion that legal relations within the professional collegium of judges are horizontal, unlike such a composition of a court with the participation of a popular element, as a jury, where collegiality is presented in a mixed form, both horizontal (within the jury) and vertical (between the jury itself and the presiding judge). The features of legal relations within the jury, as well as between this jury and the presiding judge are revealed. Also, the author summarized, presented and analyzed the data of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction for 2017—2019, which made it possible to conclude that the number of criminal cases considered by a panel of three judges of a federal court of general jurisdiction is very small. In addition, the article identifies and examines the substantive and procedural and legal criteria, in accordance with which the legislator distributes criminal cases between a collegium of three professional judges and a judge individually.

Key words: composition of the court, collegiality, judicial board, jury trial.

Коллегиальность для отечественного судопроизводства является традиционным, имманентно присущим началом отправления правосудия по уголовным делам. На протяжении почти всей российской истории к участию в осуществлении правосудия в тех или иных формах привлекался непрофессиональный, или, как его еще называют,

народный элемент. Термин «народный элемент» использован нами не впервые, он широко употреблялся еще в науке уголовного процесса второй половины XIX — начала XX в. [1, с. 28]. Конечно, это правило имело свои исключения — в ряде случаев разбор уголовных дел осуществлялся судьями единолично, но форма разрешения дел

все равно тяготела к коллегиальности. Причем на начальных этапах становления судопроизводства особенностью принятия коллегиальных решений в судах был их единогласный характер. «Вероятно, — писал Ф. М. Дмитриев, — так всегда и было, потому что решение, основанное на большинстве голосов, не в характере нашего старинного процесса» [2, с. 131].

На каждом историческом этапе основания коллегиальной организации суда менялись сообразно тому, как эволюционировал социум и развивалось государственное управление. Как верно отмечает Н. Н. Ефремова, «исторически изменялась не только форма организации общественного элемента в суде, но и его функциональная роль. В одних случаях представители выступали в качестве оппозиции официальной судебной власти, защитниками интересов общества и его конкретного члена, подсудимого, от судебного произвола государства, в других случаях — наоборот» [3, с. 49].

После Ярослава Мудрого произошел распад прежде единого Киевского государства, в результате чего уже к XII столетию на территории Руси возникло двенадцать земель; при этом важнейшие правовые сборники, появившиеся в Киеве — Русская Правда и княжеские церковные уставы великих князей Владимира и Ярослава, — признавались действующими на территориях этих земель [4, с. 5]. Впрочем, в отдельных землях складывались и собственные кодексы, уровень юридической техники, а также степень развития отдельных отраслей права в которых нередко были на порядок выше, чем в Русской Правде. К числу таковых относятся, например, Псковская и Новгородская Судные грамоты.

Необходимо сделать оговорку о том, что говорить о профессиональном или непрофессиональном элементах в суде на ранних этапах развития судопроизводства можно лишь весьма условно. Дело в том, что архаичные формы правовой организации общества характеризовались отсутствием разделения административных и судебных функций: правосудие являлось одной из управленческих функций, элементом управления. Вследствие этого суд в этот период развития общества неизменно находился в руках власть имущих. Профессиональный элемент в составе суда выделился лишь тогда, когда в государстве сформировался корпус должностных лиц, для которых исполнение судебных полномочий стало основной профессиональной обязанностью. Другими словами, это произошло на том историческом эта-

пе, когда субъект, обладавший всей полнотой административной и судебной власти, делегировал исполнение судебных обязанностей лицам, находящимся в его подчинении.

На протяжении столетий развития отечественного уголовного судопроизводства коллегиальная форма рассмотрения уголовных дел развивалась, приобретая постепенно значение основной формы отправления правосудия по уголовным делам. Данное обстоятельство следует расценивать как свидетельство очевидных преимуществ рассматриваемой формы отправления правосудия. Как писал Г. С. Фельдштейн, «коллегиальное рассмотрение дела в суде — это некий способ компенсации недостатков отдельного судьи, который, как правило, не может быть поставлен выше коллегии по своим качествам» [5, с. 101].

Уже в советский период российской истории И. В. Тыричев подчеркивал, что «правосудное, законное и справедливое судебное решение в наибольшей степени достигаются именно путем коллегиального рассмотрения уголовного дела» [6, с. 21]. Более того, коллегиальности в рассмотрении уголовных дел придавалось в советской юридической науке значение одного из «важнейших и определяющих положений, на котором построен и функционирует отечественный уголовный процесс» [7, с. 37—38].

Однако Законом Российской Федерации от 29 мая 1992 г. № 2869-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР „О судостроительстве РСФСР“, Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР» начало коллегиальности в отправлении правосудия по уголовным делам было ограничено введением единоличного порядка рассмотрения уголовных дел в судах первой инстанции. Такое законодательное решение повлекло за собой утрату коллегиальностью статуса принципа уголовного процесса. Как верно отметил А. А. Тарасов: «С введением как в уголовное, так и в гражданское судопроизводство института единоличного рассмотрения дел считать коллегиальность судебного разбирательства в уголовном процессе самостоятельным отдельным принципом процесса стало некорректным, ибо к компетенции единолично действующего судьи было отнесено такое количество уголовных дел, которое исключением из общего правила никак не назовешь» [8, с. 220—221].

Вместе с тем в течение последнего десятилетия в отечественном уголовном процессе наблюдается тенденция усиления начала коллегиаль-

ности в отправлении правосудия по уголовным делам. С одной стороны, произошло расширение участия в коллегиальных составах суда народного элемента за счет введения суда присяжных на уровне судов районного звена. С другой стороны, получила свое развитие и форма рассмотрения уголовных дел коллегиальными профессиональными составами судов, что выразилось в учреждении окружных апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, где уголовные дела рассматриваются преимущественно коллегиально.

Таким образом, действующему уголовно-процессуальному законодательству России известны два коллегиальных состава суда, которые могут разрешать уголовные дела по существу: 1) коллегия из трех судей федерального суда общей юрисдикции; 2) судья федерального суда общей юрисдикции и коллегия присяжных заседателей. В то же время в соответствии с внесенными в 2016—2017 гг. изменениями в уголовно-процессуальное законодательство состав суда с участием присяжных заседателей разделился на два вида — в зависимости от того, суду районного или областного уровня подсудно уголовное дело: в первом коллегия присяжных заседателей состоит из шести человек, во втором — из восьми. Единолично уголовные дела в суде первой инстанции рассматриваются в настоящее время судьей федерального суда общей юрисдикции, а также мировым судьей.

Коллегиальность в профессиональных составах суда характеризуется тем, что правоотношения внутри коллегии строятся преимущественно горизонтально. Это означает, что на всех стадиях судебного разбирательства судьи, входящие в коллегия, обладают одинаковым процессуальным статусом и равными по своей значимости голосами при принятии решений в ходе совещания судей. Особенности процессуального положения председательствующего в этих правоотношениях настолько незначительны, что никак не опровергают тезис о равенстве судей внутри коллегии. Руководящая роль председательствующего выражается исключительно в управлении ходом судебного разбирательства, но не распространяется на судей, входящих в коллегия. Соответственно, между председательствующим и другими членами судейской коллегии не складываются властные отношения, имеющие вертикальный характер. В юридической литературе по этому поводу отмечается: «Важно учитывать, что коллегиальность не обезличивает судей, а напротив, предполагает моральную индивидуальную ответствен-

ность каждого из них за правильное разрешение уголовного дела, обуславливает практическую значимость участия всех судей коллегии в осуществлении правосудия» [9, с. 103]. Так, в соответствии со ст. 301 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) при постановлении приговора коллегиальным составом профессиональных судей решение по поставленным на разрешение суда вопросам принимается большинством голосов. Помимо этого, по общему правилу, судьи вправе воздержаться от голосования, но у судьи, который подал свой голос за оправдание подсудимого и остался в меньшинстве, имеется право воздержаться от голосования по вопросам, связанным с применением уголовного закона.

Кроме того, любой судья, чье мнение не совпало с позицией большинства, положенной в основу судебного решения, имеет право на особое мнение, представляющее собой изложенную письменно и не совпадающую с принятым по уголовному делу коллегиальным решением позицию [10, с. 56]. Особое мнение судьи отличается субъективным характером, это означает, что субъект — профессиональный судья, являющийся членом коллегии судей, выражает свое собственное, особое видение, основанное на его личных ценностных ориентирах, мировоззрении и индивидуальных результатах оценки исследованных судом доказательств. Также следует отметить, что если судебное решение коллегии отличается всеми признаками, присущими рационально-логическому компоненту, то особое мнение судьи, как субъективное выражение позиции, может являться проявлением эмоционально-экспрессивных черт. Однако выражается данная позиция в правовой форме, а сама возможность изложения судьей особого мнения является значимой гарантией принципа независимости судей.

В сказанном заключается существенное отличие профессионального состава судейской коллегии от смешанного, имеющего место в суде с участием присяжных заседателей. В последнем наблюдается два вида коллегиальности: наряду с горизонтальной, характерной для взаимоотношений присяжных заседателей между собой внутри коллегии, там присутствует коллегиальность вертикального типа, характерная для взаимоотношений между профессиональным судьей и коллегией присяжных заседателей. Вертикальность в характере взаимоотношений председательствующего и коллегии присяжных заседателей выражается в том, что руководящая роль закрепляется за председательствующим судьей, который

организует и направляет производство по делу. Во время судебного следствия у судьи выстраиваются особые процессуально-правовые взаимоотношения с коллегией присяжных заседателей, которая не обладает властными полномочиями по отношению к председательствующему судье или к кому-либо из участников процесса, но в то же время не находится и в прямом подчинении председательствующему. Члены коллегии присяжных заседателей также в полной мере реализуют свои права, необходимые для вынесения впоследствии справедливого судебного решения — вердикта. Именно председательствующий на данной стадии выступает гарантом реализации коллегией присяжных заседателей своих полномочий (опосредованно, через председательствующего, члены коллегии присяжных имеют право задавать вопросы сторонам, а также свидетелям, экспертам, специалистам), дает необходимые для членов коллегии разъяснения.

Характер взаимоотношений председательствующего и коллегии присяжных заседателей в корне меняется на этапе постановления приговора по уголовному делу. Коллегиальность в данном случае приобретает обратно-вертикальный характер, поскольку на этом этапе вердикт коллегии присяжных заседателей становится обязательным для председательствующего судьи, который обязан постановить приговор в соответствии с этим процессуальным актом.

Выбор законодателем коллегиального профессионального состава суда, когда речь идет о суде первой инстанции, предопределен прежде всего сложностью рассматриваемого дела, повышенной общественной опасностью преступления. Если же говорить о судебном-проверочных стадиях уголовного процесса, то при апелляционном, кассационном и надзорном пересмотре вступивших в законную силу судебных решений выбор коллегиального профессионального состава суда обусловлен

процедурной важностью подлежащих рассмотрению вопросов. Анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет выделить материально-правовой и два процессуально-правовых критерия, соответствующих логике распределения законодателем уголовных дел между единоличным и коллегиальным профессиональным составом суда.

1. *Материально-правовой критерий.* Данный критерий применим к процедуре рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции. В основе этого критерия лежит тяжесть предъявленного подсудимому обвинения. Так, по первой инстанции, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, коллегией из трех судей федерального суда рассматриваются некоторые уголовные дела о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства, а также ряд других уголовных дел при наличии ходатайства обвиняемого. Производство по уголовным делам о таких преступлениях законодатель возложил именно на коллегия профессиональных судей, поскольку в результате таких преступных деяний подрываются основы нормального существования и функционирования государства, причиняется значительный ущерб правам и свободам личности. Коллегиальность в ходе рассмотрения таких уголовных дел приобретает важное значение, поскольку нередко уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях являются многоэпизодными, а значит — более сложными. Именно этим обусловлена повышенная потребность при разбирательстве такого рода уголовных дел в профессионализме и опыте коллегии профессиональных судей.

Анализ судебной статистики деятельности федеральных судов общей юрисдикции за 2017—2019 гг. приводит к выводу о том, что число уголовных дел, рассмотренных коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции, совсем невелико (см. табл.).

Таблица

Некоторые сводные данные об уголовных делах, рассмотренных коллегией профессиональных судей в первой инстанции

Суды	Уголовные дела		
	оконченные производством в 2017 г.	оконченные производством в 2018 г.	оконченные производством в 2019 г.
Областные и приравненные к ним суды	42 (40 из них рассмотрены с вынесением приговора)	29 (24 из них рассмотрены с вынесением приговора)	34 (33 из них рассмотрены с вынесением приговора)
Районные суды	73	54	70

Примечание. Составлено по данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации [11].

Как видно, доля таких уголовных дел по отношению ко всем оконченным производством делам в районных судах в рассматриваемый период очень мала и составляет всего от 0,02 до 0,01 %. Причинами тому служат несколько факторов. Первый из них — это нераспространенность преступлений, уголовные дела о которых рассматриваются исключительно коллегией из трех профессиональных судей. Вторым фактором — отсутствие заинтересованности самих обвиняемых в рассмотрении их уголовных дел коллегией профессиональных судей. Для обвиняемых более привлекательны иные формы организации судебного производства: суды с участием присяжных заседателей — ввиду большого количества оправдательных приговоров, рассмотрение уголовного дела в особом порядке — ввиду наличия определенных дополнительных гарантий для обвиняемого (снижение верхнего предела наказания).

2. *Волеизъявление обвиняемого.* В качестве следующего, уже процессуально-правового критерия, на основе которого уголовное дело рассматривается либо единолично, либо коллегией профессиональных судей, выступает выраженное в ходатайстве волеизъявление обвиняемого. Данный критерий также применим лишь к рассмотрению дела по первой инстанции. Так, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ при наличии ходатайства обвиняемого, заявленного до назначения судебного заседания в соответствии со ст. 231 УПК РФ, коллегиальным составом суда рассматриваются уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 126 Уголовного кодекса Российской Федерации и др., которые в отсутствие такого ходатайства рассматриваются судьей единолично.

3. *Стадия уголовного процесса.* Возможность рассмотрения уголовного дела коллегиальным профессиональным составом суда предопределена также стадией уголовного процесса, которую проходит уголовное дело. Исходя из этого критерия можно выделить два вида рассмотрения уголовных дел коллегией профессиональных судей. Первый вид — рассмотрение уголовных дел тремя профессиональными судьями в первой инстанции. Само по себе рассмотрение уголовных дел в первой инстанции коллегией судей является, как уже было сказано, скорее «исключением

из правил», поскольку круг уголовных дел, рассматриваемых в таком порядке, ограничивается лишь несколькими преступлениями, а по некоторым из них еще и необходимо ходатайство, т. е. волеизъявление обвиняемого.

Пересмотр судебных решений является единственно возможной на настоящий момент формой защиты и восстановления прав участников судопроизводства, которые были нарушены вследствие вынесения неправосудного судебного акта. Наличие возможности обжалования судебного решения и его пересмотра выступает правовой и социальной гарантией защиты прав и свобод личности, считающей вынесенное судебное решение неправосудным. Для обеспечения повышенных гарантий права на судебную защиту от незаконных и необоснованных судебных решений законодатель предусматривает, что в вышестоящих судебных инстанциях уголовные дела, за исключением уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести, рассматриваются в составе трех судей федерального суда общей юрисдикции. Так же коллегиально, в составе трех судей, рассматриваются уголовные дела в кассационном порядке — судебной коллегией по уголовным делам кассационного суда общей юрисдикции, кассационным военным судом, Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации и Судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации. В порядке надзора уголовные дела подлежат рассмотрению Президиумом Верховного Суда Российской Федерации в составе большинства его членов.

Тенденции развития начала коллегиальности в уголовном процессе определяются общим вектором эволюции уголовно-процессуальной формы и судостроительства. Вместе с тем сам по себе элемент коллегиальности, будучи включенным в процессуальную практику, оказывает самостоятельное влияние на производство в судебных стадиях уголовного процесса, требует учета особенностей складывающихся правоотношений при конструировании порядка производства по уголовному делу. В связи с этим дальнейшее исследование проблем реализации коллегиального начала в правосудии по уголовным делам является актуальной и значимой задачей, стоящей перед наукой уголовного процесса.

1. Викторский С. И. История смертной казни в России и современное ее состояние. Москва: Тип. Имп. Моск. Ун-та, 1912. 387 с.

1. Viktor'sky S. I. The history of the death penalty in Russia and its current state. Moscow: Printing house of Imperial Moscow University; 1912: 387 (in Russian).

2. Дмитриев Ф. М. Сочинения. Т. 1: История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от судебного до учреждения о губерниях. Москва: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1899. 588 с.

3. Ефремова Н. Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XVIII—XIX вв.) // Право. Журнал высшей школы экономики. 2008. № 2. С. 34—50.

4. Памятники русского права. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII—XV вв. / сост. А. А. Зимин; под ред. С. В. Юшкова. Москва: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. 442 с.

5. Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. Москва: Типолитография В. Рихтер, 1915. 432 с.

6. Тыричев И. В. Принципы советского уголовного процесса: учеб. пособие / отв. ред. М. С. Дьяченко. Москва: Юрид. лит., 1983. 80 с.

7. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 251 с.

8. Тарасов А. А. Единоличное и коллегиальное рассмотрение уголовных дел в системе принципов уголовного процесса // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Право». 2001. № 2. С. 217—224.

9. Калинкина Л. Д., Фадеева Е. И. Отводы, замена судьи и совещание судей при коллегиальном рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции // Современное право. 2010. № 11. С. 102—106.

10. Дикарев И. С. Особое мнение судьи: вопрос о правовых последствиях // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 56—59.

11. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2017 году; Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2018 году; Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 25.12.2020).

© Лыков Д. А., 2021

Лыков Дмитрий Андреевич,

исследователь, преподаватель-исследователь;
e-mail: lykov94@mail.ru

2. Dmitriev F. M. The works. Volume 1. The history of the courts and civil appellate proceedings from the court to the institution of the provinces. Moscow: Partnership of printing house of A. I. Mamontov; 1899: 588 (in Russian).

3. Efremova N. N. The evolution of domestic justice (judicial reforms of the 18th—19th centuries). Law. Journal of the Higher School of Economics, 34—50, 2008 (in Russian).

4. Monuments of Russian law. Issue 2: Monuments of the law of feudal-fragmented Russia. XII—XV centuries. Compiler A. A. Zimin; ed. by S. V. Yushkov. Moscow: State Publishing House of Legal Literature; 1953: 442 (in Russian).

5. Feldshtein G. S. Lectures on criminal proceedings. Moscow: Typolithography of V. Richter; 1915: 432 (in Russian).

6. Tyrichev I. V. Principles of the Soviet criminal process. Tutorial. Executive ed. M. S. Dyachenko. Moscow: Legal Literature; 1983: 80 (in Russian).

7. Alekseev N. S., Daev V. G., Kokorev L. D. Essay on the development of the science of the Soviet criminal procedure. Voronezh: Voronezh University Press; 1980: 251 (in Russian).

8. Tarasov A. A. Individual and collegial consideration of criminal cases in the system of principles of criminal procedure. Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Right, 217—224, 2001 (in Russian).

9. Kalinkina L. D., Fadeeva E. I. Challenges, replacement of a judge and a deliberation of judges during collegial consideration of criminal cases in the court of first instance. Modern Law, 102—106, 2010 (in Russian).

10. Dikarev I. S. Dissenting opinion of judge: the question of the legal consequences. Russian justice, 56—59, 2014 (in Russian).

11. Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace in 2017; Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace in 2018; Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace in 2019. In: Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Site. Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5>. Accessed: 25 December 2020 (in Russian).

© Lykov D. A., 2021

Lykov Dmitry Andreevich,

researcher, teacher-researcher;
e-mail: lykov94@mail.ru

УДК 343.102(09)
ББК 67.410.212-1
doi: 10.25724/VAMVD.XNOP

А. И. Мелихов

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ
КАК СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ**

Деятельность по негласному познанию преступных и общественно опасных тайн членов общества прошла многотысячелетний путь от семейного, общественного и религиозного надзора к государственному институту оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел (ОРД ОВД) как объективно необходимой, научно обоснованной деятельности во благо общества. Прототипом ОРД ОВД на ранних общинных стадиях развития человечества является универсальная человеческая деятельность, объективно возникающая в целях обеспечения удовлетворения витальных потребностей человека и общества в самосохранении, самовоспроизводстве и самоподдержании, осуществляемая со стороны старших членов общества, служителей мистических культов, неродственного соседского окружения и носителей общинной власти в опосредованной от них мистическими силами форме негласного надзора и контроля за обществом, заключающаяся в познании, анализе и реализации полученной информации относительно общественно опасных замыслов и деятельности членов общества и их сообществ в прошлом, будущем и настоящем. Государственный уголовный сыск возникает уже позже в открытых обществах — крупных городах с целью познания, в первую очередь, преступных замыслов людей, вырванных из системы семейного, общинного и религиозного контроля внутреннего мира закрытых сельских обществ и небольших городов.

Ключевые слова: безопасность как обеспечение потребностей самосохранения, самовоспроизводства и самоподдержания; оперативно-разыскная деятельность; негласный надзор и контроль; замысел.

A. I. Melikhov

**ANTHROPOLOGICAL ORIGINS OF THE OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY
OF THE POLICE AS A MEANS OF ENSURING SECURITY IN SOCIETY**

Activities on the tacit knowledge of criminal and socially dangerous secrets of society members have passed many thousands of years from family, public and religious supervision to the state institution of operational-search activities of the Department of Internal Affairs as an objectively necessary, scientifically grounded activity for the benefit of society. The prototype of the operational-search activities of the Department of Internal Affairs at the early community stages of human development is universal human activity, objectively arising in order to ensure the satisfaction of the vital needs of a person and society in self-preservation, self-reproduction and self-support, carried out by senior members of society, ministers of mystical cults, and an unrelated neighborhood environment and holders of communal power in the form of covert supervision and control over society mediated from them by mystical forces, which consists in the cognition, analysis and implementation of the information received regarding socially dangerous plans and activities of members of society and their communities in the past, future and present. State criminal investigation appears later in open societies — large cities with the aim of learning, first of all, the criminal designs of people torn from the system of family, community and religious control of the inner world of closed rural societies and small towns.

Key words: security as meeting the needs of self-preservation, self-reproduction and self-maintenance; operational search activity; covert supervision and control; idea.

В основе исторических исследований оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) лежит поиск методов современной ОРД в деятельности разных государственных органов, что привело к смешению логики исторических причин возникновения разведывательной, контрразведывательной и иных видов военной деятельности с ОРД полицейских органов. Вместе с тем ОРД полиции, в основном, всегда отводилась вторичная роль, производная от военного искусства, приемов войны, демилитаризованных для гражданских целей.

В формирующемся сейчас полицейском праве указывают на более древние истоки полицейских функций, направленных на обеспечение внутренней безопасности общества, а потому историю ее ведут с догосударственного периода, когда подавление энтропийных проявлений общества осуществлялось силами самого общества, посредством семейных, общинных и религиозных институтов.

Позиция и тех и других ученых совершенно обоснована, поскольку при единой цели — обеспечение национальной безопасности — у них разные зоны ответственности, а следовательно, разный характер отражаемых угроз и источников опасности и их пространственное нахождение относительно охраняемой социальной системы — нации.

Однако в аспекте исследования истории ОРД органов внутренних дел (далее — ОВД) нам представляется более правильной позиция ученых, ведущих историю полицейских функций с догосударственного и доправового периода развития человечества. Поскольку, как показывают исследования истории ОРД, государственный сыск первоначально направлен на обеспечение безопасности власти и расширения сферы ее влияния на общество. Лишь обезопасив власть от внешних и внутривластных угроз, институт государственного сыска начинает работать на обеспечение безопасности населения в крупных городах.

Сущностный подход к ОРД как средству обеспечения безопасности в форме негласного надзора и контроля за источниками опасности, а также как одному из видов полицейской деятельности значительно расширяет историю ОРД, обогащая ее современное содержание и потенциал.

Как справедливо утверждает ведущий российский криминолог Ю. М. Антонян, первобытная культура — то наследство, от которого человечество никогда не избавится, поскольку личность в филогенетическом плане формируется именно в ней [1, с. 56]. Поэтому корни многих современ-

ных государственно-правовых институтов, в том числе национальной безопасности, оперативно-разыскной деятельности и уголовного процесса, следует искать именно в этом периоде.

Первоначально предметом истории являются закрытые социальные системы — племена, общины и т. п. Можно определить следующие различия между скрытым познанием тайного в закрытых и открытых социальных системах, что воплощается в противопоставлении цивилизации и «общин», «деревни» [2, с. 20—31]. Если в «закрытых обществах» содержание человеческого подсознательного не является тайной, поскольку человек живет в семье, общине, окруженный как минимум тремя-четырьмя старшими поколениями и религиозными институтами, то, что мы называем цивилизацией (а по сути дела «городом» или обществом открытого типа), предполагает наличие внутреннего мира человека, не контролируемого ни старшими поколениями, ни представителями религии, что обуславливает появление в городах государственного сыска, нацеленного на познание, прежде всего, преступных замыслов людей, вырванных из системы семейного, общинного и религиозного контроля внутреннего мира.

Открытые и закрытые общества в информационном плане очень сильно отличаются. Если в «закрытых» обществах большинство его членов обладают полным, целостным мировоззрением, в том числе в аспекте обеспечения безопасности, поскольку охватывались все этапы человеческой жизни (что позволяло ему осуществлять индивидуальное прогнозирование) и все сферы человеческой деятельности, то в «открытых» городских обществах человек обладает фрагментарным мышлением, обусловленным сложным разделением труда и разрывом связей с предыдущими поколениями, что делает затруднительным осмысление прогноза его жизни в плане его самосохранения. Поэтому если в закрытых обществах человек более ответственен за свое самосохранение, а коллективная безопасность обеспечивается всеми членами общества, то в открытых обществах, существующих, как правило, в государственной форме, выполнение этих витальных функций приобретает профессиональный характер.

Необходимо отметить, что институты негласного контроля в целях обеспечения коллективной безопасности универсальны для истории всего человечества, однако имеют значимые национальные особенности его становления.

Институциональное изучение требует выявления ментальных особенностей общества, в кото-

ром они существуют, поскольку у каждого общества и государства свой путь к устойчивому развитию, зависящий в том числе от природных условий их существования: климата, островного или материкового расположения и др.

Так, первыми «оперативниками-этологами», наблюдавшими за поведением людей в их естественной среде в южных материковых европейских государствах с ровным климатом, вероятнее всего, были члены общины, непригодные для охоты, собирательства и других витальных нужд в силу старости или немощности, что, впрочем, не отрицало их богатого жизненного опыта как «старейшин». Избыточный продукт позволял общине не избавляться от них, а направлять их усилия на удовлетворение вторичных нужд или не задействовать их вообще, что дало им много свободного времени и возможность наблюдения за повседневной жизнью племени и окружающей природой.

Постепенно повседневные наблюдения первых этологов, пройдя через личные нужды опытного и наблюдательного, но слабого члена общины, стали облекаться в бихевиоризм обрядов, направленных на преодоление природного эгоизма человека и сублимацию его сознательных и подсознательных потребностей в общественно полезные действия, являющиеся источником энергии каждого объединения людей.

Таким образом, институт принесения жертв помогал преодолевать природный эгоизм, перераспределять материальные средства и тем самым обеспечивать стабильность общества. В северных странах шаманы, колдуны, как правило, живут удаленно, что обеспечивает негласность их повседневности. Их целевая (познавательная) деятельность густо завуалирована мелочами церемоний и обрядов, позволяющих негласно наблюдать за членами общины.

Многие деяния членов общины во имя обеспечения ее самосохранения являлись в современном понимании нарушением прав человека (например, насильственное перераспределение благ, некоторые методы воспитательной и образовательной работы с подрастающим поколением и т. п.). Эти поступки были аморальны с позиции современной личности, но они были урегулированы, т. е. осуществлялись согласно иерархии и обрядам, для подавления эгоистических энтропийных угроз в целях обеспечения внутренней безопасности общины, поскольку «...первобытная религия... есть мера предосторожности против опасности, которой подвергаются, как только начинают думать, опасности, состоящей в том, чтобы думать только о себе.

Это, стало быть, действительно защитная реакция природы против ума» [3, с. 132]. Таким образом, уже в реликтовых обществах существует традиция регулирования поступков, совершаемых в интересах коллективной безопасности, но представляющих аморальными в отношении человека.

Шаман, как знаток повседневности общины и человеческой природы, в том числе его «духа» — подсознательного, — смог путем коммуникаций с властью сильных воплотить свои знания о человеке и обществе в личную власть, разделит влияние в общине на власть сильных (вождя племени) и власть знаний, тем самым усложнив саму природу власти.

Именно религиозные, а для этого этапа правильнее будет сказать — магические, инструменты обрядов, предсказаний, духов, разговоров с мертвыми вуалировали скрытое познание общества и человека в целях их контроля и управления. В механизм обеспечения безопасности общины вводятся новые субъекты — духи природы, обладающие загадочной силой, однако примитивное развитие абстрактного мышления у рядовых членов общины потребовало визуализации духов — они вселяются в шаманов, колдунов и доносят до людей свою волю. Другой способ визуализации — призвание мертвых предков, которые, с одной стороны, легко воспроизводятся в сознании людей, их знавших, а с другой — являются символом своей прошедшей жизни и обладают определенным посмертным авторитетом в общине, а следовательно, могут быть использованы для обеспечения безопасности и управляемости общины. Мертвые предки становятся символами общественно полезного поведения с целью ассоциации их поведения в прошлом с поведением их потомков в настоящем¹.

Помимо опосредованного рупора власти «мертвые» играли и активную роль в познании тайного в общине. Согласно данным объективной психологии при встрече с новой опасностью человек впадает в состояние стресса, когда сознательная деятельность уступает место подсознательным и бессознательным реакциям на опасность (их три: бежать, защищаться, притворится мертвым). Наиболее слабые особи притворяются мертвыми, чтобы прийти в себя и в нужный момент убежать или напасть на противника; также это могло быть

¹ «Мертвые... становятся особами, с которыми надо считаться. Они могут причинять вред. Они могут оказывать услуги... Люди станут воздерживаться от того, что может вызвать их раздражение. Они постараются завоевать их доверие. Будут придуманы тысячи способов заполучить, купить, даже обмануть их» [3, с. 145].

способом охоты. Действие данных механизмов обеспечения самосохранения мы во множестве встречаем в современной оперативно-разыскной практике [4].

В познании это стало стратегией поведения: «притворится мертвым» — значит уйти из мира живых, перестать общаться с ними, но не значит перестать слышать их. Практически во всех реликтовых культурах есть миф о существовании загробной жизни и возможности мертвых доносить через шаманов свою волю или информацию об их убийцах — живым.

«Мертвых» можно было использовать в качестве источника информации и в случае необходимости опосредованно донести до общины сведения, добытые шаманом, либо напротив — передать обращение членов общины к коллективной памяти за советом. Раскрытие преступления, например убийства, в результате осмотра трупа завуалировалось общением шамана с мертвым, который сообщал ему имя своего убийцы. Так же могла легендироваться информация, предоставленная сознательно или случайно первобытными «агентами». Внезапное придание огласке служителями культа тайных неблагоприятных поступков своих сородичей не могло не вызывать у последних суеверного страха, что упрочняло власть шаманов и колдунов как знатоков внутреннего духовного мира человека.

Необходимо отметить, что шаманизм, колдовство и прочие манипулятивные инструменты тайной власти были не так характерны для отечественного национального менталитета. В частности, проживание в природных зонах с длительными зимами обусловило появление у народов, обитающих на территории России, длительного периода свободного времени, не направленного на производство материальных благ. Если в южных и северных цивилизациях свободное время было доступно только членам общины, не задействованным в ее жизнеобеспечении (выращивание круглогодичного урожая или, напротив, необходимость поиска пропитания путем собирательства круглый год), то в российской цивилизации, для которой характерен резкий перепад температур в смены времен года, обусловивший сбор одного урожая для употребления его в зимнее время, свободное время для наблюдения и познания было доступно всем обывателям.

Указанное время проводилось в кругу семьи, в пассивном наблюдении за поведением разных поколений, что обусловило более глубокий уровень знаний о природе человека, его психологии

и развивало такие национальные черты, как наблюдательность, внимательность, эмпатию. Неслучайно многие иностранцы из западных стран, попадая в Россию, не могут избавиться от чувства, что незнакомые окружающие сознательно за ними наблюдают. Таким образом, знания о природе человека и свободное время в отечественной ментальности были не привилегией отдельных членов общины или родственных групп, а передаваемым достоянием от старшего поколения к младшему посредством их негласного фонового обучения.

На примере русской деревни как типичного закрытого общества можно увидеть основы безопасности общины и негласного надзора за энтропийными проявлениями в нем и сознательной преступностью. Как отмечают исследователи, для русской деревни до периода коллективизации и других общенациональных потрясений «...обычным было состояние полной безопасности и душевного покоя» [5, с. 52], что говорит об эффективности действующей там системы обеспечения коллективной безопасности, обусловленной единым мировоззрением², общественным, не личным самосудом как средством обеспечения неотвратимости наказания³, гласным и негласным внутрисемейным контролем⁴, контролем старшего поколения⁵, общественным контролем⁶, передачей

² Эмоциональная, духовная взаимосвязь жителей каждой деревни была и средством их защиты от опасностей внешнего мира (А. П. Степанова, 1923; цит. по: [5, с. 44]).

³ «Однажды самосуд видела своими глазами, в детстве это было... Украл один мариец у нашего соседа телку, зарезал в лесу. Потом это раскрыли, нашли шкуру. Так вот эту шкуру надели на него и стали бить чем попало. Вот тогда был суд! И вели его по всей деревне. И по шкуре, и по ворю черви ползали, так как шкура уже портиться стала. Все видели в деревне этот самосуд. Били вора очень сильно. Помню, он еле шел. Не знаю, выжил или нет? Не помню. Но кражи — это был редчайший случай. Жили спокойно, не боялись никого. Не думали о том, что кто-то может нарушить наш покой. Даже ночью не закрывались» (Е. И. Маклакова, 1914; цит. по: [5, с. 52]).

⁴ «Я всегда подчинялся родителям, не разбираясь, прав отец или нет — но он отец. В основном ведь боялись отца. Поэтому дома как-то всегда царили мир и покой, не было ругани и ссор» (цит. по: [5, с. 123]).

⁵ Старики в деревне выполняли функции своеобразного общественного надзора. «А вот с какими почестями к старикам относились! Идет старик по деревне — лучше бы куда с дороги отвернуть. Поди не так поклонись, или че не так оболочено. Всем еще из ребят строго наказывают и учат, как надо им кланяться, здороваться. Одним словом, почитали стариков и слушались. Уж слова не переставишь» (Е. И. Платунова, 1900; цит. по: [5, с. 153]).

Старики были очень внимательны ко всему, что происходило в деревне, формировали общественное мнение. Были очень внимательны к детям.

Уважительное отношение культивировалось не только к своим старикам (старшим в своей семье), но и вообще ко всем старым людям... «Стариков раньше почитали, все их спрашивали. ...Не только родителей, раньше всех старых людей почитали, здоровались со всеми, поперек слова не смели сказать. Как старик скажет, так и будет. Слушалась молодежь» (А. А. Опалева, 1915; цит. по: [5, с. 153]).

знаний, в том числе в области обеспечения само-сохранения из поколения в поколение.

В рамках предмета нашего исследования интерес представляют субъекты негласного контроля, в качестве которых выступали: внутрисемейный контроль, соседский контроль, контроль старшего поколения и надзор «высших» сил⁷, в реальности выступавший одной из форм реализации контроля первых трех видов, с целью не столько соблюдения норм морали, сколько предотвращения внутреннего социального отчуждения нестабильных членов общества, затруднявшего контроль их внутреннего мира. Социопрограммирование и прогнозирование членов общества с целью обеспечения их индивидуальной и коллективной безопасности происходило посредством мистических примет, гаданий, знаков, необъяснимых происшествий.

В данной системе обеспечения безопасности можно выделить гласный и негласный надзор за повседневностью человека — его внешним миром, осуществляемый как внутри семьи, так и в общине; и гласный и негласный контроль за его внутренним миром.

Негласный надзор за внутренним миром человека осуществлялся более старшими и опытными членами общества на основе фундаментальных знаний о природе человека, получаемых посредством наблюдения психологических и физиологических реакций объекта наблюдения на события и действия. Указанный надзор осуществлялся в открытой форме, но был негласным для наблюдаемого, поскольку он не представлял объем ретранслируемой им окружающей информации о своих внутренних переживаниях. Второй вид негласного контроля был открытым и добровольным по форме для наблюдаемого, но негласным по форме реализации полученной информации.

Важной психологической особенностью человека является его потребность во внешней социальной оценке как своего внешнего выражения, так и внутреннего мира. Однако публичная демонстрация внутреннего мира является рискованной для его индивидуальной безопасности; семейное

предание огласке своих скрытых сознательных и подсознательных переживаний входит в противоречие с семейным распределением традиционных ролей, что также небезопасно для самосохранения семьи, поэтому указанная потребность реализуется в закрытых обществах с помощью члена общины, не являющегося родственником⁸, а в открытых обществах — посредством незнакомых людей. Так, в частности, в западной культуре практикуется «беседа в баре», где человек рассказывает незнакомцу «свою историю» (по сути, историю своей жизни или интересного (неоднозначного) жизненного опыта).

Указанная психологическая особенность получила нормативное закрепление в христианском таинстве покаяния — исповеди священнослужителю, а в православной традиции трансформировавшаяся в институт «духовного отца», выбираемого из неродственного окружения [6, с. 141].

Таким образом, уже на ранних стадиях развития общества можно выделить психологические и ментальные основы наиболее распространенных методов современной ОРД, осуществляемых негласно в обществе — негласное наблюдение и агентурная работа.

Система обеспечения безопасности перечисленными выше внутриобщинными методами исторически является наиболее оптимальной в плане обеспечения внутренней безопасности закрытого человеческого сообщества, поскольку, согласно последним исследованиям биологов, естественный отбор происходил не на уровне индивида, а на уровне рода или племени [7]. Иными словами, группы с данной системой обеспечения самосохранения дожили до наших дней, а следовательно, указанные методы общества заслуживают воспроизводства в современных системах обеспечения безопасности.

Как мы видим, деятельность по негласному познанию преступных и общественно опасных тайн членов общества прошла многотысячелетний путь от общественного и религиозного надзора к государственному институту ОРД ОВД как «объективно необходимой, научно обоснованной деятельности во благо общества» [8, с. 4]. Прообразом ОРД ОВД является универсальная человеческая деятельность, объективно возникающая в целях обеспечения удовлетворения витальных потребностей человека и общества в самосохранении, самовозрождении и самоподдержании, осуще-

⁶ Как ни странно, при такой открытости стеснялись зачастую соседей гораздо больше, чем сейчас. Общественное мнение было очень действенным. Неписанный кодекс поведения, крестьянской морали соблюдался скрупулезно. Не дай Бог в чем-нибудь его нарушить! (А. В. Кропанева, 1914; цит. по: [5, с. 45]).

⁷ «В каждом доме есть домовый, он хозяин дома. Следит он за порядком в доме, а если хозяева нерадивые, он их наказывает. А в бане живет домовый-банник. Не любит он, когда в бане ночью моются или пьяные. С домовым старались не ссориться, так как считалось, что он может настроить вещи против их хозяев, устроить падеж скотины и прочее» (Н. Ф. Ситников, 1926; цит. по: [5, с. 238—250]).

⁸ Среди множества соседей и приятелей друзей близких, закадычных и сердечных было не много. Им-то уж, как правило, открывали свою душу до донышка, говорили обо всем — что можно и что нельзя [5, с. 45].

ствляемая представителями старших поколений, служителями мистических культов, неродственным окружением и носителями общинной власти в опосредованной от них форме негласного надзора и контроля за обществом, заключающаяся

1. Антонян Ю. М. Преступность в первобытном обществе // Научный портал МВД России. 2010. № 3 (11). С. 55—59.
2. Шкурин И. Ю. Основы логической теории цивилизации. Москва: Спутник+, 2013. 109 с.
3. Бергсон А. Два источника морали и религии / пер. с фр., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. Москва: Канон, 1994. 384 с.
4. Скрыпников А. И., Зубрилова И. С. Психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел: метод. пособие. Москва: ИМЦ ГУК МВД России, 2011. 141 с.
5. Бердинских В. Русская деревня: быт и нравы. Москва: ЛомоносовЪ, 2013. 272 с.
6. Домострой / изд. подгот.: В. В. Колесов, В. В. Рождественская. 3-е изд. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 399 с.
7. Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству / [пер. с англ. А. Чечинной]. Москва: Эксмо, 2013. 336 с.
8. Соловей Ю. П. О совершенствовании законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации // 15 лет Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Омск, 9 ноября 2010 г.). Омск: Омск. юрид. ин-т, 2010. С. 3—8.

© Мелихов А. И., 2021

Мелихов Александр Иванович,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: stalingrad@pisem.net

в познании, анализе и реализации полученной информации относительно общественно опасных замыслов и деятельности членов общества и их сообществ в прошлом, будущем и настоящем.

1. Antonyan Yu. M. Crime in primitive society. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 55—59, 2010 (in Russian).
2. Shkurin I. Yu. Foundations of the logistic theory of civilization. Moscow: Sputnik +; 2013: 109 (in Russian).
3. Bergson A. Two sources of morality and religion. Translation from French, afterword and notes by A. B. Hoffman. Moscow: Canon; 1994: 384 (in Russian).
4. Skrypnikov A. I., Zubrilova I. S. Psychological support of operational and service activities of employees of internal affairs bodies. Manual. Moscow: IMTS GUK of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2011: 141 (in Russian).
5. Berdinskikh V. Russian village: life and customs. Moscow: Lomonosov; 2013: 272 (in Russian).
6. Domostroy. Prepared by V. V. Kolesov, V. V. Rozhdestvenskaya. 3rd ed. Saint Petersburg: Nauka; 2007: 399 (in Russian).
7. Ridley M. The origin of altruism and virtue: from instincts to cooperation. [Translation from English A. Chechina]. Moscow: Eksmo; 2013: 336 (in Russian).
8. Solovey Yu. P. On improving the legislative regulation of operational-search activity in the Russian Federation. In: 15 years of the Federal law "On operational-search activity". Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, 9 November 2010, Omsk. Omsk: Omsk Law Institute; 2010: 3—8 (in Russian).

© Melikhov A. I., 2021

Melikhov Alexander Ivanovich,
associate professor at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: stalingrad@pisem.net

* * *

УДК 343.985.7:343.34
ББК 67.523.13
doi: 10.25724/VAMVD.XOPQ

О. А. Попова

**О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ЧАСТНЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК
В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

В статье проанализированы мнения ученых по вопросу необходимости модернизации криминалистических методик в связи с развитием информационных технологий. На основе результатов проведенного исследования, а также опыта профессиональной деятельности автора в сфере повышения квалификации следователей сделан вывод о целесообразности разработки новых частных криминалистических методик расследования преступлений, совершаемых с использованием криптовалют и других виртуальных активов, усиленной квалифицированной электронной подписи, легализации преступных доходов в информационно-телекоммуникационной среде. Выявлена потребность практики во включении в имеющиеся методики сведений о типичных для данного вида преступлений цифровых следах, особенностях производства отдельных следственных действий, направленных на их обнаружение и фиксацию. При разработке криминалистических рекомендаций следует исходить из принципа разумной достаточности, не углубляясь в сугубо технические аспекты деятельности в сфере информационной безопасности. Совершенствование частных криминалистических методик должно стимулировать развитие форм взаимодействия с IT-специалистами.

Ключевые слова: частная криминалистическая методика, расследование преступлений, криминалистические рекомендации, информационно-телекоммуникационные технологии, IT-преступления, киберпреступления, цифровые следы.

О. А. Popova

**ON THE FEASIBILITY OF IMPROVING PRIVATE FORENSIC TECHNIQUES
IN CONNECTION WITH THE DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES**

This article analyses the scientists' opinion on the need to upgrade forensic methods in connection with IT development. Based on the results of research performed and on the author's professional background in the field of improvement of investigators' qualification, the authors has drawn a conclusion on expediency to develop new private forensic methods for investigating crimes committed using cryptocurrencies and other virtual assets, advanced qualified electronic signatures, money laundering in information and telecommunications environment. The practical necessity for existing methods to include data about standard digital footprints of this type of crime and peculiarities of the procedure of certain investigative actions aimed at its detection and fixation is also revealed. When developing forensic recommendations, the principle of reasonable sufficiency should be followed, without delving into specific technical aspects of IT security activities. The improvement of private forensic methods must stimulate the development of forms of collaboration with IT specialists.

Key words: private forensic methods, crime investigation, forensic recommendations, information and telecommunications technologies, IT-crimes, cybercrimes, digital traces.

Мир вокруг нас изменился и стал цифровым. Постепенный рост информатизации всех сфер общественной жизни сменился резким скачком в период пандемии, когда люди относительно легко перешли на дистанционное взаимодействие. Этим обстоятельством воспользовались и крими-

нальные структуры. «Оперативная обстановка» в информационном пространстве серьезно обострилась. Каждое четвертое преступление, зарегистрированное в России в 2020 г., было совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. За последние пять лет число

таких преступлений увеличилось более чем в 11 раз и продолжает расти, хотя на текущий момент темп прироста по сравнению с 2020 г. несколько замедлился и составляет около 8,2 % [1].

По данным компании Group-IB, русскоязычная киберпреступность выходит на мировой уровень: процветает «пиратство» — нарушение авторских прав, вымогательство с использованием программ-шифровальщиков, направленное не на индивидуальных пользователей, как в прежние годы, а преимущественно против участников финансового рынка. Кибератаки при этом сопряжены с хищениями данных клиентов, и требования вымогателей подкрепляются угрозами публикации этих данных [2].

По данным аналитики Clain Technologies, в 2020 г. Россия стала лидером на рынке высокорисковых биржевых площадок, совершающих операции в криптовалютах Ethereum и Bitcoin, где ее доля составляет 41,1 % [3]. Граждане России, пользуясь запрещенными сегментами интернет-пространства DarkNet, например такими, как теневой портал Hidra, осуществляют торговлю наркотиками, оружием, поддельными деньгами, вредоносным софтом, обмениваются информацией о способах совершения и сокрытия преступлений, используя в качестве оплаты за нелегальные товары или услуги криптовалюту. Участники такого онлайн-взаимодействия, как отмечает В. А. Петров, обычно «остаются безнаказанными, скрывающимися за анонимностью своих криптокошельков, так как на данный момент не существует единой криминалистической методики, позволяющей выявлять указанных лиц и привлекать их к уголовной ответственности за совершенные ими деяния» [4].

Выступая на Международной научно-практической конференции «Криминалистика в условиях развития информационного общества», состоявшейся 18 мая 2018 г. в Академии управления МВД России, Ю. В. Гаврилин, предлагая направления развития частных криминалистических теорий и учений в условиях цифровизации, отметил: «Вектором развития методики расследования отдельных видов преступлений является переработка и дополнение частных криминалистических методик, построенных без учета электронных следов преступлений» [5].

На том же научном форуме В. Н. Карагодин высказал диаметрально противоположную точку зрения, сделав следующие выводы: ввиду того что «процессы возникновения электронных следов относятся к компетенции специалистов в области

кибернетики, электроники и математики», «в настоящее время не усматривается потребностей практики в разработке тактических приемов проведения следственных действий с целью обнаружения средств компьютерной техники и компьютерной информации». Он также отметил, что «распространенность тех или иных преступлений и даже неудовлетворительный уровень их раскрываемости еще не свидетельствует о необходимости изменения парадигм криминалистики» [6].

Нельзя в полной мере согласиться с данным утверждением. Признанные российские ученые обращают особое внимание на то, что «содержание конкретных частных криминалистических методик и есть то особенное, ради разработки которого существует этот раздел криминалистической науки» [7, с. 707]. Совершенствование и разработка криминалистических методик обусловлены появлением новых способов совершения преступлений. Эти способы с использованием информационно-телекоммуникационных технологий настолько разнообразны, что детально описать их может лишь специалист в сфере информационной безопасности. Здесь и таится та опасность, о которой упоминал В. Н. Карагодин, предостерегая от «превращения криминалистики в меганауку» путем чрезмерного расширения ее предмета [6].

Возможно, применительно к рассматриваемым видам преступлений следует разграничить понятия способа совершения преступления и его технического (программного) исполнения. Например, если под способом совершения преступления понимать внедрение в устройства пользователей вредоносной программы путем рассылки фишинговых писем, то сама программа и результаты ее воздействия на информационные процессы, соответственно, являются программным исполнением. Представляется, что в свете изложенного следователь должен иметь хотя бы общее представление о способах совершения IT-преступлений, оставляемых киберпреступниками следах и обладать иными сведениями, составляющими содержание частных криминалистических методик, с тем чтобы осуществлять эффективное взаимодействие с соответствующими специалистами, применяя методику в расследовании конкретного преступления.

Опросы следователей показывают, что они испытывают трудности при установлении маршрутов движения финансовых потоков между участниками нелегальных сделок; сведений об абонентах, использующих технологии подмены вызывающего номера, а также VPN и Proxy-сервисы (анонимай-

зеры) для интернет-соединений; сведений об участниках сетевого взаимодействия в DarkNet.

Общение со следователями в процессе обучения по программам повышения квалификации, в том числе оценка выполнения ими практических задач, показало, что 42,6 % обучающихся допустили ошибки при осмотре интернет-страниц, не зафиксировав криминалистически значимую информацию, способствующую установлению лиц, совершивших преступления. Содержание переписки участников форума, обсуждавших условия криминальных сделок и подтверждающих факты предшествующей противоправной деятельности, в протоколе осмотра следователями были изложены не дословно, а в собственной интерпретации и не соответствовали прилагаемым снимкам с экрана (скриншотам). Вместе с тем лишь 35,3 % смогли определить направления дальнейшего использования ставших известными в ходе осмотра данных для установления подлежащих доказыванию обстоятельств.

63 % опрошенных следователей не имели четкого представления о том, в какие организации и по каким вопросам следует направлять запросы об установлении обстоятельств, имеющих значение для расследования, например для получения сведений о паспортных данных владельца электронной почты (при регистрации такового на российских сайтах); об использованных для регистрации абонентских номерах, IP-адресах, при помощи которых осуществляется доступ к электронной почте, о регистрационных данных владельцев доменных имен и пр. Они также не обладали знаниями о том, что важную для расследования информацию можно получить от бирж и обменников, которые взаимодействуют с Пенсионным фондом России либо имеют представительства в Российской Федерации (например, о псевдониме пользователя и соответствующих ему реальных персональных данных: фамилии, имени, отчестве, дате рождения, номере мобильного телефона, e-mail, о принадлежащих пользователю криптовалютных адресах, входящих / исходящих операциях, в том числе о конвертации криптовалюты в государственно обеспеченные валюты («фиатные» средства). Большинство следователей, не проявляя особой инициативы, ограничиваются в своей практической деятельности направлением поручений в управления экономической безопасности и противодействия коррупции и бюро специальных технических мероприятий (БСТМ).

Участники анкетирования сообщили, что некоторое представление об особенностях расследо-

вания преступлений, совершенных с использованием криптовалют и других виртуальных активов, усиленной квалифицированной электронной подписи, связанных с легализацией преступных доходов в информационно-телекоммуникационной среде, они получают преимущественно из направляемых в их адрес обзоров, разрозненных научных публикаций или в процессе общения друг с другом на профессиональные темы.

В сложившейся в настоящее время ситуации отчетливо проявляется неготовность правоохранительных органов к эффективному противодействию IT-преступности. Весьма нелестно звучат такие высказывания, как «Гидра кажется бессмертной, но в реальности под нее никто пока серьезно не копал» [8], а также утверждения о «беспомощности процедуры конфискации криптовалюты» [9], об «отсутствии профессиональной подготовки специалистов по расследованию преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты» [10]. На фоне этого крупные представители бизнеса в сфере кибербезопасности предлагают широкий спектр услуг в собирании цифровых доказательств (например, Группа информационной безопасности Group-IB).

Выделение в специализированные подразделения по борьбе с IT-преступлениями следователей и оперативных сотрудников (фактически — их нормативно закрепленная специализация), а также увеличение числа сотрудников БСТМ [11], как видно из приведенных выше статистических данных, пока не решило имеющихся проблем, поскольку исключительно организационно-штатные мероприятия не могут принести ожидаемых результатов без создания научной основы в форме современных частных криминалистических методик как комплексов рекомендаций по установлению по электронным следам обстоятельств, подлежащих доказыванию, при расследовании преступления, совершенного в цифровой среде.

По сведениям, предоставленным фондом «Общественное мнение», по состоянию на конец марта 2021 г. в России Интернет использует 81 % населения (118 млн человек), при этом выход в глобальную сеть осуществляется с 237,6 млн мобильных устройств, что составляет (163 %). Россияне ежедневно находятся в сети на протяжении 7 часов 17 минут [12]. Таким образом, результатом цифровизации стал не только рост преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, но и повсеместное внедрение высокотехнологичных продуктов, сохраняющих в себе следы

преступлений в электронной форме. Сейчас ни один следователь не ограничивается исключительно «традиционными», описанными еще в прошлом веке методами расследования: практически в каждом уголовном деле фигурирует протокол осмотра средства сотовой связи, компьютерной техники, электронного документа, интернет-страницы или записей камер видеонаблюдения.

В связи с недостаточным научным обеспечением на практике для решения поставленных задач модернизируются имеющиеся в арсенале средства и методы. Так, в ходе проведенного автором исследования изучен протокол следственного эксперимента с участием обвиняемого Н., в ходе которого было установлено, что любому пользователю сети Интернет доступна регистрация на сайте HYDRA, а после регистрации — покупка предложенных на сайте товаров по предварительной оплате [13].

Следователи испытывают потребность в разработке алгоритмов приостановления транзакций и наложения ареста на криптовалюты. Не касаясь вопроса о признании в России криптовалют, отметим: даже не утверждая, что они являются законным средством платежа и объектом гражданского права, необходимо блокировать дальнейшее использование в преступных целях тех цифровых активов, которые были получены в результате совершения преступления.

Первоочередной задачей расследования любого преступления является установление лица, его совершившего. Главным препятствием в этом являются технологии сокрытия сведений об участниках цифрового взаимодействия. Преодолеть

противодействие раскрытию и расследованию IT-преступлений, осуществляемое за счет анонимизации в сети Интернет, возможно путем скрупулезного анализа движения финансовых потоков участников криминальных сделок, сопоставления большого объема данных о транзакциях, совершенных на криптовалютных биржах. Однако разработка методик должна базироваться на реальных возможностях с учетом обеспечения ее последующей реализации путем привлечения специалистов в сфере финансового мониторинга и информационной безопасности. В настоящее время возможностями такого анализа обладает Росфинмониторинг, при этом результаты проведенной им финансовой разведки не могут быть использованы в качестве доказательств.

Как известно, следственная практика через криминалистическую методику стимулирует криминалистическую тактику и технику [7, с. 709]. Поэтому разработка новых и совершенствование имеющихся криминалистических методик должна осуществляться в комплексе с совершенствованием средств и методов цифровой криминалистики, а также тактики следственных действий, направленных на обнаружение и фиксацию электронных следов преступления. В то же время на государственном уровне необходимо принять дополнительные меры по организационному и материально-техническому обеспечению противодействия преступлениям в сфере информационных технологий: без этого все рекомендации останутся лишь фантазиями ученых.

1. Состояние преступности в России: январь — декабрь 2020 г., январь — июль 2021 г. // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 22.09.2021).

2. Исследования киберугроз // Group-IB: сайт. URL: <https://www.group-ib.ru/resources/threat-resources.html> (дата обращения: 22.09.2021).

3. Near \$20B Passed Through High-Risk Exchanges in 2020 // Clain Technologies SA: site. URL: <https://clain.io/blog/post/near-20b-passed-through-high-risk-exchanges-in-2020> (accessed: 22.09.2021).

4. Перов В. А. Доказательственное значение электронных следов при расследовании преступлений с использованием блокчейн-технологий // Российский следователь. 2021. № 4. С. 38—40.

1. State of crime in Russia: January — December 2020, January — July 2021. In: Portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Available from: <https://crimestat.ru/analytics>. Accessed: 17 September 2021 (in Russian).

2. Cyber Threat Research. In: Group-IB. Site. Available from: <https://www.group-ib.ru/resources/threat-resources.html>. Accessed: 17 September 2021 (in Russian).

3. Near \$20B Passed Through High-Risk Exchanges in 2020. In: Clain Technologies SA. Site. Available from: <https://clain.io/blog/post/near-20b-passed-through-high-risk-exchanges-in-2020>. Accessed: 17 September 2021 (in English).

4. Perov V. A. The evidentiary significance of electronic traces in the investigation of crimes using blockchain technologies. Russian investigator, 38—40, 2021 (in Russian).

5. Гаврилин Ю. В. Основные направления развития криминалистических знаний в условиях информационного общества // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения): сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Москва: Акад. управления МВД России, 2018. С. 65—72.

6. Карагодин В. Н. Исследования компьютерных информационных процессов в структуре науки криминалистики // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения): сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Москва: Акад. управления МВД России, 2018. С. 115—119.

7. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. засл. деятеля науки Российской Федерации, проф. Р. С. Белкина. Москва: НОРМА — ИНФРА М, 2000. 990 с.

8. «Гидра» отрастила головы. Русскоязычный даркнет-рынок вырос на фоне ослабления конкурентов // АО «Коммерсантъ» 1991—2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4829012> (дата обращения: 22.09.2021).

9. Долгиева М. М. Конфискация криптовалюты // Законность. 2018. № 11. С. 45—49.

10. Долгиева М. М. Операции с криптовалютами: актуальные проблемы теории и практики применения уголовного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 128—139.

11. Об объявлении решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 1 ноября 2019 г. № 3км: приказ МВД России от 25 ноября 2019 г. № 878 // Модуль СТРАС «Юрист» справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

12. Интернет-2020 в России и мире: статистика и тренды // VC.RU: сайт. URL: <https://vc.ru/future/109699-internet-2020-v-rossii-i-mire-statistika-i-trendy> (дата обращения: 22.09.2021).

13. Уголовное дело № (данные изъяты) по обвинению Н. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 186 УК РФ, возбужденное 25.11.2019 СО Отдела МВД России по г. Норильску.

5. Gavrilin Yu. V. The main directions for the development of forensic knowledge in the conditions of the information society. In: Criminalities in the conditions of the development of the information society (59th annual criminalities readings). A collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2018: 65—72 (in Russian).

6. Karagodin V. N. Research of computer information processes in the structure of forensic science. In: Criminalities in the conditions of the development of the information society (59th annual criminalities readings). A collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2018: 115—119 (in Russian).

7. Averyanova T. V., Belkin R. S., Korukhov Yu. G., Rossinskaya E. R. Forensics. Textbook for universities. Ed. by honored scientist of the Russian Federation, professor R. S. Belkin. Moscow: NORMA — INFRA M; 2000: 990 (in Russian).

8. Hydra has grown heads. The Russian-language darknet market grew amid weakening competitors. In: Kommersant JSC 1991—2021. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4829012>. Accessed: 17 September 2021 (in Russian).

9. Dolgieva M. M. Confiscation of cryptocurrency. Law, 45—49, 2018 (in Russian).

10. Dolgieva M. M. Cryptocurrency operations: topical problems of the theory and practice of applying criminal law. Topical problems of Russian law, 128—139, 2019 (in Russian).

11. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 878 on 25 November 2019. "On the announcement of the decision of the board of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 3km on 1 November 2019". In: Module STRAS "Lawyer" of reference and legal system "Consultant Plus". Access mode: for registration users (in Russian).

12. Internet-2020 in Russia and the world: statistics and trends. In: VC.RU. Site. Available from: <https://vc.ru/future/109699-internet-2020-v-rossii-i-mire-statistika-i-trendy>. Accessed: 17 September 2021 (in Russian).

13. Criminal case No. (data seized) on charges of N. for committing a crime under Part 1 of Art. 186 of the Criminal Code, initiated on 25 November 2019 of the investigative department of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Norilsk (in Russian).

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Попова Ольга Александровна,
доцент кафедры организации
следственной работы
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: opopova57@mvd.ru

Popova Olga Alexandrovna,
associate professor at the investigation work
organization department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: opopova57@mvd.ru

* * *

УДК 343.985.7:343.5
ББК 67.523.13
doi: 10.25724/VAMVD.XPQR

О. А. Решняк, А. П. Алексеева

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ IT-ТЕХНОЛОГИЙ
В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
СОВЕРШАЕМОГО СОВРЕМЕННЫМИ СПОСОБАМИ**

Противодействие незаконному сбыту наркотических средств и психотропных веществ входит в число приоритетных направлений деятельности государства. Правительством Российской Федерации и правоохранительными органами в целях охраны здоровья граждан и общественной безопасности осуществляется строгий контроль за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и принимается ряд мер, ориентированных на его сокращение. Однако с сожалением приходится констатировать, что стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий, которые сегодня активно используются преступниками для совершения уголовно наказуемых деяний, делает эти меры малоэффективными.

В статье уделяется особое внимание сбыту наркотических средств и психотропных веществ. Анализируются обстоятельства его совершения. Предлагается перечень оперативно-разыскных мероприятий, тактических операций и следственных действий, которые, на взгляд авторов, могут повысить эффективность раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений.

Ключевые слова: незаконный сбыт наркотиков, сеть Интернет, компьютерные технологии, информационные системы, расследование преступлений.

О. А. Reshnyak, A. P. Alexeeva

**USE OF IT-TECHNOLOGIES
IN THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF ILLEGAL SALE OF NARCOTIC DRUGS
COMMITTED BY MODERN METHODS**

Counteracting the illegal sale of narcotic drugs and psychotropic substances is one of the priority areas of the state's activities. In order to protect the health of citizens and public safety, the Government of the Russian Federation and law enforcement agencies exercise strict control over the circulation of narcotic drugs and psychotropic substances and are taking a number of measures aimed at reducing it. However, we have to state with regret that the rapid development of information and telecommunication technologies, which are now actively used by criminals to commit criminal offenses, makes these measures ineffective.

The article pays special attention to the sale of narcotic drugs and psychotropic substances. The circumstances of its commission are analyzed. A list of operational-search measures, tactical operations and investigative actions, which, in the opinion of the authors, can increase the efficiency of disclosing and investigating the crimes in question, is proposed.

Key words: illegal sale of drugs, the Internet, computer technologies, information systems, crime investigation.

Распространение наркотических средств и психотропных веществ оказывает негативное влияние на жизнь и здоровье человека и представляет большую опасность для общества и государства, именно поэтому противодействие ему входит в число приоритетных задач, стоящих сегодня перед органами внутренних дел. Достижения в области информационно-телекоммуникационных технологий позволили преступникам избрать

легкий способ сбыта наркотических средств — бесконтактный, с использованием сети Интернет [1, с. 214—217]. Борьба с ним требует от правоохранителей знаний и оперативности, которых в настоящее время им недостает [2, с. 137—138]. Приведенные обстоятельства обусловили необходимость разработки рекомендаций по выявлению и расследованию данных преступлений.

Проведенное нами эмпирическое исследование* показало, что в большинстве случаев инструментом передачи информации о месте хранения наркотических средств в целях их последующего незаконного сбыта выступают технические устройства с возможностью выхода в Интернет [2, с. 212]. Сегодня практически у каждого человека есть смартфон, планшет, компьютер и иные девайсы. Многие имеют аккаунт в социальных сетях (Одноклассники, ВКонтакте, Facebook, Instagram), мессенджерах (Telegram, WhatsApp, Viber). Все это дает преступникам возможность привлекать клиентов путем рассылки сообщений.

Современные способы сбыта наркотических средств отличаются высочайшим уровнем конспирации и латентности, что затрудняет работу оперативников и следователей.

Как правило, рассматриваемые преступления совершаются организованной группой, члены которой адаптированы к динамике экономической конъюнктуры и активно используют информационно-телекоммуникационные технологии в преступных целях. Организатор координирует действия участников; обеспечивает бесперебойную работу информационных ресурсов и платежных систем; распределяет прибыль; осуществляет рассылку сообщений; размещает информацию об условиях приобретения наркотических средств на специальных сайтах, доступ к которым возможен только через браузер TOR либо анонимную сеть I2P, где наркотические средства завуалированы под различные виды расслабляющих, успокаивающих, обезболивающих медикаментов, ароматических благовоний и т. п. [1, с. 66]. Курьер забирает крупную партию наркотика из указанного организатором тайника, фасует его по мелким сверткам («дозам») и передает закладчику. Последний производит раскладку свертков в новые тайники с фотофиксацией места и адреса, о чем уведомляется диспетчер. Он же, в свою очередь, принимает заказы, контролирует их оплату, предоставляет покупателю информацию о месте нахождения тайника.

Для совершения преступлений часто используются подменные номера телефонов: на свои устройства преступники устанавливают специальные программы, например Changingnumber. Приложение помогает сохранить конфиденциальность во время звонков благодаря вымышленным номерам [2]. Имея определенные знания в области компьютерных технологий, злоумышленники подключают девайсы к Интернету через чужие IP-адреса [3], а также используют Wi-Fi роутеры, расположенные в общественных местах. Кроме того, в целях конспи-

рации преступники общаются с помощью сленга, паролей и т. д.

Поскольку современные способы сбыта наркотических средств связаны с использованием IT-технологий, тактика выявления лиц, совершающих данные преступления, и также методика их расследования должны быть несколько модернизированы. Предлагаем перечень оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ) и следственных действий, которые будут наиболее эффективными здесь.

1. Для выявления незаконного сбыта наркотических средств часто проводится такое ОРМ, как опрос. Его специфика состоит в том, что сотрудники оперативных подразделений получают информацию непосредственно от участников различных форумов, чатов и т. д. через сеть Интернет.

Особое значение для оперативно-разыскной деятельности приобретает сетевое информационное пространство (киберпространство), которое представляет собой социально-технологическую среду, где на основе использования глобальных компьютерных сетей реализуются различные формы взаимодействия. Киберпространство дает возможность поиска информации, необходимой для раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений. Так, в сети Интернет существует огромное количество сайтов, форумов, чатов, участниками которых являются наркозависимые лица и те, кто желает попробовать наркотик впервые. Здесь обсуждаются вопросы, связанные с правилами употребления наркотиков, их действием на психику, сознание, чувства; происходит обмен контактами сбытчиков с покупателями (как правило, ссылками на сайты). Сотрудникам правоохранительных органов следует регистрироваться на таких интернет-ресурсах под вымышленными именами, а затем с использованием специальных психологических методов и тактических приемов пытаться получить информацию о местах сбыта и лицах, занимающихся им. Однако перед этим нужно изучить субкультуру наркопотребителей, их взгляды, привычки, поведение, нормы общения и т. д. Большую пользу здесь может принести оперативное наблюдение [2, с. 95—98].

2. Наблюдение — это визуальный способ собирания оперативно-разыскной информации органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, об интересующих лицах, фактах, имеющих значение для дальнейшего доказывания [4]. В нашем случае наблюдение в сети Интернет может вестись за местами сетевого общения наркопотребителей и наркосбытчиков: здесь происходит обмен криминальным опытом, информацией (так назы-

ваемый инструктаж) о стратегии поведения при задержании сотрудниками правоохранительных органов в момент закладки наркотика в тайник либо его получения, обсуждаются вопросы конспирации и т. д.

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий происходит с высокой скоростью, чем активно пользуются преступники. С сожалением вынуждены констатировать, что правоохранительная система не всегда успевает реагировать на все это. Чтобы вывести работу наркополицейских на новый уровень, необходимо организовать их эффективное взаимодействие с Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), которая была создана для осуществления мониторинга сети Интернет и блокирования ресурсов, где содержатся рекомендации по изготовлению и применению наркотических средств, а также происходит контакт их распространителей с потенциальными покупателями [5].

Наблюдение и опрос тесно связаны между собой и должны рассматриваться в комплексе. Первое обычно предшествует второму, т. е. сначала ведется наблюдение за участниками форумов, чатов, выясняются цели и манера их общения. Затем сотруднику надлежит войти к ним в доверие, расположить их к себе (отметим, что нужно заранее подумать о том, какие вопросы могут быть ему заданы, и подготовить на них ответы). После этого следует предпринять попытку получения информации о возможных местах приобретения наркотических средств и лицах, распространяющих их.

3. Получение компьютерной информации. Данное ОРМ внесено в перечень оперативно-разыскных мероприятий Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ [6].

Компьютерные устройства с помощью программного обеспечения способны обрабатывать информацию с высокой скоростью и отправлять ее на любые расстояния. Подчеркнем, что часто действия преступников носят обезличенный характер, а информация может быть уничтожена за считанные секунды [7]. В связи со сказанным чрезвычайно важно в кратчайшие сроки получить как можно больше сведений об устройстве, откуда производились преступные действия, и лице, которое может быть связано с ним.

Контакты сбытчиков часто представлены ссылками. Перейдя по ним, сотрудник правоохранительных органов может узнать адрес сайта, его название, доменное имя, что необходимо для установления данных о владельце интернет-ресурса.

Отметим, что интернет-провайдер видит MAC-адреса устройств (стационарного компьютера, ноутбука, планшета, смартфона и т. д.), подключенных к сети. Если распространитель наркотических средств осуществляет свою преступную деятельность через сайт, можно попытаться установить владельца домена, которому он принадлежит. У каждой страны имеются свои доменные имена:

- региональные (.ru, .su, .ua, .us, .de, .fr и т. д.);
- тематические (.com, .edu, .org, .net и др.);
- национальные (например, .рф).

За Россией закреплены два имени: 1) .su — домен, оставшийся со времен Советского Союза и представляющий сегодня пространство ресурсов на русском языке; 2) .ru — домен, изначально закрепленный за Россией и указывающий на то, что сайт расположен в нашей стране. Существуют домены общего пользования — Gtld — generic top-level domain. Они необязательно регистрируются в том государстве, где проживает веб-мастер (человек, занимающийся разработкой веб-сайтов или корпоративных приложений для Интернета). Самые распространенные из них:

- 1) .com — для коммерческих проектов;
- 2) .org — для некоммерческих сайтов различных организаций;
- 3) .net — для проектов, связанных с Интернетом;
- 4) .edu — для образовательных учреждений и проектов;
- 5) .biz — исключительно для коммерческих организаций;
- 6) .info — для всех информационных проектов;
- 7) .name — для личных сайтов;
- 8) .gov — для государственных структур [8].

Выбранное доменное имя обязательно регистрируется в официальной компании, имеющей право на его продажу. В любой стране, в том числе в России, существует ряд регистраторов доменов, в ведении которых находится распределение [9].

Получить информацию о владельце доменного имени (фамилию, имя, отчество, адрес электронной почты, номер телефона или хотя бы данные регистратора) в настоящее время несложно. В сети Интернет в общем доступе размещена специальная база (Whois). Она бесплатна, однако регистраторы могут скрывать реальные данные (предоставляя их за дополнительную плату). Чтобы найти здесь необходимые сведения, нужно ввести в поисковую строку имя проверяемого домена и нажать кнопку «Проверить». После этого появится информация о его владельце, дата регистрации, дата ее продления и окончания, а также название сервера, где зарегистрирован домен.

Для получения полных данных о владельце домена сотрудники правоохранительных органов в рамках оперативной проверки либо возбужденного уголовного дела могут направить запрос в единую службу регистрации доменных имен.

Скажем несколько слов и об IP-адресах, которые регистрируются и распределяются по серверам. IP-адрес сайта можно узнать по имени домена. Для этого необходимо воспользоваться такой программой, как <http://ciox.ru>. В свою очередь, с помощью IP-адреса можно установить данные его владельца, страну и город, где он зарегистрирован, информацию об интернет-провайдере. Для этого существуют специальные сервисы: REG.RU, Speed-tester, IpGeoBase. Благодаря последнему можно увидеть на карте местоположение компьютера пользователя, которому выдавался запрошенный IP, либо сервер провайдера, предоставившего его.

4. С 2015 г. в ряде регионов России созданы и функционируют автоматизированные информационные системы НОН — базы данных, содержащие информацию по линии борьбы с незаконным оборотом наркотиков: сведения о сбытчике, обстоятельствах приобретения наркотического средства, электронных платежных системах, через которые

осуществлялись переводы денежных средств за покупку наркотика, банковских счетах, местах закладок, ник-неймы, IP-адреса, MAC-адреса и т. д. [10].

5. Выемка записи телефонных переговоров. С 1 июля 2018 г. вступило в силу постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении правил хранения операторами связи текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео- и иных сообщений пользователей услугами связи» [11]. В соответствии с ним операторы сотовой связи накапливают и хранят указанную информацию в течение шести месяцев. В случае необходимости сотрудники оперативных подразделений или следователи могут получить все записи телефонных разговоров или текстовые сообщения интересующего абонента, что оформляется протоколом выемки.

Представляется, что перечисленные нами оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия помогут повысить качество раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного сбыта наркотических средств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Примечание

* Исследование в форме опроса проводилось нами в 2021 г. на территории Волгоградской области. В качестве респондентов выступали сотрудники оперативных подразделений по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД по Волгоградской области. Всего было опрошено 92 человека.

1. Решняк О. А. Использование компьютерных технологий при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота опасных психоактивных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2020. 220 с.

2. Дронова О. Б., Проваторова К. В., Сапухин А. А. Интернет-ресурсы, используемые в процессе информационного обеспечения раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных с использованием средств мобильной связи и сети Интернет // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3 (58). С. 137—144.

3. IP-адрес, что это такое? URL: <http://procomputer.su> (дата обращения: 17.09.2021).

4. Кондратьев М. В. Оперативно-розыскное обеспечение выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: монография. Москва, 2015. 230 с.

1. Reshnyak O. A. The use of computer technologies in the investigation of crimes in the sphere of illegal circulation of dangerous psychoactive substances. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Volgograd; 2020: 220 (in Russian).

2. Dronova O. B., Provatorova K. V., Sapukhin A. A. Internet resources used in the process of information support for the disclosure and investigation of frauds committed using mobile communications and the Internet. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, 137—144, 2021 (in Russian).

3. IP address, what is it? Available from: <http://procomputer.su>. Accessed: 17 September 2021 (in Russian).

4. Kondratyev M. V. Operational-search support for detection, prevention, suppression and disclosure of crimes associated with illegal drug trafficking. Monograph. Moscow; 2015: 230 (in Russian).

5. О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (вместе с Положением о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций): постановление Правительства Российской Федерации от 16 марта 2009 г. № 228. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы: монография. Воронеж, 2009. 479 с.

8. Домен: что это такое и как устроена доменная система имен. URL: <http://www.ktonanovenkogo.ru> (дата обращения: 14.09.2021).

9. Аккредитованные регистраторы в доменах .RU и .РФ. URL: <https://cctld.ru/ru/registrators/> (дата обращения: 14.09.2021).

10. Морозов А. В. Особенности борьбы с наркопреступностью в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения). Москва: Академия управления МВД России, 2018. С. 191—197.

11. Об утверждении правил хранения операторами связи текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео- и иных сообщений пользователей услугами связи: постановление Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2018 г. № 445. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 228 on 16 March 2009. "On the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications" (with the Regulation on the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

6. Federal Law No.374-FZ on 6 July 2016. "On amendments to the Federal Law "On Countering Terrorism" and certain legislative acts of the Russian Federation in terms of establishing additional measures to counter terrorism and ensure public safety". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

7. Osipenko A. L. Network computer crime: theory and practice of struggle. Monograph. Voronezh; 2009: 479 (in Russian).

8. Domain: what it is and how the domain name system works. Available from: <http://www.ktonanovenkogo.ru>. Accessed: 14 September 2021 (in Russian).

9. Accredited registrars in .RU and .RF domains. Available from: <https://cctld.ru/ru/registrators/>. Accessed: 14 September 2021 (in Russian).

10. Morozov A. V. Features of the fight against drug crime in the field of information and telecommunication technologies. In: Criminalistics in the context of the development of the information society (59th annual forensic readings). Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2018: 191—197 (in Russian).

11. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 445 on 12 April 2018. "On the approval of the rules for storing text messages of users of communication services, voice information, images, sounds, video and other messages of users of communication services by telecom operators". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

© Решняк О. А., Алексеева А. П., 2021

Решняк Ольга Александровна,
доцент кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
кандидат юридических наук;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

© Reshnyak O. A., Alexeeva A. P., 2021

Reshnyak Olga Alexandrovna,
associated professor at the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Алексеева Анна Павловна,
профессор кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: annavolg@yandex.ru

Alexeeva Anna Pavlovna,
professor at the department of criminal law,
criminology and penal law
of Kaliningrad Branch
of Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: annavolg@yandex.ru

* * *

УДК 343.1
ББК 67.410.2
doi: 10.25724/VAMVD.XQRS

Е. И. Свежинцев

**ИНФОРМАЦИЯ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА:
СУЩНОСТЬ И КЛАССИФИКАЦИЯ**

Статья посвящена вопросу выработки новых подходов к понятию «информация» в сфере уголовного судопроизводства, к совершенствованию классификации информации, а также изучению этапов уголовно-процессуального познания. По результатам исследования формулируется авторское определение понятия «информация» применительно к сфере уголовного судопроизводства, раскрываются ее уголовно-процессуальные формы, такие как информационная единица и информационный объект. Автор предпринимает попытку подробной систематизации указанных форм, предлагает информационные единицы в зависимости от этапа познания делить на предварительные и доказательственные, а информационные объекты — на модели произошедшего события и план деятельности субъекта доказывания. Кроме того, дается авторская классификация этапов уголовно-процессуального познания, анализируется с учетом этого процесс постепенной трансформации упрощенной интеллектуальной модели произошедшего события в итоговую информационную модель, которая будет представлена конечному адресату доказывания. В статье с учетом специфики уголовно-процессуального познания исследуется проблема искажения итоговых информационных моделей произошедшего криминального события, формируемых в ходе уголовно-процессуального доказывания, при их передаче последующему субъекту доказывания в ходе производства по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное познание, доказывание, субъекты уголовно-процессуального познания, уголовно-процессуальные единицы информации, доказательство, информационные объекты, план деятельности.

Eu. I. Svezhintsev

**INFORMATION IN THE CONTEXT OF CRIMINAL PROCEEDINGS:
ESSENCE AND CLASSIFICATION**

The given article deals with the issue related to developing new approaches to define the concept of "information" in the context of criminal proceedings, to improve the classification of information as well as to examine the stages of criminal procedural knowledge. Based on the results of the research the author's definition of the concept of "information" is formulated in the context of criminal proceedings. The author determines its criminal procedural forms such as an information segment and an information object. The author attempts to systematize these forms in detail, proposes to divide information segments (depending on the stage of cognition) into preliminary and evidentiary ones whereas information objects — into the models of the event that has occurred and the activity plan of the subject whose task is proving. In addition, the author gives his own classification of stages of the criminal procedural knowledge, and, taking it into account, he analyzes the process of gradual transformation of a simplified intellectual information model of the event that has occurred into a final information one which will be presented to the last addressee of proving process (a prosecutor, a judge). In the article, having consideration for the specifics of criminal procedural knowledge, the author examines the problem of distortion of the final information models of the criminal event that has occurred to be formed in the criminal and procedural proving process, when the mentioned models are delivered to the subsequent subject of proving in the context of criminal proceedings.

Key words: criminal procedural knowledge, proving, subjects of criminal procedural knowledge, criminal procedural segments of information, evidence, information objects, activity plan.

В современном мире происходит создание и накопление огромного объема информации о различных сферах общественной жизни, в том числе такой важной правоохранительной сферы, как уголовное судопроизводство. Данный факт вызывает необходимость в дальнейшем поиске более точного подхода к пониманию самой сущности информации и регламентации процедур взаимодействия с ней, а также в ужесточении требований к ее надежности, при этом дает толчок к разработке различных способов измерения количества информации и параметров, характеризующих ее качество.

В настоящее время принято считать, что информация не является объектом материальной природы, а лишь выступает результатом мыслительной деятельности человека. За годы изучения данного явления было создано множество теорий, которые раскрывали ее понимание через различные подходы.

В первом, «обыденном» подходе слово «информация» понимается как синоним слов: сведения, знания, сообщения.

Во втором, «кибернетическом» (кибер — рулевой, кибернетика — наука об управлении), слово «информация» используется для характеристики управляющего сигнала, передаваемого по линии связи.

В третьем, «философском», слово «информация» связано с понятиями «взаимодействие», «отражение», «познание». В Философском энциклопедическом словаре информация определяется как ознакомление, разъяснение, представление, понятие, сообщение, осведомление о положении дел, сведения о чем-либо, передаваемые людьми; уменьшаемая, снимаемая неопределенность в результате получения сообщений; передача, отражение разнообразия в любых объектах и процессах [1, с. 222].

В четвертом подходе, назовем его «вероятностным» (К. Шеннон), слово «информация» вводится как мера уменьшения неопределенности системы (чем больше информации, тем меньше неопределенность и выше достоверность знания), что позволяет количественно измерять информацию, при этом чем в большей степени то или иное событие снижает неопределенность (энтропию) системы, тем больше информации оно несет [2, с. 244—245].

В то же время в своем исследовании при изучении функционирования конституционного права на доступ к информации в сфере уголовного судопроизводства [3, с. 33] мы исходили из законодательного понимания информации, закрепленного в Федеральном законе «Об информации» от 27 июля

2006 г. № 149-ФЗ¹, как сведений (сообщений, данных) независимо от формы их представления, причем нами отмечалось, что в этом же законе для субъектов, имеющих право ею пользоваться, устанавливаются границы доступа к различного рода информации.

Следует подчеркнуть, что современными авторами понятие «информация» рассматривается в различных аспектах — в зависимости от предмета их исследования. Так, Н. А. Зигура определяет «компьютерную информацию в сфере уголовного судопроизводства» как сведения, представленные в электронно-цифровой форме на материальном носителе, создаваемые аппаратными и программными средствами фиксации, обработки и передачи информации, а также набор команд (программ), предназначенных для использования в электронно-вычислительной машине (ЭВМ), системе ЭВМ или управления ими [4, с. 10].

Е. Н. Насонова рассматривает информацию как объект гражданского права в случаях, при которых сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах находят свое отображение на материальных объектах в виде символов, образов, сигналов и технических решений [5, с. 38]. Информация исследуется в контексте политических процессов Т. Г. Батуриной как феномен «социальной информации» [6, с. 17—30].

Применительно к сфере уголовного судопроизводства А. И. Зазулин в своем монографическом исследовании пришел к выводу, что информация является содержательной частью доказательств вместе с ее носителем. В то же время, исходя из анализа понятия «доказательство», под самой информацией в уголовном судопроизводстве им понимаются сведения, на основании которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [7, с. 64—72].

Вместе с тем А. В. Победкин в своем диссертационном исследовании берет за основу именно «вербальную информацию» как основной пласт информации, с которой взаимодействует правоприменитель, и определяет ее как «признаки объекта, выделяющие его из внешней среды и характеризующие его внутреннее строение (данные об объекте), существующие в виде сигналов различ-

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.11.2020).

ной физической природы и формы, выполняющих функцию носителя данных к иному (воспринимаемому) объекту, который, в силу высокого уровня организации, имеет возможность эти данные воспринять, переработать, интерпретировать и, при необходимости, использовать в аспекте стоящих перед ним задач» [8, с. 18].

Изучив рассматриваемые определения информации в различных областях науки, можно прийти к выводу о ее *многогранном характере*, что обуславливается тем фактом, что она является *нематериальной единицей*, возникающей в сознании конкретного субъекта и отражающей субъекты, объекты или явления материального и нематериально мира, их признаки и свойства.

Можно заметить закономерность: ее содержательная часть будет зависеть только от целей, для которых *субъект познания* хочет ее использовать. Данный факт говорит нам о том, что правоприменителем используется именно прагматический подход к исследованию информации [9, с. 5], где ценность информации заключается в том, что с помощью сбора последней увеличивается вероятность достижения цели, поставленной перед субъектом познания. В то же время для установления возможности и эффективности использования указанной информации правоприменитель опирается на показатели качества информации, вводимой в уголовно-процессуальное познание, которые в теории доказывания отражают процессуально значимые свойства единичных доказательств или их совокупности: относимость, допустимость, достоверность и достаточность.

Таким образом, в зависимости от целей, имеющих у субъекта уголовно-процессуального познания, он может акцентировать внимание на различных свойствах одного и того же объекта или явления, после чего вычленив его нематериальную единицу с соответствующим содержанием, а в дальнейшем классифицировать ее по различным основаниям (признакам, критериям) для использования в процессе доказывания. Однако стоит отметить, что данная деятельность в уголовном процессе иницируется извне, так как упрощенную интеллектуальную модель произошедшего события (в логике — суждение) изначально субъекту доказывания предоставляет либо лицо, чьи интересы были затронуты данным событием, либо его очевидцы. После чего познающим субъектом производятся рассматриваемые операции с целью подтверждения, доработки этой модели, чтобы в дальнейшем, набрав определенный объем интеллектуальных единиц, прошедших клас-

сификацию, установить качественную характеристику указанной модели, а именно ее истинность или ложность. В результате чего правоприменитель или продолжает расследование, выстраивая новую версию, или принимает итоговое решение из сформированной итоговой информационной модели случившегося.

Изложенное позволяет говорить о важности осуществления правильной классификации информации, которую правоприменитель внедряет в сферу уголовного судопроизводства. Ведь при ошибочном осуществлении данной операции произойдет некорректное деление интеллектуальных единиц, исследуемого объекта и явления, что весьма негативно скажется на всем процессе расследования. Чаще всего это обусловлено некорректным выбором основания (критерия, признака) деления предмета или использования интеллектуальных объектов, полученных при делении по различным основаниям (пересечение понятий).

Соответственно, правоприменитель, совершая различные следственные и иные процессуальные действия, создает новую или использует уже имеющуюся информацию об объектах и явлениях материального и нематериально мира, вводя ее в область уголовно-процессуального познания, тем самым вычленив из исследуемых явлений новые черты и свойства, обусловленные спецификой этого познания и процедурными аспектами доказательственной деятельности.

Все это позволяет говорить о важности двух аспектов в понимании информации в сфере уголовного судопроизводства. Во-первых, для осуществления корректной работы с информацией основное значение имеет сам субъект познания (правоприменитель), что выражается в уровне его профессиональной подготовки, «интеллектуального кругозора» и правильного восприятия своей *функции* в сфере уголовного судопроизводства. А во-вторых, актуальность изучения информации через познавательную деятельность субъектов уголовно-процессуального познания позволяет выявить ее «нематериальный» характер и соответствующие ее разновидности, формируемые в ходе этой деятельности.

Исходя из сущностного понимания информации, необходимо провести ее классификацию в сфере уголовного судопроизводства через изучение понятий уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуального познания, показывая при этом важность самого субъекта познания.

Так, общей целью уголовно-процессуальной деятельности является получение объективных

знаний о событиях прошлого и настоящего, вовлеченных в сферу уголовно-правового регулирования, с целью вынесения обоснованного итогового процессуального решения. Следовательно, уголовно-процессуальная деятельность является одним из видов познавательной деятельности человека.

Весьма интересной, но в отдельных моментах спорной, видится позиция А. И. Зазулина относительно сущностного понимания уголовно-процессуального познания, изложенная в его монографии. Во-первых, по его мнению, познание, связанное с производством по уголовному делу, включает в себя различные познавательные процессы, которые можно разделить на следующие виды: обыденное (житейское) познание, научное познание, оперативно-разыскное познание и уголовно-процессуальное познание [7, с. 18]. Таким образом, получается, что все субъекты познания (участники уголовного судопроизводства) могут вносить свои результаты деятельности в конкретный материал проверки или уголовное дело без какой-либо их обработки со стороны основного субъекта доказывания (правоприменителя), что видится не совсем корректным. Ведь ранее мы уже пришли к выводу, что правоприменитель в ходе своей деятельности пользуется либо уже сформированной информацией об объектах и явлениях материального или нематериального мира, либо формирует ее сам. Этот факт говорит нам о том, что все те информационные объекты и единицы информации, созданные различными видами человеческого познания, все равно проходят через интеллектуальные операции субъекта, осуществляющего именно уголовно-процессуальное познание. Соответственно, в ходе уголовного судопроизводства осуществляется именно уголовно-процессуальное познание, но при этом субъект, его осуществляющий, может пользоваться результатами других видов познания — после их соответствующей интеллектуальной обработки.

Во-вторых, автор дает определение уголовно-процессуального познания как деятельности участников уголовного судопроизводства по выдвижению версий относительно обстоятельств уголовного дела и их доказыванию, причем в ходе доказывания допускается использование преюдиций, презумпций и общеизвестных фактов, а также результатов оперативно-разыскной деятельности [7, с. 24—25]. Данное определение видится нам неполным, так как оно не отражает все процессы, в которые вовлекаются познающие субъекты в ходе уголовного судопроизводства. В связи

с этим попытаемся его модернизировать, что позволит нам построить классификацию уголовно-процессуальной информации исходя из целей ее использования субъектами уголовно-процессуального познания.

Итак, говоря об уголовно-процессуальном познании, с учетом понимания данной деятельности как интеллектуально-практической, мы можем выделить следующие этапы осуществления этой деятельности: 1) рассмотрение первоначальной модели (версии) произошедшего события; 2) выдвижение предварительных моделей (версий) относительно произошедшего события, а также планирование с учетом этого направления деятельности правоприменителя; 3) уголовно-процессуальное доказывание; 4) подтверждение или опровержение ранее созданных интеллектуальных объектов в виде информационных моделей произошедшего события.

Предварительно сделаем оговорку, что законодателем установлена определенная процедура инициирования уголовно-процессуального познания, состоящая в приеме «сообщения о преступлении», которое является первоначальной упрощенной интеллектуальной моделью произошедшего события, сформированной различными субъектами познания, в том числе теми, которые непосредственно являлись участниками или очевидцами рассматриваемого события.

На *первом этапе* уголовно-процессуального познания правоприменитель осуществляет рассмотрение первоначальной *упрощенной интеллектуальной модели произошедшего события*, которая представлена в четырех формах — в виде поводов, установленных ч. 1 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ).

Деятельность правоприменителя при этом начинается с изучения представленных фактов, полученных из поводов, — для установления первоначального алгоритма производства следственных и иных процессуальных действий.

В результате данной деятельности в сознании правоприменителя при производстве интеллектуальных операций *познания* (отражение и преобразование информации) и *анализа* (извлечение из массива собранной информации сведений, которые необходимы для достижения целей уголовного судопроизводства) формируются *предварительные единицы информации*, которые позволяют направить первоначальную деятельность правоприменителя.

Необходимо подчеркнуть, что данные единицы информации еще не являются доказательственными, что обусловлено рядом причин.

Во-первых, они содержат в себе сведения, которые еще не могут быть в полной мере оценены правоприменителем с точки зрения относимости, а также могут носить вероятностный характер и для своего подтверждения требовать установления дополнительных фактов. В связи с этим правоприменитель либо производит их дальнейшее изучение в своем сознании (при необходимости может отразить их в непроцессуальных документах), либо отбрасывает их как элемент, не нашедший подтверждения.

Во-вторых, они не имеют своего процессуального воплощения в материалах процессуальной проверки, так как не отражаются в соответствующих документах. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что данные единицы информации не прошли еще «полноценной огранки», необходимой для того, чтобы называть их доказательствами, но в то же время являются весьма значимыми, так как важны для анализа произошедшего события, формирования предварительных версий о нем и направления хода процессуальной деятельности в рамках проверочных мероприятий, а также подготовки непроцессуальных документов (рапорты и справки), отражающих ход процессуальной проверки.

Кроме того, на этом же этапе начинается сбор и *доказательственных единиц информации* с помощью следственных и иных процессуальных действий (о процедуре уголовно-процессуального доказывания будет рассказано позже). Хотелось бы подчеркнуть, что этап уголовно-процессуального доказывания является неразрывным и взаимосвязанным элементом уголовно-процессуального познания, поэтому может осуществляться на всем его протяжении.

К данному этапу могут относиться и случаи передачи материалов процессуальной проверки другому правоприменителю. В связи с этим последнему также будет необходимо осуществить первоначальный анализ всех материалов, чтобы сориентироваться в дальнейшем направлении процессуальной деятельности и при этом понять, на каком этапе познания и с какими результатами остановился предыдущий исполнитель.

На **втором этапе** правоприменитель, используя *предварительные* и *доказательственные* единицы информации (стоит отметить, что первоначально доказательственных единиц информации меньше), подтверждает или опровергает ул-

рощенную интеллектуальную модель произошедшего события (не устанавливаются признаки состава преступления, а лишь «усматриваются» признаки преступления). В случае опровержения их наличия процессуальная проверка заканчивается принятием решения об отказе в возбуждении уголовного дела. При установлении признаков преступления властный субъект создает свои *предварительные* информационные модели (версии) по факту произошедшего события с целью их проверки, планирует деятельность с учетом каждой из них, а также планирует производство каждого следственного действия для реализации назначения уголовного судопроизводства.

Вместе с тем важно учитывать, что создается именно несколько моделей произошедшего события, и они все являются *предварительными*. Данный факт обусловлен тем, что правоприменитель не имеет еще полноценного набора доказательственной информации, позволяющей ему воссоздать адекватную картину произошедшего события. В настоящий момент все эти модели частично заполнены *предварительными единицами информации*, которые и создают эту вариативность. В то же время для целей установления *итоговой* информационной модели произошедшего события правоприменителю необходимо собрать достаточную совокупность *доказательственных единиц информации*, которые могут быть сформированы после прохождения всех элементов уголовно-процессуального доказывания.

Стоит отметить, что при выстраивании указанных интеллектуальных моделей правоприменитель использует: 1) ранее созданные им единицы информации, 2) сформированные им новые единицы информации, 3) единицы информации, полученные извне (общеизвестные факты, преюдиции и презумпции). В том числе может быть использована информация, добытая в ходе оперативно-разыскного познания с использованием гласных и негласных оперативно-разыскных мероприятий, в связи с чем оперативно-разыскная информация, полученная в целях установления познаваемого события, может быть использована после соответствующего рассекречивания и передачи органу, осуществляющему уголовно-процессуальное познание, как доказательственная или предварительная информация.

В данном случае видится четкая граница, отделяющая порядок формирования доказательственной и предварительной единицы информации. Как говорилось ранее, из одних и тех же субъектов, объектов и явлений материального и немате-

риального мира субъектом познания могут быть выделены разнообразные единицы знания, используемые в различном назначении. И говоря о доказательственной информации, необходимо понимать, что для ее получения необходимо производство субъектом доказывания полноценной одноименной процедуры (о которой будет рассказано позже), иначе доказательственная информация не будет создана.

Третий и самым важным **этапом** уголовно-процессуального познания является уголовно-процессуальное доказывание, так как именно на основе созданных в ходе него информационных единиц формируется и находит свое качественное подтверждение *итоговая* информационная модель произошедшего события.

Говоря о сущности доказывания, хотелось бы изучить его законодательное понимание и мнения, которые сложились на этот счет среди научного сообщества.

Как самим законодателем (ст. 85 УПК РФ), так и большинством ученых [10, с. 296; 11, с. 320] выделяются три основных элемента доказывания: собирание, оценка и проверка доказательств. Л. Д. Кокорев и Н. П. Кузнецов отмечают в качестве элемента доказывания также обоснование выводов по делу в целях установления истины и решения задач уголовного процесса [12, с. 206; 13, с. 9]. В. С. Балакшин помимо сбора, проверки и оценки доказательств указывает также в качестве отдельного элемента доказывания закрепление доказательств [14, с. 111]. Точка зрения о том, что закрепление доказательств является отдельным от их собирания элементом доказывания в свое время высказывалась также И. Б. Михайловской [15, с. 62] и М. С. Строговичем [10, с. 302].

С. А. Шейфер, наоборот, считал, что закрепление доказательств не является самостоятельным элементом процесса доказывания. В своей монографии он пояснил, что «вопреки мнению некоторых исследователей, формирование доказательств не сводится лишь к закреплению полученной информации, а само закрепление не есть отдельный этап собирания (формирования) доказательств, так как представляет собой органичный, неотделимый элемент этой деятельности» [16, с. 38].

В то же время В. А. Лазарева понимает под уголовно-процессуальным доказыванием деятельность по обоснованию обвинения, а собирание, проверку и оценку доказательств не относит к доказыванию [17, с. 14]. Другие ученые, например Н. П. Кузнецов и Е. И. Сидорова, помимо со-

бирания, проверки и оценки доказательств выделяют также такой элемент, как использование доказательств, понимая под ним обоснование выводов, сделанных на основе полученных доказательств [13, с. 37; 18, с. 36].

Вместе с тем А. И. Зазулин относит к уголовно-процессуальному доказыванию как процессуальную (практическую) деятельность, так и мыслительную, как бы разделяя их, указывая при этом, что данные виды деятельности осуществляются взаимосвязанно между собой. К процессуальной деятельности ученый относит сбор доказательств, а к мыслительной — проведение логических и причинных связей между выявленными обстоятельствами, обоснование своих выводов по уголовному делу с помощью собранных, оцененных и проверенных доказательств, при этом с использованием преюдиций, презумпций и общеизвестных фактов [7, с. 24—25].

Хотелось бы подискутировать о его тезисе о том, что мыслительная деятельность в виде оценки доказательств и их проверки не является процессуальной деятельностью. Дело в том, что законодательные установления определяют границы дозволенного в уголовно-процессуальной деятельности субъектов доказывания, ориентируют ее, подчиняя решению определенных задач [19, с. 32]. А исходя из ст. 85 УПК РФ, нормативная структура доказывания представлена в виде собирания, проверки и оценки доказательств, что указывает на то, что мыслительная деятельность субъекта доказывания происходит не в отрыве от процессуальной деятельности, а наоборот, является ее неотъемлемым элементом и производится по ее правилам.

Тем не менее нормативная структура уголовно-процессуального доказывания является абстрактной моделью, которая не учитывает особенности преобразования первичной информации в доказательства (т. е. процесс формирования доказательств законодателем в ст. 85 УПК РФ обозначен как их собирание, что не соответствует реальному механизму трансформации первоначальных сведений в новую информационную сущность — доказательство). Именно поэтому представляется более точным использование для уяснения сущности доказывания *логико-деятельностной структуры уголовно-процессуального доказывания*, изложенной в монографии Е. А. Зайцевой и А. И. Садовского [19, с. 32—35]. Данная структура представлена в виде единства *четырех компонентов*: формирования доказательств, проверки доказательств, оценки доказательств, использования доказательств.

В указанной структуре ясно отражается процесс трансформации первоначальной информации в полноценное доказательство с последующим его использованием в целях установления значимых обстоятельств дела. В связи с этим хотелось бы взять данную структуру уголовно-процессуального доказывания за основу и кратко изложить суть каждого из компонентов с учетом материала, отраженного нами в начале настоящей статьи.

Так, первый компонент представлен указанными авторами как совокупность операций *поискового, познавательного* (отражение и преобразование информации) и *удостоверительного* (трансформация сведений «для себя» в сведения «для других» субъектов доказывания) характера [19, с. 31]. В то же время само вовлечение информации в сферу деятельности субъекта познания может происходить двумя путями: либо целенаправленным обнаружением самим субъектом первоначального источника доказательственной информации (субъекты, объекты и явления материального и нематериального мира, их характеристики и свойства), либо добровольным (или по требованию) представлением информации другими субъектами. После этого правоприменитель вычленяет из нее новые черты и свойства с помощью следственных и иных процессуальных действий и придает ей процессуальную форму одного из источников доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Необходимо отметить, что указанный компонент позволяет внедрять в сферу уголовного судопроизводства в качестве доказательственной информации специфические разновидности информации, которые ранее проходили процедуру мыслительной обработки в виде преюдиций, презумпций и общеизвестных фактов, а также результатов оперативно-разыскной деятельности.

Кроме того, следует подчеркнуть, что процесс формирования доказательств содержит «подэтап», в ходе которого могут быть скомпонованы *предварительные единицы информации*; но только проблема в том, что после их получения с ними должны быть произведены удостоверительные операции для придания им уголовно-процессуальной формы (они обязательно должны быть отражены в процессуальных документах, составляемых в ходе или по итогам следственных и иных процессуальных действий).

Однако часть *предварительных единиц информации* может быть признана не имеющей отношения к проверяемому или расследуемому

событию, ввиду чего они не используются в дальнейшем в доказывании. Это обусловливается сложностями, возникающими при решении вопроса относимости факта, который устанавливается промежуточными единицами информации. Но перед тем как продолжить анализировать данную проблему, хотелось бы закончить характеристику оставшихся элементов процедуры доказывания для удобства понимания формирования доказательственных единиц информации.

Вторым компонентом структуры доказывания является проверка доказательств. В ходе данной деятельности, включающей как практический, так и мыслительный аспект, правоприменитель с помощью сопоставления с другой доказательственной информацией, уже имеющейся в данном уголовном деле, а также установления источников информации, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемую информацию, определяет достоверность собранных данных и доброкачественность источников их получения для правильного установления обстоятельств уголовного дела.

Третьим элементом является оценка доказательств. Данная мыслительная деятельность, протекающая в рамках логических операций в сознании правоприменителя, осуществляется в соответствии с законом и правосознанием по внутреннему убеждению субъекта доказывания, основанному на всестороннем, полном и беспристрастном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, — с целью определения относимости, допустимости доказательственной информации, ее достоверности и достаточности сформированных логических и причинных связей для установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Последним элементом в структуре доказывания является использование доказательств. Указанная деятельность правоприменителя состоит в соотношении полученной интеллектуальной единицы — доказательства с соответствующими обстоятельствами, подлежащими доказыванию (ст. 73 УПК РФ). Правоприменитель при этом определяет, какие из обстоятельств еще не являются доказанными, и продолжает осуществлять процедуру доказывания по указанному обстоятельству.

Описанные выше процессы в рамках доказывания осуществляются параллельно и взаимосвязано: одна и та же информация может одновременно проверяться и оцениваться, служить логической предпосылкой для поиска новых доказательств и обоснования уже сделанных выводов.

В связи с этим данные элементы доказывания не имеют установленной последовательности и могут протекать одновременно.

Получив целостную картину процесса доказывания, можно точнее рассмотреть проблему, возникающую у правоприменителя при анализе предварительных единиц информации в процессе доказывания. Данная проблема обусловлена тем, что последний, изучая огромный массив информации, должен устанавливать не только обстоятельства, входящие в предмет доказывания (*главный факт*), но и другие *дополнительные факты*, что вызывает у него сложность в определении взаимосвязи (относимости) содержания единиц информации с устанавливаемыми обстоятельствами в рамках исследуемого события.

Нагляднее эту проблему можно увидеть при рассмотрении разновидностей доказательственных единиц информации, так как они в силу своей сформированности могут быть классифицированы, что нельзя сказать о *предварительных единицах информации*.

Отметим, что первостепенное значение для правоприменителя имеет установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания (*главный факт*). Однако проводить классификацию его элементов необходимости не видим, так как их полный перечень уже представлен законодателем в ст. 73 УПК РФ.

В то же время хотелось бы более подробно остановиться на анализе дополнительных фактов, также являющихся важными элементами доказывания. Для этого сделаем краткий обзор весьма удачной классификации данных фактов, которая была дана А. И. Винбергом в монографии «Теории доказательств в советском уголовном процессе» [20, с. 258—279], где автор выделял следующие их виды: промежуточные, вспомогательные и ориентирующие.

Так, говоря о *промежуточных фактах*, необходимо отметить, что они не включаются в обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, и служат лишь средством для установления обстоятельств, составляющих предмет доказывания по делу. Данные факты не создают своего отдельного «предмета доказывания», а наоборот, представляют собой «промежуточные тезисы» и необходимы для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, которые можно рассматривать как «конечные тезисы» доказывания.

К примеру, для установления организаций, через которые происходило хищение денежных

средств путем мошенничества, были произведены следственные действия по выявлению контрагентов (организаций), занимающихся таким видом деятельности, как транспортировка и хранение. Получение и использование указанной информации позволило установить факты, входящие в предмет доказывания, и раскрыть преступление. Факт — вид деятельности «транспортировка и хранение» — не может быть отнесен к предмету доказывания по делу. Однако этот факт на определенном этапе расследования был предметом внимания следователя и имеет значение в дальнейшем для проверки и оценки показаний свидетелей и обвиняемого лица.

Таким образом, основываясь на определении, данном А. И. Винбергом, под «промежуточными» понимаем факты, которые помогают в установлении (или опровержении) обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу.

Стоит отметить, что, как правильно указывалось Г. М. Миньковским, «многостороннее значение одних и тех же фактов реальной действительности ни в коей мере не колеблет принципиального положения о необходимости четко отграничить факты, входящие в предмет доказывания, от промежуточных» [20, с. 142]. Соответственно, обстоятельства, подлежащие доказыванию, остаются таковыми вне зависимости от того, что они выступают вспомогательным средством установления других важнейших обстоятельств.

Следующим видом факта, который также устанавливается правоприменителем, является *вспомогательный (оценочный)*. Его главной особенностью является то, что с помощью него устанавливают не отдельные элементы предмета доказывания (*главный факт*) и не рассмотренные нами промежуточные факты, а уровень достоверности вывода от имеющихся сведений к обосновываемому обстоятельству. К данной разновидности фактов можно отнести следующую информацию: о незаинтересованности участника уголовного судопроизводства в исходе дела; состоянии зрения и слуха свидетеля или потерпевшего; внешних условиях восприятия события преступления; квалификации эксперта, научной обоснованности использованной им методики; взаимоотношениях потерпевшего или свидетеля с участниками процесса; нарушениях установленного законом порядка следственных действий.

К завершающим видам используемой информации хотелось бы отнести *ориентирующие факты*. Они необходимы правоприменителю для установления главного факта (предмета доказывания).

К таким фактам относятся: показания участников уголовного судопроизводства о том, что необходимые сведения по делу могут быть получены у конкретного лица или в определенном месте, при этом человек, дающий показания, по существу дела ничего не знает. Схожее предназначение имеют и документы, в которых содержатся сведения о местонахождении необходимой доказательственной информации. Сюда же можно отнести сведения о возможных препятствиях к взаимодействию с носителем информации, искажениях и пробелах в ее содержании.

Подводя итог сказанному, отметим, что вспомогательные, оценочные и ориентирующие факты, так же как и главный факт, могут стать доказательствами, при условии, что все они получены из самостоятельного источника и имеют соответствующую процессуальную форму.

Наряду с этим данные виды фактов приобретают свое значение, лишь имея взаимосвязь с прямыми и косвенными фактами (входящими в предмет доказывания) с целью их установления, поскольку они создают многоступенчатые связи, тем самым увеличивая надежность создаваемой модели произошедшего события.

Таким образом, можно выделить следующие *доказательственные единицы информации* (факты), которые устанавливаются правоприменителем в ходе процедуры доказывания:

а) предмет доказывания (главный факт);

б) промежуточные факты (установление промежуточных фактов, совокупность которых позволяет в конечном счете установить обстоятельство, входящее в предмет доказывания);

в) вспомогательные факты (проверка полноты и достоверности собранных фактических данных путем исследования условий их формирования, передачи, хранения);

г) ориентирующие факты (факты, непосредственно указывающие на местонахождение сведений, входящих в предмет доказывания).

В ходе уголовно-процессуального доказывания правоприменитель получает достаточный набор относимых, допустимых и достоверных *единиц информации* в сфере уголовного судопроизводства, имеющих надлежащее процессуальное оформление (*доказательств*).

Такое многообразие *доказательственных единиц информации* и сложность в их анализе и сортировке правоприменителем могут повлечь проблему, связанную с ошибочным «отбрасыванием» *предварительных единиц информации*, которые могли и должны были стать доказательствами,

что в свою очередь может привести к созданию ошибочной модели (версии) произошедшего события и привлечению к ответственности невиновного лица. Однако нельзя с полной уверенностью утверждать, что на последующих этапах другими правоприменителями данная ошибка будет выявлена, так как предварительные единицы, не учтенные прошлым субъектом познания, остались «информацией для себя», не достигнув последующих адресатов доказывания. А ввиду прошедшего времени новый субъект познания может данные единицы информации уже не обнаружить.

Далее, хотелось бы перейти к четвертому, *завершающему* элементу уголовно-процессуального познания, которым является трансформация одной из созданных информационных моделей в подтвержденную полноценно собранную модель произошедшего события. Указанная деятельность осуществляется правоприменителями в ходе как досудебного, так и судебного производства с составлением итоговых документов. В то же время, как правильно сказал Р. С. Белкин, «проверка версии пронизывает процесс доказывания от начала до завершения» [20, с. 426], поэтому необходимо понимать, что этапы работы с такими интеллектуальными объектами, как информационные модели произошедшего события, неразрывно связаны с деятельностью по уголовно-процессуальному доказыванию.

В ходе этой деятельности осуществляется логическая сборка уже имеющегося, достаточного количества информационных единиц — *доказательств*, которые позволяют заново отстроить и качественно подтвердить одну из предварительных моделей произошедшего события, первоначально созданную из ориентирующих единиц информации. Так правоприменителем формируется информационный объект — *окончательная информационная модель произошедшего события*, основанная на достаточной совокупности созданных правоприменителем с помощью уголовно-процессуального доказывания информационных единиц — *доказательств*. Данную модель правоприменитель фиксирует в завершающем процессуальном документе, установленном УПК РФ для соответствующего этапа уголовного судопроизводства.

Таким образом, можно говорить о следующих разновидностях уголовно-процессуальных единиц информации, которые формируются правоприменителем в ходе осуществления уголовно-процессуального познания: *предварительных* и *доказательственных*. Причем *доказательствен-*

ные единицы информации в зависимости от завершенности их формирования и роли в процессе доказывания можно разделить на такие подгруппы, как: факты, устанавливающие предмет доказывания (*главный факт*); *промежуточные факты*; *вспомогательные факты* и *ориентирующие факты*.

Необходимо также отметить, что правоприменителем на основе указанных единиц информации формируются такие интеллектуальные (информационные) объекты, как *информационная модель произошедшего события (упрощенная, предварительная и итоговая)*, а также *план деятельности (проверочных мероприятий, расследования, следственного действия)*. Причем первые интеллектуальные объекты носят ретроспективный характер, являясь представлением познающего субъекта о событии прошлого, а вторые информационные объекты (планы) имеют перспективную направленность, определяя вектор и границы предстоящей процессуальной деятельности.

Говоря же о сущности самой информации, можно сделать вывод, что *информация в сфере уголовного судопроизводства является нематериальной единицей, возникающей в сознании правоприменителя и отражающей субъекты, объекты или явления материального и нематериального мира, их признаки и свойства, которые формируются в соответствии с задачами уголовно-процессуального познания*.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, насколько важен для уголовно-процессуальной дея-

тельности субъект доказывания, что обусловливается тем фактом, что все процедуры, совершаемые с огромным массивом информации в ходе уголовно-процессуального познания, производятся с учетом его мировосприятия. Поэтому формируемые субъектами доказывания информационные модели произошедшего события всегда имеют определенное *«наслоение субъективного»*: правоприменитель при передаче уголовного дела другому субъекту доказывания не может обеспечить адекватное восприятие последним его информационной модели, так как принявший к производству уголовное дело субъект повторно производит операции уголовно-процессуального познания с учетом своих когнитивных особенностей — на основе представленных ему информационных единиц. И сформированная им интеллектуальная модель не всегда совпадает с моделью, представленной лицом, изначально осуществлявшим производство по уголовному делу. Ситуация еще осложняется тем, что последующим субъектом доказывания не проводится анализ первоначального массива информации, поэтому данное познание может осуществиться не совсем корректно, что приведет к искажению собранной итоговой доказательственной информации. И в этом заключается одна из ключевых проблем уголовно-процессуального познания.

1. Философский энциклопедический словарь / под общ. ред. С. С. Аверинцева. 2-е изд. Москва: Сов. энцикл., 1989. 814 с.

2. Шенон К. Работы по теории информации и кибернетике. Москва: Изд-во иностр. лит., 1963. 829 с.

3. Свежинцев Е. И. Реализация права на доступ к информации в досудебном производстве по уголовным делам: монография / под ред. Е. А. Зайцевой. Волгоград: ВА МВД России, 2020. 200 с.

4. Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 234 с.

5. Насонова Е. Н. Информация как объект гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002. 185 с.

6. Батурина Т. Г. Информация в политическом процессе: дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2003. 152 с.

1. Philosophical encyclopedic dictionary. Under total ed. S. S. Averintseva. 2nd ed. Moscow: Soviet encyclopedia; 1989: 814 (in Russian).

2. Chenon K. Works on information theory and cybernetics. Moscow: Foreign Literature Publishing House; 1963: 829 (in Russian).

3. Svezhintsev E. I. Realization of the right to access to information in pre-trial criminal proceedings. Monograph. Edited by E. A. Zaitseva. Volgograd: Volgograd Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia; 2020: 200 (in Russian).

4. Zigura N. A. Computer information as a type of evidence in the criminal process of Russia. Dissertation of candidate of juridical sciences. Chelyabinsk; 2010: 234 (in Russian).

5. Nasonova E. N. Information as an object of civil law. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2002: 185 (in Russian).

6. Baturina T. G. Information in the political process. Dissertation of candidate of philosophical sciences. Novosibirsk; 2003: 152 (in Russian).

7. Зазулин А. И. Использование цифровой информации в доказывании по уголовным делам: монография. Москва: Юрлитинформ, 2019. 168 с.

8. Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2005. 64 с.

9. Козловская Л. В., Ковалевич Л. А. Информационная культура: учеб. пособие. Красноярск: Красноярский гос. техн. ун-т, 2002. 107 с.

10. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки уголовного процесса. Т. 1. Москва: Наука, 1968. 468 с.

11. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. Москва: Норма, 2005. 527 с.

12. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. 303 с.

13. Кузнецов Н. П. Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса России: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1998. 444 с.

14. Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 533 с.

15. Безлепкин Б. Т., Гуткин И. М., Михайлов В. А., Михайловская И. Б. Уголовно-процессуальные основы деятельности органов внутренних дел: учеб. пособие / под ред. Б. Т. Безлепкина. Москва: Изд-во Акад. МВД СССР, 1988. 181 с.

16. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. Москва: Норма, 2009. 238 с.

17. Лазарева В. А. Влияние состязательности уголовного судопроизводства на понятия теории доказательств // Юридический аналитический журнал. 2006. № 1 (15). С. 14—19.

18. Сидорова Е. И. Собираение и использование доказательств как элементы процесса доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 4. С. 36—38.

19. Зайцева Е. А., Садовский А. И. Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 289 с.

7. Zazulin A. I. Use of digital information in proving in criminal cases. Monograph. Moscow: Jurlitinform; 2019: 168 (in Russian).

8. Pobedkin A. V. Theory and methodology of using verbal information in criminal procedural proving. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2005: 64 (in Russian).

9. Kozlovskaya L. V., Kovalevich L. A. Information culture. Tutorial. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Technical University; 2002: 107 (in Russian).

10. Strogovich M. S. The course of the Soviet criminal procedure: Basic principles of the science of criminal procedure. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1968: 468 (in Russian).

11. Belkin A. R. Evidence theory in criminal proceedings. Moscow: Norma; 2005: 527 (in Russian).

12. Gorsky G. F., Kokorev L. D., Elkind P. S. Problems of evidence in the Soviet criminal process. Voronezh: Publishing house of Voronezh University; 1978: 303 (in Russian).

13. Kuznetsov N. P. Proof and its features at the stages of the criminal process in Russia. Dissertation of doctor of juridical sciences. Voronezh; 1998: 444 (in Russian).

14. Balakshin V. S. Evidence in the theory and practice of criminal procedural proof (the most important problems in the light of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). Dissertation of doctor of juridical sciences. Ekaterinburg; 2005: 533 (in Russian).

15. Bezlepkin B. T., Gutkin I. M., Mikhailov V. A., Mikhailovskaya I. B. Criminal procedural foundations of the activities of the internal affairs bodies. Textbook. Ed. by B. T. Bezlepkin. Moscow: Publishing house of Academy of Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1988: 181 (in Russian).

16. Sheifer S. A. Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation. Monograph. Moscow: Norma; 2009: 238 (in Russian).

17. Lazareva V. A. The influence of the adversarial nature of criminal proceedings on the concept of the theory of evidence. Legal analytical journal, 14—19, 2006 (in Russian).

18. Sidorova E. I. Collection and use of evidence as elements of the proof process in criminal proceedings. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 36—38, 2007 (in Russian).

19. Zaitseva E. A., Sadovsky A. I. Formation of evidence by the investigator using special knowledge and scientific and technical means. Monograph. Volgograd: Volgograd Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia; 2013: 289 (in Russian).

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

20. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Юрид. лит., 1973. 736 с.

© Свежинцев Е. И., 2021

Свежинцев Евгений Иванович,
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: E.svezhintcev@yandex.ru

20. The theory of evidence in the Soviet criminal process. Executive ed. N. V. Zhogin. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Juridical literature; 1973: 736 (in Russian).

© Svezhintsev Eu. I., 2021

Svezhintsev Eugenie Ivanovich,
senior lecturer at the department
of criminal procedure
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: E.svezhintcev@yandex.ru

* * *

УДК 343.985
ББК 67.522.1
doi: 10.25724/VAMVD.XRST

О. В. Сидоренко

**ОЦЕНКА КАЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА,
ПОДГОТОВЛЕННОГО ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОСМОТРОВ
МЕСТ ПРОИСШЕСТВИЙ ПО ФАКТАМ КРАЖ**

Иллюстративное сопровождение процессуального документа предназначено для обеспечения наглядного эффекта фактического присутствия субъекта изучения материалов, подготовленных по результатам осмотра места происшествия, в обстановке производства следственного действия. В целях выяснения степени соответствия качества иллюстративного материала, подготовленного по результатам производства осмотров места происшествия по фактам краж, были сопоставлены типовые ошибки, допускаемые специалистами экспертно-криминалистических подразделений, рассмотренные с точки зрения требований, разработанных судебной фотографией, с мнением субъектов расследования, использующих представленный материал при решении функциональных задач. В результате установлено, что в целом иллюстративное сопровождение процессуального документа по своим качественно-количественным характеристикам удовлетворяют потребности расследования, однако тактико-технические группы ошибок, допускаемых специалистами, трансформируют судебную фотографию из объективного способа фиксации обстановки производства следственного действия в субъективный вариант отображения материально фиксированной обстановки места происшествия, при котором произвольное кадрирование не всегда обеспечивает запечатление необходимой ориентирующей, розыскной и доказательственной информации.

Ключевые слова: иллюстративный материал, фототаблица, осмотр места происшествия, специалист, судебная фотография, расследование.

O. V. Sidorenko

**ASSESSMENT OF QUALITATIVE CHARACTERISTICS
OF ILLUSTRATIVE MATERIAL
PREPARED ON THE BASIS OF CRIME SCENE SEARCH
RELATED TO THEFT**

The illustrative supporting of the procedural document is intended to provide a visual effect of the actual presence of the subject having examined the materials prepared on the basis of the crime scene search while conducting the investigative action. In order to determine the degree of quality of the illustrative material prepared on the basis of the crime scene search related to theft the author of the article compared common mistakes made by the forensic departments specialists and considered from the point of view of the forensic photography requirements as well as to the opinion of the subjects of the investigation that use the mentioned material while solving functional tasks. As a result it was found that in general, the illustrative supporting of a procedural document in view of its qualitative and quantitative characteristics, meets the requirements of the investigation process. However, tactical and technical groups of mistakes made by the specialists transform a forensic photography from an objective way of fixing the situation while conducting an investigative action into a subjective version of representing a physically-fixed circumstances of the crime scene where spontaneous framing does not always ensure the print of the necessary orienting, detecting and proving information.

Key words: illustrative material, photo table, crime scene search, specialist, forensic photography, investigation.

Применение в процессе технико-криминалистического обеспечения первоначальных следственных действий современных технических средств фиксации обстановки места происшествия и ключевых следовых комплексов существенно повышает информативность получаемых результатов, которые в ряде случаев потенциально могут иметь самостоятельную доказательную ценность [1, с. 26]. Подготовка иллюстративного материала по результатам участия специалиста в осмотре места происшествия по факту кражи является ежедневной функциональной обязанностью сотрудника экспертно-криминалистических подразделений МВД России.

Изучение сведений, отраженных в журналах регистрации участия специалистов в следственных действиях, позволило установить, что в среднем каждый эксперт районного уровня за месяц принимает участие в 30 осмотрах мест происшествия, из которых порядка 30—35 % приходится на кражи из квартир, частных домовладений, дачных домов. Несмотря на большой эмпирический опыт осуществления криминалистической деятельности, направленной на закрепление с помощью цифровых средств фиксации обстановки производства следственного действия, субъектами применения специальных знаний допускаются как организационные, так и тактические ошибки в процессе фотосъемки и последующего оформления фототаблиц к протоколам следственных действий.

Целевое предназначение иллюстративного материала предусматривает необходимость использования в процессе фотофиксации криминалистических правил, способов и методов, разработанных в судебной фотографии [2, с. 8]. Однако следует констатировать, что не существует ведомственного нормативного документа, предписывающего необходимость соблюдения однозначных требований к иллюстративному материалу, регламентирующих количество необходимых фотоснимков, ракурс съемки, вид применяемого освещения, необходимый масштаб детализации отдельных элементов и т. д. На усмотрение специалиста остается вопрос самостоятельного рационального выбора технических средств, исходных точек съемки, которые должны обеспечить процесс объективной фиксации и наглядного представления отдельных этапов производства следственного действия с отображением всех ключевых элементов обстановки совершения преступления и материально фиксированной следовой информации. Полагаем, что отсутствие шаб-

лонного подхода в данном случае играет двоякую роль: с одной стороны, инициатива позволяет специалисту выбрать из арсенала видов и методов судебной фотографии наиболее подходящие технические решения, обеспечивающие выполнение задач, поставленных руководителем следственного действия. Однако с другой стороны, отсутствие четких предписаний в ряде случаев приводит к тому, что иллюстративный материал состоит из 4—5 фотоснимков, на которых запечатлены общие, нередко не взаимосвязанные кадры, не обеспечивающие наглядность восприятия целостной картины преступления.

Вопросы анализа типовых ошибок, допускаемых специалистами при подготовке иллюстративного материала к протоколу осмотра места происшествия, неоднократно становятся предметом рассмотрения в аналитических обзорах практики экспертных подразделений, а также в научно-исследовательских работах сотрудников образовательных организаций.

Наиболее часто выделяются ошибки, носящие оформительский, технический, смысловой и криминалистический характер [3, с. 89], происхождение которых обусловлено нарушениями, возникающими вследствие пренебрежения сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений организационных, технико-криминалистических и тактических аспектов [3, с. 89] изготовления иллюстративного материала.

Однако следует отметить, что замечания и претензии к качеству иллюстративного материала фиксируются не только в процессе инспектирования деятельности экспертных подразделений вышестоящим уровнем, но и поступают со стороны субъектов расследования преступлений, являющихся инициаторами технико-криминалистического сопровождения расследования.

В целях соотнесения ошибок, допускаемых сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений, и претензий, высказываемых сотрудниками следственных подразделений, нами были изучены 120 фототаблиц, выполненных по результатам производства следственных действий по факту кражи. Эмпирическим материалом исследования являлись отчетные документы слушателей 5 курса факультета подготовки экспертов-криминалистов, представленные по результатам прохождения преддипломной практики, подготовленные совместно с наставниками из числа действующих сотрудников территориальных экспертно-криминалистических подразделений из 38 субъек-

тов Российской Федерации. Дополнительно было организовано анкетирование 50 сотрудников следственных подразделений по вопросам удовлетворенности качеством иллюстративных приложений к протоколам осмотров мест происшествий по фактам кражи.

Проведенный анализ качества и соответствия представленных фотоматериалов общим правилам производства фотосъемки и последующего оформления иллюстративных материалов позволили констатировать наличие более чем в 55 % случаев нарушений различного характера, выразившихся в наличии от 1 до 14 ошибок, наиболее типичные из которых:

1. Носят процессуальный характер (зафиксировано в 14 % изученных материалов¹):

— отсутствие сведений о виде следственного осмотра, адреса и даты производства следственного действия, по факту которого составлена фототаблица;

— отсутствие пояснительных надписей под фотоснимками; несоответствие подписей смысловому сюжету изображения; наличие в пояснениях орфографических, пунктуационных, грамматических и речевых ошибок;

— отсутствие одного или нескольких обязательных реквизитов (должности, подписи, расшифровки фамилий лиц, участвовавших в изготовлении фототаблицы), подлежащих указанию в документе;

— в документе не проставлены оттиски печати экспертно-криминалистического подразделения, удостоверяющие представленные фотоснимки и подписи должностных лиц.

2. Носят тактический характер (выявлено в 38 % фотоматериалов):

— отсутствует ориентирующая фотосъемка или заменяется на изображение общего вида стандартного строения без детализации адресной информации (при кражах из дачных массивов нет пояснений о наименовании СНТ, ДНП), в ряде случаев идет неравноценная замена на иллюстрацию входной двери в подъезд, квартиру, частный дом;

— на ориентирующих и обзорных фотоснимках (в отдельных случаях и на детальных) присутствуют изображения посторонних лиц, членов следственно-оперативной группы;

— узловые фотографии выполняются в виде серии отдельных фотоснимков сразу всех помещений, составляющих квартиру (дом), не имеющих логической связи с детальными фотографиями, что существенно затрудняет целостное восприятие обстановки места происшествия. В большинстве случаев иллюстративный материал не сопровождается разметкой мест обнаружения следовой информации, переходящей в детальные фотоснимки, содержащие данные, индивидуализирующие конкретный объект;

— места проникновения к месту совершения краж представлены на фотоснимках в общем виде и не содержат особенностей состояния дверей, окон, замков на момент обнаружения незаконного проникновения (материал изготовления, толщина дверного полотна, направление открытия, дефекты монтажа и эксплуатации, состояние запорного устройства внутри и снаружи помещения и т. д.);

— места нахождения похищенных ценностей не детализируются на иллюстрациях, что не позволяет изучить необходимые сведения на основе анализа периферических следов;

— отсутствуют фотоснимки изымаемых запорных устройств и штатных ключей к ним;

— фотоснимки бытовых, специализированных и приспособленных орудий взлома представлены общим планом без детализации индивидуализирующих особенностей рабочей грани;

— размещение фотоснимков в фототаблице не привязано к процессу моделирования механизма совершения преступления (не отражает последовательности действий преступника, а лишь фиксирует ход осмотра).

3. Носят технический характер (присутствует в 72 % изученного иллюстративного материала):

— нерезкие фотоснимки, особенно выполненные в условиях недостаточного освещения (ориентирующие фотоснимки, полученные в условиях вечернего и ночного времени суток; узловая съемка в подъездах, тамбурах, коридорах; детальные изображения следов рук, обуви, орудий взлома, замков и т. д.);

— масштабная фотосъемка следов предметов (оставленных преступником орудий взлома, перчаток, обуви и т. д.), следов веществ (биологических следов) и следов отображений выполняется с многочисленными нарушениями: несоблюдение правил кадрирования, предусматривающих фиксацию следа в объеме $\frac{3}{4}$ кадра; наложение линейки на сам след или ее расположение вне плоскости объекта (следа), отсутствие линейки; неправильная ориентация следа на фотографии, низкая

¹ Превышение общего процентного соотношения нарушений однозначно обусловлено наличием в отдельных иллюстративных материалах сразу нескольких видов ошибок.

степень детализации индивидуализирующих признаков объектов фиксации и т. д.;

— нарушение правил освещения объектов съемки: применение контрового света при ориентирующей, обзорной и детальной фиксации окружающей обстановки; одностороннее размещение источников дополнительного освещения, вызывающее образование тени, препятствующей фиксации отдельных фрагментов объекта, участков дна следа, особенностей его боковых поверхностей и т. д.

Таким образом, оценка иллюстративного материала с точки зрения требований судебной фотографии позволяет выделить нарушения, снижающие его правовую и информационную значимость. В то же время типовые ошибки негативно отражаются на возможности системно-визуальной фиксации обстановки места совершения кражи и на перспективах последующего использования иллюстративного материала в целях обеспечения прослеживаемости и удостоверения подлинности отдельных фактографических данных — потенциальных объектов экспертных исследований.

Изучение уровня удовлетворенности качеством иллюстративного материала, подготовленного по фактам краж (ответы респондентов указывались на основе их персонального практического опыта работы), позволило констатировать, что в целом более 80 % субъектов расследования не имеют нареканий к итоговому качеству фототаблиц. Присутствие в подготовленных приложениях процессуальных ошибок субъектами расследования не выявлено. В основном опрашиваемые высказывали претензии (менее 20 % опрашиваемых), касающиеся тактических и технических недостатков иллюстративных материалов, которые не обеспечивают получение полноценного наглядного представления о территориальном расположении места происшествия, общей и детальной обстановки внутри помещения.

Среди причин общей неудовлетворенности инициаторов использования специальных знаний рассматриваемым направлением технико-криминалистического обеспечения названы: малое количество кадров (4 %), низкое качество фотоснимков (8 %), низкая информативность фотографий (6 %), отсутствие детальных фотоснимков (менее 1 %). Среди свободных ответов респондентов на заданный вопрос есть замечания, касающиеся нарушения последовательности размещения фотоснимков, их несоответствие порядку описания в протоколе следственного действия. В нескольких вариантах ответов указано, что иллюстрации не соотносятся с информацией, отраженной в схеме

к протоколу следственного действия (снимков меньше, чем информационных узлов со следами, отмеченными в схеме).

Меньше всего нареканий опрашиваемых (18 %) относилось к ориентирующим и обзорным фотоснимкам, среди замечаний выбраны пункты низкой информативности и отсутствие наглядной привязки места проведения осмотра к территориальным (адресным) точкам. Остальные негативные отзывы затрагивали качественные и количественные параметры узловых и детальных иллюстраций (более 80 %), среди которых преобладают: отсутствие фотографий значимых информационных узлов (28 %); лишние, дублирующие друг друга кадры (14 %); нерезкое изображение (68 %); отсутствие масштабной линейки (31 %). Замечаний к разметке фототаблиц и содержанию информационных подписей под фотографиями респондентами не отмечено.

Таким образом, констатируем, что результатом нарушений методических рекомендаций по подготовке и оформлению приложения к протоколу следственного действия становится снижение наглядности [5, с. 55] материала, не позволяющего субъекту его изучения:

- сориентироваться в территориальном расположении места осмотра;
- получить представление о планировке всего помещения и его составных частей;
- выделить ключевые элементы изменения обстановки, возникшие в ходе совершения преступления, индивидуализировать их свойства и признаки;
- реконструировать обстановку происшествия;
- воссоздать отдельные элементы механизма совершения преступления на основе анализа следовой информации;
- обеспечить достоверность и прослеживаемость обнаруженной следовой информации, возможность ее изучения и использования при расследовании преступления без вскрытия первоначальной упаковки вещественного доказательства и т. д.

В результате такого подхода процесс объективной фиксации материальной обстановки места происшествия, хода следственного действия и фактографической следовой информации, отображающей ориентирующие, розыскные и доказательственные данные, трансформируется в субъективный способ отображения места происшествия, предусматривающий использование субъектом применения фототехники произвольного визуального отбора отдельных элементов, которые в про-

цессе кадрирования должны запечатлеть общие и детальные снимки объектов осмотра.

Между тем функциональная модель экспертно-криминалистической деятельности [6, с. 68] предусматривает в процессе технико-криминалистического сопровождения выявления и расследования преступлений необходимость подготовки полноценного иллюстративного материала, который не только должен стать наглядным способом визуализации отдельных обстоятельств совершенного противоправного деяния, обеспечивающим эффект фактического присутствия субъекта изучения материалов, подготовленных по результатам осмотра места происшествия, в обстановке производства следственного действия, но и решать ряд иных задач. Иллюстративный материал, подготовленный по результатам осмотра места происшествия по факту кражи, может стать отправной точкой следующих видов деятельности:

— консультационно-справочной помощи по моделированию способа совершения кражи, уточнению обстоятельств ее совершения (обстоятельства выбора орудия взлома, места проникновения, последовательности действий по поиску ценностей), установлению относительных и абсолютных временных параметров, уточнению характера и размера вреда;

— учетно-регистрационной деятельности, связанной с комплексом мероприятий, по постановке и проверке по экспертно-криминалистическим учетам дактилоскопической, трасологической и иной следовой информации, позволяющей осуществить информационное обеспечение расследования;

— производства предварительных исследований и составления ориентировок и розыскных таблиц на предметы (вид, тип, источник происхождения орудий взлома, примененных в процессе преодоления преград; вид, размер, степень изношенности обуви субъектов совершения преступления; марка транспортных средств, задействованных преступниками, и т. д.) и на лиц, причастных к противоправному деянию (пол, возраст, особенности анатомических данных, профессиональные и преступные навыки обращения с инструментами и запорными устройствами и т. д.). Многообразие направлений использования иллюстративного материала, подготовленного по результатам производства осмотра места происшествия по фактам краж, требует от субъекта использования технических средств фиксации объективной передачи материально фиксированной обстановки места происшествия, при котором обеспечивается полноценное запечатление необходимой ориентирующей, розыскной и доказательственной информации. Невозможность создания стандартных требований к данному виду приложения к протоколу следственного действия, обусловленная многовариантностью средовой обстановки, складывающейся в условиях осмотра, предусматривает как необходимость усиления контроля за деятельностью специалистов экспертно-криминалистических подразделений со стороны их непосредственного руководства, так и более требовательное отношение к качеству иллюстраций субъектов расследования преступлений.

1. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве: монография. Москва: Юрлитинформ, 2017. 254 с.

2. Экспресс-бюллетень № 67. Москва: ЭКЦ МВД России, 2016. 200 с.

3. Репин А. В., Мельников Е. Б. Анализ типичных ошибок при оформлении фототаблиц к протоколам осмотров мест происшествий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). С. 88—95.

4. Дронова О. Б., Храмова Е. С. Актуальные пути повышения наглядности иллюстративного материала, подготовленного с использованием беспилотных летательных аппаратов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2 (57). С. 99—107.

1. Sementsov V. A. Investigative actions in pre-trial proceedings. Monograph. Moscow: JurLitinform; 2017: 254 (in Russian).

2. Express Bulletin No. 67. Moscow: The Forensic Center of the Interior Ministry of Russia; 2016: 200 (in Russian).

3. Repin A. V., Melnikov Ye. B. Analysis of common mistakes in designing photo tables related to the reports on search of crime scenes. Vestnik of the Siberian Law Institute of the Interior Ministry of Russia, 88—95, 2018 (in Russian).

4. Dronova O. B., Khramova Ye. S. Topical ways to increase visual clarity of illustrative material prepared by using unmanned aerial vehicles. Journal of the Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia, 99—107, 2021 (in Russian).

5. Ким О. Д., Ли Э. А. Тактические особенности осмотра места происшествия с использованием компьютерных технологий // Вестник КРСУ. 2013. Т. 13, № 5. С. 53—56.

6. Дронова О. Б., Сидоренко Д. Н. Функциональная модель экспертно-криминалистической деятельности, реализуемая в системе МВД России // Судебная экспертиза. 2021. № 2 (66). С. 67—76.

© Сидоренко О. В., 2021

Сидоренко Ольга Викторовна,
доцент кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: olgasidorenko76@yandex.ru

5. Kim O. D., Li E. A. Tactical features of crime scene search using computer technologies. Vestnik of the KRSU, 53—56, 2013 (in Russian).

6. Dronova O. B., Sidorenko D. N. Functional model of forensic activity realized in the system of the Interior Ministry of Russia. Forensic Examination, 67—76, 2021 (in Russian).

© Sidorenko O. V., 2021

Sidorenko Olga Viktorovna,
associate professor at the department of foundations of expert criminalistic activity of the training and scientific complex of expert criminalistic activity of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: olgasidorenko76@yandex.ru

* * *

УДК 343.102
ББК 67.410.212
doi: 10.25724/VAMVD.XSTU

Д. Г. Шашин, А. С. Бондарев, С. В. Катков

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ
В ЧАСТИ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЦ,
СОДЕЙСТВУЮЩИХ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

В статье без освещения достаточно специфичных организационно-тактических аспектов работы с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие и сотрудничество органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность на территории Российской Федерации, в силу отнесения указанной информации к сведениям, составляющим государственную тайну, проанализированы положения действующих открытых нормативных правовых источников, регламентирующих вопросы социально-правовой защиты таких лиц. А именно: вопросы назначения и выплаты страховой пенсии таким лицам. Наглядно показана декларативность большинства юридических предписаний, содержащихся в открытых источниках права, и, в большинстве случаев, невозможность практического применения в связи с несогласованностью и противоречивостью, что свидетельствует о существующих проблемах реализации принципа законности в оперативно-разыскной деятельности.

С учетом сказанного предложены конкретные варианты разрешения обозначенной проблемы путем внесения соответствующих изменений в действующие нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы пенсионного обеспечения в России.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность; законность; лица, оказывающие содействие (сотрудничество) органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность; контракт; страховая пенсия; национальная безопасность.

D. G. Shashin, A. S. Bondarev, S. V. Katkov

**PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE
OF LEGALITY IN RELATION TO PENSION PROVISION
OF PERSONS ASSISTING BODIES IN CHARGE
OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES**

In the article, not covering the rather specific organizational and tactical aspects of working with persons providing confidential assistance and cooperation to the bodies in charge of operational-search activities on the territory of the Russian Federation, due to the classification of such information as state secret and professional secrecy information, the provisions of the existing open regulatory legal acts regulating the issues of social and legal protection of such persons are analyzed. More specifically, the issues of assignment and payment of insurance pensions to such persons. At the same time, the declarative nature of the majority of the legal orders contained in open sources of law as well as, in some instances, the impossibility of practical application due to inconsistency and contrariety are clearly shown, which indicates the existing problems of implementing the principle of legality in operational-search activities.

Taking into account the indicated above, specific options for resolving the specified problems by making appropriate changes to the existing regulatory legal acts governing the issues of pension provision in Russia have been proposed.

Key words: operational-search activity, legality, persons providing assistance (cooperation) to the bodies in charge of operational-search activity, contract, insurance pension, national security.

Очевидным является тот факт, что подверженные криминальному влиянию люди должны постоянно находиться в поле зрения правоохранительных органов. В то же время практика свидетельствует, что максимально эффективным в силу ряда обстоятельств является именно негласный контроль. В процессе его осуществления, не прибегая к физическому или иному насилию над личностью, посредством применения так называемой мягкой силы (к которой в последнее время принято относить и оперативно-разыскную деятельность (далее — ОРД)) [1], можно корректировать поведение и направлять деяния конкретных индивидуумов на благо для общества цели. Не последнюю роль в этом играет помощь тех лиц, кто добровольно оказывает оперативным подразделениям, уполномоченным на осуществление ОРД, содействие на конфиденциальной (негласной) основе, в том числе по контракту, и на возмездной основе — конфиденентов. Одним из основных требований, предъявляемых к такому направлению оперативно-служебной деятельности, является необходимость соблюдения принципа законности. Он в свою очередь включает в себя не только правовую сторону оснований и условий использования помощи лиц, конфиденциально содействующих органам, осуществляющим ОРД, в процессе подготовки и проведения оперативно-разыскных мероприятий, но и вопросы социально-правовой защиты таких лиц.

Так, положения ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1996 г. № 144-ФЗ (далее — ФЗ «Об ОРД») [2], а также ст. 6 Федерального закона «О страховых пенсиях» от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ [3] (далее — ФЗ «О пенсиях») предоставляют конфидентам, сотрудничающим на контрактной основе с органами, осуществляющими ОРД, право на оформление страховой пенсии по старости при достижении определенного возраста. Однако сегодня существует несколько абсурдная ситуация, когда де-юре существуют права и законные интересы лиц, конфиденциально сотрудничающих с органами, осуществляющими ОРД, но де-юре они не соблюдаются. Безусловно, такая ситуация подрывает авторитет как самого государства, так и оперативных подразделений, что не способствует притоку новых лиц, способных и имеющих возможность оказывать конфиденциальное содействие (сотрудничество) оперативным подразделениям в решении стоящих перед ними задач ОРД, в том числе связанных с осуществлением негласного контроля за кон-

кретными лицами. Это обусловлено рядом причин, к числу основных из которых необходимо отнести несовершенство положений обозначенных выше законодательных актов.

Во-первых, отметим, что законодатель в ФЗ «Об ОРД» использует такие термины, как «содействие» и «сотрудничество», при этом активно их чередует в нормах данного закона. Но очевидно, что они неравнозначны. Не вступая в дискуссию, согласимся с С. И. Владимировым, который отмечает близость этих терминов по сути, но их отличие по своему содержанию. Первый из них более емкий, второй — составная часть первого. Содействие включает в себя не только сотрудничество лиц с органами, осуществляющими ОРД, но и другие формы привлечения граждан к подготовке или проведению оперативно-разыскных мероприятий, а также их использование в решении иных оперативно-тактических задач [4].

По факту «сотрудничество» представляет собой разновидность «содействия» — договорных отношений, при которых одна сторона — орган, осуществляющий ОРД, другая — гражданин (лицо). Обе стороны, в свою очередь, имеют взаимные права и обязанности, что отражено в контракте. Но в настоящей статье обозначенные термины для общего понимания проблемы мы будем применять как синонимы. При необходимости конкретизации их принципиальных отличий будет оговорено специально.

Так, лица, содействующие органам, осуществляющим ОРД, находятся под защитой государства. Более того, ч. 6 ст. 18 ФЗ «Об ОРД» устанавливает, что *граждане, сотрудничающие по контракту с органами* (здесь и далее курсив наш. — Д. Ш., А. Б., С. К.), осуществляющими ОРД, *в качестве основного рода занятий*, имеют право на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации. Период такого сотрудничества *засчитывается в страховой стаж* указанных граждан на основании сведений, предоставляемых органами, осуществляющими ОРД. *Порядок передачи таких сведений определяется руководителем соответствующего государственного органа*, в состав которого входят оперативные подразделения, осуществляющие ОРД.

В свою очередь положения ч. 2 ст. 17 ФЗ «Об ОРД» дают право органам, осуществляющим ОРД, заключать контракты с совершеннолетними дееспособными *лицами*, независимо от их гражданства, национальности, пола, имущественного, должностного и социального положения, образова-

ния, принадлежности к общественным объединениям, отношения к религии и политических убеждений.

Таким образом, очевидно, что законодатель нарушил правила юридической техники. В части 2 ст. 17 ФЗ «Об ОРД» говорится о *лицах*, а в ч. 6 ст. 18 этого же Закона — о *гражданах*. Различие же в правовом статусе указанных субъектов позволяет утверждать о противоречивости указанных норм.

Во-вторых, необходимо понимать, что положения ч. 6 ст. 18 ФЗ «Об ОРД» бланкетные. Они отсылают к иным источникам права, регламентирующим вопросы пенсионного обеспечения. В частности, к ФЗ «О пенсиях», положения которого уже четче определяют условия, порядок и правила назначения страховой пенсии, которая может быть назначена и выплачиваться по старости, инвалидности и потере кормильца. Акцентируем внимание именно на проблемах назначения страховой пенсии для тех конфиденентов, у кого это является основным родом занятий.

Так, согласно ст. 4 ФЗ «О пенсиях» право на страховую пенсию по старости имеют *граждане Российской Федерации*, застрахованные в соответствии с Федеральным законом «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ [5]. Показательно то, что *иностранцы граждане*, как и *лица без гражданства*, также в случае соблюдения ими условий, предусмотренных пенсионным законодательством Российской Федерации, *имеют право на аналогичную пенсию*. Вместе с тем к числу основных условий назначения такой пенсии является не только факт длительного постоянного проживания на территории нашей страны, но и *наличие необходимого страхового стажа* для назначения и выплаты пенсии (ст. 4, 8, 9 ФЗ «О пенсиях»).

В связи с этим важно четко понимать, что страховой стаж для установления страховой пенсии — *это суммарная продолжительность периодов работы и (или) иной деятельности, за которые начислялись и уплачивались в отношении конкретного лица страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации* (п. 2 ст. 3 ФЗ «О пенсиях»). Именно это определяет наличие-отсутствие права как гражданина Российской Федерации, так и иных лиц на страховую пенсию и определяет ее размер, что нашло детальное отражение на подзаконном уровне, прежде всего в положениях подп. «а» п. 2 Правил подсчета и подтверждения страхового стажа для установления страховых пенсий, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от

2 октября 2014 г. № 1015 (далее — Правила подсчета пенсии) [6].

В совокупности положения обозначенных норм отечественного законодательства позволяют четко определить перечень условий, требуемых для назначения страховой пенсии по старости конфиденнту:

- 1) *наступление* определенного *возраста*;
- 2) наличие *не менее 15 лет* страхового стажа;
- 3) в страховой стаж включаются периоды *работы и (или) иной деятельности*, которые выполнялись *на территории Российской Федерации*;
- 4) сотрудничество по контракту *в качестве основного рода занятий*;
- 5) за эти периоды начислялись и уплачивались *страховые взносы* в Пенсионный фонд Российской Федерации.

В целом условия для возможного назначения страховой пенсии конфиденнту понятны. В идеале именно так и должно происходить — лицо достигает пенсионного возраста, при этом оно постоянно проживает на территории Российской Федерации и на протяжении минимум 15 лет в качестве основного рода занятий оказывает конфиденциальное содействие на контрактной основе органам, осуществляющим ОРД. Это и дает ему формально право для назначения и выплаты от имени государства материальной поддержки в виде страховой пенсии по старости. Однако на практике не все так однозначно и применимо в силу ряда причин.

Первая причина связана с условием *наступления определенного возраста*. До последнего времени, по общему правилу, право на страховую пенсию по старости имели мужчины, достигшие возраста 60 лет, и женщины, достигшие возраста 55 лет. Однако вступивший в силу Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ предусмотрел с 2019 г. поэтапное увеличение пенсионного возраста. Это приведет к тому, что к 2023 г., например, возраст, по достижении которого мужчина получит право на страховую пенсию по старости, увеличится до 65 лет [7]. В контексте специфики обстоятельств, при которых конфидентам приходится оказывать содействие органам, осуществляющим ОРД, данный вопрос однозначно является одним из ключевых.

Вторая причина связана с возможностью получения конфиденнтом права на *досрочную страховую пенсию по старости*. Такое право, исходя из положений абз. 7 ч. 1 ст. 65 Конституции Российской Федерации, п. 7 ч. 1, ч. 2 ст. 32, ч. 3 ст. 35 ФЗ «О пенсиях», предоставлено, например, лицам,

проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним районам. Это также нашло свое отражение в действующем и сегодня Постановлении Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029 [8]. Однако в этих и иных аналогичных нормативных правовых актах, регламентирующих вопросы назначения досрочной страховой пенсии по старости, не упоминается о такой категории, как *граждане, сотрудничающие по контракту с органами, осуществляющими ОРД*.

Третья причина связана с необходимостью наличия *не менее 15 лет страхового стажа* (ч. 2 ст. 8, чч. 1, 2 ст. 35 ФЗ «О пенсиях»), что является одним из обязательных условий назначения страховой пенсии по старости. Вместе с тем в него, как отмечалось ранее, включаются периоды работы и (или) иной деятельности, которые выполнялись на территории Российской Федерации только при соблюдении требования внесения страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации.

Кроме того, исходя из положений ч. 2 ст. 11 ФЗ «О пенсиях» и подп. «а» п. 2 Правил подсчета пенсии, для граждан Российской Федерации также допустимо включение в страховой стаж периодов работы и (или) иной деятельности, которые выполнялись ими за пределами России. Но эти случаи строго определены законодательством Российской Федерации или международными договорами Российской Федерации либо, опять же, были в этот период взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации. Но в связи с этим возникает резонный вопрос: «Возможна ли ситуация, когда лицо оказывает конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД за пределами РФ?». Исходя из положений преамбулы ФЗ «Об ОРД» ответ однозначен: «Нет, так как ОРД может осуществляться исключительно на территории России».

Кроме того, в соответствии с подп. «б.1» п. 2 Правил подсчета пенсии в страховой стаж могут быть включены периоды уплаты страховых взносов *именно физическими лицами*, добровольно вступившими в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию в целях уплаты страховых взносов *за другое физическое лицо*, которым может являться и конфиденгент. Однако в силу обеспечения требования конспирации при работе с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД, практическая реализация указанного положения проблематична.

Исходя из смысла подп. «б.2» п. 2 рассматриваемых Правил, для возможности в будущем начисления и выплат досрочной пенсии по старости при условии наличия минимального 15-летнего

страхового стажа конфиденгент может самостоятельно периодически вносить определенную сумму на свой личный индивидуальный (персонифицированный) счет в Пенсионном фонде Российской Федерации. При этом размер этой суммы определяется исходя из требований положений ст. 29 Федерального закона от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» [9] и действующего на момент внесения взноса налогового законодательства Российской Федерации. Однако в такой ситуации, по сути, обязанность государства по пенсионному обеспечению конфиденгентов перекладывается на них самих, что также не способствует повышению эффективности и популярности рассматриваемого правового института.

Необходимо также обратить внимание на положения подп. «в» ч. 2 обозначенных Правил. В соответствии с ним в страховой стаж может быть включен также период, засчитываемый в такой стаж в соответствии с ФЗ «Об ОРД»; при этом порядок представления сведений исключительно в специализированный первый отдел Исполнительной дирекции Пенсионного фонда РФ (например, о периодах сотрудничества по контракту граждан с органами внутренних дел Российской Федерации в качестве основного рода занятий для зачета в страховой стаж) регламентирован положениями соответствующего приказа МВД России от 16 января 2018 г. № 19 [10].

Однако и в этой ситуации существует ряд проблем, обусловленных не только необходимостью соблюдения требований по защите сведений о лицах, оказывающих (оказывавших) конфиденциальное содействие (сотрудничество) органам, осуществляющим ОРД, в силу отнесения их к государственной тайне. Исходя из содержания п. 51 Правил подсчета пенсии даже при наличии в Пенсионном фонде сведений о том, что конкретное лицо имеет не только индивидуальный (персонифицированный) счет в Пенсионном фонде Российской Федерации, но и необходимый страховой стаж для назначения соответствующей пенсии по старости, таковая не будет назначена. Страховая пенсия по старости конфиденгенту, даже при наличии основания для ее досрочного получения, возможна только в случаях, если у него есть — кроме периода сотрудничества по контракту с органами, осуществляющими ОРД, — также периоды, включаемые в страховой стаж, предусмотренные проанализированными ранее подп. «а», «б.1», «б.2» соответствующих Правил подсчета пенсии.

Четвертой причиной, свидетельствующей о декларативности и практической неприменимости института пенсионного обеспечения конфиденентов, является необходимость соблюдения такого условия для назначения пенсии, как оказание конфиденциального содействия по контракту органам, осуществляющим ОРД, только в качестве основного рода занятий.

Несмотря на оговорку законодателя в тексте ФЗ «О пенсиях» в виде словосочетания «и (или) иной деятельности», большинство положений этого Закона ориентированы именно на трудовую деятельность граждан, закрепленную в трудовом договоре, тогда как согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации правоотношения между органами, осуществляющими ОРД, и конфиденентами трудовыми не являются. Это нашло подтверждение в принятом Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации апелляционным определением от 10 ноября 2014 г. № 80-АПГ14-8. Согласно его положениям было оставлено в силе решение Ульяновского областного суда от 28 июля 2014 г. об отказе в возложении на УМВД России по Ульяновской области обязанности внести в трудовую книжку истца запись о том, что он в качестве основного рода занятий оказывал на контрактной основе конфиденциальное содействие оперативным подразделениям. Показателен период, подтвержденный в судебных заседаниях 16 контрактами, — с 1 сентября 1994 г. по 31 марта 2014 г. Суд при этом исходил из того, что правоотношения, связанные с заключением контракта с лицами, выразившими желание содействовать органам, осуществляющим ОРД, регулируются ФЗ «Об ОРД». Заключаемый при этом контракт не является ни контрактом о прохождении службы в органах внутренних дел, ни трудовым договором. Более того, орган, осуществляющий ОРД, в рамках рассматриваемых правоотношений не выступал в качестве работодателя (представителя нанимателя), не обеспечивал постоянную занятость заявителя и его зачисление в штат [11].

Нуждается в осмыслении также позиция Конституционного Суда Российской Федерации, выраженная в его определении от 27 сентября 2016 г. № 1751-О. Согласно этой позиции отношения, складывающиеся между органом, осуществляющим ОРД, и лицом, заключившим с ним контракт о содействии в качестве основного рода занятия, определяются как специфические, деятельность, связанная с таким сотрудничеством, — как имею-

щая особый характер. Эта проблема уже находила отражение в работах отечественных ученых, опубликованных в открытых изданиях [12].

Отметим лишь, что действительно в отношениях между конфиденентом и оперативным подразделением отсутствуют некоторые привычные для трудовых правоотношений элементы. В частности, ведение трудовой книжки установленного образца на конфиденента не предусмотрено. Доступ же к оформляемым при этом документам, включая контракт, ограничен, их форма не соответствует требованиям трудового и пенсионного законодательства, а сведения об их перечне, форме, ситуациях, при которых они образуются, равно как и лицах, к этому причастных, отнесены к государственной тайне. Вознаграждение и другие выплаты, предусмотренные положениями ч. 5 ФЗ «Об ОРД» для лиц, сотрудничающих с органами, осуществляющими ОРД, налогами не облагаются и в декларациях о доходах не указываются. Вопросы финансового обеспечения ОРД также отнесены к государственной тайне. Соответственно, в традиционном понимании ведомость выдачи заработной платы не составляется. Кроме того, криминальная среда не «живет» по распорядку дня, а следовательно, получать необходимые сведения для решения задач ОРД невозможно в режиме с «8:00 до 17:00». Следовательно, в этой части режим деятельности конфиденентов можно охарактеризовать в большинстве случаев как ненормированный. Однако конфиденент, сотрудничающий в качестве основного рода занятий по контракту с органом, осуществляющим ОРД, равно как и сам правоохранительный орган, не имеет возможности подтвердить это в силу необходимости обеспечения принципа конспирации и защиты сведений, составляющих государственную тайну о силах, средствах, методах, организации и тактике ОРД.

Еще острее стоит вопрос о назначении и выплате страховой пенсии по потери кормильца для семей и иждивенцев лиц, погибших в связи с участием в проведении оперативно-разыскных мероприятий, а также страховой пенсии по инвалидности для лиц, получивших увечья в аналогичных ситуациях и исключающих возможность дальнейшего конфиденциального сотрудничества с органами, осуществляющими ОРД. Если в положениях ч. 8 и 9 ст. 18 ФЗ «Об ОРД» он нашел пусть и только декларативное отражение, то в иных источниках отечественного права он не регламентирован.

Разрешение обозначенных в настоящей статье проблем реализации принципа законности в части пенсионного обеспечения лиц, содействующих органам, осуществляющим ОРД, является насущ-

ной потребностью теории и практики ОРД в России. Это в итоге позволит эффективно обеспечить национальную безопасность страны в целом.

1. Катков С. В. Историко-правовой анализ становления и развития оперативно-разыскной политики в России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 1 (56). С. 157—163.

2. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1996 г. № 144-ФЗ (ред. 01.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О страховых пенсиях: федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (ред. 30.04.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Владимиров С. И. К вопросу о дефиниции «содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел» // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6. С. 195—201.

5. Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации: федер. закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ (ред. 26.05.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Об утверждении Правил подсчета и подтверждения страхового стажа для установления страховых пенсий: постановление Правительства Российской Федерации от 2 октября 2014 г. № 1015 (ред. 11.03.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: федер. закон от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ (ред. 28.06.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О порядке применения указа Президиума Верховного Совета СССР «О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера»: постановление Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования: федер. закон от 1 апреля 1996 г.

1. Katkov S. V. Historical and legal analysis of the formation and development of operational-search policy in Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 157—163, 2021 (in Russian).

2. Federal Law No. 144-FZ on 12 August 1996 (revised on 1 July 2021). "On operational-search activity". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

3. Federal Law No. 400-FZ on 28 December 2013 (revised on 30 April 2021). "On insurance pensions". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

4. Vladimirov S. I. On the question of the definition of "assistance of citizens to operational subdivisions of internal affairs bodies". Actual problems of Russian Law, 195—201, 2017 (in Russian).

5. Federal Law No. 167-FZ on 15 December 2001 (revised on 26 May 2021). "On compulsory pension insurance in the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

6. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1015 on 2 October 2014 (revised on 11 March 2021). "On approval of the Rules for calculating and confirming the pension insurance record for the establishment of insurance pensions". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

7. Federal Law No. 350-FZ on 3 October 2018 (revised on 28 June 2021). "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on the appointment and payment of pensions". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

8. Decree of the Council of Ministers of the USSR No. 1029 on 10 November 1967. "On the procedure for applying the decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On the expansion of benefits for persons working in the Far North and in places equated to the Far North". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

9. Federal Law No. 27-FZ on 1 April 1996 (revised on 26 May 2021). "On individual (personified) accounting in the compulsory pension insur-

№ 27-ФЗ (ред. 26.05.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Об утверждении Порядка передачи сведений о периодах сотрудничества по контракту граждан с органами внутренних дел Российской Федерации в качестве основного рода занятий для зачета в страховой стаж: приказ МВД России от 16 января 2018 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2014 г. № 80-АПГ14-8. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

12. Горовой С. А., Давыдов С. И., Деминова В. Ю. О реализации права на пенсионное обеспечение граждан, сотрудничающих с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Оперативно-розыскное право. 2020. № 1. С. 9—13.

© Шашин Д. Г., Бондарев А. С.,
Катков С. В., 2021

Шашин Даниил Георгиевич,
начальник кафедры оперативно-
розыскной деятельности
Сибирского юридического института
МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: shashin06@mail.ru

Бондарев Александр Сергеевич,
начальник
Управления уголовного розыска
Главного управления МВД России
по Краснодарскому краю;
e-mail: bond463046@gmail.com

Катков Сергей Владимирович,
профессор кафедры оперативно-
розыскной деятельности
и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: skatkov11@mvd.ru

ance system". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

10. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 19 on 16 January 2018 "On approval of the Procedure for transferring information about the periods of cooperation under the contract of citizens with the internal affairs bodies of the Russian Federation as the main occupation for offset in the pension insurance record". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

11. Appellate ruling of the Judicial Chamber for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 80-АПГ14-8 on 10 November 2014. Available from: legal information portal "Garant" (in Russian).

12. Gorovoy S. A., Davydov S. I., Deminova V. Yu. On the implementation of the right to pension provision of citizens cooperating with bodies in charge of operational-search activities. Operational-Search Law, 9—13, 2020 (in Russian).

© Shashin D. G., Bondarev A. S.,
Katkov S. V., 2021

Shashin Danil Georgievich,
head of the department
of operative and detective activity
of the Siberian law institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: shashin06@mail.ru

Bondarev Alexander Sergeevich,
head of the criminal investigation department
of Main directorate
of the Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
for the Krasnodar Territory;
e-mail: bond463046@gmail.com

Katkov Sergey Vladimirovich,
professor at the department
of operative and detective activity
and special technic equipment
of the Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: skatkov11@mvd.ru

УДК 343.8(09)
ББК 67.409-1
doi: 10.25724/VAMVD.XTUV

С. В. Архипов, Г. С. Шкабин

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ШТРАФНОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
В XIX ВЕКЕ**

В статье анализируются вопросы правового регулирования и организации ссылки в отечественной пенитенциарной практике в контексте осуществления колонизации Сибири и Дальнего Востока в XIX в. В связи с расширением границ государства правительство видело в штрафной колонизации решение проблемы заселения слабозаселенных территорий. Использование ссыльных в освоении новых пространств государства давало неоднозначные результаты. Проанализированы причины организационно-правовых проблем и отсутствия искомым результатов в достижении колонизационного эффекта. Делается вывод, что правительству, используя ссылку, удалось увеличить численность населения новых территорий. Однако сдерживая переселение крестьянских масс на заселяемые территории, правительство тем самым создавало условия для усиления вредного влияния ссыльных на коренное население в результате увеличения их численности. Предложенные М. М. Сперанским пропорции расселения ссыльных к старожилам 1:5 достаточно часто нарушались в сторону увеличения массы ссыльных, что критически увеличивало массу преступного элемента. Следует признать, что отсутствие четкой системы распределения и, главное, организации и контроля огромной массы ссыльных принесло больше вреда, чем пользы колонизируемым местностям. Отмена крепостного права и усиление потока добровольно переселяющихся крестьян не изменили размеров «штрафной колонизации». Отсутствие должной организации ссылки на местах, недостаток квалифицированных кадров, отдельные злоупотребления и коррупция не способствовали устранению отрицательных явлений в организации ссылки, которая продолжала сохраняться на протяжении всего XIX в.

Ключевые слова: колонизация, Сибирь, ссылка, ссыльные, штрафная колонизация.

S. V. Arkhipov, G. S. Shkabin

**ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS
OF THE PENALTY COLONIZATION OF SIBERIA
AND THE FAR EAST IN THE XIX CENTURY**

The article analyzes the issues of legal regulation and organization of exile in domestic penitentiary practice, in the context of the colonization of Siberia and the Far East in the 19th century. In connection with the expansion of the borders of the state, the government saw in the penal colonization the main source of settlement of the sparsely populated areas. The use of exiles in the development of new areas of the state gave mixed results. The reasons for organizational and legal problems and the absence of the desired results in achieving the colonization effect are analyzed. It is concluded that the government, using the link, managed to increase the population of the new territories. However, by restraining the resettlement of the peasant masses to the inhabited territories, the government thereby created conditions for increasing the harmful influence of the exiles as a result of the increase in its number on the indigenous population. Proposed by M. M. Speransky, the proportions of resettlement of exiles to old-timers 1:5 were quite often violated in the direction of increasing the mass of exiles, which critically increased the mass of the criminal element. It should be recognized that the lack of a clear distribution system and, most importantly, the organization and control of a huge mass of exiles, did more harm than good to the colonized areas. The abolition of serfdom and an increase in the flow of voluntarily resettling peasants did not change the size of the "penal colonization". The lack of proper organization of exile in the localities, the lack of qualified personnel, individual abuses and corruption did not contribute to the elimination of negative phenomena in the organization of exile, which continued to persist throughout the 19th century.

Key words: colonization, Siberia, exile, exiles, settlements.

Преобразования пенитенциарной системы России на современном этапе позволили существенно цивилизовать и сделать более прозрачной систему исполнения уголовных наказаний. Это во многом объясняет значительный всплеск научного интереса у исследователей, который прослеживается в научных публикациях, посвященных институту ссылки в дореволюционной России. Указывая на негативные аспекты ссылки, исследователи, на наш взгляд, мало внимания обращали на причины этого явления и на анализ реализации намеченных целей правительства.

Предложенную директором ФСИН России идею о замене трудовых мигрантов осужденными поддержал Министр юстиции Российской Федерации К. А. Чуйченко и ряд других ведомств. ФСИН предполагает создание в стране исправительных центров, в которых могли бы отбывать наказание в виде принудительных работ 188 тысяч осужденных [1].

Реализация подобного проекта должна в полной мере опираться на отечественный опыт — как советский, так и дореволюционный. Именно изучение вопросов организации ссылки позволит не слепо копировать ее, но в какой-то мере рецепировать положительные моменты и избежать ошибок в будущем.

Становление границ Российского государства в XIX в., присоединение новых территорий требовали скорейшего их заселения и закрепления на них населения. С другой стороны, промышленное развитие Сибири и освоение Дальнего Востока остро обозначили проблему рабочей силы. В условиях существования крепостной зависимости крестьян правительство значительно расширяет размеры ссылки. Следует отметить, что район ссылки в первой половине XIX в. был значительно сужен, так как в колонизационных целях ссылных направляли преимущественно в земледельческие округа Тобольской и Томской губерний.

В связи с этим история ссылки свидетельствует о приоритетности задач освоения значительных территорий, располагавшихся к востоку от Урала на всех этапах развития государства. О роли ссылных в реализации колонизационных целей правительства свидетельствует и материал доклада министра государственных имуществ, в котором граф П. Д. Киселев представил императору свои соображения относительно колонизации Сибири: 1) приготовление свободных земель для будущего переселения государственных крестьян; 2) переселения на отдельные участки раскольников вредных сект; 3) поселения ссылных; 4) назначе-

ние земель для помещиков; 5) назначение участков для фабричных и промышленных заведений [2, с. 4]. Анализ документа свидетельствует, что ссылные представлялись перспективной основой, с помощью которой предполагалось осуществление колонизации Сибири в 30—40-е гг. XIX в.

В начале XIX в. происходит формирование организационно-правовых основ института ссылки, что приводит к поэтапному увеличению числа ссылных. По данным Тобольского Приказа, за период с 1823 по 1887 г. — 64 года — было направлено во все сибирские губернии 772 968 ссылных [3, с. 17].

Именно значительное увеличение числа ссылаемых обусловило возникновение, на наш взгляд, первой проблемы в достижении колонизационных задач ссылки, а именно необходимости организации ясной системы учета ссылных. Отсутствие ее не могло не отразиться на системе распределения и устройства ссылных. Между тем разработанная М. М. Сперанским в Уставе о ссылных система распределения по разрядам была рассчитана максимум на три тысячи ссылаемых. Однако реальное число ссылных многократно превосходило рекомендованную цифру. О количестве ссылаемых по десятилетиям на основании данных Приказа о ссылных приводит дореволюционный исследователь Н. М. Ядринцев. Так, за период с 1823 по 1832 г. было сослано 98 725 человек, за 1833—1842 гг. — 86 550; за 1843—1852 гг. — 69 764; за 1853—1862 гг. — 101 238; за 1863—1872 гг. — 146 380; за 1873—1882 гг. — 175 918, и за 1883—1888 гг. (за 5 лет) сослано 106 326 человек [4, с. 246]. Всего за 1823—1888 гг. было сослано 781 901 преступников.

Известный исследователь тюрьмы и ссылки Джордж Кеннан в своей книге «Сибирь и ссылка» раскрывает количество ссылаемых по годам. Так, в 1878 г. было сослано 17 790 преступников; в 1879 г. — 18 255; в 1880 г. — 17 760; в 1881 г. — 17 183; в 1882 г. — 16 946; в 1883 г. — 19 314; в 1884 г. — 17 824; в 1885 г. — 18 843; в 1886 г. — 17 477, и в 1887 г. сослано 17 774 человека [5, с. 54—55].

В течение практически всего XIX в. ссылку рассматривали как колонизационную меру. Как видно из приведенных цифр, правительство, несмотря на донесения губернаторов о сокращении размеров ссылки, во второй половине XIX в. не только не сократило, но и значительно расширило использование ссылки, как по судебным приговорам, так и в административном порядке. По данным,

собранным для комиссии о мероприятиях по отмене ссылки, с 1807 по 1899 г. ссылка дала Сибири не менее 864 549 человек обоего пола ссыльных и членов их семейств, что составляло почти $\frac{1}{6}$ часть народонаселения этого края [6, с. 133].

К концу XIX в. темпы штрафной колонизации, например в Восточной Сибири, опередили темпы ежемесячного прироста ее коренного населения. Так, в Иркутской губернии за 1880—1885 гг. родилось 18 610 человек, а число ссыльных увеличилось за эти же годы на 21 698 человек [7, с. 109].

Относительно роли ссылки в колонизации Сибири и Дальнего Востока в отечественной историографии долгие годы нет единства мнений. Так, ряд исследователей отмечает, что колонизационное значение ссылки не стоит переоценивать и преувеличивать [8, с. 226; 9, с. 22].

Встречаются и в целом позитивные взгляды на результаты реализации ссылки. Например, И. В. Упоров и А. А. Сысоев считают, что ссыльные стали неотъемлемой частью сибирского общества, интегрируясь в него, формируя состав местных жителей [7, с. 109; 10, с. 13].

Вместе с тем многократное увеличение количества ссылаемых не могло не повлиять на систему организации ссылки, учета ссыльных, которые были заложены в Уставе о ссыльных 1822 г. К тому же, проявились и недостатки прежней системы учета. Все это вызвало трудности в определении точных статистических данных о числе ссыльных всех категорий, числе семейств. Вообще не велось статистики смертности, цифры которой были достаточно велики. Как следствие, до 1882 г. многие официальные отчеты содержали данные, собранные исследователями и некоторыми чиновниками Сибири: записки генерал-губернаторов Сибири Д. Г. Анучина, Н. Г. Казнакова, исследователей Н. М. Ядринцева, В. В. Кирьякова и др. Но, как отмечали и авторы материалов для комиссии по отмене ссылки, они не отличались большой точностью [6, с. 131].

В 1882 г. Главным тюремным управлением Министерства внутренних дел (далее — ГТУ) была введена отчетность, фиксирующая численность арестантов по всем местам заключения, что позволило несколько упорядочить систему учета ссыльных. Однако эти данные не раскрывали общего состояния ссылки. Вследствие этого в сентябре 1897 г. ГТУ обратилось к сибирским губернаторам с циркуляром: дать точные данные о числе ссыльных, находящихся на их территории, к первому января 1898 г. Предложенная форма ведомости требовала указать число ссыльных по

разрядам, численность их семейств, количество причисленных в крестьяне и другие сословия, количество зачисленных в податный оклад, отсутствующих по неизвестным причинам, находящихся в богадельнях, неспособных к труду. Полученные данные можно рассматривать как приблизительные, так как они не везде включали число каторжных, а также ввиду массового бегства ссыльных с мест причисления возникали трудности в организации учета. В то же время, хотя и приблизительно, они позволяют выяснить общее число ссыльных (298 577 человек обоего пола), определить места расселения по губерниям Сибири, включая остров Сахалин в 1897—1898 гг.: в Тобольской губернии — 106 093 ссыльных; в Томской губернии — 38 334; в Енисейской губернии — 51 019; в Иркутской губернии — 71 800; в Якутской области — 5 177; в Забайкальской области — 14 395; в Амурской области — 679; в Приморской области — 2 177 и на Сахалине — 8 963 человека [6, с. 137].

Следует подчеркнуть, что согласно Уставу о ссыльных 1822 г. последним пунктом ссылки был Иркутск. К концу XIX в. практически все районы стали местами ссылки. Учитывая, что организация ссылки требует наличия поселений, мест использования труда ссылаемых и других факторов, необходимых для функционирования ссылки, можно считать, что правительство частично решило колонизационные цели ссылки, но какой ценой?

Ввиду количественного увеличения числа ссыльных местные власти были не в силах не только организовать труд и жилье ссылаемых, но и осуществить действенный контроль. Единственное, что они осуществляли с трудом, это распределение каторжных по тюрьмам и сосланных на поселение по деревням. Неслучайно в отчетах губернаторов сибирских губерний содержались просьбы о приостановлении ссылки.

Доказательством может служить и переписка официальных лиц. Так, в обращении к генерал-губернатору Западной Сибири по отдельным вопросам ссылки от губернских и областных правлений были получены ответы. Представляет интерес ответ Тобольского губернского руководства, в котором было замечено, что Тобольская губерния «отнюдь уже не нуждается в колонизации преступным элементом», о чем направлялись соответствующие ходатайства. В ответе содержалась рекомендация направлять ссыльных в Восточную Сибирь, которая и по своей удаленности, и по малой заселенности «более нуждается в принуди-

тельной колонизации». На эти цели ссылки обращало внимание и Томское губернское руководство, указывая: «Если правительство желает видеть в ссылке осуществление колонизационных стремлений...» [3, с. 10].

Решение колонизационных задач было затруднено не только значительным превышением ранее запланированного фактически прибывших в Западную Сибирь ссыльных, но и неспособностью администрации системы исполнения наказаний обеспечить всех заключенных работой.

Заложенное в Уставе о ссыльных стремление правительства привлечь всех ссыльных к работам оказалось несостоятельным ввиду значительного их числа. Фабрики и заводы в Западной Сибири, переполненные каторжными, уклонялись от их приема, поэтому значительное число каторжных находилось в тюрьмах, состояние которых не соответствовало никаким санитарным нормам. Как отмечал П. А. Крапоткин, «в иных тюрьмах, рассчитанных на 200—250 человек, число заключенных обыкновенно колеблется между 700 и 800 человек одновременно» [11, с. 13].

О неудовлетворительном состоянии каторжных тюрем писали многие — как исследователи, так и бывшие заключенные [12].

В целом экономическая эффективность труда ссыльнокаторжных была весьма низкой. Принудительный труд, несмотря на кажущуюся дешевизну, был дорог, поскольку малоэффективен по отношению к вольнонаемным работникам. Поэтому в экономике Сибири во второй половине XIX в. происходит переход преимущественно к капиталистическим методам развития, сведя к минимуму использование принудительного труда [13].

Для того чтобы Сибирь и Дальний Восток сами обеспечивали себя продовольствием, правительство стремилось превратить ссыльных в добропорядочных земледельцев, исправно платящих налоги. В эту же категорию попадали и ссыльные, отбывшие срок каторги.

Неслучайно поощрялась ссылка преступников вместе с семьями. Следует отметить, что составляя главный контингент ссыльных, административные ссыльные давали и наибольший процент семейных. Это положение можно объяснить влиянием ст. 255 Устава о ссыльных, обязывавшей жен переселяемых административных ссыльных независимо от их желания следовать за мужьями, тогда как жены ссылаемых по суду следовали за мужьями лишь добровольно.

Стремление правительства расширить слой землепашцев подтверждается и специальными

постановлениями министерств финансов и государственных имуществ. Так, в пределах Западной Сибири, где оседала значительная часть ссыльных этих категорий, Томская Казенная палата и начальник сибирского межевания были обязаны при межевании земель для местных крестьян из расчета 15 десятин на душу нарезать дополнительно на каждые 100 душ землю для 25 ссыльных. Такое же правило было распространено и на Восточную Сибирь.

Ссыльные, предназначенные к расселению по деревням старожилов, распределялись по волостям, им надлежало водворяться собственными силами в течение пятилетнего срока. Ссыльные поселенцы в первые три года освобождались от всяких податей, в последующие семь лет они платили половинный оклад подушных и оброчных денег. По истечении десяти лет поселенцы, принятые в крестьянские общества, облагались всеми податями в полном объеме и несли земские и волостные повинности наряду со старожилами. Исключение составляла рекрутская повинность, от которой ссыльные поселенцы были освобождены на двадцать лет. Эти льготы были распространены и на тех, кто жил на территории поселений, но не был приписан к сельским обществам. Единственное отличие состояло в том, что общества в последнем случае не несли ответственность за исправность уплаты ссыльными податей и повинностей.

Тем не менее к концу XIX в. вследствие развития движения свободных переселенцев, устроившихся большей частью в Западной Сибири, обострилась проблема наделения ссыльных земель. Ссыльные получали земли так же, как и крестьяне — из расчета 15 десятин на душу мужского пола. Вместе с тем, как показывают расчеты, только небольшое количество ссыльных могли заняться земледелием. В отличие от ссыльных, размещенных в специально построенных поселениях, остальные, приписываемые к сельским обществам, в основном административные ссыльные, должны были устраиваться сами.

Одной из причин неудачных водворений ссыльных были значительные трудности в связи с земельными отношениями. При отсутствии повсеместного земельного межевания во всех сибирских губерниях господствовало так называемое захватное землевладение, поэтому общества нередко препятствовали устройству ссыльных, так как не хотели уменьшать до нормы возделанную огромным трудом пашню у старожилов. В этом случае ссыльные сталкивались с интересами об-

щества старожилов, которое по закону и должно было выделять земли на ссыльных, но в реальности по многим причинам препятствовало такому водворению. Настойчивость ссыльного в получении земли могла закончиться для него составлением ложного приговора общества о порочности поведения, что влекло за собою административную высылку. Выделенные ссыльным пустоши требовали значительных трудовых затрат и времени, к тому же данный контингент был менее всего подготовлен для напряженного труда.

Кроме затруднений с получением земли от обществ, другой, не менее важной причиной, не способствующей успешности устройства ссыльных, являлось отсутствие средств, необходимых для водворения. Даже при низких ценах на скот и лес в Западной Сибири рассматриваемого периода, поселенцу необходимо было иметь не менее 50 рублей. Но такими средствами обладали лишь немногие. В Восточной Сибири, особенно в Забайкальской области, по расчетам администрации, устройство крестьянского хозяйства среднего достатка обходилось в 300—600 рублей. Таких денег у ссыльнопоселенцев не могло быть, учитывая, что основной контингент ссыльных в Забайкальской области составляли вышедшие с каторги.

По существу ссыльные были обречены или наниматься в работники на кабальных условиях, чем достаточно часто пользовались старожилы, или вступать на преступный путь. Состояние такого работника было крайне тяжелым: старожилы пользовались его безвыходным положением и платили гораздо меньше, чем своему односельчанину [14, с. 48].

Анализ хозяйств водворившихся ссыльных показывает, что только немногие семейства ссыльных обрабатывали все предназначенные наделы. Большинство же ссыльных запахивало от одной до трех десятин. Официальная комиссия, созданная во второй половине 70-х гг. XIX в. в связи с обсуждением вопроса о тюремном преобразовании констатировала, что домашним хозяйством ежегодно обзаводился только один из 400 ссыльных [3, с. 46].

На положение водворяемых влияло и обязательство по уплате налогов. В материалах Свода законов Российской империи приводятся примеры обращения 200 ссыльных Томской губернии к проезжавшим по этой территории сенаторам с заявлением о том, что едва начав водворение, они сталкиваются с требованием уплаты налогов. В случае неуплаты их скудное достояние продавалось, а они отдавались в работники в тех же

селениях, к которым были причислены, за небольшую сумму в 25—30 рублей в год [15]. Суммы долгов, числящихся за ссыльными, были значительными.

Кроме земледелия ссыльные занимались скотоводством, так как условия для занятия этим видом хозяйствования в Сибири были достаточно привлекательны, а также ремеслами. Однако большинство ссыльных уходило на прииски. Уже в 70-е гг. XIX в. на приисках Витимско-Олекминской системы можно было встретить ссыльных, нанимавшихся в течение пятнадцати и более лет [14, с. 48].

Итак, экономическое состояние ссыльных показывает, что без дополнительной помощи в устройстве начать собственное хозяйство могли лишь немногие. Правительство устремилось от оказания помощи ссыльным в деле водворения. Единственным достаточно крупным источником для оказания помощи ссыльным, находящимся в распоряжении администрации Сибири, являлся поселенческий капитал. Он создавался из взносов золотопромышленников в сумме два рубля пятьдесят копеек за каждого ссыльного, поступившего на работы, и 15-копеечного сбора с поселенцев. К 1882 г. этот фонд составлял 819 007 рублей [3, с. 46].

Средства фонда расходовались на содержание благотворительных учреждений для ссыльных, на оказание помощи детям преступников, отбывавших наказание или умерших в ссылке, на выдачу пособий приходящим в Сибирь дряхлым и увечным. Вместе с тем ограниченность размеров благотворительной помощи была обусловлена использованием только процентов этой суммы. О выделении средств на оказание помощи в водворении не могло быть и речи.

В то же время Устав о ссыльных подчеркивал возможность оказания помощи ссыльным в первый наиболее трудный период водворения через принятие за небольшое вознаграждение в дома старожилов ссыльных, не успевших водвориться. Однако официально эта мера не получила широкого распространения. Самое большое число ссыльных, принятых старожилами, но без всякого вознаграждения, было, по данным администрации, в Иркутской губернии. За десятилетие 1887—1896 гг. старожилами было принято 1 185 мужчин и 26 женщин, что составляло 4,3 % [6, с. 195—196].

Таким образом, правительство, необоснованно расширяя размеры всех видов ссылки, не заботилось о материальном обеспечении ссыльных, возлагая решение этой проблемы на их плечи.

Мы согласны с выводом авторов материалов «Переселения и поселения в связи с постройкой Сибирской железной дороги» о том, что «зло ссылки в настоящем ее положении тем и велико, что условия, в которых находится труд и положение ссыльного в Сибири, и вся обстановка его жизни способствуют не исправлению его, а только дальнейшему его падению и развитию низменных, преступных инстинктов» [16, с. 22].

Третьей организационной проблемой в функционировании ссылки как системы была неспособность местных властей и тюремного ведомства контролировать состоявшееся распределение ссыльных. Среди покидающих места причисления выделялись две категории: первая — ушедшие легально по официальным увольнительным билетам, вторая — находящиеся в бегах. Бегство ссыльных с мест причисления к концу века стало носить настолько массовый характер, что ссылка превратилась в неуправляемое явление. Как отмечал генерал-губернатор Западной Сибири Н. Г. Казнаков в записке, представленной в Министерство внутренних дел в 1877 г.: «Предупредить побеги ссыльных, представляется чрезвычайно затруднительным как по огромным расстояниям Сибири, так и слабости средств надзора, которым располагают местные полицейские власти. Самое преследование бродяжничества затрудняется в особенности от того, что бродяги постоянно находят приют и помощь у ссыльных по деревням» [3, с. 20].

Большое количество бродяг не имело документов или сознательно шло на подмену, так как хранившиеся в местах приписки документы содержали только некоторые приметы, а запомнить всех чиновники волостных отделений не могли. Так, в донесении Томского губернатора от 4 декабря 1890 г. в ГТУ сообщалось, что число всех ссыльных из разряда административных сосланных и водворяемых рабочих достигло за пять лет 25 760 человек. Из них на местах причисления проживает только 9 031, на заработках по официальным разрешениям находится 5 186, в неизвестной отлучке — 11 553, т. е. почти половина всего ссыльного населения [16, с. 19].

Из числа проживающих на местах причисления обзавелись домами только 2 321 человек, в разряде неспособных к труду состоит 3 532 человека. Такое же явление было во всех губерниях и областях Сибири. В отчете генерал-губернатора Восточной Сибири отмечалось, что к 1 января 1885 г. из 110 600 ссыльных на местах водворения числилось только 42 000, 20 000 находились на

заработках, 48 000 «отсутствовали в неизвестном направлении». Из проживающих на месте только 10 100 обзавелись своим хозяйством [16, с. 19].

По приводимым данным, на 1 января 1898 г. в «безвестной отлучке» находилось: в Енисейской губернии — 11 556 (22,65 %) ссыльных; в Иркутской губернии — 29 403 (40,95 %); в Забайкальской области — 3 374 (23,44 %); в Якутской области — 1 277 (24,66 %); в Амурской области — 484 (71,27 %); в Приморской области — 1 817 (85,82 %) [17, с. 26].

Указанные цифры свидетельствуют, что приблизительно половина всех ссылаемых находилась вне контроля местных властей и тюремного ведомства. Не имея средств к существованию, они представляли огромное зло для местного населения, создавая нестабильность во многих районах Сибири. Об отрицательных последствиях неупорядоченности ссылки сообщали правительству все губернаторы Сибири в ежегодных отчетах.

Недостатки в организации ссылки порождали проблему нравственного влияния ссыльных на все слои сибирского общества, отрицательное значение которого отмечали все: крупные чиновники сибирских ведомств, исследователи. Следует отметить, что первые обращения чиновников относятся к началу века. Стремление правительства путем определенной разрядки обеспечить заводы рабочей силой за счет ссыльных не всегда находило одобрение у руководства отдельных заводов. Так, в докладе министра финансов с обоснованием разработанного Горного Положения приводился пример использования ссыльных на Екатеринбургских заводах. В докладе отмечалось, что ни край, ни заводы не имели ссыльных. Но согласно указу от 4 декабря 1801 г. на эти заводы должны быть направлены ссыльные в количестве одной тысячи человек. Анализируя опыт применения ссыльных на этих заводах, министр финансов указывает, что содержание их обходится дороже, чем такое же количество мастеровых и других рабочих людей. В то же время результативность их труда была крайне низка. Для безопасности края и охраны приходилось использовать почти целый полк, что значительно увеличивало расходы на этих заводах. Он подчеркивал при этом, что «нет никакой возможности совершенно прекратить все делаемые ими побеги и причиняемый вред жителям» [18]. Но самый большой вред, причиняемый краю, «есть развращение нравственности от примера и поведения». Министр, обращаясь к императору, подчеркивал, что «никакими прибылями заводов оплатить

не можно вреда сего рода, причиняемого целому краю». Он предлагал отправить ссыльных на Нерчинские заводы [18]. К концу века ситуация стала еще хуже.

К числу важных проблем, оказывающих отрицательное воздействие на состояние ссылки, можно отнести и отсутствие четкого законодательного определения категорий ссылаемых «на житье», ссылаемых на поселение, водворяемых рабочих. В исполнении наказания не было четкого разграничения между ссылаемыми в административном порядке и некоторыми категориями ссылаемых по суду.

Увеличение численности ссыльных в населенных пунктах обусловило возникновение состояния правовой неурегулированности, связанной с осуществлением сельского самоуправления. По законодательству о состояниях сельские сходы составлялись из $\frac{2}{3}$ доверенных или выборных от всего населения. Остальную треть могли составлять отсутствующие, престарелые, отставные солдаты, ссыльные. В результате увеличения числа ссыльных, особенно в Западной Сибири, в некоторых сельских обществах этот контингент превышал половину. Складывалась ситуация, при которой правоспособные, составляя меньшинство, должны были решать дела всего общества.

Другой значительной проблемой, сдерживающей развитие добровольного переселенческого движения в Западной Сибири в конце XIX в., было обязательное закрепление за ссыльными земельных наделов. Как уже отмечалось, землемеры обязаны были в соответствии с законом при межевании выделять определенную часть земель для ссыльных. Однако в силу ограниченного числа водворений сельские сходы не могли передать эти закрепленные за ссыльными земли вновь прибывшим добровольным крестьянским переселенцам, число которых в 80-е гг. XIX в. значительно выросло.

Тем не менее, как землемеры, так и местные органы могли исходить в расчетах не из наличного населения ссыльных, которое практически не поддавалось учету, а из официальных данных о числе приписанных к сельским обществам. Подобное положение создавало картину «переполнения ссыльными» наиболее заселенных округов Тобольской и Томской губерний и обусловило заявление губернаторов об отсутствии свободных земель в Западной Сибири. Созданному 1 марта 1884 г. Управлению государственными имуществами в Западной Сибири предстояло упорядочить поземельные отношения сибирского крестьянско-

го населения. В апреле 1887 г. помощник Управляющего государственными имуществами в Западной Сибири Павловский в своей аналитической записке в Министерство государственных имуществ отметил: «Если бы последние водворялись на землях, числящихся только за ссыльными, они действительно колонизовали бы нашу богатую и обширную Зауральскую окраину» [3, с. 44].

В функционировании ссылки как системы проявились и недостатки всего бюрократического управления в России: равнодушие, казнокрадство, бюрократическая волокита. Например, многие предложения об организации отправки ссылаемых только летом и на повозках, позволявшие экономить до 14 рублей с человека, обеспечение ответственности подрядчиков за поставленную одежду и обувь для ссыльных остались не только нереализованными, но и не обсуждаемыми. Многие проблемы функционирования ссылки были порождены, как отмечал И. Я. Фойницкий, «отсутствием у нас всякой сколько-нибудь правильной организации и надзора за ссыльными» [19, с. 261].

Организация ссылки находилась в прямой зависимости от уровня общего управления на местах. Немало было сделано для его совершенствования крупными чиновниками Сибири: генерал-губернатором М. М. Сперанским, генерал-адъютантом Н. Г. Казнаковым, генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым, получившим за освоение Амурского края приставку «Амурский». Однако в целом недостатки как центрального по отношению к Сибири управления, так и местного тормозили развитие этого богатейшего края. Наиболее яркую характеристику управления дал бывший ссыльный, участник декабристского движения, литератор Д. Завалишин: «Никакие естественные бедствия, ни неурожай, ни наводнения, ни пожары, ни землетрясения, ни эпидемии, не могут сравниться в гибельных последствиях своих с дурным управлением; те губят временно результаты развития, тогда как дурное управление губит самое развитие в жизненном его источнике» [4, с. 716]. В отличие от других колонизируемых стран этот недостаток российского управления оказался решающим в достижении должного колонизационного эффекта.

Определяя итоги колонизационной политики российского правительства в течение XIX в., можно сделать следующие выводы:

— правительству, используя ссылку, удалось увеличить численность населения сибирских территорий;

— всемерно сдерживая переселение крестьянских масс на территорию Сибири, правительство тем самым создавало условия для усиления вредного влияния ссыльных в результате увеличения их численности на коренное население;

— принятые пропорции расселения ссыльных к старожилам 1:5 достаточно часто нарушались в сторону увеличения массы ссыльных;

— отсутствие четкой системы распределения и, главное, организации и контроля огромной массы ссыльных принесло больше вреда, чем пользы сибирскому краю;

— изменение общей ситуации в России после отмены крепостного права, усиление потока добровольно переселяющихся крестьян не изменило размеров «штрафной колонизации»;

— слабость аппарата управления на местах, недостаток квалифицированных кадров, коррупционность не способствовали устранению отрицательных явлений в организации сибирской ссылки;

— за длительный период существования ссылки так и не были найдены соответствующие условиям организационные формы исполнения наказаний.

1. Батманова А. ФСИН предложила заменить трудовых мигрантов заключенными. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/05/2021/60a5fa8d9a79477c1f8620f4> (дата обращения: 30.09.2021).

2. По вопросу о насаждении частного землевладения в Сибири / М-во земледелия и гос. имуществ. Деп. гос. земель. имуществ. Отд-ние 1, стол 2. Санкт-Петербург, 1898. 58 с.

3. Записка о современном состоянии ссыльных в Западной Сибири в связи с поземельными отношениями последней. Омск, 1887. 60 с.

4. Ядринцев Н. М. Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург, 1892. 720 с.

5. Кеннан Д. Сибирь и ссылка / полн. пер. с англ. З. Н. Журавской с примеч. В. Л. Бурцева. Санкт-Петербург, 1906. Т. 1. 382 с.

6. Саломон А. П. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и соврем. положения: Для... Комис. о мероприятиях по отмене ссылки. Санкт-Петербург, 1900. 342 с.

7. Сысоев А. А. Сибирское общество в контексте пенитенциарной политики Российского самодержавия // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск, 2009. Вып. 5. С. 108—123.

8. Соловьева Е. И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 214—226.

9. Кораблин К. К. Исторический опыт принудительной колонизации Сибири: роль каторги и ссылки в освоении территории западной и восточной Сибири (конец XVI — начало XX вв.) // История государства и права. 2010. № 14. С. 21—25.

10. Упоров И. В. Ссылка на поселение в Российской Империи: законодательное регулирование и особенности исполнения (XVIII — начало XIX веков) // Дискурс. 2019. № 3. С. 6—13.

11. Крапоткин П. А. Тюрьмы, ссылка и каторга в России. Санкт-Петербург, 1906. 60 с.

1. Batmanova A. FSIN proposed replacing labor migrants with prisoners. Available from: <https://www.rbc.ru/politics/20/05/2021/60a5fa8d9a79477c1f8620f4>. Accessed: 30 September 2021 (in Russian).

2. On the issue of plantation on private land in Siberia. Ministry of agriculture and state property. Dep. of state land and property. Branch 1, table 2. Saint Petersburg; 1898: 58 (in Russian).

3. A note on the current state of exiles in Western Siberia in connection with the land relations of the latter. Omsk; 1887: 60 (in Russian).

4. Yadrintsev N. M. Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms. 2nd ed., rev. and amend. Saint Petersburg; 1892: 720 (in Russian).

5. Kennan G. Siberia and exile. Full transl. from English by Z. N. Zhuravskaya; comm. by V. L. Burtsev. Vol. 1. Saint Petersburg; 1906: 382 (in Russian).

6. Salomon A. P. Exile to Siberia: Essay on its history and modern provisions. For ... Comis. on cancellation of exile. Saint Petersburg; 1900: 342 (in Russian).

7. Sysoev A. A. Siberian society in the context of the penitentiary policy of the Russian autocracy. In: Siberian exile. Collection of scientific papers. Issue 5. Irkutsk; 2009: 108—123 (in Russian).

8. Solovyova E. I. Resettlement and the situation of exiles in Siberia in the second half of the XIX century. In: Political exiles in Siberia (18th — early 20th century). Novosibirsk; 1983: 214—226 (in Russian).

9. Korablin K. K. Historical experience of forced colonization of Siberia: the role of hard labor and exile in the development of the territory of western and eastern Siberia (late 16th — early 20th centuries). History of State and Law, 21—25, 2010 (in Russian).

10. Uporov I. V. Reference to a settlement in the Russian Empire: legislative regulation and peculiarities of execution (XVIII — early XIX centuries). Discourse, 6—13, 2019 (in Russian).

12. Максимов С. В. Сибирь и каторга. В 3 ч. Ч. 1—3 // Максимов С. В. [Соч.]. [2-е изд., испр. и доп.]. Санкт-Петербург, 1891. Ч. 1. Несчастные. 411 с.

13. Шиловский М. В. Экономическая эффективность каторжного труда в Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Библиотека Сибирского краеведения. URL: <http://bsk.nios.ru/content/ekonomicheskaya-effektivnost-katorzhnogo-truda-v-sibiri-vo-vtoroy-polo-vine-xix-nachale-hh> (дата обращения: 30.09.2021).

14. Иванов А. А. Уголовная ссылка в Сибирь в XVII—XIX вв.: численность, размещение, использование в экономике региона // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 1. С. 42—53.

15. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2-е. Санкт-Петербург, 1830. Т. III, № 2061.

16. Переселения и поселения в связи с постройкой Сибирской железной дороги. Санкт-Петербург, 1891. 43 с.

17. Кораблин К. К. Негативные последствия сибирской ссылки для реализации пенитенциарных целей уголовного наказания в дореволюционной России // История государства и права. 2007. № 11. С. 26—29.

18. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1-е. Санкт-Петербург, 1830. Т. XXIX, № 22208.

19. Фойницкий И. Я. Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии. Санкт-Петербург, 1881. 351 с.

11. Krapotkin P. A. Prisons, exile and hard labor in Russia. Saint Petersburg; 1906: 60 (in Russian).

12. Maksimov S. V. Siberia and hard labor: In 3 parts. Part 1. Unhappy. In: Maksimov S. V. [Works]. [2nd ed., rev. and amend.]. Saint Petersburg; 1891: 411 (in Russian).

13. Shilovsky M. V. The economic efficiency of hard labor in Siberia in the second half of the XIX — early XX centuries. In: Library of Siberian Local Studies. Available from: <http://bsk.nios.ru/content/ekonomicheskaya-effektivnost-katorzhnogo-truda-v-sibiri-vo-vtoroy-polo-vine-xix-nachale-hh>. Accessed: 30 September 2021 (in Russian).

14. Ivanov A. A. Criminal exile to Siberia in the 17th—19th centuries: number, location, use in the regional economy. Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East, 42—53, 2014 (in Russian).

15. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Saint Petersburg; 1830; III; 2061.

16. Relocations and settlements in connection with the construction of the Siberian railway. Saint Petersburg; 1891: 43 (in Russian).

17. Korablin K. K. Negative consequences of Siberian exile for the implementation of the penal purposes of criminal punishment in pre-revolutionary Russia. History of State and Law, 26—29, 2007 (in Russian).

18. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. Saint Petersburg; 1830; XXIX; 22208.

19. Foinitskiy I. Ya. Exile to the West in its historical development and current state. Saint Petersburg; 1881: 351 (in Russian).

© Arkhipov S. V., Shkabin G. S., 2021

© Архипов С. В., Шкабин Г. С., 2021

Архипов Сергей Валентинович,

доцент кафедры
теории государства и права,
международного и европейского права
Академии ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: justice4@yandex.ru

Шкабин Геннадий Сергеевич,

главный научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказания,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: uprzn@ya.ru

Arkhipov Sergey Valentinovich,

associate professor at the department
of state and law, international and European law
of the Academy of Law and Management
of the Federal Service
for Execution of Sentences of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: justice4@yandex.ru

Shkabin Gennady Sergeevich,

senior researcher of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: uprzn@ya.ru

* * *

УДК 343.2(510)
ББК 67.408(5Кит)
doi: 10.25724/VAMVD.XUVW

А. М. Басханов

ОСОБЕННОСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ В ПРАВОВЫХ ПАМЯТНИКАХ КИТАЯ

В статье отмечается, что в действующем уголовном законодательстве России специальная норма, устанавливающая ответственность за попустительство преступлению, не предусмотрена. Кроме того, отсутствует законодательное определение понятия прикосновенности к преступлению, формы прикосновенности в Уголовном кодексе Российской Федерации также не раскрываются.

Историко-правовой анализ имеет большое значение, поскольку позволяет сформулировать предложения, направленные на совершенствование отечественного уголовного законодательства. В частности, разрешению названных проблем будет способствовать ретроспективное исследование зарубежного законодательства. Статья посвящена рассмотрению отдельных правовых памятников Китайской Народной Республики. Особый интерес представляют правовые памятники Китая — законы «Фа» и «Ли» (IV в. до н. э.) и Уголовные установления Тан «Тан люй шу и» (653 г.), достаточно четко и подробно регламентировавшие ответственность лиц, прикосновенных к преступлению.

В завершение статьи автор выделяет особенности регламентации ответственности за прикосновенность к преступлению в правовых памятниках Китая.

Ключевые слова: институт прикосновенности к преступлению, недонесение, укрывательство, попустительство, легизм, конфуцианство, законы «Фа» и «Ли», Уголовные установления Тан, система поощрения, донос.

A. M. Baskhanov

SPECIFICS OF LIABILITY REGULATION FOR INVIOABILITY IN A CRIME IN THE LEGAL DOCUMENTS OF CHINA

The author of the article notes that in the acting criminal legislation of Russia the rule of law to establish responsibility for connivance to a crime is not provided for. Moreover, there is no legislative definition of the concept of "inviolability in a crime" as well as the forms of such inviolability in the Criminal Code of the Russian Federation are also not determined.

Historical and legal analysis is of great importance as it allows formulating proposals that should improve the domestic criminal legislation. In particular a retrospective analysis of the foreign legislation will facilitate solving the mentioned issues. The given article deals with certain legal documents of People's Republic of China. The legal documents of China such as "Fa" and "Li" (IV century BC) are of great interest to study as well as the Criminal regulations of the TAN "Tang lui shu yi" (653) that regulated the liability of the persons involved in a crime quite accurately and in detail.

At the end of the article the author points out the specifics of the regulation of liability for inviolability in a crime in the legal documents of China.

Key words: institution of inviolability in a crime, non-reporting a crime, concealment, connivance, legalism, Confucianism, "Fa" and "Li" laws, criminal regulations of the Tang, incentive system, denunciation.

Институт прикосновенности к преступлению на всех этапах развития уголовного права представлял для исследователей особый интерес. В современном российском уголовном законодательстве четкое закрепление данного института и выделение его форм (заранее не обещанного несообщения о готовящемся или совершенном

преступлении, заранее не обещанного укрывательства преступления, преступника и орудий совершения преступления, попустительства преступления) отсутствует.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) до принятия Федерального закона № 375-ФЗ от 6 июля 2016 г. ин-

ститут прикосновенности был представлен исключительно нормой, регламентирующей ответственность за укрывательство преступлений. В соответствии со ст. 316 УК РФ максимальное наказание за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений предусмотрено в виде лишения свободы на срок до двух лет. Вместе с тем согласно примечанию к данной статье лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником.

В 2016 г. в уголовном законе появилась новая статья 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении». Наказание — от штрафа до лишения свободы (максимально — на срок до 1 года) — может быть назначено, если лицо достоверно знало о готовившихся или совершенных преступлениях и не сообщило об этом в соответствующие органы власти. Эта норма касается следующих преступлений: террористического акта, содействия террористической деятельности, публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма, прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности, организации террористического сообщества и участия в нем, организации деятельности террористической организации и участия в деятельности такой организации, захвата заложника, организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем, угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, незаконного обращения с ядерными материалами или радиоактивными веществами, хищения либо вымогательства ядерных материалов или радиоактивных веществ, посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственного захвата власти или насильственного удержания власти, вооруженного мятежа, нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, акта международного терроризма.

Следует подчеркнуть, что в действующем уголовном законодательстве отсутствует специальная норма, устанавливающая ответственность за попустительство преступлению. Кроме того, Общая часть УК РФ не содержит понятия прикосновенности к преступлению. Ее формы также не раскрываются.

Разрешению проблем, связанных с уяснением сущности института прикосновенности к преступлению и его форм, будет способствовать, в част-

ности, ретроспективный анализ зарубежного законодательства. Как справедливо отмечал А. Ф. Кистяковский, «только история может дать объяснение причин как современного состояния уголовного права, так и состояния его в предшествовавшие периоды. Без света истории как науки, трактующей о постепенном развитии рода человеческого, уголовное право прежних формаций являлось бы во многих пунктах произведением умопомешанного» [1, с. 10].

В связи с тем что в правовых памятниках Китая — законах «Фа» и «Ли» (IV в. до н. э.), Уголовных установлениях Тан «Тан люй шу и» (653 г.) достаточно подробно были регламентированы особенности уголовной ответственности лиц, прикосновенных к преступлениям, для целей исследования именно эти документы представляют особый интерес.

Первые попытки создания Танского права были предприняты после утверждения правителя Танской династии Гао-цзу. В период составления данного документа существовали различные типы законодательных актов, но самыми влиятельными были законы «Фа» и «Ли». Несмотря на то что данные законы представляли противоборствующие учения, впоследствии они начали синтезировать и дополнять новый Танский уголовный кодекс.

Стоит отметить, что учение легистов «Ли» пользовалось большей популярностью, поскольку особый интерес к нему проявляли люди, находящиеся у власти [2, с. 13]. Законы «Ли» содержали нормы, предусматривающие ответственность за деяния, направленные против государства. Говоря об институте прикосновенности к преступлению, обозначим, что законы «Ли» делали уклон на поощрительную систему доносов. В философско-политическом трактате «Шан Цзюнь Шу» упоминалось о поощрении доносов: «Если наказания будут применяться по отношению к уже совершенным преступлениям, то злодейств прекратить не удастся. Поэтому тот, кто хочет добиться контроля, должен применять наказания к проступкам, которые только готовятся... Награды должны даваться тем, кто сообщает о злодеяниях» [3, с. 47—48]. Использование информации доносчиков, по мнению основоположника легизма и правителя Шан Яна, позволило бы добиться порядка и контроля в государстве. Нужно сказать, что установление суровых наказаний даже за преступления небольшой тяжести привело к наступлению порядка в царстве Цзинь.

В Древнем Китае существовала система ответственности государственных служащих. Чиновники любого ранга должны были сообщать о преступных намерениях коллеги и даже о его проступке. За недонесение следовало наказание. Однако и здесь существовала система поощрения. Чиновник, который донес, получал награды и повышение по службе. Данная система была очень выгодна для правителя. Дело в том, что так он мог контролировать чиновников, получать информацию о готовящихся преступлениях и о проступках чиновника на службе. С этой системой, созданной Шан Яном, была минимизирована возможность покушения или восстания против правителя.

Шан Ян начал борьбу с прикосновенными лицами и установил самые жесткие наказания именно для них. Например, «тот, кто не доносил на преступника, разрубался на две части, доносчик же награждался как воин, отрубивший голову врага в бою» [3, с. 42].

Шан Ян создал систему круговой поруки — групповой солидарной ответственности, которая заключается в том, что вся группа отвечает по нарушенным обязательствам одного. По системе Шан Яна связывались родственники и соседи [4]. Все они обязаны были доносить друг на друга, и если кто-то совершал преступление, то наказание несли все окружающие его люди. Однако по конфуцианским правилам сыновья должны были подчиняться и не доносить на своих родителей за их преступления. Так, в одной из провинций отец украл барана, а сын донес на него властям. Правитель, действуя согласно конфуцианству, приказал казнить сына, поскольку он, поступая правильно по отношению к государю, изменил отцу [5].

Далее институт прикосновенности к преступлению находит свое отражение и в Уголовных установлениях Тан.

Уголовные установления Тан «Тан люй шу и», или Танский Уголовный кодекс, — один из малоизученных правовых памятников средневекового Китая. Над ним трудились выдающиеся юристы. По сути, это первый кодифицированный уголовный кодекс, являющийся источником правовых норм вплоть до наших дней. В данном уголовно-правовом памятнике институт прикосновенности к преступлению был представлен тремя формами: укрывательством преступника, недонесением о готовящемся преступлении и попустительством. В Уголовном установлении Тан укрывательство преступника обозначалось термином «Сянь инь» (укрывать один другого), обязанность доносить — «Бао», а попустительство — «Гу цзун».

В Уголовном установлении Тан каждая форма института прикосновенности к преступлению была представлена различными видами. Например, в ст. 293 была установлена ответственность за укрывательство беглого раба. Наказание за такое деяние было предусмотрено на 1 степень меньше, чем за продажу раба [6, с. 123]. Статья 296 устанавливала ответственность за приобретение краденых вещей и за их укрывательство. Наказание — 90 ударов тяжелыми палками. В этой же норме предусматривалась ответственность за подделку казенных или частных документов в целях скрыть имущество, подлежащее конфискации. Данное деяние приравнивалось к краже и наказывалось 100 ударами тяжелыми палками [6, с. 131].

Ответственность за попустительство была предусмотрена ст. 317 и 361. Согласно ст. 317 чиновники или специально уполномоченные лица, знавшие о нарушениях закона их подчиненными и не предпринявшие меры по предотвращению и расследованию преступления, подвергались наказанию, меньшему на 3 степени, чем преступники, нарушившие закон. Кроме того, эта норма предусматривала систему круговой поруки частных лиц. Так, пять семей, входящих в один двор, отвечали друг за друга и обязаны были следить друг за другом. Семья, знавшая о преступлении другой семьи этой «пятиворки» и не доносившая об этом, подвергалась наказанию в виде: а) 1 года каторги, если было совершено преступление, за которое предусмотрено наказание в виде смертной казни; б) 100 ударов тяжелыми палками в случаях, если было совершено преступление, наказуемое ссылкой; в) 70 ударов тяжелыми палками в случаях совершения преступления, наказуемого каторгой. Ответственность за преднамеренное попустительство при хищении вверенных печатей и бирок предусматривала ст. 366. Наказание за это деяние было таким же, как для преступника, совершившего хищение [6, с. 300—317]. Отсюда следует, что Уголовное установление делило попустительство в зависимости от вида умысла (в современном его понимании).

Такой форме прикосновенности к преступлению, как недонесение о готовящемся или совершенном преступлении в Уголовных установлениях Тан тоже уделяется большое внимание. Ответственность наступала за недонесение о различных видах и категориях преступлений. За недонесение в течение 30 дней об убийстве родственника чиновника «ци» согласно статье 260 назначалось меньшее наказание на 2 степени, чем преступнику, если преступник заключил мировую с чиновником

«ци». Более того, в соответствии с данной нормой родственники также были обязаны доносить друг на друга в случае совершения убийства. Вместе с тем если старший брат убил младшего, то доносить было необязательно [6, с. 41].

Суровое наказание было предусмотрено за недонесение о готовящемся или совершенном преступлении против Императора. Так, согласно ст. 340 всякий, кто знал об «Умысле Восстания против» или «Великой строптивости», должен был доносить тайно ответственным чиновникам; в случае недонесения наказывался «удавливанием». Под «Умыслом Восстания против» следует понимать тайный умысел повредить Алтарю Земли и Зерна. Под «Великой строптивостью» — действия, уже нанешие ущерб Императорскому Храму предков, Императорским усыпальницам или дворцам. Лица, вовремя сообщившие о готовящемся преступлении, поощрялись Императором [6, с. 41—44].

Кроме того, существовала обязанность доносить и за злословствование на Императора; тому, кто знал и не донес, назначалось наказание на 5 степеней меньше, чем за недонесение о готовящемся восстании или причинении вреда Императорскому Храму предков, усыпальницам или дворцам. Если лицо знало об «Умысле Восстания» и о других перечисленных противоправных действиях, но не донесло, а самостоятельно схватило преступника, это приравнивалось к тайному доносу; если упустило или поймало и упустило преступника, наказывалось по «закону об упущенных арестантах» [6, с. 247—250].

В то же время донос не всегда приветствовался по Уголовным установлениям Тан. В частности, за донос на дедушку или бабушку по отцовской линии, на мать или отца следовало наказание в виде удавливания. Но если же сын донес на родителей о готовящемся восстании или других преступлениях против Императора, то сын не наказывался. Непоощрение доноса сына на родителей было связано с «Моральными устоями Ли». В них говорится, что «отец является Небом для сына, укрывать можно, противодействовать нельзя».

1. Кистяковский Александр Федорович (1833—1885). Элементарный учебник общего уголовного права. Т. 1: Общая часть / орд. проф. Ун-та св. Владимира А. Ф. Кистяковского. Киев: В Унив. тип., 1875. [2], II, XX, 413 с.

2. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 1—8 / введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Санкт-Петербург: Петерб. Востоковедение, 1999. 384 с.

Кроме того, разрешалось доносить на приемных родителей [6, с. 260].

В завершение можно выделить несколько особенностей, связанных с регламентацией ответственности за прикосновенность к преступлению в правовых памятниках Китая.

1. Большое внимание уделялось недонесителям. Ответственность наступала за недонесение о преступлениях, направленных против порядка управления.

2. Руководствуясь нравственными аспектами, нельзя было доносить на близких родственников.

3. Существовала система круговой поруки и система поощрения.

4. Приобретение имущества, добытого преступным путем, считалось разновидностью укрывательства.

5. Субъектами попустительства являлись чиновники и специально уполномоченные лица.

Историко-правовой анализ законодательных актов Китая свидетельствует о том, что установление строгих наказаний прикосновенным лицам, укрывающим преступления и преступников, не сообщаящим о готовящемся или совершенном преступлении и не предотвращающим совершаемое преступление, а также использование мер поощрения за донос позволяет своевременно выявлять готовящееся преступление или раскрыть уже совершенное. Такая система помогает избежать латентности преступлений. Кроме того, Шан Ян своим примером показал, что важную роль в установлении порядка в государстве сыграло закрепление ответственности за прикосновенные деяния.

Проведенное ретроспективное исследование имеет большое значение, поскольку не только способствует определению сущности прикосновенности к преступлению и ее форм, но и позволяет сформулировать предложения, направленные на совершенствование уголовного законодательства в части закрепления и регулирования данного института.

1. Kistyakovsky Alexander Fyodorovich (1833—1885). Elementary Textbook of General Criminal Law. Vol. 1. General Part. A.F. Kistyakovsky, Ordinary Professor of University of St. Vladimir. Kiev: University Printing House; 1875: 413 (in Russian).

2. Criminal Norms of Tang with Explanations (Tang lu shu i). Tsuyani 1—8. Introductory. Translation from the Chinese and Comments by V. M. Rybakov. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies; 1999: 384 (in Russian).

3. Личность и власть в древнем Китае: собр. тр. Москва: Вост. лит. РАН, 1999. 384 с.

4. Право. Противоборствующие учения: конфуцианство и легизм. URL: https://studme.org/250813/pravo/pravo_protivoborstvuyuschie_ucheniya_konfutsianstvo_legizm (дата обращения: 03.02.2020).

5. Басханов А. М. Недоносительство или несообщение о преступлении как форма прикосновенности к преступлению в китайском легизме // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (21 мая 2020 г.) / кол. авторов; отв. ред. Н. С. Сорокун. Ростов-на-Дону, 2020. С. 7—10.

6. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и). Цзюани 17—25 / введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Санкт-Петербург: Петерб. Востоковедение, 2005. 384 с.

© Басханов А. М., 2021

Басханов Ахмед Магомедович,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: axmed.basxanov.95@mail.ru

3. Personality and Power in Ancient China. Collection of works. Moscow: Eastern Literature. Russian Academy of Science; 1999: 384 (in Russian).

4. Law. Opposing Research: Confucianism and Legalism. Available from: https://studme.org/250813/pravo/pravo_protivoborstvuyuschie_ucheniya_konfutsianstvo_legizm. Accessed: 3 February 2020 (in Russian).

5. Baskhanov A. M. Non-Informing or Non-Reporting a Crime as a Form of Inviolability in a Crime in the Chinese Legalism. In: Topical Problems of Applying Criminal Legislation. Collection of materials of the International scientific and practical conference, 21 May 2020. Research Team; chief editor N. S. Sorokun. Rostov-on-Don; 2020: 7—10 (in Russian).

6. Criminal Norms of Tang with Explanations (Tang lu shu i). Tsuyani 1—8. Introductory. Translation from the Chinese and Comments by V. M. Rybakov. Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies; 2005: 384 (in Russian).

© Baskhanov A. M., 2021

Baskhanov Akhmed Magomedovich,
associate adjunct of the Volgograd Academy
of the Interior Ministry of Russia;
e-mail: axmed.basxanov.95@mail.ru

* * *

УДК 343.2(09)
ББК 67.408-1
doi: 10.25724/VAMVD.XVWX

А. Э. Велиев

**ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОБЛАСТИ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СУИЦИДУ
И ЕГО АКТУАЛЬНОСТЬ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

В настоящей статье проанализировано дореволюционное уголовное законодательство в области противодействия суицидальному поведению. Сделан вывод, что уголовная ответственность непосредственно за суицид была не отличительной чертой русского права, а, скорее, временным отклонением, поскольку появилась в законодательстве не естественным образом, а была скопирована с зарубежных образцов. Дореволюционное уголовное законодательство при этом содержало и такие характерные для действующих уголовных законов составы преступлений, как доведение до самоубийства, склонение и содействие его совершению. Сходство диспозиций некоторых статей с их современными аналогами позволяет по-новому взглянуть на проблемы нынешнего правового регулирования. В частности, это касается проблемы установления причинной связи между суицидом потерпевшего и действиями обвиняемого, а также излишней узости объективной стороны доведения до самоубийства. Вместе с тем опыт Российской империи в данной области все еще остается актуальным и может быть заимствован современным законодателем.

Ключевые слова: суицид, уголовное право, история, склонение к самоубийству, содействие самоубийству, доведение до самоубийства, покушение на самоубийство.

A. E. Veliev

**THE RUSSIAN EMPIRE'S EXPERIENCE
IN THE FIELD OF COUNTER-SUICIDE CRIMINAL POLICY
AND ITS RELEVANCE FOR THE MODERN LAW**

The present article deals with ante-revolutionary Russia's criminal provisions related to suicide. The study demonstrates that the criminal liability for committing suicide was not an intrinsic element of the Russian law, but rather a temporary fluctuation because it emerged as an imitative reception of the foreign regulations. Moreover, the ante-revolutionary Russia's criminal law included such typical for modern criminal codes offences as instigation of suicide, and aiding and abetting suicide. The similarities between the old and the modern regulations allow us to see the problems of the present-day norms in a new light. This is the case, for example, of the causal relationship between the suicide and the previous conduct of the defendant, as well as the narrowness of the definition of instigation of suicide. The Russian Empire's experience in the field of counter-suicide criminal policy is still relevant and can be used by modern lawmakers.

Key words: suicide, criminal law, history, incitement to suicide, abetting suicide, aiding suicide, assisting suicide.

Несмотря на определенные успехи в деле борьбы с суицидальным поведением, Российская Федерация по-прежнему остается государством с наибольшим в Европе числом самоубийств на душу населения, а также занимает по этому показателю одно из лидирующих мест в мире. Не удивительно, что для противодействия данному явлению государство использует все средства, не исключая уголовно-правовых. Так, в 2017 г. Уголовный

кодекс пополнился сразу двумя новыми статьями, призванными бороться с самоубийствами, спровоцированными предшествующим противоправным поведением иных лиц.

Как бы то ни было, нынешнее состояние уголовно-правовых средств противодействия суициду все еще далеко от идеала. Между тем история отечественного законодательства в этой области насчитывает не одну сотню лет и может быть ис-

пользована в качестве ресурса для совершенствования действующих норм уголовного права. Поскольку с советских времен антисуицидальное регулирование практически не претерпело изменений, в настоящей статье будет рассмотрено только уголовное законодательство дореволюционной эпохи.

Отрицательное отношение к самоубийству на Руси, как и на Западе, начало складываться после принятия христианства. Однако вплоть до XVIII в. санкции за суицид ограничивались исключительно нормами церковного права и часто тесно связанных с ним народных обычаев, тогда как никаких правовых последствий со стороны княжеской или, позже, царской власти самоубийство не влекло. Вместе с тем (учитывая огромную важность религиозных норм в обществе того времени, а также определенное сходство отношения к самоубийцам со стороны русской церкви в части отказа в погребении с некоторыми светскими предписаниями в государствах Западной Европы) представляется обоснованным вести отсчет истории противодействия суициду с помощью уголовно-правовых средств именно с этих норм.

Каноническое право русской церкви восприняло отношение к самоубийству из византийских источников, в первую очередь это подтверждается циркулированием на Руси множества списков Номоканона, где авторитетные мнения о самоубийстве можно найти уже в самых ранних рукописных сборниках еще домонгольского периода [1, с. 67]. Существование обычая отказывать самоубийцам в должном погребении и поминовении доказывается и рядом письменных документов. Так, Послание Митрополита Фотия к псковскому духовенству 1417 г. гласило: «А который от своих рук погубится, удавится, или ножом избодется, или в воду себе ввержет: ино по святым правилам тех не поведено у церквей хоронити, ни над ними пети, ни поминати, но в пустом месте в яму вложив, закопати; створит же о душах их Господь яко же сам весть, по своим неизреченным судебам, занеже святыи отцы именуют тех самовольною жертвою, даема не Богу». Аналогичные установления содержатся и в требниках, которыми священники руководствовались в повседневной практике: например, Требник Киевского митрополита Петра Могилы 1646 г. предписывал отказывать в церковном погребении «самим себя убивающим от отчаяния и гнева, разве аще прежде смерти знаменья покаяния показаша» [1, с. 68].

Негативная оценка суицида со стороны духовенства накладывалась и на народную веру в то, что умершие неестественной смертью навлекли на себя наказание божье, поэтому их нельзя хоронить, не погрешив перед Богом, который в противном случае может наслать бедствие на всю общину. Если с точки зрения церковных канонов следствием такого поступка должен быть только отказ в отпевании, народные обычаи того времени не допускали и простого предания тела земле [2, с. 93—95].

Важно обратить внимание на то, что вплоть до XVIII в. санкции за суицид оставались предметом исключительно церковного права и последствий со стороны княжеской и, позже, царской власти, аналогичных западноевропейским, он не влек.

Первым нормативным правовым актом, изданным светской властью, в котором затрагивается проблема суицида, является, по-видимому, Церковный устав князя Ярослава, датируемый различными исследователями в диапазоне от XI до XIII в. Данный памятник права, однако, предусматривал ответственность не в отношении самоубийцы, а в отношении его или ее родителей в тех случаях, когда их действия стали поводом для суицида. Несмотря на то что Устав был издан светской властью, фактически он санкционировал передачу права решать вопрос о наказании родителей за самоубийство их детей в исключительную компетенцию церкви. Так, касательно случаев принуждения детей со стороны родителей к вступлению в брак ст. 29 Пространной редакции Устава гласила: «Аще девка не въсхощет замуж, то отец и мати силою дадят. А что девка учинит над собою, то отец и мати митрополиту в вине» [3, с. 191]. Аналогичная норма в немного ином виде имеет место в ст. 24 Краткой редакции Устава: «Аже девка не восхоchet замуж, а отец и мати силою дадут, а что створит над собою — отец и мати епископу в вине, а истор [расходы на приготовление к свадьбе] има платити. Тако же и отрок» [3, с. 169]. Сходное положение закреплено в ст. 33 Краткой редакции, но здесь ответственность за самоубийство отпрыска устанавливалась, когда самоубийство совершалось, напротив, по причине препятствования во вступлении в брак: «Аже девка восхоchet замуж, а отец и мати не дадят, а что створит, епископу в вине отец и мати. Тако же и отрок» [3, с. 170].

Таким образом, уже первый в истории русского права нормативный акт в области противодейст-

вия самоубийству был адресован не самому суициденту, а тем лицам, чьи действия могли стать поводом для возникновения у него намерения уйти из жизни. Данный подход по существу предвосхитил современную модель уголовно-правового регулирования вопросов, связанных с суицидом.

Впервые в отечественном праве ответственность непосредственно за самоубийство, не связанная с нормами церковного или обычного права, появилась только при Петре Первом.

В 1715 г. были утверждены Артикулы воинские, которые в дальнейшем распространились и на гражданских лиц. Артикул 164 гласил: *«Ежели кто сам себя убьет, то надлежит палачу тело его в бесчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу»* [4, с. 370]. По сравнению с церковными взысканиями, состоявшими в отказе в надлежащем христианском погребении и поминовении, Устав существенно усиливает репрессивность санкций в отношении самоубийцы, подвергая безжизненное тело унижительной процедуре волочения по улицам или лагерю с последующим захоронением в *бесчестном месте*. Определения таких мест в законе не давалось, однако полтора столетия спустя Н. А. Неклюдов, комментируя еще сохранявшую силу норму о захоронении в бесчестном месте, писал: *«Очевидно, нельзя разуметь под ними места для сваливания мусора, падали или других нечистот; выражение бесчестное означает просто не на кладбище; поэтому для похорон самоубийц должны быть отведены особые места»* [5, с. 254].

Кроме того, артикул 164 был снабжен официальным толкованием следующего содержания: *«А ежели кто учинил в безпамятстве, болезни, в меланхолии, то оное тело в особливом, но не в бесчестном месте похоронить. И того ради должно, что пока такой самоубийца погребен будет, чтоб судьи наперед о обстоятельстве и причинах подлинно уведомились, и через приговор определили б, каким образом его погребсти. Ежели салдат пойман будет в самом деле, что хотел себя сам убить, и в том ему помешали, и того исполнить не мог, а учинить то от мучения и досады, чтоб более не жить, или в безпамятстве и за стыдом, оный по мнению учителей прав с бесчестием от полку отогнан быть имеет; а ежели ж кроме вышеупомянутых причин сие учинил, оного казнить смертью»* [4, с. 370].

Если освобождение от неблагоприятных для умершего последствий в случае совершения суицида в состоянии умопомешательства уже имело

место в церковном праве и ранее, то такие обстоятельства, как болезнь и меланхолия, стали для русского права новинкой. Аналогично и с ответственностью за покушение на самоубийство — помимо самого введения смертной казни за попытку самоубийства, новшеством стало и снисходительное отношение к попытке суицида по причине стыда, мучения, досады, влекшей замену смертной казни отогнанием от полка. Здесь бросается в глаза явное сходство данной модели с правовыми последствиями суицидального поведения воинов в праве Древнего Рима (см.: [6]). Впрочем, маловероятно, что заимствование было непосредственным. П. О. Бобровский писал, что несмотря на тщательную переработку Петром, Артикул базировался на военном уставе шведского короля Густава-Адольфа; кроме того, им были восприняты положения военно-уголовных законов и правовых доктрин Дании, Франции, Германии, Голландии, Бранденбурга и других государств [7, с. 3, 55], таким образом, данная конструкция имела возможность проникнуть в отечественное право через законодательства других европейских стран, успевших к тому времени испытать влияние римской юриспруденции.

Помимо Воинского устава уголовная ответственность за самоубийство предусматривалась и в другом источнике права петровской эпохи — Уставе морском 1720 г. Статьей 117 этого нормативного акта устанавливалось: *«Кто захочет сам себя убить и его в том застанут: того повесить на райне; а ежели кто сам себя уже убьет: тот и мертвой за ноги повешен быть имеет»* [8, с. 153]. Как видно, Морской устав в отношении самоубийц повторял положения Устава военного и предписывал применение смертной казни за покушение на суицид, а за оконченное самоубийство также предусматривалось позорящее наказание, но с поправкой на корабельные условия волочение трупа по улицам заменено на подвешивание за ноги; дальнейшая судьба тела не уточнялась.

Подобно Артикулам, статьи Морского устава были снабжены специальными толкованиями: здесь также устанавливались специальные обстоятельства, освобождающие от наказания за самоубийство и покушение на него: *«Ежели сие убийство намерено было, или учинено от какого себя мучения, или несносной налоги, или себя в безпамятстве, как то случится, в огневых [горячка] и в меланхолических болезнях: то те, которые в том найдутся, вышеписанным казням не подлежат»* [8, с. 153]. В сущности, эти условия аналогичны тем, которые перечислены в Военном

уставе, однако если там попытка суицида по уважительным причинам все же каралась отогнанием от полка, Морской устав для таких случаев никаких санкций не предусматривает вовсе.

Давая оценку петровским новеллам, заметим, что, поскольку в допетровской России уголовная ответственность за суицид совершенно отсутствовала, ее введение в столь суровой форме не выглядит оправданным. Вместе с тем необходимо принимать во внимание, что несмотря на то, что в наши дни меры, устанавливавшиеся в отношении самоубийц петровским законодательством, кажутся излишне жестокими, они соответствовали нравам своей эпохи и находились в русле европейского подхода к правовому регулированию. Следует также подчеркнуть, что историкам не удалось найти свидетельств применения этих законов ранее XIX в. [9, с. 285], в связи с чем можно предположить, что реализация данных норм на практике запаздывала и фактически самоубийство продолжало оставаться в юрисдикции духовных властей и местных обычаев.

Законы уголовные, опубликованные в 1832 г. в Своде законов Российской Империи, в сущности, сохранили аналогичный петровскому подход к предупреждению суицида: наказание по-прежнему было направлено исключительно на самоубийцу. Так, наказание за оконченное самоубийство было предусмотрено ст. 347, которая постановляла, что *«самоубийца лишается Христианского погребения, если доказано будет, что он лишил себя жизни не в безумии и не в безпамятстве»* [10, с. 121]. Хотя Свод не упоминал имевшие место ранее волочение и подвешивание тела за ноги, лишение христианского погребения все же подразумевало определенные позорящие процедуры в отношении тела умершего. Например, С. Моррисси цитирует следующее описание похорон застрелившегося в 1840 г. губернатора Витебской губернии П. П. Львова: *«Обнаженное тело Львова, покрытое одной лишь простыней, было оставлено в таком виде в губернаторской резиденции на три дня. <...> Каждому, вне зависимости от статуса, было позволено его разглядывать. Затем, в полночь, его тело было положено на деревянный щит из сколоченных досок, вытащено через окно мелким полицейским чином и вывезено из города на ломовой жидовской подводке, где и предано земле»* [11, с. 110]. Нужно также заметить, что в ст. 609—610 Законов гражданских была зафиксирована еще одна норма, относящаяся к самоубийцам: согласно ей завещания самоубийц признавались недействительными наравне с завещаниями *«безумных, сумасшедших и ума лишенных»* [12, с. 149].

Отдельно статьей 348 Законов уголовных была установлена уголовная ответственность за покушение на самоубийство: *«Кто на самом деле изобличен в намерении лишить себя жизни, и в том воспрепятствован был токмо внешним обстоятельством: того наказывать, если сие намерение было предпринято не от мучения, несносной налоги, досады, стыда или в безпамятстве огневых и меланхолических болезней, как покушение к смертоубийству»*. Как видно, перечень обстоятельств, освобождающих от ответственности, был тождественен тем, которые имели место в законодательных актах Петра, но смертной казнью данное деяние уже не наказывалось. Впрочем, наказание оставалось достаточно суровым: из санкции ст. 332 следует, что виновник умышленного смертоубийства подлежал лишению всех прав состояния (что, в силу ст. 612 Законов гражданских, также подразумевало недействительность завещания [12, с. 149]), наказанию кнутом и каторжной работе [10, с. 117], хотя по правилу о назначении наказания при покушении, установленному в ст. 117, суд мог уменьшить вид и степень наказания в зависимости от обстоятельств конкретного дела [10, с. 39].

Юридическая наказуемость самоубийства появилась в России довольно поздно и к тому же стала результатом простого копирования западноевропейских практик, а не органического развития отечественного права, так что глубинных корней в русской культуре она не имеет. Как бы то ни было, возвращение к подобной модели противодействия суициду в современных реалиях едва ли возможно, поэтому более пристальное внимание стоит обратить на дальнейший ход развития дореволюционного уголовного законодательства.

В 1845 г. было утверждено Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которое значительно изменило сложившиеся к тому моменту правовые нормы в области суицидального поведения, приблизив их к допетровскому регулированию. Ответственности непосредственно за самоубийство были посвящены ст. 1943—1945 (редакции 1866 г. — 1472—1474) Уложения [12, с. 754]. Первые две из них устанавливали преступность самоубийства и покушения на него, причем стадия совершения суицида существенным образом влияла на правовые последствия.

При оконченном самоубийстве ст. 1943 Уложения признавала лишившего себя жизни *«неимевшим права делать предсмертные распоряжения, и потому как духовное завещание его так и вообще всякая каким бы то ни было образом в от-*

ношении к детям, воспитанникам, служителям, имуществу, или к чему-либо иному изъявленная им воля не приводится в исполнение и считается ничтожными» [13]. Помимо этого, в том случае, если самоубийца принадлежал к одному из христианских исповеданий, он должен был быть лишен христианского погребения.

Для тех случаев, когда лицо изобличалось в покушении на самоубийство, санкция ст. 1944 Уложения о наказаниях предусматривала наказание только для суицидентов-христиан, которое заключалось в предании виновного церковному покаянию по распоряжению его духовного начальства.

Статьи 1943—1944 Уложения определяли условия наступления ответственности: наличие умысла на лишение себя жизни, а также совершение деяния «не в безумии, сумасшествии или временном от каких-либо болезненных припадков безпамятстве». Вместе с тем ст. 1945 устанавливался ряд исключений, которые влекли признание акта суицида или покушения на него не только не преступным, но и в какой-то мере заслуживающим одобрения поступком: самоубийство из «великодушного патриотизма», связанное с необходимостью сохранения государственной тайны и другими подобными случаями, а также самоубийство женщины «для спасения своего целомудрия и чести от грозившего ей и никакими другими средствами неотвратимого насилия».

Уже из санкций статей видно, что фактически самоубийцы уголовному наказанию в полном смысле слова больше не подвергались. В комментарии, изданном Н. С. Таганцевым, со ссылками на решения Сената подчеркивалось, что недействительность духовных завещаний должна рассматриваться исключительно в рамках гражданского процесса и исключительно как гражданско-правовое последствие, поскольку в силу ст. 16 Устава уголовного судопроизводства судебное преследование не могло быть возбуждено в случае смерти обвиняемого [14, с. 578—579]. Церковное покаяние, предусматривавшееся ст. 1944, также нельзя назвать в полном смысле уголовно-правовым наказанием. Впрочем, сам факт наличия норм о суициде в уголовном законе подразумевал серьезное осуждение этого поступка и со стороны государства. Нужно иметь в виду, что в случае покушения на самоубийство осуждение это было отнюдь не декларативным: прежде чем понести церковное наказание, виновный должен был предстать перед светским судом.

Особый интерес представляют ст. 1946 и 1947 (1475—1476 в редакции 1866 г.) Уложения, вво-

дившие в уголовное законодательство новые для Российской империи составы преступлений, связанные с вовлечением в самоубийство [12, с. 754—755]. Как писали составители уложения, «сии действия подходят под общие постановления о пособничестве, но здесь та разница, что пособник в самоубийстве виновнее самого покушающегося на сие преступление» [15, с. 39]. Именно такой подход к уголовно-правовому противодействию суициду закрепился и в современном российском законодательстве, и в законодательстве большинства зарубежных государств.

Первая из указанных статей была посвящена склонению к самоубийству, под которым понималось доставление средств для его совершения, либо иное участие в совершении этого преступления. Данная норма имела при этом отсылочную санкцию, приравнивавшую такое склонение к самоубийству к пособничеству в убийстве, совершенном с обдуманным намерением или умыслом, т. е., исходя из положений ст. 21, 127 и 1925, в случае если такое содействие было необходимым условием для совершения суицида, виновному грозило лишение всех прав состояния и ссылка на каторжную работу на рудниках сроком от двенадцати до пятнадцати лет, а также, до отмены телесных наказаний в 1863 г., от семидесяти до восьмидесяти ударов плетью; во всех остальных случаях — работы в крепостях сроком от десяти до двенадцати лет и от шестидесяти до семидесяти ударов плетью.

Статья 1947 содержала конструкцию, напоминающую современное доведение до самоубийства. Согласно ей уголовной ответственности подлежали «родители, опекуны и другие, облеченные какой-либо властью лица, которые чрез явное, соединенное с жестокостью злоупотребление власти, побудят подчиненное им или введенное их попечению лицо к самоубийству». Таким образом, в отличие от преступления, предусматривавшегося ст. 1946, здесь посягательство потерпевшего на собственную жизнь не входит в умысел виновного, однако вследствие неосторожности своими действиями виновный все же провоцирует самоубийство или покушение на него. Обязательным признаком состава данного преступления было наличие властных отношений между преступником и потерпевшим. Такая власть могла вытекать как из закона, так и из семейных или иных отношений, в частности, в крестьянских семьях это могла быть власть свекра по отношению к снохе [14, с. 580].

Совершение преступления, предусмотренного ст. 1947, наказывалось лишением некоторых политических и гражданских прав и преимуществ, а также заключением в смирительном доме на время от одного года до двух лет, кроме того, если виновный исповедовал христианство, он предавался и церковному покаянию по усмотрению своего духовного начальства. В дальнейшем срок заключения был снижен и составил от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев [16, с. 484—485], а в связи с отменой лишения свободы в форме содержания в смирительном доме, в редакции 1885 г. оно было заменено на тюрьму [14, с. 580]. Сходство данного состава преступления с современным доведением до самоубийства позволяет по-новому взглянуть и на связанные с ним проблемы. В первую очередь, это использование нормы о доведении до самоубийства в качестве своего рода суррогата более общих норм, отсутствующих в законодательстве. Так, С. Моррисси приводит случай Екатерины Леонтьевой, обвинявшейся в том, что она избивала своего девятилетнего сына, плохо его кормила, связывала, запирала в чулане. Дело дошло до Государственного совета, который признал Леонтьеву виновной в доведении до самоубийства, несмотря на то, что ее сын самоубийства не совершал, поскольку специальной нормы о жестоком обращении с детьми не существовало [17, с. 48]. Сегодня столь широкого толкования уголовного закона не встречается, но проблема неурегулированности отдельных общественно опасных деяний не исчезла: например, по современному Уголовному кодексу систематическое унижение человеческого достоинства не наказуемо до тех пор, пока потерпевший не совершит (или, по крайней мере, не попытается совершить) самоубийство.

Другая проблема доведения до самоубийства заключается в том, что причинная связь между суицидом и предшествовавшим ему жестоким обращением труднодоказуема и часто принимается просто как данность; при этом совершение самоубийства всегда остается на усмотрение жертвы и находится вне контроля обвиняемого. Аналогичную мысль высказывал еще в 1868 г. выступавший по одному из таких дел адвокат Н. И. Калениус: *«Обвинение строится на том факте, что муж бил жену, и что жена повесилась. Между этими событиями нет связи: жена могла также повеситься если бы муж не бил ее вовсе; кроме того, возможно и такое, что она могла бы и не повеситься после избиения, как многие другие избиваемые. Мужья вешаются чаще, несмотря на то,*

что жены их не бьют; уголовная статистика показывает, что число самоубийств среди мужчин в три раза больше, чем среди женщин» [17, с. 53].

Последним кодифицированным законодательным актом, принятым в Российской империи в области уголовного права, стало Уголовное уложение 1903 г. Как известно, в полном объеме оно так и не вступило в силу, однако не вызывает сомнений, что, в случае если бы развитие российского права не было прервано Октябрьской революцией, а продолжилось в намеченном русле, оставшиеся статьи, в числе которых и регулирующие ответственность за деяния, связанные с самоубийством, были бы в конечном итоге введены в действие. В связи со сказанным имеет смысл рассмотреть и это уложение, тем более что в данном нормативном акте подход к предупреждению самоубийств претерпел существенные изменения. Прежде всего отметим, что здесь в качестве преступного больше не рассматривалось ни самоубийство, ни покушение на него, что соответствовало передовому зарубежному опыту, а также укоренившимся в обществе взглядам. Впрочем, как отмечал Н. С. Таганцев, хотя непризнание самоубийства преступным и влечет юридическую невозможность соучастия, это обстоятельство не предreshает вопроса о наказуемости подговора к самоубийству или помощи в нем как самостоятельных преступных деяний, поэтому ст. 462 и 463 Уложения предусматривались ответственность за содействие в совершении суицида [18, с. 622—623].

Фактически обе названные статьи устанавливали наказуемость деяний, по своей конструкции очень близких к соучастию в самоубийстве, хотя в обоих случаях объективная сторона деяний была урезанной по сравнению со «стандартным» соучастием, описанным в общей норме ст. 51 Уложения. Кроме того, объективная сторона рассматриваемых преступлений зависела от особенностей потерпевшего.

В общем случае, в соответствии со ст. 462, наказуемым являлось только доставление средства к самоубийству и лишь тогда, когда за этим следовало самоубийство. Такое деяние влекло заключение в исправительном доме или крепости на срок до трех лет. В то же время, если потерпевший не достиг двадцати одного года (возраст совершеннолетия в Российской империи) или заведомо для виновного был неспособен «понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками» (формулировка, соответствующая состоянию невменяемости по ст. 39 Уло-

жения), то преступным, в соответствии со ст. 463, считалось содействие не только доставлением средства, но и подговором, устранением препятствия, советом и указанием, причем наказание следовало не только в том случае, когда потерпевший совершал самоубийство, но и когда совершал только покушение на него. Такое деяние влекло и более строгое наказание — каторгу сроком до восьми лет.

Интересно, что в первоначальной редакции ст. 463 потерпевший должен был быть младше семнадцати лет, однако в процессе обсуждения особое присутствие департаментов повысило этот порог до двадцати одного года, сочтя, что окончательно окрепшей воля человека становится по достижении именно данного возраста [18, с. 623].

Таким образом, Уголовное уложение 1903 г. не только оставляло вопрос о распоряжении своей жизнью на совести самоубийцы, но и рассматривало совершеннолетних граждан как полностью самостоятельных и понимающих последствия совершаемых ими действий, а потому не нуждающихся в дополнительной опеке со стороны государства. Наказуемой являлась лишь непосредственная помощь в самоубийстве через предоставление средств для него. Можно предположить, что наказуемость такого деяния вытекала, скорее, из того, что оно характеризовало особую злонаме-

ренность преступника, а не из моральной оценки самого суицида. Несовершеннолетние и прочие недееспособные лица получали при этом дополнительную защиту в силу их особой восприимчивости к воздействиям внешних сил. Такое решение представляется достаточно удачным: действительно, особенности психики несовершеннолетних могут сделать их более восприимчивыми к склонению к суициду, тогда как взрослые лица вполне в состоянии в полной мере самостоятельно понимать последствия своих действий, поэтому введение несовершеннолетнего в качестве специального потерпевшего от соответствующего преступления можно рекомендовать современному законодателю. В то же время предполагаем, что ответственность малолетних и невменяемых лиц должна наступать по норме об убийстве, поэтому введение такого квалифицирующего признака в состав склонения к самоубийству кажется ошибочным.

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что опыт Российской империи в области уголовного правового противодействия суициду не теряет своей актуальности. Заимствование отдельных приемов и норм дореволюционного законодательства могло бы оказать положительное влияние на эффективность правового регулирования в данной области.

1. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. Москва: Новое литературное обозрение, 1999. 256 с.

2. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. Москва: Индрик, 1995. 432 с.

3. Законодательство Древней Руси. Т. 1 / отв. ред. В. Л. Янин. Москва: Юрид. лит., 1984. 430 с.

4. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. V: 1713—1719. Санкт-Петербург: Тип. Второго Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 782 с.

5. Неклюдов Н. А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Том первый: Преступления и проступки против личности. Санкт-Петербург: Тип. П. П. Меркульева, 1876. 543 с.

6. Van Lommel K. The recognition of Roman soldiers' mental impairment // *Acta Classica*. 2013. Vol. 56. P. 160—162.

7. Бобровский П. О. Петр Великий как военный законодатель. Санкт-Петербург: Тип. Департамента Уделов, 1887. 66 с.

8. Книга Устав морской: О всем что касается доброму управлению, в бытности флота на море / Напечатана повелением царского величе-

1. Paperno I. Suicide as a cultural institution. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 1999: 256 (in Russian).

2. Zelenin D. K. Selected works. Essays on the Russian mythology: those who died by unnatural death and rusalki. Moscow: Indric; 1995: 432 (in Russian).

3. The laws of Rus'. Vol. 1. Ed. by V. L. Yanin. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1984: 430 (in Russian).

4. Complete Collection of Laws of the Russian Empire from the year 1649. Vol. 5. 1713—1719. Saint-Petersburg: The typography of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1830: 782 (in Russian).

5. Neklyudov N. A. The guide for the special part of the Russian criminal law: Vol. 1. The felonies and misdemeanors against the person. Saint-Petersburg: P. P. Merkuliev's typography; 1876: 543 (in Russian).

6. Van Lommel K. The recognition of Roman soldiers' mental impairment. *Acta Classica*, 160—162, 2013 (in English).

7. Bobrovskii P. O. Peter the Great as a military lawmaker. Saint-Petersburg: The typography of the Udely Department; 1887: 66 (in Russian).

ства в Санкт-Петербургской типографии. [Санкт-Петербург], 1720. 710 с.

9. Morrissey S. K. In the Name of Freedom: Suicide, Serfdom, and Autocracy in Russia // Slavonic and East European Review. 2014. № 82 (2). P. 268—291.

10. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 15. Санкт-Петербург: Тип. Второго Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. 584 с.

11. Morrissey S. K. Suicide and the Body Politic in Imperial Russia. New York: Cambridge University Press, 2006. 384 p.

12. Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 10. Санкт-Петербург: Тип. Второго Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. 1218 с.

13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: Тип. Второго Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. 898 с.

14. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / издано Н. С. Таганцевым; 7-е изд., пересм. и доп. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. 796 с.

15. Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Т. 2. Санкт-Петербург: Тип. А. М. Котомина, 1871. 524 с.

16. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, с приведением статей других томов Свода законов, на которые сделаны ссылки и указания в этом уложении. Москва: Тип. Шюман и Глушкова, 1867. 623 с.

17. Morrissey S. K. Patriarchy on Trial: Suicide, Discipline, and Governance in Imperial Russia // The Journal of Modern History. 2003. Vol. 75, № 1. P. 23—58.

18. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета / изд. Н. С. Таганцева. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1904. 1124 с.

8. The Naval Regulations book: about everything related to the good maritime management. Printed by the order of the tsar's majesty in the Saint-Petersburg typography. Saint-Petersburg; 1720: 710 (in Russian).

9. Morrissey S. K. In the Name of Freedom: Suicide, Serfdom, and Autocracy in Russia. Slavonic and East European Review, 268—291, 2014 (in English).

10. The Digest of Laws of the Russian Empire compiled by the order of the Emperor Nicholas I. Vol. 15. Saint-Petersburg: The typography of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1832: 584 (in Russian).

11. Morrissey S. K. Suicide and the Body Politic in Imperial Russia. New York: Cambridge University Press; 2006: 384 (in English).

12. The Digest of Laws of the Russian Empire compiled by the order of the Emperor Nicholas I. Vol. 10. Saint-Petersburg: The typography of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1832: 1278 (in Russian).

13. The code of the criminal and corrective penalties. Saint-Petersburg: The typography of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1845: 898 (in Russian).

14. The code of the criminal and corrective penalties of 1885. Published by N. S. Tagantsev. 7th ed. Saint-Petersburg: The typography of M. M. Stasyulevich; 1892: 796 (in Russian).

15. Tagantsev N. S. On the crimes against the life under the Russian law. Vol. 2. Saint-Petersburg: The typography of A. M. Kotomin; 1871: 524 (in Russian).

16. The code of the criminal and corrective penalties with articles of the Digest of Laws which are cited in the code. Moscow: The typography of Shyuman and Glushkov; 1867: 623 (in Russian).

17. Morrissey S. K. Patriarchy on Trial: Suicide, Discipline, and Governance in Imperial Russia. The Journal of modern history, 23—58, 2003 (in English).

18. Criminal Code of 1903 with rationalia by the authors. Published by N. S. Tagantsev. Saint-Petersburg: The state typography; 1904: 1124 (in Russian).

© Велиев А. Э., 2021

© Veliev A. E., 2021

Велиев Артем Эрнестович,

аспирант кафедры уголовного права
Волгоградского государственного
университета;
e-mail: aeveliev@yandex.ru

Veliev Artem Ernestovich,

postgraduate student at the department
of criminal law
of the Volgograd State University;
e-mail: aeveliev@yandex.ru

УДК 343.56
ББК 67.408.122
doi: 10.25724/VAMVD.XWXY

Е. П. Евстифеева, С. С. Жукова

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННЫХ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ АЗАРТНЫХ ИГР, СОВЕРШЕННЫХ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППОЙ

Одним из основных источников доходов для деятельности организованных преступных формирований выступает игровой бизнес. Несмотря на многочисленные изменения, связанные с правовой регламентацией данной категории преступлений, введение специальной нормы в Уголовный кодекс Российской Федерации, государственное регулирование незаконной игровой деятельности далеко от совершенства. При квалификации исследуемого посягательства у правоприменителей наибольшее затруднение вызывает установление критериев оценочного признака организованной группы. На основе анализа эмпирических материалов авторами обозначается ведущая роль в незаконной организации и (или) проведении азартных игр организатора (руководителя) незаконного игорного бизнеса, а равно лица, создавшего организованную группу. Отмечается, что сотрудники оперативных и следственных подразделений сталкиваются с большим количеством проблем различного характера при выявлении, раскрытии и расследовании указанной категории преступлений, в частности с установлением всех лиц, причастных к преступлению, и функционального распределения ролей между участниками преступного формирования, что оказывает негативное воздействие на борьбу с исследуемым посягательством.

Ключевые слова: азартные игры, игровой бизнес, организатор, организованная группа, организованная преступность, руководитель.

Е. P. Evstifeeva, S. S. Zhukova

PROBLEMS TO QUALIFY ILLEGAL ORGANIZATIONS AND GAMBLING BUSINESS COMMITTED BY AN ORGANIZED GROUP

One of the main sources of income for the activities of the organized criminal groups is gambling business. Despite numerous changes related to the legal regulation of such category of crimes, as well as introduction of a special rule to the Criminal Code of the Russian Federation, state regulation of illegal gambling activities is not perfect. When qualifying the examined encroachment, law enforcers have the greatest difficulty to establish criteria to identify an organized group. Based on the analysis of empirical materials, authors of the given article determine a leading role of the organizer (leader) of illegal gambling business as well as the person who has made the organized group in illegal organizing and /or conducting gambling. Authors of the given article note that officers of detective and investigative units face a number of different problems while identifying, solving and investigating the mentioned crimes, in particular while determining all persons being implicated in the crime as well as identification of the functional distribution of roles among the accomplices of a criminal formation / group that has a negative impact on fighting against the examined encroachment.

Key words: gambling, gambling business, organizer, organized group, organized crime, leader.

Рост незаконной организации и (или) проведения азартных игр обусловлен стремлением извлечь выгоду имущественного характера в крупном или особо крупном размерах лицами, совершающими данное посягательство. Наряду с этим подобные преступления негативно воздействуют

на социальные, профессиональные или нравственные ценности общества, а также на экономику и финансовую систему государства. Согласно проведенным Ассоциацией деятелей игорного бизнеса (АДИБ) оценкам объем мирового рынка азартной индустрии в 2020 г. составил 443 млрд

долларов. Аналитики прогнозируют, что к 2027 г. объемы увеличатся на 31,53 %, а именно рынок достигнет показателя в 647 млрд долларов [1]. В то же время согласно статистическим данным МВД России наблюдается снижение количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ): в 2016 г. зарегистрировано 1 519 посягательств, в 2017 г. — 1 492 преступления, в 2018 г. — 1 249 преступлений, в 2019 г. — 1 136 преступлений, в 2020 г. — 924 преступления [2].

Несмотря на положительную динамику наибольшую общественную опасность представляет незаконная организация и (или) проведение азартных игр, совершенных организованными группами. При их квалификации значительные трудности вызывают установление критериев оценочного признака формы соучастия (устойчивости) и выявление лиц, осуществляющих незаконную организацию азартных игр (организатора (руководителя)).

По мнению В. В. Усынина, устойчивость организованной группы характеризуется единым умыслом объединенных лиц, направленным на организацию и (или) проведение азартных игр; наличием общей цели между ними — систематического получения имущественной выгоды от занятия незаконной игровой деятельностью с распределением дохода между соучастниками; постоянством форм и методов совершения посягательств; тщательным планированием с распределением ролей между соучастниками и методами конспирации; длительным периодом существования группового формирования [3, с. 70]. Как отмечает А. А. Лихолетов, устойчивость организованной группы указывает на более высокую по сравнению с простой группой и группой лиц по предварительному сговору степень общественной опасности и обладает рядом отличительных признаков [4, с. 74].

В теории уголовного права отсутствуют единые критерии, характеризующие устойчивость организованной группы. Пленум Верховного Суда Российской Федерации, пытаясь привести к единообразию применение норм Общей части УК РФ, закрепил в своих постановлениях (о судебной практике по делам о различных преступлениях) содержание понятия организованной группы, чем еще больше усугубил ситуацию. Согласно судебным рекомендациям устойчивость как качественный признак организованной группы характеризуется следующими признаками.

1. *Стабильностью состава и тесной взаимосвязью между членами* [5]. Первая сохраняет организованную группу (без изменений собствен-

ной структуры) от внешних воздействий, при которых происходит вынужденная смена ее состава (например, задержание соучастника(ов)) [6, с. 9]. Вторая формирует двустороннюю коммуникацию, влияющую на степень сплоченности. Интеграция стабильности и сплоченности состава (выражающаяся в тесной взаимосвязи на основе совместных деяний) позволяет рассматривать объединение нескольких лиц как единый субъект криминальной деятельности.

2. *Согласованностью действий участников* [5]. Данный критерий выражается через совместное участие лиц в подготовительном и последующем этапах совершения преступления в соответствии с распределенными функциями и целеполаганием [7, с. 29]. В связи с тем что согласованность заложена в понятие «соучастие», согласованность действий участников выступает факультативным критерием устойчивости.

3. *Постоянством форм и методов преступной деятельности* [5], осуществляемой организованной группой, т. е. единообразным способом совершения преступления [8, с. 9]. Кроме того, способ совершения преступления выражается через применение однородных методов; наличие узкой преступной специализации; тщательную конспирацию и сокрытие следов преступной деятельности. Однако данный критерий также является факультативным, поскольку любое групповое формирование имеет свой почерк, методы совершения преступлений (за исключением группы лиц без предварительного сговора).

4. *Длительностью существования группового формирования (или большим временным промежутком существования группы)* [5; 9—11]. Этот критерий устойчивости является относительным, в судебных рекомендациях и научных изысканиях точных временных границ не установлено [12, с. 104].

5. *Неоднократностью совершения преступлений* [5; 9; 10; 13], которая исходит из законодательного определения, указанного в ч. 3 ст. 35 УК РФ. Предполагается постоянная деятельность, направленная на неоднократное совершение преступлений. При этом организованная группа способна совершать как однородные, так и разнородные преступления [14, с. 9].

6. *Тщательным планированием и длительной подготовкой* [9—11; 13]. Совершение даже одного преступления, но требующего тщательного планирования или длительной подготовки, связанных со сложностью его исполнения, может обладать повышенной общественной опасностью по сравнению с совершением нескольких посягательств.

7. *Распределением ролей между соучастниками* [13; 15]. Данный критерий устойчивости организованной группы бесспорен. При наличии организатора и иерархии управление группой без распределения ролей (функций) немыслимо. Организованная группа, созданная для незаконных организации и проведения азартных игр в пределах одного района региона, характеризуется количественным признаком (от 2—3 до 5—6 человек), а также простой (линейной) организационной структурой. Организованные группы имеют четкую иерархию и состоят из следующих участников:

— организатор (руководитель) незаконной игровой деятельности;

— лица, осуществляющие проведение незаконных азартных игр (например, администратор игрового зала, кассиры, кассиры-операторы). Их деятельность направлена на принятие ставок, выдачу участникам выигрыша или изъятие проигранной ставки; они осуществляют вспомогательные функции (группировка фишек, разбор колоды карт и др.). Нужно сделать акцент на том факте, что администраторы или администраторы-операторы, используя специальный ключ или комбинацию клавиш игрового автомата, получают условную материальную выгоду в сумме, эквивалентной части полученного посетителем выигрыша;

— лица, выполняющие технические функции (например, оператор игровых автоматов, охранник и т. п.), осуществляющие контроль за выполнением правил игорного заведения, пропускным режимом, техническим оснащением и его бесперебойной работой и т. д.

Для квалификации совершенных деяний, предусмотренных ст. 171.2 УК РФ, особый интерес представляет установление функций, осуществляемых лицом в соответствии с его ролью в организованной группе. Четкое распределение функциональных ролей между участниками преступного формирования оказывает воздействие на успешное достижение совместной преступной цели. Например, согласно судебному решению Железнодорожного районного суда г. Барнаула (Алтайский край) О. Б. Лобачева, Е. Е. Родина, М. В. Зотова, С. И. Зикратов, А. А. Плотников, Л. В. Плотникова признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 171.2 УК РФ.

О. Б. Лобачева (управляющая игровым залом) являлась организатором (руководителем) преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ (незаконная организация и проведение азартных игр). Ее деятельность заключалась в осуществлении следующих функций:

— поиск лиц, имеющих опыт работы в сфере игровой деятельности;

— поиск жилых помещений (домов) в целях последующей аренды для организации и (или) проведения азартных игр с использованием игрового оборудования вне игровой зоны;

— техническое обеспечение помещения игровым оборудованием в целях формирования благоприятной обстановки для осуществления незаконной игровой деятельности;

— конспирация совершения преступления. Для этого составлялись фиктивные договоры возмездного оказания услуг в сфере предпринимательской деятельности с участниками организованной группы; разрабатывался алгоритм действий участников группы при выявлении и раскрытии совершаемого ими преступления; устанавливались камеры наружного наблюдения по периметру территории, в пропускных зонах и игровых залах;

— распределение между соучастниками прибыли, полученной от незаконной игровой деятельности.

М. В. Зотова совместно с Л. В. Плотниковым и Е. Е. Родиной выполняли функции администраторов игорного заведения, в обязанности которых входило:

— участие в организации пропускного режима лиц, намеревающихся посетить игорное заведение в качестве игроков, встреча клиентов игорного заведения и предоставление им игрового оборудования;

— внесение денежных средств за игру, полученных от клиента, при помощи специальных ключей, а также выставление суммы игровых кредитов;

— выдача наличных денежных средств посетителю в результате успешной игры;

— ведение статистической отчетности работы игрового оборудования, подсчет доходов и расходов незаконного игорного заведения, лично либо с использованием телекоммуникационных средств связи передача отчетов о полученном преступном доходе О. Б. Лобачевой.

Кроме того, администраторы (в соответствии с определенной ролью) посредством сотовой связи согласовывали с О. Б. Лобачевой свои действия (встреча игроков, желающих участвовать в азартных играх, и проверка личных данных; сопровождение игроков в незаконное игорное заведение, расположенное в жилом доме, с предоставлением игорного оборудования).

С. И. Зикратов совместно с А. А. Плотниковым выполняли обязанности охранников:

— осуществляли пропускной режим в заведение для игроков, исключая возможность проникновения не известных ранее лиц;

— обеспечивали и поддерживали внутренний порядок в игровом зале;

— вели наблюдение за прилегающей к незаконному игорному заведению территорией в целях недопущения вмешательства в проведение незаконных азартных игр сотрудников правоохранительных органов [16].

Таким образом, каждый участник организованной группы был исполнителем преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ. Каждым субъектом преступления осознавалась принадлежность к организованной группе, созданной для получения преступного дохода от осуществления указанной незаконной деятельности.

8. *Наличием организатора и (или) руководителя* [15]. Согласно уголовному законодательству организатором признается лицо, создавшее организованную группу либо руководящее ею (ч. 2 ст. 33 УК РФ). Данный вид соучастника выступает центральным звеном объединения, от которого зависит степень устойчивости формирования организованной группы. Учитывая лидерские качества, статус и владение распорядительными функциями, организатор наделяет каждого соучастника определенной ролью, обеспечивает совместность совершения ими преступления, которая выражается в подчинении, согласованности действий и взаимной коммуникации; а также определяет вектор преступной деятельности путем планирования и технического оснащения группы.

Организатор (руководитель) незаконного игорного бизнеса, а равно лицо, создавшее организованную группу в целях совершения преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ, является ключевой фигурой. Нужно отметить, что в теоретическом плане изучение личности организаторов незаконной игорной деятельности сопряжено с рядом трудностей. Среди всех участников организованной преступной деятельности это наиболее защищенная, «скрытая» от глаз правоприменителей категория. Анализ судебно-следственной практики позволяет утверждать, что привлечь к уголовной ответственности организатора незаконной игорной деятельности не представлялось возможным по причине отсутствия установочных сведений.

9. *Технической оснащенностью группы* [9—11] — универсальным признаком групповых формирований. При квалификации деяний, совершенных организованной группой, правоприменители акцентируют внимание на наличии транспортных средств, средств конспирации, связи и т. д.

Таким образом, на основе анализа постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации можно сделать вывод об отсутствии единого подхода к установлению критериев устойчивости организованной группы. Как правило, они носят достаточно общий характер. Все это порождает ошибки в квалификации деяний. Например, органами предварительного расследования М. О. Анисенко, Е. В. Стрельникова, М. В. Кремер, Е. Ю. Чичаева, М. К. Поляков обвинялись в незаконной организации и проведении азартных игр с использованием игрового оборудования вне игровой зоны, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, совершенными организованной группой. Конаковским городским судом Тверской области отмечено, что в обвинительном заключении не исследованы признаки организованной группы. Отсутствуют данные, свидетельствующие об устойчивости в целом, стабильности и сплоченности, длительном существовании группы. Кроме того, не установлены распределение ролей между соучастниками при совершении преступления, совместность и согласованность их действий, наличие единого умысла, направленного на достижение одной цели, и организатора совершения преступления, что не может однозначно свидетельствовать о наличии в действиях подсудимых квалифицирующего признака «совершенное организованной группой» [17].

С учетом специфики понятия организованной группы, требуется четкое определение качественного признака формы соучастия. Устойчивость преступного объединения, прежде всего, формируется в результате деятельности организаторов (руководителей) — лидеров, обладающих авторитетом, умением обеспечить конспиративность незаконной игорной деятельности. На указанные критерии нужно обращать внимание при квалификации незаконной игорной деятельности, при этом тактика выявления, раскрытия и расследования данной категории преступлений требует от правоприменителей высокого профессионального мастерства.

1. Ассоциация деятелей игорного бизнеса (АДИБ): [сайт]. URL: <http://adib92.ru/main.mhtml?Part=9> (дата обращения: 15.05.2021).

2. Состояние преступности в России за период с 2016 г. по 2020 г. // Офиц. сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 02.04.2021).

3. Усынин В. В. Проблемы уголовной ответственности за совершение незаконной организации и (или) проведения азартных игр, в том числе с использованием сети «Интернет» // Юридические исследования. 2016. № 9. С. 68—74.

4. Лихолетов А. А. Незаконные организация и проведение азартных игр, совершенные организованной группой: проблемы квалификации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1 (32). С. 73—78.

5. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Токманцев Д. В. К вопросу о признаках организованных групп // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2016. № 3 (24). С. 8—12.

7. Попов В. А. Группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация): соотношение понятий // Электронное приложение к российскому юридическому журналу. 2016. № 3 (35). С. 27—31.

8. Розенко С. В. Формы и виды организованной преступной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2001. 23 с.

9. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 16.05.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016 № 41). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного суда

1. Association of Gambling Businessmen (ADIB). [Site]. Available from: <http://adib92.ru/main.mhtml?Part=9>. Accessed: 15 May 2021 (in Russian).

2. State of crime in Russia for the period from 2016 to 2020. Official website of the Interior Ministry of Russia. Available from: <https://мвд.рф/>. Accessed: 2 April 2021 (in Russian).

3. Usynin V. V. Problems of criminal liability for committing an illegal organization and (or) gambling including usage of the Internet. *Law Research*, 68—74, 2016 (in Russian).

4. Likholetov A. A. Illegal organization and gambling committed by an organized group: qualification problems. *Journal of the Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia*, 73—78, 2015 (in Russian).

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 on 17 January 1997. "On Practice of the Courts' Application of Legislation on Liability for Gang Activity". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

6. Tokmantsev D. V. To the issue on features of organized groups. *Vestnik of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia*, 8—12, 2016 (in Russian).

7. Popov V. A. A group of persons, a group of persons to have had a preliminary agreement, an organized group and a criminal community (criminal organization): correlation of concepts. *Electronic Supplement to the Russian Law Journal*, 27—31, 2016 (in Russian).

8. Rozenko S. V. Forms and types of organized criminal activity. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. *Ekaterinburg: The Ural State Law Academy*; 2001: 23 (in Russian).

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 29 on 27 December 2002 (as amended on 16 May 2017). "On Judicial Practice in Cases of Theft, Robbery and Assault". Available from: reference and legal system "Consultant Plus" (in Russian).

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 on 9 February 2012 (as amended on 3 November 2016 No. 41). "On Some Issues of Judicial Practice in Criminal Cases on Terrorism-Related Crimes". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 on 18 October 2012 (as amended on 30 November 2017 No. 49). "On Court Application of Legislation Related

Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 от (ред. от 30.11.2017 № 49). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Агапов П. В. Проблемы противодействия организованной преступной деятельности. Москва: Юрлитинформ, 2009. 271 с.

13. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Шарапов Д. П. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с присвоениями и растратами чужого имущества, совершаемыми организованными группами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Академия управления МВД России, 2003. 21 с.

15. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24.12.2019 № 59). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Приговор Железнодорожного районного суда г. Барнаул Алтайского края № 1-178/2017 от 2 октября 2017 г. по делу № 1-178/2017 // sud-praktika.ru. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/457790.html> (дата обращения: 10.04.2021).

17. Приговор Конаковского городского суда Тверской области № 1-185/2019 от 11 февраля 2020 г. по делу № 1-185/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4jG9HpVJx3l8> (дата обращения: 10.04.2021).

© Евстифеева Е. П., Жукова С. С., 2021

Евстифеева Екатерина Петровна,
преподаватель кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: Evstifeeva-vamvd@mail.ru

to Liability for Violations in the Sphere of Environmental Protection and Nature Management". Available from: reference and legal system "Consultant-Plus" (in Russian).

12. Agapov P. V. Problems to counteract organized crime. Moscow: Jurlitinform; 2009: 271 (in Russian).

13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 on 27 January 1999. "On Judicial Practice in Cases of Murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)" (as amended on 3 March 2015). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

14. Sharapov D. P. Criminal law and criminological measures to fight embezzlement of property of other person / persons committed by organized groups. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow: Academy of the Management of the Interior Ministry of Russia; 2003: 21 (in Russian).

15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 on 9 July 2013 (as amended on 24 December 2019 No. 59). "On Judicial Practice in Cases Related to Bribery and Other Corruption-Related Crimes". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus" (in Russian).

16. Sentence of the Zheleznodorozhny District Court of Barnaul, the Altai Region No. 1-178/2017 on 2 October 2017 in Case No. 1-178/2017. In: sud-praktika.ru. Available from: <https://sud-praktika.ru/precedent/457790.html>. Accessed: 4 October 2021 (in Russian).

17. Sentence of the Konakovskiy City Court of the Tver Region No. 1-185/2019 on 11 February 2020 in Case No. 1-185/2019. In: Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/4jG9HpVJx3l8> Accessed: 10 April 2021 (in Russian).

© Evstifeeva E. P., Zhukova S. S., 2021

Evstifeeva Ekaterina Petrovna,
lecturer at the department of criminalistics
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: Evstifeeva-vamvd@mail.ru

Жукова София Сергеевна,
преподаватель кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: Sofija-zhukova@rambler.ru

Zhukova Sofia Sergeevna,
lecturer at the department of criminal law
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: Sofija-zhukova@rambler.ru

ПРИЗВАНИЕ — УЧИТЬ ПРОФЕССИИ
(к 40-летию кафедры предварительного расследования
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел)

В августе 1981 г. в соответствии с приказом МВД СССР впервые в системе ведомственных вузов в Высшей следственной школе МВД СССР была создана кафедра организации раскрытия и расследования преступлений. Необходимость ее создания, как и следственной школы в целом, была продиктована острой нехваткой следственных кадров.

В связи с этим были определены основные направления ее деятельности, цели и задачи обучения, обеспечивающие подготовку слушателей, способных после окончания вуза при минимальной адаптации в должности следователя самостоятельно выполнять свои обязанности. Профессорско-преподавательский состав кафедры был сформирован из числа наиболее опытных преподавателей Высшей следственной школы, имевших значительный опыт работы в следственных подразделениях, в их числе были А. А. Закатов, А. Е. Далин, Г. А. Земскова, В. А. Иволгин, В. Н. Коваленко, А. В. Мусиенко, А. Л. Скачков, Г. А. Смирнов, Г. Ф. Солдатова, А. Л. Солонуха, В. А. Сомченко, П. И. Фаринич, М. Н. Черепанова.

На основе вновь созданной учебной дисциплины «Предварительное следствие в органах внутренних дел» обучение будущих специалистов было решено проводить по специально разработанным фабулам, которые впоследствии были трансформированы в полноценное уголовное дело по одному из наиболее распространенных видов преступлений — краже из квартиры.

Менялись названия кафедры, однако неизменным оставался приоритет в обучении на профессионализацию: большая часть учебного времени (как и сейчас) отводилась практическим занятиям, а также прохождению практик и стажировок обучающимися.

Заслуживает внимания положительный опыт того времени, когда слушатели направлялись в крупные базовые ОВД, а впоследствии — в экспериментальные следственные подразделения совместно с опытными преподавателями-кураторами, где назначались на должности исполняющих обязанности следователя и самостоятельно под контролем куратора и наставника из практикующих следователей проводили расследование уголовных дел. Отдельные выпускники заканчивали до 20 уголовных дел за время практики. Следует отметить эффективное деловое взаимодействие с ГСУ МВД

СССР, откуда регулярно на плановой основе для проведения лекций и практических занятий прибывали опытные сотрудники Центрального аппарата. Периодически ГСУ МВД представляло методические материалы и различные сведения, необходимые в организации учебного процесса. Таким образом, ВСШ в целом и кафедра в частности успешно решали главную задачу по подготовке квалифицированных следователей. Это давало возможность выпускнику сразу полноценно приступить на практике к исполнению служебных обязанностей, в отличие от выпускника гражданского вуза, который адаптировался и входил в должность от полугода до 1,5—2 лет.

Уровень подготовки следователей — выпускников ВСШ МВД СССР, впоследствии ВЮИ МВД России, а сегодня ВА МВД России с годами возрастал и качественно совершенствовался. Согласно публикациям в следственном бюллетене ГСУ МВД СССР и других ведомственных изданиях наши выпускники в первый год работы завершали качественно, без нарушений расследование от 50 до 100 уголовных дел. Безусловно, это создавало огромный авторитет и славу ВСШ.

Современная кафедра предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел ВА МВД России осуществляет подготовку специалистов по 10 учебным дисциплинам. Многогранность обучения находит свое выражение в преобладании практических над иными видами аудиторных занятий по преподаваемым дисциплинам, которые составляют около 85 % учебного времени. Все изучаемые дисциплины ориентированы в основном на подготовку будущего следователя.

Таким образом, приоритет практических занятий на кафедре реально воплощает в жизнь один из важнейших принципов обучения — «учить профессии, а не учебной дисциплине».

Подготовка специалистов осуществляется с использованием современных образовательных средств и методов. В распоряжении преподавателей и обучающихся имеется необходимый объем методической, технической и других видов поддержки.

Практические занятия проходят, как правило, на универсальных криминалистических полигонах, оборудованных современной системой аудио- и видеоконтроля.

Занятия направлены на выработку профессиональных навыков и отработку различных задач. Их сложность возрастает постепенно: от дисциплины «Предварительное следствие в органах внутренних дел» на 3 курсе, где курсанты заполняют практикум с бланками следственных и процессуальных действий, до расследования наиболее сложных «преступлений» — против собственности, в сфере экономики, компьютерной информации и др. на 4 и 5 курсах факультета подготовки следователей и факультета подготовки иностранных специалистов.

Качественное преподавание дисциплин, связанных с расследованием различных видов преступлений, без достаточного опыта следственной работы осуществить практически невозможно.

Главное на кафедре — ее коллектив. Это выпускники академии разных лет, подавляющее большинство которых в прошлом сотрудники следственных подразделений, имеющие значительный практический опыт. Сейчас из 15 человек педагогического состава кафедры 10 имеют ученые степени, из них 9 человек — и ученые звания.

Неотъемлемой частью профессиональной подготовки слушателей-выпускников является производственная, в том числе преддипломная практика в следственных подразделениях ОВД, методическое обеспечение которой возложено на педагогических работников кафедры. Важное место в обучении составляет привлечение к проведению занятий опытных сотрудников ГСУ ГУ МВД России по Волгоградской области.

В целях всесторонней подготовки специалистов, развития их мыслительной деятельности, а также закрепления полученных знаний на кафедре функционирует научный кружок «Профессиональное мастерство следователя». Результатом активной

научно-исследовательской работы, в том числе с обучающимися, стали стабильно высокие показатели научного рейтинга кафедры. По итогам научной работы за последние 10 лет кафедра входит в пятерку лучших, а в 2019 и 2020 г. занимала первые места среди кафедр академии, а ее сотрудники стабильно входят в число педагогических работников, имеющих самый высокий рейтинг.

Ветераны кафедры оказывают посильную помощь в деле профессиональной подготовки, патриотического и нравственного воспитания курсантов и слушателей. В разное время кафедрой руководили и внесли весомый вклад в ее развитие П. М. Туленков, И. А. Копылов, С. Е. Квасница. С декабря 2010 г. кафедру возглавляет кандидат юридических наук, доцент С. Ю. Бирюков, посвятивший следственной работе более 10 лет.

Многочисленные отзывы руководителей следственных подразделений и наставников о качестве подготовки наших выпускников из года в год исключительно положительные: они востребованы в следственных аппаратах различного уровня.

Кафедра сохраняет опыт и традиции старших коллег, активно совершенствуя формы учебно-методической работы, руководствуясь принципами индивидуализации, компетентностного подхода к обучению и его практической направленности с учетом современных требований. На протяжении 40 лет играет важную роль в обеспечении следственного аппарата МВД специалистами, по-прежнему решая главную триединую задачу по подготовке квалифицированных следователей, профессиональных юристов и достойных офицеров МВД России, а также специалистов высшей квалификации для правоохранительных органов зарубежных государств.

Н. В. Шувалов,
*профессор кафедры предварительного расследования
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел,
кандидат юридических наук, доцент*

* * *

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров. ISSN 2074-8183

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.
Подписной индекс на II полугодие 2021 г. в каталоге «Пресса России» – Э22761.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных учреждений;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Современные проблемы государства и права.
2. Уголовное право и криминология.
3. Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-разыскная деятельность.
4. Страницы истории.
5. Научная дискуссия.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- коды библиотечно-библиографической классификации (ББК) и универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте *mkolosovich@mvd.ru*;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400089, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: *mkolosovich@mvd.ru*

Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакционно-издательский отдел направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, после устранения замечаний проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакционно-издательский отдел отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования редакционная коллегия принимает окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА³
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »
_____»
название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденным приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, перечню служебных сведений ограниченного распространения и документов, их содержащих, образующихся в деятельности органов внутренних дел, образовательных и научно-исследовательских учреждений МВД России, утвержденным приказом МВД России от 15 декабря 1997 г. № 825 дсп. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения⁴:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20____ *подпись* *фамилия, инициалы⁵*

³ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

⁴ Таблица заполняется на каждого автора.

⁵ Заявка подписывается каждым автором.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК